

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В.М. Морозов	
<i>Сущность социальной работы</i>	4
Б.Ю. Житников, В.В. Меркурьев	
<i>Защита жизни и безопасного существования участников уголовно-процессуальных отношений</i>	12
П.А. Ананьин	
<i>Правовое регулирование применения полиграфа правоохранными органами при обеспечении информационной безопасности Российской Федерации</i>	19
С.В. Бажанов	
<i>Современное состояние законодательной регламентации деятельности органов дознания учреждений ФСИН России</i>	21
М.В. Байтеева	
<i>Философско-правовые аспекты наказания</i>	23
Е.В. Батищева	
<i>Некоторые аспекты ресоциализации различных категорий лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы</i>	27
В.А. Гнатенко	
<i>Соввершенствование дознания учреждений ФСИН России как мера профилактики пенитенциарной преступности</i>	30
В.А. Горбунов	
<i>Педагогические основы исправления и нравственного воспитания осужденных</i>	31
И.И. Гусева	
<i>Собирание доказательств на стадии возбуждения уголовного дела: реальность и перспективы</i>	35
А.В. Каляшин	
<i>Особенности правового регулирования административно-правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной системы</i>	37
А.А. Кулакова	
<i>Характеристика виктимологической ситуации при совершении пенитенциарных преступлений</i>	43
А.С. Панова	
<i>Правовое обеспечение качества продукции, выпускаемой предприятиями уголовно-исполнительной системы</i>	46
И.В. Пикин	
<i>Понятие и сущность юридических гарантий обеспечения правового статуса личности в процессе исполнения наказаний</i>	50
Е.В. Полуянова	
<i>Следственное действие: контроль и запись переговоров</i>	53
Л.В. Ращупкина	
<i>Деятельность уголовно-исполнительной системы по обеспечению правопорядка в экологической сфере</i>	57
Е.Г. Сизарова	
<i>Нравственные проблемы профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов</i>	61
О.В. Сирота	
<i>Организация претензионной работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы</i>	64
И.А. Тараканов	
<i>Предел необходимой обороны как элемент предмета доказывания</i>	68
О.Д. Третьякова	
<i>Понятие и сущность интегративной аккультурации (на примере регламентации прав лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России)</i>	71

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

А.В. Воронков, В.А. Ильин	
<i>Общегуманитарная направленность профессионального образования сотрудников ФСИН России</i>	75
Д.А. Баландин	
<i>Направления совершенствования правового обеспечения конкуренции на рынке образовательных услуг</i>	77
В.А. Советов	
<i>Развитие лекционной формы в системе вузовского обучения</i>	79
И.М. Чеканникова	
<i>Научно-исследовательская работа курсантов как один из путей повышения эффективности образовательной и научной деятельности вузов ФСИН России</i>	84

**ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ, ПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ
КВАЛИФИКАЦИИ КАДРОВ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Ф.М. Зезюлин	
Современные технологии в физической подготовке курсантов высших учебных заведений правоохранительных органов	87
М.И. Алексеева	
Педагогические условия становления гуманистически ориентированной профессиональной позиции будущего сотрудника пенитенциарной системы	89
В.В. Виноградов	
Особенности современной социальной работы в уголовно-исполнительной системе России	94
Ю.В. Гагарин	
Проблемы первоначальной подготовки начальников отрядов исправительных учреждений	100
А.А. Ершов	
Информационно-образовательные технологии подготовки юристов	102
С.Д. Ковалев	
Формирование профессиональных навыков использования специальной техники в процессе подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы	104

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

А.А. Ашин	
Места лишения свободы по законодательству РСФСР и СССР в 1917–1930 гг.	106
О.А. Белоусова	
Из истории Кузнецкого тюремного замка	111
А.В. Елинский	
Налогообложение в зарубежных странах: история развития	115
Д.А. Ерин	
Борьба с нарушениями служебной дисциплины среди чинов Владимирской городской полицейской команды в конце XIX – начале XX вв.	121
Т.А. Зезюлина	
Общая характеристика мер принудительного исполнения согласно Уставу гражданского судопроизводства 1864 г.	123
Э.С. Карпов	
История развития финансового контроля в тюремной системе дореволюционной России	129
И.Н. Куркина	
Особенности пенитенциарной политики Советского государства в отношении несовершеннолетних правонарушителей	132
Т.В. Мартынова	
Развитие тюремной системы Кубани во второй половине XIX в.	139
О.А. Машкина	
Образы сотрудников НКВД и мотив «власти» в литературе XX века (на примере прозы М. Пришвина)	141
И.Н. Федотова	
Комитеты Общества попечительного о тюрьмах: задачи, состав, практическая деятельность (на материалах Владимирской губернии первой половины XIX в.)	146
А.И. Чельшев	
История становления отечественной криминалистики	152
Е.С. Щеглова	
Состязательная и следственная модели судопроизводства в учении И.Я. Фойницкого	155

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ю.М. Абидова	
Особенности правового регулирования муниципальной собственности в России	158
Л.С. Аладьина	
Теоретические подходы к определению уголовно-исполнительной политики в отечественной юридической литературе	161
О.С. Амосова	
Образование и рост мещанского сословия Российской империи	165
С.В. Бажанов, О.А. Морохова	
Юрислингвистика и проблемы юридической терминологии	171

А.В. Баринов	
Особенности размещения заказа для государственных и муниципальных нужд в свете нового законодательства	175
А.Н. Барина	
Правовые аспекты профилактики употребления подростками и юношами наркотических веществ как актуальная проблема государства	181
В.В. Богатырев	
Правовой менталитет как основная проблема правовой глобализации	183
М.А. Василенко	
Актуальность семейно-брачных отношений на современном этапе	186
Р.Б. Головкин	
Особенности регулирования общественной формы защиты частной жизни	187
В.А. Грунина	
Применение новых нетрадиционных подходов в общей теории права	192
А.И. Гудков	
Законность (принципы законности) в условиях реформирования России	194
А.Р. Дашков	
Взаимодействие следователей и оперативных уполномоченных ОБЭП на этапе выявления преступлений	197
Ю.В. Ерохина	
Проблемы определения понятия «юридический конфликт»	198
Ю.А. Зедина	
Правомочие на представление интересов юридического лица, выступающего в уголовном процессе Российской Федерации в качестве гражданского истца	201
А.В. Красильщиков	
Экономические организации как субъекты гражданского общества в РФ	202
Л.В. Лазарева	
Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: идеи и новые законодательные реалии	205
Д.Е. Любишкин	
Особый порядок судебного разбирательства как условие позитивного посткриминального поведения обвиняемого	209
И.В. Малышева	
Детерминация правотворческой деятельности: необходимость изучения	211
О.В. Маркина	
Национальные конфликты и тенденции развития современной государственной власти	213
М.В. Морозов, Е.А. Киреева	
Функциональные особенности суда присяжных как института социальной власти	215
А.М. Мурашкин	
Энергоснабжение субабонента: проблемы правового регулирования	218
В.Л. Некишев, А.В. Некишев	
Нормативное регулирование противодействия технологическому терроризму	220
С.С. Новиков	
Деятельность международной полиции ООН по борьбе с незаконной миграцией и проституцией в Косово	227
М.В. Новиков	
Сущность процессуального режима юридической ответственности	233
И.И. Олейник, Е.Г. Юдин	
Юстиция как объект государственного управления	236
С.В. Помазан	
Проблемы современного законодательства в сфере противодействия терроризму	239
А.В. Попов	
Особенности структуры понятия «военная интеллигенция»	241
В.В. Скворцова	
Современные проблемы борьбы с хулиганством в быту	247
С.В. Солоухина	
Некоторые тенденции в современном юридическом лексиконе	249
О.Ф. Сундукова	
Понятие и юридическая природа иных мер уголовно-правового характера	254
А.С. Тимошук	
Общество-мембрана как альтернатива «закрытому» и «открытому» обществу	258
Н.Д. Трофимов	
Некоторые проблемы возмещения вреда, причиненного террористическим актом, согласно УПК РФ	260
В.В. Шаханов	
Парадигмальные основания юридической науки	262
Н.Л. Ненастьева	
Актуальные проблемы свободы слова в России	264

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В.М. Морозов,
начальник ВЮИ ФСИН России
доктор социологических наук, профессор

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Социальная работа в современном российском обществе как специфический вид профессиональной социальной деятельности, официально признанный обществом и государством, появилась совсем недавно. В настоящее время она переживает период своего становления, связанный с преодолением многочисленных трудностей как организационного, так и правового порядка и созданием национальной модели, соответствующей в наибольшей степени потребностям населения. Значительная доля трудностей, переживаемых сегодня социальной работой, связана с тем, что данная работа развивается в условиях системного кризиса, имеющего место в нашей стране в связи с переходом к рыночной экономике. Все эти трудности естественны и, несомненно, будут преодолены относительно быстро.

Закономерность и необходимость социальной работы как вида профессиональной социальной деятельности, ее утверждение в этом качестве в общественном сознании могут не только способствовать ее успешному становлению, но и (и это важно) оказать существенное позитивное влияние на развитие и совершенствование общественных отношений. Поскольку социальная работа, даже став профессиональным видом деятельности, не может замкнуться в рамках одной либо нескольких профессий или даже целого социального института, она всегда являлась и будет являться деятельностью всего общества. В качестве необходимой компоненты она включает в себя спонтанную деятельность граждан и их объединений; осуществляется не только планомерно, но и наряду с этим хаотично; основывается на знаниях и опыте профессионалов, подготовленных к этой деятель-

ности и соответственно обученных, и энтузиазме людей, не равнодушных к страданиям ближнего, остро чувствующих несправедливость и готовых проявлять активность для ее устранения.

Социальные работники могут стать образцом для людей в своем отношении к человеку, нуждающемуся в помощи.

В этой связи полномасштабная социальная работа предстает видом деятельности, имеющим такие признаки всеобщности, как, пожалуй, никакой другой вид профессиональной деятельности или даже деятельности обыденной. Однако это обстоятельство накладывает на представителей профессии определенные обязательства. В частности, они, реализуя разнообразные конкретные направления социальной деятельности и хорошо осознавая их содержание и особенности, должны иметь четкое представление о смысле и сущности данной деятельности в целом, ее основах, масштабах, месте и роли в обществе, перспективах развития. Социальные работники также должны передавать необходимые знания своим добровольным помощникам. Привычность и обыденность социальной деятельности не означает ее «безмысленности» и бессмысленности.

Особое место среди теоретических проблем социальной работы занимает изучение и обоснование ее профессионально-этических аспектов. Социальная работа демократична в том смысле, что каждый человек может принять в ней участие. Однако ее сущность такова, что далеко не каждый желающий стать профессиональным социальным работником будет допущен к этому виду деятельности и может ей заниматься. Социальная работа предъявляет особые требования к личности специалиста, его профессиональной подготовке, что, в свою очередь, требует адекватной организации учебно-воспитательного процесса, направленного на формирование личности специалиста. Это важно и сложно, поскольку

специалист является не только членом профессиональной группы, но и социума и вступает как его представитель во все виды общественных отношений, распространяет свои взгляды среди окружающих его людей. Сложность формирования личности социального работника обусловлена также тем, что социальная работа требует от своего агента определенного идеализма в части непреходящей веры в добро и стремления поступать, руководствуясь не ситуативно сформировавшимися в современной обстановке нормами, а аксиологическими ориентирами, отражающими признаваемые общечеловеческие ценности. Для современной же России характерны падение нравственности, утрата идеалов.

Профессиональная социальная работа в нашем обществе, несмотря на то, что она создана почти десятилетие назад, пока еще не стала деятельностью, широко известной, популярной и престижной в обществе. Самое главное, что далеко не всегда под словосочетанием «социальная работа» даже специалистами понимается то, что она представляет собой в действительности и чем может и должна быть в нашем обществе и общественном сознании. Вследствие этого, как правило, в обыденном и даже порой в профессиональном сознании в качестве исчерпывающего смысла и содержания социальной работы выступают как простейшие социальные услуги, так и относительно сложные специальные технологии, позволяющие оказывать человеку помощь в преодолении трудной жизненной ситуации и сделать возможным его возвращение к социально нормальной жизни (полное или, по крайней мере, максимально возможное) или сделать его существование стабильным и социально приемлемым в его наличном состоянии, если трудная жизненная ситуация обусловлена факторами, не устранимыми в принципе.

Более того, указанная помощь человеку часто трактуется только как материально-бытовая, т.е. связывается с предоставлением индивиду материальной помощи и оказанием ему элементарных социально-бытовых услуг. Эти виды деятельности, представленные в различных сочетаниях в со-

временной профессиональной практике работников социальных служб, действительно, являются важными элементами социальной работы, необходимыми для населения, но они далеко не исчерпывают богатства ее содержания и не всегда в полной мере отражают ее смысл и основные социально значимые сущностные цели. В связи с этим необходимо определить, что же такое социальная работа, каково ее место и роль в жизнедеятельности индивида и общества, и на основании этого сделать вывод о ее действительном потенциале, социальной значимости и перспективах развития.

Словосочетание «социальная работа» (social work) пришло в русский язык из английского, где оно обозначает вид профессиональной деятельности, направленный на помощь человеку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации. В настоящее время данное словосочетание является наименованием особого вида профессиональной социальной деятельности как среди специалистов в области теории социальной работы, так и среди практиков, планирующих, организующих и непосредственно проводящих социальную политику и соответствующую ей социальную работу на всех уровнях общественной структуры с различными группами и категориями населения.

Слово «работа» в толковых словарях русского языка¹ трактуется в первую очередь как синоним категорий «деятельность» и «труд» и именно в этом смысле чаще всего употребляется в обыденной и профессиональной речи. Кроме того, в словарях приводится еще несколько значений этого слова, среди которых важное место занимает понимание работы как совокупности приемов и способов воздействия на объект деятельности (труда). Одновременно под работой понимают сам процесс воздействия на объект труда в целом. Данное слово обозначает также и объект воздействия. Помимо того, под работой понимают усилия, затраченные на преодоление сопротивления, и само сопротивление, кото-

---

¹ См., напр.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1995. С. 586; *Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова.* М., 1996. Т. 3. С. 1096–1097 и др.

рое преодолевается в процессе воздействия на объект, а также происходящее в процессе воздействия изменение энергетического потенциала объекта и некоторых других его свойств. В то же время слово «работа» в некоторых случаях обозначает собственно конечный результат деятельности и его качество. Одна из наиболее распространенных и общеупотребительных трактовок слова «работа» – служба, занятие.

Исходя из такого широкого и неоднозначного толкования данного слова, можно попытаться по аналогии определить значения социальной работы, соотнося ее возможный и действительный смысл и содержание с некоторыми трактовками слова «работа», приведенными в словарях.

Несомненно, что социальная работа в большинстве случаев может пониматься как труд, поскольку представляет собой в основном осознанную целесообразную общественно полезную деятельность, направленную на создание материальных и духовных благ, необходимых для существования индивида и общества¹. Однако в отличие от многих других видов деятельности социальная работа в силу специфики далеко не всегда в части своего смысла, содержания и т.п. осознается вообще и как собственно социальная работа, в частности, и поэтому не во всех случаях она может носить общественно полезный характер. Вследствие этого понятие «социальная работа», видимо, не всегда укладывается в рамки категории «труд», поскольку может отражать содержание деятельности, не всегда осознанной и общественно полезной, более разнообразной по содержанию и конечному результату, нежели труд, и соответственно требующей более широкого понятия для раскрытия своей сущности.

При этом социальная работа, в каких бы формах она ни выступала, объективно направлена на изменение внешнего мира и самого человека, их состояний, возможностей и взаимосвязей. Поэтому более правильным представляется рассматривать данную работу в рамках категории «дея-

тельность», которая представляет собой важнейший атрибут бытия человека, поскольку связана с целенаправленным изменением внешнего мира и самого человека² и поэтому имеет более широкое значение, чем «труд», являющийся лишь одним из видов деятельности. Рассматриваемая с такой точки зрения социальная работа приобретает значение многогранной деятельности, сопровождающей человека и общество на всем протяжении их исторического развития, поскольку целенаправленное изменение мира и человека имеет место как на протяжении жизни отдельного индивида или общества, так и на протяжении развития человеческого рода, становления человека как человеческого существа. Собственно, целесообразность и является тем существенным признаком, на основании которого различаются человеческая деятельность и инстинктивная активность животных.

Социальная работа в соответствии с определением деятельности всегда должна ставить перед собой более или менее четко осознаваемую цель – изменение мира и человека, – которая достигается посредством осуществления процесса деятельности. Эта цель может в различных конкретно-исторических условиях осознаваться как личностно или социально значимая, индивидуальная или социальная, стратегическая или ситуативная. Иногда она в силу разных причин может субъективно восприниматься более узко – как изменение преимущественно мира (среды), его отдельных элементов (элементов среды или микросреды) или только человека, – но всегда должна присутствовать в деятельности.

Социальная работа (деятельность), безусловно, носит процессный характер, поскольку может быть представлена как вполне логичная и определенная последовательность стадий, этапов, процедур, включенных в технологию, методику, технику и т.п., требующих некоторого времени для своего осуществления и приводящих к получению промежуточных результатов, а также детерминирующих в конеч-

¹ См.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. С. 467–468.

² См.: Новейший философский словарь / Сост. Л.Л. Грицанов. Минск, 1998. С. 210.

ном итоге возможность достижения изначально поставленной цели¹. Процесс социальной работы заключается в постепенном или скачкообразном изменении некоторых свойств и качеств объекта воздействия — человека, среды и их связей — и приводит в целом к изменению состояния объекта. Этот процесс в соответствии с некоторыми указанными в толковых словарях значениями также называется работой, вследствие чего социальная работа вполне может быть определена именно как работа.

В процессе социальной работы, несомненно, происходит приложение и затрата усилий, направленных на преодоление некоего внутреннего и внешнего сопротивления объекта деятельности и условий его существования (человека, среды и т.п.), детерминируемое необходимостью трансформации объекта и обуславливающее в конечном итоге переход объекта деятельности из одного качественного состояния в другое. Такое сопротивление может быть минимальным в случае, если объект заинтересован в результатах изменений, и максимальным, если объект не признает их необходимости. Процесс работы сопровождается большим или меньшим изменением потенциала объекта (его свойств, качеств, возможностей, связей и т.п.).

Собственно, содержание социальной работы часто состоит в преодолении сопротивления (инерции, активного неприятия инноваций) человека или социальной среды, вольно или невольно усвоивших некоторые негативные стереотипы, стандарты, образцы и ценности, препятствующие их нормальному существованию и функционированию, развитию и совершенствованию. Социальная работа может быть направлена также и на преодоление некоего сопротивления природной среды, в силу естественных свойств неблагоприятной для жизнедеятельности человека. И, безусловно, одна из задач данной работы состоит в повышении личностного потенциала человека, реализации этого потенциала в преодолении самого себя и сопротивления

среды. Значит, социальная работа и в этом своем аспекте является работой.

Результатом процесса социальной работы (деятельности) становится конечный продукт, обладающий качественно новыми свойствами, отличными от изначальных. В качестве конечного продукта могут выступать человек, среда и их многообразные связи, трансформированные и усовершенствованные в процессе социальной работы. Изменения могут быть более или менее значимыми, масштабными и т.п., могут затрагивать не все элементы системы «человек–среда», а лишь их часть, но их наличие представляется несомненным. Следовательно, социальная работа в соответствии с одним из указанных в толковых словарях значений по качеству и содержанию ее конечного продукта вполне может быть определена как работа.

Несомненно, что данная работа сама выступает как один из возможных конечных результатов деятельности совокупного субъекта, поскольку видоизменяется в соответствии с изменениями потребностей человека и общества, принимая в связи с этим относительно новые формы и создавая все новые направления, способы и объекты деятельности. Вместе с тем социальная работа в известной мере аутопластична, и ее изменение становится важнейшим результатом самосовершенствования (деятельности, направленной на самосовершенствование, или спонтанного самосовершенствования). Значит, и с этой точки зрения социальная работа может быть определена в качестве работы, выступая как конечный результат деятельности общества и самой себя.

Социальная работа представляет собой вполне определенную совокупность способов деятельности, детерминирующую качество и содержание конечного результата. То обстоятельство, что социальная работа постоянно совершенствуется и самосовершенствуется, в том числе и в части спонтанного привнесения или разработки и внедрения в социальную практику новых методов и технологий, уточнения смысла и целей деятельности, не противоречит соответствующим значениям слова «работа», указанным в толковых словарях, поскольку практически

---

¹ См.: Никитин В.А. Проблемы теории и образования в области социальной работы. М., 1999. С. 9.

любая работа (деятельность) с течением времени почти неизбежно изменяется в связи с научно-техническим и социальным прогрессом, возрастанием потребностей человека и общества, усложнением их бытия.

Социальная работа в современном мире может рассматриваться как вид конституированных трудовых занятий, осуществляемых представителями совокупной профессиональной группы, получающими за эту деятельность заработную плату. В качестве трудового занятия (службы) социальная работа внесена в соответствующие официальные документы на основе действующих нормативно-правовых актов, определяющих основные права и обязанности представителей данной профессии¹.

Однако социальная работа в силу собственной многомерности для выполнения своих целей и задач, касающихся изменения мира и человека, закономерно требует вовлечения в процесс деятельности представителей многих других профессий (психологов, социологов, юристов и т.д.). Представляя собой деятельность, направленную на помощь человеку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации, социальная работа может выполняться любым человеком независимо от его профессиональной принадлежности, пола, возраста и т.д. В этом проявляется демократизм данной работы, которая таким образом становится не только деятельностью одной конкретной профессиональной группы, но и важнейшим направлением работы общества в целом, требующим одновременно участия как представителей многих профессиональных групп в целях предоставления лицам, нуждающимся в помощи, квалифицированных услуг, так и граждан вообще, способных предоставить указанным лицам простейшие непрофессиональные, но тем не менее необходимые услуги.

Это, в принципе, не противоречит одному из значений слова «работа». На ранних этапах своего развития социальная работа,

не будучи еще конституированной в качестве профессиональной деятельности, все же могла быть определена как работа, поскольку в большинстве случаев имела общественную значимость и была направлена на изменение мира и человека, хотя, безусловно, носила более локальный и менее последовательный социально и индивидуально рациональный характер. Таким образом, и этот аспект социальной работы также соответствует одному из общеизвестных значений слова «работа».

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что социальная работа, представляющая собой специфический вид социальной деятельности, может быть определена именно как работа, поскольку во всех своих аспектах, проявлениях и характеристиках соответствует всем общеизвестным, общепринятым значениям этого слова, приведенным в толковых словарях современного русского языка. Однако, как уже было отмечено, сущность социальной работы не всегда укладывается в рамки понятия «работа»; часто она предстает как деятельность. Синонимичность слов «работа», «труд» и «деятельность» в толковых словарях русского языка² отражает, скорее, обыденное, а не научное понимание этих категорий. Поэтому в целом социальную работу следовало бы назвать социальной деятельностью, что было бы более точно с научной точки зрения, поскольку включало бы в себя все ее возможные аспекты и варианты, в том числе спонтанные, неосознанные акты. Понимание социальной работы как деятельности обусловлено ее масштабностью, многозначностью и степенью влияния на жизнедеятельность человека и общества. Далее понятие «социальная работа» будет рассматриваться именно в этом значении (как социальная деятельность). Определение «социальная» определяет рассматриваемый вид деятельности как общественный по своей сути (лат. *socialis* – общественный), и это утверждение может быть справедливо для всех вышеуказанных значений слова «работа» («деятельность») по следующим причинам:

¹ См.: Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: ФЗ от 10 дек. 1995 г. № 195-ФЗ; О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов: ФЗ от 2 авг. 1995 г. № 122-ФЗ; Постановление Минтруда РФ от 12 окт. 1994 г. № 66 и др.

² См., напр.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 586; Толковый словарь русского языка. С. 1096–1097.

1. Определение «социальная» в первую очередь указывает на социальную субъектность данной работы и означает, что она осуществляется совокупным и (или) индивидуальным социальным субъектом – обществом в целом – посредством организации и включения в практическую профессиональную и непрофессиональную деятельность всех необходимых структур и элементов, социальных институтов, связей, отношений и ситуаций, социальных и профессиональных групп и отдельных индивидов. В этом отношении определение «социальная» определено и однозначно указывает на то, что рассматриваемая работа не может быть деятельностью одной только социальной или профессиональной группы или корпорации, только одного социального института, а требует для своей реализации полноценного включения всех общественных институтов и ресурсов, координации их усилий.

2. Определение «социальная» указывает и на основного «заказчика» и соответственно «пользователя» результатов деятельности, которыми являются общество и человек как член общества, социальное существо. Такое определение означает, что рассматриваемая работа осуществляется для общества и человека с целью удовлетворения их разнообразных потребностей, достижения их целей и с этой точки зрения должна являться и является социальной, а не иной – групповой, корпоративной или индивидуальной. В то же время социальность этого вида деятельности указывает на его масштабность: социальная работа не только проводится обществом и для общества, но и в масштабах всего общества.

3. Социальная работа вместе с тем осуществляется конкретными представителями различных структур общества, в чьи обязанности входит реализация тех или иных формализованных целей и задач от его имени. Одновременно данная работа неформально осуществляется членами общества, чья профессиональная и обыденная деятельность не связана непосредственно с решением социальных задач на уровне общества, посредством их участия в различных неформальных отношениях. В целом можно заключить, что социальная

работа формально или неформально, планомерно или спонтанно, осознанно или неосознанно проводится людьми, чья природа социальна в принципе, и значит, определение «социальная» в данном случае вполне применимо к рассматриваемому виду деятельности.

4. Социальную природу имеют основные объекты социальной работы – человек, группа, общество, условия их жизнедеятельности и разнообразные взаимосвязи, складывающиеся в процессе данной жизнедеятельности, а также мир (среда), необходимыми элементами которого являются человек и общество. Социальность – имманентное, родовое качество *homo sapiens* (в некотором смысле – сущностное качество биологического вида *homo*), без которого человек не может быть человеком, а рассматривается лишь как человекообразное существо. Следовательно, и с этой точки зрения социальная работа имеет социальную сущность и значимость, и употребление в отношении нее определения «социальная» вполне правомерно и единственно правильно.

5. Социальность работы может рассматриваться как своего рода отражение и свидетельство ее укорененности в человеческом бытии, ее естественности для человеческого сообщества. Известно, что человек изначально, на самых ранних стадиях антропогенеза, будучи еще существом не столько социальным в современном смысле этого слова, сколько природно социальным, вел, подобно представителям многих биологических видов, детерминированный его естественным стадный образ жизни, который позднее в процессе эволюции человека, развития и совершенствования человеческого сообщества трансформировался в общинный и общественный, став собственно социальным в том смысле, который вкладывается в этот термин в настоящее время. Этот важный аспект социальной работы доказывает ее объективную необходимость для существования и развития человека и общества, ее непреходящую имманентную значимость для их жизнедеятельности.

6. Кроме того, социален и конечный продукт рассматриваемой работы – человек и общество, изменившиеся в процессе деятельности в некоторых довольно сущест-

венных своих аспектах. При этом конечный результат социальной работы и его качество имеют в первую очередь социальную, а не индивидуальную значимость, поскольку в результате направленного воздействия происходит качественное и количественное изменение свойств и взаимосвязей человека и общества, обеспечивающих в общем случае трансформирование способов, форм и целей их функционирования, гарантирующих возможность дальнейшего развития и совершенствования и реализуемых в социальном взаимодействии. Важно, что результатом социальной работы становится своеобразное «приращение» социальности личности, поскольку активность и качество взаимодействия последней и общества в результате данной работы повышаются.

7. Определение «социальная» применимо и правомерно и в отношении содержания процесса социальной деятельности, поскольку наиболее значительная и значимая его часть может быть представлена в наиболее общем виде общением и взаимодействием индивидов по поводу изменения человека, общества и условий их жизнедеятельности. Эти процессы изначально имеют социальный, по своей сути, характер и подчеркивают социальность рассматриваемого вида деятельности.

8. В процессе социальной работы ее субъекту и объекту приходится преодолевать сопротивление, обусловленное в большей степени социальными, а не иными причинами (общественным мнением, стереотипами, существующими в социуме и присвоенными людьми в виде обычаев и традиций, и т.п.). То обстоятельство, что процесс социальной работы может быть связан с изменением природной среды и, следовательно, включает в себя преодоление сопротивления среды, обусловленного природными факторами, не противоречит сделанному ранее утверждению, поскольку видоизменение природы и необходимость преодоления ее сопротивления при этом связаны в первую очередь с нуждами человека как социального существа. Следовательно, и с этой точки зрения рассматриваемая работа, направленная на преодоление социального сопротивления, может быть определена как социальная.

9. Объект и субъект социальной работы в силу их природы имеют одновременно субъектные и объектные черты, поэтому участвуют в данной работе, одновременно оказывая друг на друга воздействие и изменяясь пропорционально количеству и качеству этого воздействия с учетом их существенных характеристик. Это также указывает на социальность объекта и субъекта данной работы, поскольку активное взаимодействие такого рода может служить характеристикой социальных субъект-объектов.

Определение «социальная» в применении к социальной работе наиболее верно и полно отражает ее характер и особенности в целом и каждого из ее основных элементов и употребляется в данном случае вполне правомерно. Это определение представляет собой адекватную характеристику объекта и субъекта, целей и результатов социальной деятельности, ее причин и следствий.

Таким образом, социальная работа как феномен современного цивилизованного общества может рассматриваться как в *широком*, так и в *узком смысле*. Рассматриваемая в *широком смысле*, она представляет собой «...социальную деятельность общества по обеспечению социализации человека вообще»¹. В этом смысле **социальная работа** представляет собой *деятельность общества, направленную на обеспечение присвоения индивидом социально одобряемых ценностей и норм, установок, формирование его жизненной позиции, целей, ролей, соответствующих моральных качеств и т.п. с тем, чтобы обеспечить его нормальное социальное функционирование и возможность полноценной самореализации в обществе*. Главная ее цель – достижение благополучия индивида и общества, соединение их интересов, создание условий для их разностороннего развития.

В *узком смысле социальная работа* имеет своей основной целью содействие человеку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации, возникшей под влиянием внешних и(или) внутренних причин, и полностью или частично отчужденному от жизнедеятельности социума вследствие ограничения собственных возможностей в

---

¹ Философия социальной работы / Отв. ред. В.И. Митрохин. М., 1998. С. 167.

приобретении или восстановлении социальных функций, обеспечивающих его нормальную жизнедеятельность и полноценное социальное функционирование¹.

Объект и предмет социальной работы, с одной стороны, обусловлены целями и задачами практической социальной работы, а с другой – определяют границы и содержание ее теории и практики. Существует множество определений объекта и предмета социальной работы. Они во многом сходны в том, что в современных условиях данная работа выходит за границы практической социальной помощи и все более становится фундаментальным теоретическим знанием о человеке в системе социальных отношений и взаимодействий, способах улучшения его социального бытия и социального самочувствия.

Субъект и объект социальной работы – важнейшие компоненты системы ее теории и практики. **Объект социальной работы** – это прежде всего человек в системе социальных связей и отношений, на которого направлено социальное действие; это клиент социальной помощи, социальной адаптации и реабилитации, социальной диагностики и профилактики, социальной экспертизы и социальной терапии.

Объект социальной работы – человек, нуждающийся в социальной защите (клиент). Исторически сначала в понятие клиента включались люди, имевшие предрасположенность к нарушению общепринятых стандартов (нищие) или затруднения в адаптации (мигранты). Со временем меняются не только категории клиентов, но и группы проблем, их формирующие. Впоследствии категория клиентов была распространена на людей, которые под воздействием общества и условий жизни, создаваемых этим обществом, теряли возможность нормальной жизнедеятельности. В этой трактовке к клиентам социальной работы относили маргиналов, безработных людей, имеющих те или иные проблемы в семейных отношениях. В настоящее время клиентом социальной работы являются любой человек, группа или община, которые нуждаются в помощи социального ра-

ботника и с которыми достигнуто соглашение о совместной работе.

В таком широком контексте клиентом социальной работы может быть каждый человек с любой проблемой. В теории социальной работы существуют различные типологии клиентов современной социальной работы. Например, по направленности и характеру взаимодействия выделяются следующие типы: индивид, группа, сообщество; по специфике запроса – агрессоры, вежливые, немые и т.п.

Субъект социальной работы – тот, кто осуществляет социальную помощь. Это могут быть государственные организации (органы социального страхования, социальной защиты), общественные организации (различные благотворительные союзы, организации, фонды и т.д.), частные лица – специалисты в сфере социальной работы различных квалификаций (социальный терапевт, социальный геронтолог, социальный эколог и т.п.) и добровольные помощники – волонтеры. Социальная работа имеет двусторонний характер. В основе оказываемой социальной помощи лежит система взаимодействий социального работника с клиентом, равно как и со значимым социальным окружением последнего.

Социальный работник может влиять на своих клиентов и их социальное окружение, решать профессиональные задачи, используя собственные знания и опыт, узаконенные полномочия (должность), статус (права) и репутацию (мнение о достоинствах и недостатках человека), харизматические данные (наделенность исключительными качествами, талантом) и личную привлекательность.

Особенно важен высокий интеллектуальный, общекультурный и нравственный потенциал социального работника. Ему присущи следующие качества: гуманистическая направленность личности, личная и социальная ответственность, обостренное чувство добра и справедливости, чувство собственного достоинства и уважение достоинства другого человека, терпимость, вежливость, порядочность, эмпатийность, готовность понять других людей и прийти им на помощь, эмоциональная устойчивость, адекватная самооценка и социальная адаптированность.

---

¹ См.: ФЗ от 10 дек. 1995 г. Ст. 3, п. 4.

Б.Ю. Житников,

заместитель начальника

ВЮИ ФСИН России по научной работе

доктор технических наук, доцент

В.В. Меркурьев,

заместитель начальника ВЮИ ФСИН России

по заочной форме обучения

кандидат юридических наук, доцент

ЗАЩИТА ЖИЗНИ И БЕЗОПАСНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сформировавшаяся в современной России криминальная культура и сложившаяся ситуация с криминальной насильственной активностью, возрастание страха перед преступностью и в то же время либерализация мер борьбы с нею на фоне безразличного отношения к преступникам настоятельно требуют совершенствования существующих форм и методов профилактики, а также заставляют искать новые пути решения проблемы¹.

Как известно, личность в уголовном судопроизводстве в нашей стране, как правило, не включалась в число приоритетов правовой охраны, особенно если не имела статуса должностного лица государства. Лишь в настоящее время в процессе судебной реформы начинает устраняться противоречие, когда правоохранительная деятельность, призванная защищать законность, права и свободы человека и гражданина от посягательств, нередко была направлена на нарушение этих благ. Поэтому важной задачей, вытекающей из принципов уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ 2001 г.), которую предстоит решать в ближайшем будущем, является построение надежного правового фундамента участия личности в уголовном судопроизводстве, гарантирующего не только слаженное функционирование органов правосудия, но и безопасность, права и свободы лиц, призванных ему содействовать. Обозначенная проблема далеко не ведомственная, ее можно и должно решать на государственном уровне, привлекая внимание общественности.

¹ См.: *Иванова В.В.* Насилие и криминальная культура // Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. М., 2003. С. 177.

Российскому законодательству известны, по меньшей мере, два специальных закона, призванных обеспечить государственную защиту строго указанных в них субъектов, осуществляющих функции, выполнение которых может быть сопряжено с посягательством на их безопасность, создать надлежащие условия для отправления правосудия, борьбы с преступлениями и другими правонарушениями: Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ и относительно недавно принятый Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ, имеющий непосредственное отношение к данной теме.

В соответствии с первым из указанных законов представители более 25 категорий государственных служащих и судьи объединены общим термином «защищаемые лица», а к видам государственной защиты относятся: 1) применение органами, обеспечивающими безопасность, мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья указанных лиц, а также обеспечение сохранности их имущества; 2) применение мер правовой защиты, предусматривающих в том числе повышенную уголовную ответственность за посягательство на их жизнь, здоровье и имущество; 3) осуществление мер социальной защиты, направленных на реализацию установленного настоящим Федеральным законом права на материальную компенсацию в случае их гибели (смерти), причинения им телесных повреждений или иного вреда их здоровью, уничтожения или повреждения имущества в связи с их служебной деятельностью (ст. 3).

Статья 5 указанного Закона устанавливает, что для обеспечения защиты жизни и здоровья защищаемых лиц и сохранности их имущества органами, обеспечивающими безопасность, могут применяться с учетом конкретных обстоятельств следующие меры: 1) личная охрана, охрана жилища и имущества; 2) выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; 3) временное помещение в безопасное место; 4) обеспе-

чение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах; 5) перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы; 6) переселение на другое место жительства; 7) замена документов, изменение внешности.

В целях реализации предусмотренных в настоящей статье мер безопасности могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия в порядке, установленном Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.

При необходимости жилище и имущество защищаемых лиц согласно ст. 6 рассматриваемого Закона оборудуются средствами противопожарной и охранной сигнализации, номера их телефонов и государственные регистрационные знаки используемых ими транспортных средств могут быть заменены. Статья 7 данного Закона регламентирует порядок выдачи оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности с учетом степени угрозы для жизни и здоровья защищаемых лиц. В случае необходимости применения оружия защищаемые лица должны соблюдать требования ст. 24 Закона РФ «Об оружии».

Статья 17 указанного Закона устанавливает права и обязанности защищаемого лица. В частности, защищаемое лицо, в отношении которого принято решение о применении мер безопасности, имеет право:

1) знать о применяющихся в отношении него мерах безопасности;

2) просить о применении или неприменении в отношении него конкретных мер безопасности, перечисленных в ч. 1 ст. 5 настоящего Федерального закона;

3) требовать от органа, обеспечивающего безопасность, применения в отношении него кроме осуществляемых иных мер безопасности, предусмотренных настоящим Федеральным законом, или отмены каких-либо из осуществляемых мер;

4) обжаловать в вышестоящий по подчиненности орган, обеспечивающий безопасность, в прокуратуру либо в суд незаконные решения и действия должностных лиц, осуществляющих меры безопасности.

Защищаемое лицо обязано:

1) выполнять законные требования органа, обеспечивающего безопасность;

2) незамедлительно информировать указанный орган о каждом случае угрозы или противоправных действий в отношении него;

3) бережно обращаться с имуществом, выданным ему указанным органом в личное пользование для обеспечения безопасности;

4) не разглашать сведения о принимаемых в отношении него мерах безопасности без разрешения органа, осуществляющего эти меры.

Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (далее – Закон «О защите ...») в ст. 2 «Лица, подлежащие государственной защите» перечисляет все категории защищаемых лиц – участников уголовного судопроизводства: 1) потерпевший; 2) свидетель; 3) частный обвинитель; 4) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено; 5) эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог; 6) гражданский истец, гражданский ответчик; 7) законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя.

На основании ст. 6 «Меры безопасности» Закона «О защите ...» в отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из следующих мер безопасности: 1) личная охрана, охрана жилища и имущества; 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; 4) переселение на другое место жительства; 5) замена документов; 6) изменение внешности; 7) изменение места работы (службы) или учебы; 8) временное помещение в безопасное место; 9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты. При наличии этих оснований в отношении защищаемого лица могут применяться также другие меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Меры безопасности, предусмотренные пп. 4–7 ч. 1 ст. 6 Закона «О защите ...», осуществляются только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Особенностью данного Федерального закона является то, что наряду с государственной защитой различных участников уголовного судопроизводства рассматривается защита потерпевших и свидетелей, находящихся в пенитенциарных учреждениях, меры защиты которых во многом отличаются от мероприятий, применяемых к участникам процесса вне мест лишения свободы.

Специфичность защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, находящихся в исправительных учреждениях (ИУ), определяется особенностью их правового статуса, поскольку эти лица пребывают в изоляции и соответственно любые уголовно-процессуальные мероприятия по их защите могут осуществляться только в рамках уголовно-исполнительных правоотношений при непосредственном участии представителей администрации ИУ.

Следует отметить, что для осужденных в местах лишения свободы существует система обеспечения личной безопасности (ч. 1 ст. 10, ст. 13 УИК РФ), поэтому право осужденного на личную безопасность, предусмотренное ч. 1 ст. 13 УИК РФ, одновременно выступает юридической гарантией защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в местах лишения свободы.

Как показывает практика и наши исследования, некоторые осужденные могут одновременно выступать в качестве потерпевших и свидетелей по уголовным делам, давать показания в отношении других осужденных, совершивших преступления, и в том случае, если они отбывают наказания в

одном ИУ с этими лицами, то могут подвергаться угрозе насилия как с их стороны, так и других осужденных. Поэтому законодатель, разрабатывая анализируемый Закон «О защите ...», целенаправленно акцентировал внимание на необходимости защиты этих категорий в местах лишения свободы.

Таким образом, для современной пенитенциарной науки еще более актуализируется вопрос о мерах безопасности в отношении потерпевших и свидетелей, находящихся в местах лишения свободы. Однако научных работ по уголовно-исполнительному праву, посвященных этой тематике, пока не имеется, в связи с чем кратко остановимся на некоторых теоретических аспектах обеспечения безопасности упомянутой категории лиц.

В частности, предлагаем проанализировать содержание и классификацию мер безопасности потерпевших и свидетелей из числа осужденных к лишению свободы, а также основания их применения.

Среди мер безопасности (ч. 1 ст. 6 Закона «О защите ...») восемь являются мерами общего применения, а девятая применима только к лицам, изолированным от общества. Определенная сложность применения мер безопасности к указанным лицам возникает из-за того, что законодатель не расшифровывает понятия мер безопасности, не дает описания их содержания.

Тогда мы попытаемся сделать это относительно некоторых мер безопасности, указанных в данном Законе.

1. Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице. Рассматривая это понятие, следует обратиться к семантике слов. В русском языке под обеспечением понимается деятельность по созданию условий, в которых конфиденциальность указанных сведений возможна, реальна; под конфиденциальностью – секретность, состояние веры, доверия; секретность – содержание в тайне, сокрытие от других; под сведениями – знание о чем-либо¹. Таким образом, под обеспечением конфиденциальности сведений о защищаемом

---

¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 сл. и фразеол. выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 292, 427, 699, 709; Петрученко О. Латинско-русский словарь. 10-е изд. СПб., 2001. С. 110; Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю. Москвин. М., 2002. С. 313, 600.

мом лице, скорее, нужно понимать деятельность, направленную на создание таких условий, в которых знания о потерпевшем (свидетеле) из числа осужденных к лишению свободы скрываются (сохраняются в тайне) от других лиц. При этом дискуссионным остается вопрос, что понимать в данном случае под категорией «другие лица», следует ли к ней относить, скажем, обслуживающий персонал УИС?

2. Замена документов. Под документом в Толковом словаре С.И. Ожегова понимается деловая бумага, подтверждающая какой-нибудь факт или право на что-нибудь; то, что официально удостоверяет личность предъявителя. Согласно приказу Минюста России «Об утверждении Инструкции о работе специальных отделов (групп) ИК, ВК и лечебных исправительных учреждений» от 25.05.1999 № 213 к личным документам осужденного относятся: паспорт или документ, его заменяющий, пенсионное удостоверение, трудовая книжка, свидетельство о рождении и браке, диплом, аттестат об окончании учебного заведения и др.

3. Изменение внешности. Считаем, что данная мера должна предполагать внесение именно существенных, значительных отличий в наружный облик защищаемого лица. Такие изменения могут касаться устранения, например, особых примет лица или наоборот. Особое внимание в этом вопросе необходимо уделить анализу возможных эффективных, оперативных и недорогих способов изменения внешности защищаемых лиц.

4. Временное помещение в безопасное место, скорее всего представляет собой перемещение защищаемого лица в рамках одного ИУ в место, где в отношении него будет исключена возможность применения насилия. Законодатель не предусматривает критериев отнесения мест к безопасным. Их определение в основном дается в литературе. Так, В.Н. Чорный предлагает считать такими местами: а) помещение другого отряда, б) ШИЗО и ПКТ¹.

5. Перевод защищаемого лица или лица, от которого исходит угроза насилия, из одного места содержания под стражей или отбывания

наказания в другое, очевидно, предполагает перемещение из одного ИУ в другое, аналогичное по режиму отбывания наказания.

6. Направление защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия, при их задержании, заключении под стражу и назначении уголовных наказаний в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний, в том числе находящихся в других субъектах РФ, представляет собой перемещение одновременно защищаемого лица и лица, выступающего угрозой, в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний.

Вопросы перевода в настоящее время регулируются уголовно-исполнительным законодательством, а также приказом Минюста России «Об утверждении Инструкции о порядке направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания, их перевода из одного исправительного учреждения в другое, а также направления осужденных на лечение и обследование в лечебно-профилактические и лечебные исправительные учреждения» от 30.03.2004 № 71.

Поскольку законодатель указывает на применение дополнительных мер безопасности (п. 9 ч. 1 ст. 6), следует считать, что рассмотренный выше перечень не исчерпывающий.

Исследование содержания мер безопасности позволяет провести следующую их классификацию.

1. В зависимости от объекта действия, составляющего содержание конкретных мер безопасности, можно выделить: а) меры, затрагивающие лишь информацию о защищаемом лице (обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, замена документов); б) меры, применяемые к защищаемому лицу (изменение внешности; помещение в безопасное место; перевод из одного места содержания под стражей и отбывания наказания в другое; изменение защищаемому лицу меры пресечения или меры наказания в порядке, предусмотренном уголовно-исполнительным законодательством РФ; применение дополнительных мер безопасности); в) меры, применяемые к защищаемому лицу и лицу, выступающему угрозой насилия (направление защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия, при их задержании, заключении под стражу

¹ См.: Чорный В.Н. Безопасность осужденных в условиях мест лишения свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1996. С. 165.

и назначении уголовных наказаний в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний, в том числе находящихся в других субъектах РФ; раздельное содержание защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия); г) меры, применяемые к лицу, выступающему угрозой насилия (перевод лица, от которого исходит угроза насилия, из одного места содержания под стражей и отбывания наказания в другое; применение физической силы, специальных средств, газового и огнестрельного оружия).

2. В зависимости от используемых ресурсов: а) меры, требующие «дополнительных» затрат (обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; замена документов; изменение внешности); б) меры, использующие уже существующие ресурсы (направление защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия, при их задержании, заключении под стражу и назначении уголовных наказаний в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний, в том числе находящихся в других субъектах РФ; перевод защищаемого лица или лица, от которого исходит угроза насилия, из одного места содержания под стражей и отбывания наказаний в другое; раздельное содержание защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия; изменение защищаемому лицу меры пресечения или меры наказания в порядке, предусмотренном уголовно-исполнительным законодательством РФ и др.).

Заметим, что В.Н. Чорный задолго до принятия Закона «О защите ...» предложил следующую классификацию мер безопасности уголовно-исполнительного характера: 1) меры общего характера, 2) специальные меры безопасности, 3) особые меры обеспечения безопасности в ИУ¹.

На наш взгляд, данная классификация может быть адаптирована к рассматриваемым нами мерам безопасности. Например, к мерам общего характера могут относиться: обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, замена документов и т.п.; к специальным — перевод защищаемого лица или лица, от которого исходит угроза насилия, из одного места содержания под стражей и отбывания наказаний в другое и

т.п. Особые меры безопасности, по мнению В.Н. Чорного, носят исключительный характер и могут применяться лишь в специально определенных законом случаях.

К таким мерам автор относит применение физической силы, специальных средств, огнестрельного и газового оружия. В ч. 1 ст. 14 Закона «О защите ...» законодатель не только перечисляет меры обеспечения защиты, но и указывает, что могут применяться иные дополнительные меры, предусмотренные как настоящим законодательством, так и другими законодательными актами. Это дает основание полагать, что необходима серьезная систематизация тех мер безопасности, которые сегодня разработаны законодательством и практикой. Очевидно, что меры гражданской самозащиты, в которые входят самостоятельные действия защищаемого лица в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и при задержании лица, совершившего преступление, следует относить к особым мерам обеспечения безопасности.

Другая классификация В.Н. Чорного также может быть использована при систематизации анализируемых в указанной статье мер. В частности, он выделяет меры безопасности «четвертого уровня» (наименьшего), особенностью которых, по его мнению, является то, что они применяются администрацией конкретного ИУ. Действительно, если взять, например, раздельное содержание (п. 3 ч. 2 ст. 14 Закона «О защите ...»), то очевидно, что данная мера применяется именно администрацией конкретного ИУ; если же обратиться к переводу (п. 2 ч. 2 ст. 14), то такая мера осуществляется территориальным управлением ФСИН субъекта Федерации, так как затрагивает отношения как минимум двух учреждений. Эту меру вполне можно отнести к мерам «третьего уровня»².

Таким образом, следует признать достаточно удачной и универсальной классификацию мер безопасности, предложенную В.Н. Чорным, поскольку она применима к проблемам реализации безопасности потерпевших и свидетелей из числа осужденных к лишению свободы даже в свете современных изменений законодательства.

¹ См.: Чорный В.Н. Указ. соч. С. 166.

² См.: Чорный В.Н. Указ. соч. С. 160–161.

Классификация мер безопасности, предложенная Л.В. Брусницыным, на наш взгляд, применима преимущественно в рамках уголовного процесса и может лишь частично быть использована при систематизации анализируемых в настоящей статье мер.

В понимании оснований применения мер безопасности, установленных Законом «О защите ...», мы не видим никаких сложностей. В частности, основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты (ч. 1 ст. 16). Отметим лишь, что законодателем допущена коллизия между ст. 16 Закона «О защите ...» и ст. 13 УИК РФ. Так, согласно Закону (ч. 2 ст. 16) меры безопасности применяются на основании только письменного заявления защищаемых лиц или с их согласия, выраженного в письменной форме; в то время как по УИК РФ меры безопасности также могут быть применены и по личной инициативе начальника ИУ.

Таким образом, новеллы защиты потерпевших и свидетелей из числа лиц, осужденных к лишению свободы, также требуют научного осмысления, конструктивного обсуждения и, возможно, корректировки.

Институт безопасности личности в уголовном судопроизводстве является сравнительно новым для отечественного законодательства. Хотя сама эта проблема в настоящее время совершенно очевидна.

Так, по данным А.И. Долговой, если в начале 1990-х гг. за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ) было возбуждено 5 дел, в 1994–1996 гг. – 13, то в 1997–2001 гг. – уже 189 дел, за подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ) – соответственно 576, 969 и 1 786 уголовных дел¹.

Характерно, что в период 2001–2004 гг. в среднем в год регистрировалось 38 пре-

ступлений, предусмотренных ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования»; 321 преступление, предусмотренное ст. 309 УК РФ «Подкуп или принуждение к даче показаний либо к неправильному переводу»; 1175 преступлений, предусмотренных ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод»; 98 преступлений, предусмотренных ст. 308 УК РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний». По официальным данным, не регистрируются вообще преступления, предусмотренные ст. 311 УК РФ «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса».

Но, как все новое, применение мер безопасности на практике вызывает вполне очевидные проблемы, а также некоторые неясности в части правового регулирования. Формулировки диспозиции ч. 3 ст. 11 УПК РФ, устанавливающей основания для применения 5 уголовно-процессуальных мер безопасности участников уголовного судопроизводства, и нормы, регулирующие применение самих мер безопасности, не совсем совершенны.

На наш взгляд, факт закрепления в процессуальном законе мер безопасности личности следует рассматривать: как гарантию обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве; средство достижения цели и задач (назначения) уголовного судопроизводства; новую эффективную форму противодействия наиболее опасным видам преступности (организованной, профессиональной); стремление государства привести национальное законодательство в соответствие с рядом международных документов.

Не ставя перед собой задачи подробного рассмотрения института безопасности личности в уголовном судопроизводстве, остановимся только на некоторых вопросах его совершенствования.

Ряд исследователей обоснованно относят к совокупности требований, которые должны учитываться в совершенствовании института безопасности личности, такие как: 1) комплексность применения мер

¹ См.: Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 264.

безопасности; 2) совершенствование действующего законодательства и принятие нового; 3) законность проведения действий, связанных с обеспечением безопасности личности в уголовном судопроизводстве; 4) соблюдение прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого и защиты; 5) адекватность мер безопасности угрозе противоправного воздействия на защищаемых лиц; 6) разрешение между имеющимися уголовно-процессуальными и иными противоречиями компромиссов¹.

Действительно, применение мер безопасности личности в уголовном судопроизводстве должно осуществляться в направлении комплексности таких мер в связи с невозможностью обеспечения реальной безопасности путем применения только одной меры, относящейся, например, к числу правовых мер. Преступное воздействие на защищаемых лиц осуществляется различными способами и средствами. Применение только одного средства защиты не позволит установить надлежащие гарантии безопасности защищаемого лица. Если комплексность рассматривать как совокупность правовых, организационных, социальных и иных гарантий реализации прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, то становится понятным, что принятие нормативно-правового акта, закрепляющего и регламентирующего процедуру применения мер безопасности, не означает решения самой проблемы без ряда подзаконных актов, в которых эта процедура регулировалась бы более подробно, и особенно в отсутствии достаточного финансирования тех мер безопасности, которые требуют материальных затрат, и т.д.

Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ положил начало институту безопасности личности при производстве по уголовному делу. Второй шаг в развитии этого института был сделан в УПК РФ 2001 г., в котором установлены некоторые меры безопасности процессу-

ального характера, предусмотренные, в частности, ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278. С принятием Закона «О защите...» институт безопасности личности в уголовном судопроизводстве получил дальнейшее развитие за счет введения в правоприменительный оборот новой системы мер безопасности внепроцессуального характера, о которых говорилось выше.

В развитие комплексного подхода предлагается, не без оснований, принятие единого, самостоятельного федерального закона, обеспечивающего безопасность любого лица в связи с производством по уголовному делу². Это предложение не противоречит требованиям ст. 1 УПК РФ о едином порядке судопроизводства по уголовным делам, основанном только на УПК РФ, так как меры безопасности, установленные в ст. 11 УПК РФ, могут быть включены в предлагаемый закон как составная часть системы мер безопасности, в частности, уголовно-процессуальных мер.

Таким образом, исследуя вопросы защиты жизни и безопасного существования участников уголовно-процессуальных отношений, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, все меры безопасности по тому, материальным или процессуальным правом они предусмотрены, подразделяются на меры безопасности процессуального и внепроцессуального характера. Первые предусмотрены в нормах УПК РФ. Вторые основаны на применении материальных норм, которые в зависимости от отраслевой принадлежности либо устанавливают систему мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, либо регламентируют уголовно-правовые средства гражданской самозащиты.

Во-вторых, все меры обеспечения безопасности субъектов уголовно-процессуальных отношений можно классифицировать по тем или иным основаниям. Так, в зависимости от круга лиц, являющихся объектом обеспечения безопасности, выделяются меры общего и специального характера. По видам меры, указанные непосредственно в Законе «О защите...», классифицируются на основные (общие), дополнительные (или

¹ См.: Епихин А.Ю. Условия эффективности функционирования безопасности личности в уголовном судопроизводстве // Преступность в разных ее проявлениях и проблемы организованной преступности / Под ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 150–157.

² См.: Епихин А.Ю. Указ. соч. С. 152.

специальные) и другие меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации, в том числе особые меры обеспечения безопасности, связанные с применением физической силы, специальных средств, газового и огнестрельного оружия.

В-третьих, участника уголовного судопроизводства в зависимости от обстоятельств можно рассматривать и как объект государственного обеспечения безопасности, когда его роль пассивна, и как субъект обеспечения личной безопасности на индивидуальном уровне, когда его роль становится активной. Как субъект личной безо-

пасности участник уголовного судопроизводства выступает при возникновении экстренной ситуации, угрожающей ему, на которую не рассчитаны общие и специальные меры безопасности, и чтобы обезопасить себя, он сам принимает к этому меры гражданской самозащиты.

В-четвертых, применение мер безопасности личности в уголовном судопроизводстве должно осуществляться на комплексной основе в связи с невозможностью обеспечения реальной безопасности путем применения только одной меры, относящейся, например, к числу процессуальных мер.

П.А. Ананьин,

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Создание инфраструктуры системы информатизации правоохранительных органов России является приоритетным направлением в деятельности всех «силовых» структур Российской Федерации. Бурное развитие информационных технологий в мировом сообществе дает возможность предположить, какой путь должна пройти Россия, чтобы информатизация как процесс и информатика как сфера деятельности человеческого общества превратились в основную движущую силу развития государства. Прежде всего информация должна встать в один ряд с финансовыми и энергетическими ресурсами по своей ценности. Это означает, что и государству, и обществу потребуется регулировать и управлять информационными процессами, касающимися жизнедеятельности человека. В этом смысле правовая информатизация как процесс регулирования правоотношений с помощью информационных технологий будет основной подотраслью развития информатики наравне с информатизацией кредитно-финансовой и организационно-управленческой деятельности общества и государства.

Следует отметить, что информационная сфера – одна из наиболее динамичных и быстро развивающихся, потому правовое регулирование многих отношений в этой сфере еще не закреплено на законодательном уровне. Между тем законодательные пробелы, в том числе связанные с передачей и распространением информации, нередко используются в корыстных целях, во вред государству и гражданам. Достижения прогресса, развитие современных информационно-коммуникационных услуг, обеспечение доступа к информации и ее защита не всегда работают во благо государству и гражданам и требуют скорейшего совершенствования.

Одним из основных нормативных актов, регламентирующих данную сферу, является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (далее – Доктрина). Среди множества факторов, в той или иной мере влияющих на успешность обеспечения информационной безопасности государства, особое внимание уделено человеческому фактору. В этом программном документе неоднократно в различных редакциях проводится одна и та же мысль – о необходимости совершенствования системы отбора и подготовки кадров, работающих в области информационной безопасности и информационных технологий, о необходимости контроля над действиями персонала защищенных информационных систем. Согласно Доктрине основными направлениями деятельности по обеспечению информационной безопасности являются разработка и принятие нормативных правовых актов Рос-

сийской Федерации, устанавливающих ответственность физических лиц за несанкционированный доступ к информации, ее противозаконное использование, противоправное раскрытие конфиденциальной информации, использование в преступных и корыстных целях служебной информации или информации, содержащей коммерческую тайну¹.

В последние годы в федеральных ведомствах России (МВД, ФСБ, ФСИН, министерств обороны и юстиции), а также в коммерческих структурах безопасности чаще стал применяться метод опросов с использованием полиграфа – прибора, часто неверно именуемого в средствах массовой информации детектором лжи. Мировая практика применения полиграфа, насчитывающая многие десятилетия, давно показала и доказала эффективность этого метода в целях выявления у человека возможно скрываемой им информации. Десятилетний опыт легального применения опросов с использованием полиграфа в правоохранительной практике России подтвердил зарубежные оценки данного метода. По данным ВНИИ МВД РФ, в настоящее время точность показаний современных полиграфов составляет 96 %². Такой показатель сопоставим с точностью результатов традиционных криминалистических экспертиз, что свидетельствует о значимости и большом потенциале полиграфа. В последние два–три года удалось достичь качественного сдвига в понимании проблемы полиграфа, стоявшей перед отечественной юридической наукой, и решить целый ряд принципиальных теоретических вопросов, которые привели к важным с практической точки зрения последствиям.

Оценка правового регулирования опросов с использованием полиграфа в органах МВД, ФСБ и органах исполнительной власти показала, что ведомственные правовые нормативные акты в целом отражают общепринятые в мировой практике принципы применения данного метода. Ограниченное правовое поле, установленное федеральными законами «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О государственной тайне», не позволяет полномасштабно решать задачи по вне-

дрению опросов с использованием полиграфа в деятельность федеральных ведомств: легальное использование полиграфа в уголовном судопроизводстве требует включения в уголовно-процессуальное законодательство специальной нормы. Все чаще опросы с использованием полиграфа стали применяться и в сфере частного предпринимательства, однако никаких норм правового регулирования такого применения в настоящее время не существует. Таким образом, становится очевидным, что правовое регулирование применения полиграфа требует дальнейшего совершенствования путем принятия соответствующего федерального закона. В настоящее время ведется разработка проекта закона «О применении опросов с использованием полиграфа в Российской Федерации», и, вероятно, летом 2006 г. закон будет принят Государственной Думой. Закон предполагает проведение двух видов опросов с использованием полиграфа – обязательные и добровольные. Обязательным опросам с использованием полиграфа должны подлежать граждане Российской Федерации, получающие допуск к сведениям, составляющим государственную, военную и служебную тайны. К этой категории граждан, в частности, относятся лица, проходящие службу в органах внутренних дел, Федеральной службы безопасности, внешней разведки, государственной охраны и прокуратуры, Федеральной службы исполнения наказаний, в подразделениях службы судебных приставов и некоторых иных органов исполнительной власти. Обязательным опросам с использованием полиграфа должны подлежать лица, обеспечивающие эксплуатацию критических технологий, а также лица, обязавшиеся проходить опросы с использованием полиграфа по условиям заключения трудового договора. Законодательное закрепление указанных положений будет способствовать повышению контроля над человеческим фактором при решении задач по обеспечению информационной безопасности государства.

Выполняя требования ст. 23 Конституции РФ, которая гарантирует неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайн, защиту своей чести и доброго имени, закон предполагает, что специалист-полиграфолог не вправе задавать при тестировании на полиграфе вопросы, касающиеся расовой или эт-

¹ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. М., 2000. С. 18–19.

² См.: Расследование преступлений повышенной общественной опасности: Пособие для следователей / Под ред. Н.А. Селиванова, А.И. Дворкина. М., 1999. С. 27.

нической принадлежности опрашиваемого лица, его религиозных или политических убеждений и взглядов, сексуальной жизни и ориентации, семейных отношений (за исключением случаев, когда постановка таких вопросов связана с проведением расследований, осуществляемых компетентными органами государственной власти Российской Федерации). Данный закон также обязывает полиграфолога сохранять в тайне информацию, которая стала ему известна в связи с проведением опроса с использованием полиграфа. Отсутствие в настоящее время строгих квалификационных норм привело к тому, что в стране (особенно во внесударственной сфере) практикой применения полиграфа занимаются лица, слабо владеющие данным методом. В связи с этим законопроект предлагает ввести норму, согласно которой лица, не получившие квалификацию полиграфолога в установленном законом порядке и выполняющие опросы с использованием полиграфа на территории Российской Федерации, привлекаются к уголовной ответственности.

С.В. Бажанов,
*начальник кафедры уголовно-
процессуального права ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ

Совершенствование деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы ФСИН России в сфере борьбы с пенитенциарной преступностью актуализирует проблему законодательной регламентации правового положения ведомственных органов дознания и режима их уголовно-процессуальной деятельности.

При внесении изменений и дополнений в ранее действовавший УПК РСФСР интересы учреждений уголовно-исполнительной системы традиционно оставались «за кадром» профессионального видения российских парламентариев. До некоторой степени это объяснимо, поскольку рассматриваемый универсальный кодифици-

Очевидно, что принятие закона, устанавливающего правовое регулирование применения опросов с использованием полиграфа в стране, является актуальным. Основная цель развития законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности Российской Федерации – обеспечение правового регулирования в указанной сфере, соответствующего современному уровню развития государства и позволяющего осуществлять надежную правовую защиту интересов граждан и государства в информационной сфере. Такой закон, бесспорно, будет способствовать усилению правоприменительной деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, включая предупреждение и пресечение правонарушений в информационной сфере, а также выявлению, изобличению и привлечению к ответственности лиц, совершивших преступления и другие правонарушения в этой сфере.

рованный законодательный акт объективно не в состоянии учесть специфику уголовно-процессуальной деятельности всех без исключения субъектов правоприменения.

Тем не менее, если УПК РСФСР в ст. 117 достаточно четко определял, что органами дознания являются «... начальники исправительно-трудовых учреждений, следственных изоляторов, лечебно-трудовых профилакториев и воспитательно-трудовых профилакториев – по делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений, а равно по делам о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений» (п. 4 ч. 1), то новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации анализируемую проблему обошел молчанием (ст. 40).

В ст. 40 лишь говорится, что к органам дознания относятся органы внутренних дел Российской Федерации, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности (ч. 1).

Какие-либо пояснения к данным предписаниям уголовно-процессуального закона отсутствуют вплоть до настоящего времени, причем не только в комментариях к указанной статье, но и в соответствующих разделах отраслевой юридической литературы. Лишь в учебнике по курсу оперативно-розыскной деятельности можно обнаружить указание на то, что в систему оперативно-розыскных органов входят оперативные подразделения органов Минюста России¹.

Несколько далее по тексту учебника этот тезис находит более развернутую трактовку: «В соответствии с частью 3 ст. 13 ФЗ об ОРД и Положением о Минюсте России (подп. 27 п. 6)² перечень оперативных подразделений вправе определять министр юстиции РФ. Министр наделил функциями оперативного подразделения, в частности, следственный изолятор уголовно-исполнительной системы Минюста России... Кроме того, оперативные аппараты учреждений, исполняющих наказания, также наделены правом проведения ОРМ (согласно ст. 84 УИК и ст. 14 Закона об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания)»³.

Буквальное прочтение изложенного возвращает нас к ныне забытой проблеме, от которой не был свободен и УПК РСФСР. В нем (ст. 117) под органами дознания одновременно подразумевались и организации, и должностные лица. Выхваченный автором настоящей публикации контекст из упомянутого учебника по ОРД ориентирует читателя на то, чтобы под **органом** дознания (от слова «**организация**») понимать соответствующее учреждение (а не его структурное подразделение), наделенное оперативно-розыскными функциями, и тем более не его руководителя, которого по сложившейся практике предписывается рассматривать в качестве начальника органа дознания.

С учетом того, что в организационно-структурном отношении уголовно-исполнительная система РФ в последнее время претерпела известные изменения, оперативные работники исправительных учреждений ФСИН России, исходя из сложив-

шихся традиций и опыта, под органом дознания, равно как и под начальником органа дознания по-прежнему продолжают понимать руководителя соответствующего исправительного учреждения.

Последний своим административно-распорядительным актом (приказом) обычно возлагает функции по производству дознания на одного из наиболее подготовленных в юридическом отношении оперативных работников оперативного отдела, хотя ч. 2 ст. 41 УПК РФ «Дознаватель» и определяет, что не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Осознавая, что речь в данном случае идет о недопустимости совмещения в одном лице оперативных и процессуальных функций лишь при производстве по одному и тому же уголовному делу, заметим, что организационно-правовое решение одной из основных установок судебно-правовой реформы о необходимости разделения функций в учреждениях ФСИН России должного осуществления все еще не получила.

Сказанное ставит в повестку дня вопросы, требующие серьезной научной проработки и однозначного разрешения на законодательном уровне:

1. Насколько оправдано в практике правоприменения существование феномена ведомственного дознания?
2. Кого следует считать органом дознания в учреждениях ФСИН России?
3. В каком соотношении находятся понятия «орган дознания», «начальник органа дознания» и «дознаватель» применительно к учреждениям ФСИН России?
4. Допустимо ли вообще совмещение в одном должностном лице оперативных и процессуальных функций?
5. Целесообразно ли формирование в учреждениях ФСИН России штатных подразделений дознания?
6. Оправдана ли постановка вопроса о создании самостоятельной отрасли права – уголовно-исполнительного процессуального права?⁴

¹ См.: Оперативно-розыскная деятельность: Учеб. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. М., 2001. С. 193.

² Утверждено Указом Президента РФ от 02.08.1999 № 954 // Рос. газ. 1999. 5 авг.

³ Оперативно-розыскная деятельность. С. 199, 200.

⁴ См.: Бажанов С.В. Уголовно-исполнительный процесс: право на самоопределение // Концепция исполнения наказаний и пенитенциарная система в период реформирования России: Сб. науч. ст. Владимир, 1998. С. 69–71.

М.В. Байтеева,
*старший преподаватель
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАКАЗАНИЯ

В результате многочисленных научных исследований в юридической науке сложился ряд концепций юридической ответственности за правонарушение, базирующихся на понятии наказания. Теория уголовного права традиционно выделяет учения об основании и целях наказания, которые противопоставляют друг другу принципиально различные подходы в рамках тезисов «*nullum crimen sine lege*» (нет преступления без закона) и «*nulla poena sine lege*» (нет наказания без закона).

В результате совершенного преступления неизбежно формируется связь между жертвой и преступником, которые впоследствии становятся сторонами процесса наказания. В данном случае наказание выступает не только как «*post factum*» (после факта), но и «*propter factum*» (из-за факта). Следуя за преступлением, оно неизбежно предполагает угрозу, которая проявляется в ожидании и возможности реализации права наказания. Во всех правовых системах эта цепочка подтверждается существованием логической структуры «угроза наказания – действие – наказание», раскрывающей содержание негативного опыта, рассматриваемого законом как противоправное действие. Обоснованная таким образом правомерность наказания обозначает его лишь «относительно»: преступление будет наказано при условии его совершения. Цель такой дефиниции очевидна: чтобы в будущем подобное действие не произошло.

В отличие от «относительного», «абсолютное» наказание базируется на идее возмездия и определяется прагматическими задачами, занимаясь поиском оснований в прошлом. Согласно такой точке зрения наказание должно назначаться только в том случае, если оно приносит социальную пользу¹. Сторонником «абсолютного» наказания выступал И. Кант. Он писал: «Даже

если гражданское общество прекратит свое существование по согласию всех своих членов, последний находящийся в тюрьме преступник, получив по заслугам, должен быть казнен, чтобы его вина не осталась клеймом на его народе»². Здесь наказание выступает как принцип «исключительной» справедливости и как способ компенсации нарушения объективного порядка.

Наказание должно не только соотноситься с целями защиты, но и состоять с ними в определенных отношениях. Так, наказание способно поддерживать регулирование правовых отношений в функциях права, стабилизируя с его помощью упорядоченную социальную систему для будущего. Это происходит, по мнению немецкого философа Р. Циппелиуса, различными способами: с одной стороны, через общее, а с другой, через специальное действие наказания³.

Общепреventивное действие наказания заключается в том, что оно (наказание) становится мотивацией предупреждения преступлений и устрашением для общего законопослушания. Данное действие обращено ко всем членам общества как потенциальным или латентным правонарушителям. При чем действие устрашения тем выше, чем быстрее наказание следует за совершенным правонарушением. Степень воздействия наказания укрепляется также его строгостью, фиксируя взаимосвязь между тенденциями «смягчения» санкций уголовного права и последующим ростом преступности. Таким образом, ужесточение наказания становится дополнительным фактором риска для преступника.

В свою очередь, специально-преventивное действие наказания состоит в предположении, что именно данный преступник не совершит повторно преступления. В таком аспекте наказание является не только инструментом устрашения конкретной личности, но и воспитательным моментом в случае невозможности ее социализации.

Представление о том, что право наказания должно руководствоваться принципом предупреждения, дополняется мнением о праве на искупление вины в контексте теории американского социолога Т. Парсонса, рассматривающего право как средство «социальной

¹ См.: Zippelius R. Rechtsphilosophie. München, 2003. S. 249.

² Кант И. Соч.: В 8 т. М., 1996. Т. 6. С. 368.

³ См.: Zippelius R. Ibid. S. 248–250.

инженерии». Ощущение вины предполагает наличие субъекта, перед которым преступник чувствует себя виновным. У Ф.М. Достоевского такой субъект есть страдающий ближний, а также все сострадающие ему, вовлеченные в данное отношение совершенным преступлением. Кто так думает, не станет стремиться к бегству от наказания, он как бы нуждается в близости юстиции. В ответ на вопрос, почему в народе преступника называют несчастным, в 1873 г. в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский писал: «Словом «несчастный» народ как бы говорит о преступнике – да, он был грешен и должен страдать, но мы также грешники. Мы были бы на его месте, если бы совершили нечто подобное, но мы стали бы лучше, если бы не отравили преступника на каторгу. Одновременно с актом возмездия мы взяли на себя бремя общей несправедливости».

Сторонники данной концепции требуют устанавливать вину преступника с оговоркой, что она есть не основание наказания, а мера его ограничения. В таком аспекте уголовное право должно быть направлено, с одной стороны, на специально-превентивные цели, а с другой – защищать преступника от «народных мстителей», в роли которых могут выступить жертва или ее сторонники. Политически оформленное общество рассматривает такую возможность как вызов собственной монополии власти и нарушение принципа легитимности, которые формируются лишь в результате консенсуса его членов. В реальности альтернативой такой монополии могут стать две формы реализации наказания, не совпадающие с общественным интересом.

Первой формой подобного наказания является возможность «самонаказания» преступника в связи с его самоосуждением. Данный аспект имеет не правовую, а морально-этическую основу. «Вне сомнения, – пишет известный западноевропейский юрист Н. Брискорн, – здесь не выполняется требование объективности и беспристрастности и фактически отсутствует реализация требования наказания»¹. Наказывающий себя сам уклоняется от суда общества. Да и может ли «самонаказание» вообще быть наказанием, если оно не принято консенсусом членов общества? Л. Фейербах выдвинул теорию со-

гласия, в соответствии с которой в процессе наказания преступник выражает свое согласие с общим мнением. Как отмечал немецкий философ Г. Радбрух, речь идет в данном случае не о реальном, а о воображаемом индивиде, которому приписывается его добровольное согласие нести ответственность за последствия содеянного². Здесь налицо противоречие между «выраженным согласием» и последующим фактическим действием преступника, поскольку легитимация и самодействие не совпадают.

Второй несанкционированной формой наказания является вышеупомянутая возможность мести жертвы. Преступник становится сам жертвой через действия либо пострадавшего, либо третьих лиц. Происходит ли здесь установление нарушенного равновесия между преступлением и возникшим в результате него ущербом? В «Философии права» Н. Брискорн ставит вопрос о правомерности такого возмездия как со стороны самого преступника, так и его жертвы. Если признать оба случая вариантами возможной «компенсации» за преступление, то общество должно признать и право на нарушение права, или «неправо»³. Представление о возможности признания чьего-либо права на «неправо» нарушает равновесие в пользу признания правомерности причинения любого вреда, которое всегда является чрезвычайным событием в обществе.

Несомненно, наказание призвано препятствовать нарушению гарантированных законом прав и интересов граждан. На переднем плане общественного сознания стоит потребность в уголовно-правовой защите от посягательств на жизнь, здоровье, честь, свободу, самоопределение, частную жизнь и собственность индивидов. Как требующие безусловной защиты рассматриваются и публичные интересы, представленные в широком спектре задач государства. Однако не каждый интерес может быть защищен угрозой наказания. Для законодателя всегда возникает проблема выбора критериев для определения меры социальной вредности действий, влекущих за собой наказание. Поскольку наказание является тяжким вмешательством в жизнь субъекта, оно должно отвечать требовани-

¹ Brieskorn N. Rechtsphilosophie. Stuttgart, 1990. S. 135.

² См.: Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 177.

³ Термин «неправо» впервые был введен Г. Гегелем.

ям пропорциональности и запрета на чрезмерность. В этой связи известный юрист XIX в. А. Франк выделял следующие принципы, вытекающие из идеи права: наказание не должно превышать цели правосудия, или границ права, и быть соразмерным тяжести преступления¹.

Право и его актуализация в реальной действительности имеют существенные различия: если совершено преступление «А», возникает право общества реагировать с помощью определенного действия «Б». Следовательно, «А» есть причина применения права, но никак не его основание. Так, убийство не создает права наказания – все равно кому оно принадлежит. Право возникает из обязанности соблюдать порядок и стабильность в обществе и является основанием для наказания не через трансляцию его отдельным членам, а предоставляя его государству. Государство и только оно становится носителем права наказания, хотя круг заинтересованных лиц значительно шире. Так, в роли жертвы может рассматриваться не только тот, чья собственность разрушена или украдена, или тот, кто пострадал физически или морально, но и каждый, кто сочувствует и сопереживает. В этом отношении преступление может расширять свои границы во времени и пространстве. Потомки жертв концентрационных лагерей и в настоящем могут нести ущерб, обусловленный прошлым. Разрушающее действие преступления формирует сложную взаимосвязь, которая может возникнуть через признак или клеймо жертвы, сопричастность с ней. Жертва может вынашивать месть, культивировать чувство ненависти, уходить в страдание, искать выход в политической активности. Быть жертвой становится своеобразной формой бессилия, которая согласно логике конкретной ситуации может стать предметной и господствовать над людьми.

Существование угрозы наказания и возможность его назначения служат сигналом о наличии в обществе оценок поведения, даже если ни угроза, ни наказание не будут фактически исполнены. Хрупкость общественных взаимосвязей заключается здесь в том, что тот, кто оправдан, становится не-

виновным, а кто осужден – преступником. Такая ситуация возможна лишь в системе вертикальных связей общества, где преступление и наказание «сегментируют» граждан на неравных между собой субъектов. В этой связи возникает вопрос, что именно наказывается – преступление или преступник? Всякий, кого надо наказать, рассматривается как человек, осуждаемый за определенный поступок в определенное время. Дается оценка, но не всей его жизни, а только отдельному ее периоду. Подобное ограничение оправдывается необходимостью освещать конкретную сферу преступления в целях установления вины, что, как правило, не дает целостного взгляда на само основание преступления. Не внешнее действие, а лишь позиция, с которой оно предпринималось, подлежит учету и руководству принципами «*in dubio pro homine*» (сомнения в пользу человека) и «*in dubio pro libertate*» (сомнения в пользу свободы), что подчеркивает слабость и ограниченность критериев оценки человека человеком.

Хотя государственная власть легитимно осуществляет защиту, она несет на себе тяжелое бремя исполнителя мер наказания. Может ли государственное учреждение, где работают те же люди, требовать для себя такого морального преимущества? В связи с рассматриваемой проблемой большой интерес представляют данные зарубежной криминологии, которая изучает не только варианты девиантного поведения членов общества, но и исследует социальные аспекты деятельности контрольных инстанций государства (полиции, прокуратуры, уголовных судов, тюрем). Исследования коммуникативных структур отношений типа «полиция – население» свидетельствуют, что полиция в своей деятельности руководствуется не только правовыми нормами и служебными инструкциями, но и их интерпретацией.

Применение санкций может быть избирательным и происходить в отношении не всех типов поведения, указанных в нормах, а только их части². В профессиональной деятельности полицейского нередко возникают конфликты между личностью чинов-

---

¹ См.: Франк А. Философия права в популярном изложении // Философия уголовного права. СПб., 2004. С. 197.

---

² См.: Büllesbach A. Rechtswissenschaft und Sozialwissenschaft // Einführung in Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart. Heidelberg, 2004. S. 418.

ника и конкретным заданием. В коммуникативном процессе, сопровождающим их, выделяются такие факторы, как:

- языковые дифференциации;
- условия социализации;
- общественный статус;
- общественное признание;
- самооценка;
- манеры;
- дифференциация различных форм восприятия;
- различный интеллект.

Английский криминолог М. Ньютон-Смит называет соотношение представленных факторов уровнями взаимодействия субъектов, которые определяются первичными и вторичными «кодами» их поведения. Так, исходный пункт – «заявление в полицейский участок» – не устанавливает того факта, что кто-то совершил преступное действие, а только маркирует его как такое. Это происходит не из-за пренебрежения со стороны полицейского нормой закона, выступающей первичным «кодом» его действий, а из-за неосознанного руководства «буднями», когда он ежедневно решает одни и те же задачи. Именно этими действиями чиновник обосновывает и оправдывает свои представления о причинах и формах преступности, делая их одновременно критериями выбора последующего решения¹. Это приводит к значительным проблемам в различении «подозрений» от «неподозрений», принципиально меняя подчас состав правонарушений и «селектируя» применение санкций. «Селективность» указывает на синтез социологического контекста и юридического действия, приводит к ошибкам в тех случаях, где превалирует «необходимость». Например, полицейский может форсировать ту стратегию действий, которая будет, по его мнению, иметь успех в суде.

Каждое наказание наносит ущерб обществу в целом. В этой связи французский философ М. Фуко пишет: «С тех пор, когда расследование внедряется в судебную практику, оно приносит с собой важное понятие «правонарушение». Когда один человек наносит ущерб другому, а *fortiori* всегда возникает

ущерб, причиненный государству, закону, власти»². Наказание обуславливает и легализует вред, которое общество должно теперь причинить преступнику. Существует ли вообще наказание, которое стремится не к постановке в невыгодное положение виновного в целом, а к изоляции его преступления? Учение о наказании исходит из отделимости человеческих действий от лица. С этой точки зрения, наказание «маскирует» сопутствующие ему социальные связи, а общество, где все члены рассматриваются как равные, познает через наказание вызов своему доверию. Именно здесь происходят процессы социальной дифференциации, где вина выделяет из общества отдельных его членов, виновных в совершенных правонарушениях. Так, наказание предоставляет обществу «право» защиты, находясь в поле задач обеспечения гарантий, стабильности и правопорядка.

Из вышеизложенного очевидно, что предпосылкой наказания является вина, и в каждом отдельном случае оно должно быть соизмеримо с ней. Вина преступника становится соотношением, мерой того, что совершенное действие могло бы быть иным. Понятие «вина» всегда подразумевает проблему, которую преступник создает для себя сам, давая обществу основания для своего наказания. Рекогносцировка прошлого преступника всегда находится под угрозой, изменяя его место в нише общества и оформляя рамки свободы через мотивы поведения и критерии его оценки. Если исходить из того, что существует свобода выбора между различными поведенческими альтернативами, то закономерен вопрос, чем обусловлено такое действие. Н. Гартман видел подтверждение свободы воли в сознании самоопределения и в фактах ответственности, вины и раскаяния. Уже сознание самоопределения должно иметь какое-либо основание мотива. Сознание вины и раскаяние свидетельствуют о предшествовавшем самоопределении индивида, который не просто выражает узнавание в себе самом причины причиненного вреда. Раскаяние связано с осознанием преднамеренного действия и отражает возможность предотвратимости действия. Поэтому право наказания и право искупления возникают при условии, что есть свобода

¹ См.: Naughton-Smith M. Der zweite Code // Lüderssen K., Sack F. (Hrsg.) Seminar: Abweichendes Verhalten II, Die gesellschaftliche Reaktion auf Kriminalität. 1975. Bd. 1. S. 1208.

² Фуко М. Истина и правовые установления // Интеллектуалы и власть. М., 2005. С. 97.

принятия решения, выбора между различными возможностями, мотив которых причинно обусловлен. Наказывать кого-либо за его действия иначе было бы сродни наказанию за наследственные болезни.

Наказание не может быть только возмездием, поскольку в таком случае уголовное право стало бы превентивным правом, где лишь угроза применения санкции мотивирует будущие действия. Такая теория приняла бы условие вменяемости (достижение определенного возраста, отсутствие психических заболеваний и т.д.) в качестве условия «нормальной» мотивации, а преобладающее число взрослого населения определило бы масштаб данной «нормы». Без свободы выбора такое «уголовное право» было бы всегда правом меры, иллюстрацией к мнению русского философа И.А. Ильина, который писал: «Когда государство живет в условиях выродившегося и разложившегося правосознания, когда

внутренний правовой опыт человека мельчает и искажается, отношение человека к человеку утрачивает христианскую окраску и санкцию; брат теряет брата, и вследствие этого волк идет навстречу волку»¹.

Альтернатива такого развития отражена в авторитетном мнении Г. Радбруха: «Государство, основанное на народной воле, полученной путем арифметического сложения или каким-либо другим способом «интегрирования», уже не противоречит индивиду как некое другое лицо, а скорее обозначает «все мы». Оправдание понимаемого подобным образом государства включает в себя право на наказание, являющееся неотъемлемой частью его содержания. Возможности определения цели наказания станут очевидными, если мы будем выводить идею наказания из идеи права и трех ее ипостасей: справедливости, целесообразности и правовой стабильности»².

Е.В. Батищева,

*старший преподаватель-методист
учебного отдела ВЮИ ФСИН России*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В условиях проведения социально-экономических реформ в стране, в том числе и касающихся уголовно-исполнительной системы (УИС), чрезвычайно актуальным является вопрос о социальной защите населения. Это также касается и лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы, для которых значение социальной помощи, подготовки к жизни в социуме после освобождения трудно переоценить.

В условиях лишения свободы, изоляции от общества личность осужденного подвергается значительной трансформации, в результате которой наибольшую значимость для него приобретают ценности, обеспечивающие индивидуальное, или внесоциальное, существование, а ценности, отражающие деятельностную и социальную сущность человека, отходят на второй план. Этот факт подтверждается исследованиями

многих отечественных и зарубежных специалистов.

Естественно, что осужденный после освобождения вновь попадает в социум, законы которого обязан соблюдать. Однако он не всегда оказывается в состоянии жить в обществе, не совершая правонарушений, ввиду затрудненности с социальной адаптацией. В связи с этим весьма значимой проблемой является социальная реабилитация и адаптация осужденных и лиц, освобождающихся из заключения, и особенно наиболее уязвимых категорий – женщин, несовершеннолетних, пенсионеров, лиц, страдающих хроническими заболеваниями, наркоманов и инвалидов. По состоянию на 1 января 2004 г. в местах лишения свободы содержалось осужденных: женщин – более 48,7 тыс.; несовершеннолетних – свыше 16 тыс.; больных туберкулезом – 73,7 тыс.

Данные категории лиц часто требуют к себе повышенного внимания психолога в силу того, что во многих случаях процесс их адаптации как к условиям отбывания

¹ Ильин И.А. О правосознании // Русская философия права: Антология. СПб., 1998. С. 426.

² Радбрух Г. Указ. соч. С. 178–179.

наказания, так и к жизни после освобождения из мест лишения свободы происходит дольше и труднее.

Так, например, у женщин-осужденных значительно чаще, чем у мужчин, распадаются семьи, после освобождения им труднее устроить личную жизнь и найти работу, вследствие чего у них возрастает вероятность рецидива преступного поведения. Кроме того, пребывание женщин, особенно молодежного возраста, в местах лишения свободы способствует усвоению ими отрицательных установок и ориентаций, изменению их личностных характеристик в сторону отягощения (например, у них могут проявляться апатия, нервозность, чувство безысходности; теряется интерес к жизни). Все это не только вызывает нервно-психические заболевания у женщин-осужденных, но и приводит к дезадаптации их личности, а в конечном итоге может закончиться ее распадом.

Таким образом, актуальность и значимость проблемы ресоциализации данных категорий осужденных, как, впрочем, и всех остальных, очевидна. В современной науке до настоящего времени не сложилось однозначного толкования указанного явления, хотя, по мнению отечественных ученых, оно представляет собой вполне самостоятельную научную проблему, которая, однако, слабо вычлененна из комплекса вопросов, связанных с содержанием деятельности по исправлению осужденных.

Наиболее точным представляется понимание ресоциализации осужденных как длительного процесса, имеющего в своей основе сложный комплекс психолого-педагогических, экономических, медицинских, юридических и организационных мер, направленных на формирование у каждого осужденного способности и готовности к включению после отбывания наказания в обычные условия жизни общества (без совершения правонарушений со стороны бывшего заключенного)¹.

При исследовании проблем ресоциализации как комплекса целенаправленных мер по исправлению преступников следует исходить из понимания того факта, что для

решения этой задачи очень важен дифференцированный, индивидуальный подход, предполагающий для каждой категории лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы, каждого конкретного осужденного использование наиболее эффективных и приемлемых методов воздействия.

Так, например, в среде женщин-осужденных весьма успешными будут следующие формы работы:

- беседы (их примерная тематика, рекомендуемая отечественными и зарубежными психологами, такова: «Ищи свой талант», «Судьба – это ты сама» и др.);
- метод аутогенной тренировки;
- психодрама (использование ситуаций, которые остро переживали или переживают осужденные женщины и девушки);
- ролевые игры (с применением ситуаций, которые могут возникнуть при жизни на свободе в качестве экстремальных);
- метод сочинений (например, на тему «Как я представляю свое будущее после освобождения» и пр.);
- индивидуальная работа и т.д.

Индивидуальные беседы с осужденной имеют весьма важное значение для проведения психокоррекции ее личности, особенно если в ходе такой беседы будет установлен психологический контакт, достигнуто взаимопонимание.

Большинство женщин, особенно юных, находясь в изоляции от общества, испытывают сильное психоэмоциональное напряжение, чувствуя себя отверженными, обиженными. Для нейтрализации отрицательных факторов отбывания наказаний весьма эффективно можно использовать аутогенную тренировку, различного рода тренинги, ролевые игры и т.д. Цель таких занятий заключается в проигрывании, например, конкретных жизненных ситуаций, которые возникают у женщин, освобожденных из мест лишения свободы. При проведении ролевых игр и тренингов важно, чтобы сюжеты, используемые в учебных ситуациях, активизировали социальную позицию осужденной женщины; были близкими к жизненной реальности; создавали условия для индивидуального или группового творчества; учитывали половозрастные особенности участниц.

¹ См.: Андреев Н.А. Социология исполнения уголовных наказаний: Учеб. пособие. М., 2001. С. 108.

Несмотря на то, что значительная доля осужденных имеет проблемы с различного рода зависимостью от наркотиков, в российской пенитенциарной системе до сих пор нет единого мнения о том, как работать с этой категорией осужденных. Интересен опыт зарубежных коллег, касающийся работы с осужденными-наркоманами, рассматриваемый в пособии Н.А. Андреева, В.М. Морозова, А.М. Морозова посвященном данной проблеме¹.

Так, в ФРГ на федеральном уровне осуществляются следующие меры:

1. При предоставлении льгот наркозависимые осужденные должны пройти интенсивную тщательную проверку (§ 1, 13 УИК ФРГ).

2. Потребители нелегальных наркотиков, осужденные за незначительные преступления на срок не более 2 лет, выразившие добровольное желание избавиться от наркозависимости, вместо наказания могут быть помещены в специальные учреждения для терапевтического лечения (§ 35, 36 Закона о наркотиках).

На уровне федеральных земель работа с осужденными наркоманами проводится в зависимости от внутренней структуры отдельных учреждений, исполняющих наказания. Например, в земле Северный Рейн-Вестфалия в тюрьмах образуются консультационные службы, которые решают следующие задачи:

1. Консультирование и работа с осужденными-наркоманами, у которых зависимость от наркотиков перешла в болезнь.

2. Консультирование и работа с наркозависимыми осужденными.

3. Содействие в организации отбывания наказания с учетом интересов наркобольшого, отмеченных при составлении плана отбывания наказания.

4. Координирование работы всех внешних участников и учреждений по реабилитации наркоманов.

Решение данных задач во многом зависит от личности штатных работников консультационной службы и их профессиональной

квалификации. Так, в условиях тюрьмы закрытого типа Бохум пришли к следующей идее освобождения осужденных от наркозависимости. Здесь наркозависимые заключенные объединены (на добровольной основе) в отряд, работу с которым проводит социальный работник, окончивший специальные курсы. Вместе с ним работают психолог, сотрудник общей службы исполнения наказаний – начальник отделения – куратор, 2 мастера производственного обучения.

С 6.00 до 20.30 все камеры, в которых содержатся данные осужденные, открыты, т.е. заключенные размещаются в условиях полузакрытого типа. В свободное время они могут общаться между собой. С ними проводятся мероприятия трудотерапии (большинство осужденных никогда не трудились и не имеют трудовых навыков), в ходе которых данные лица приобщаются к совместному труду и социальной ответственности.

Кроме того, большое место отводится мотивационной работе с осужденными, ориентированной на планирование их жизни после освобождения из мест лишения свободы.

За осужденными осуществляется строгий контроль. Если кого-либо из них замечают в употреблении наркотических веществ, то сразу же переводят из данного отряда на общие условия закрытого типа.

В ряду важнейших ресоциализационных направлений работы можно выделить и такие общие для всех категорий осужденных мероприятия, как:

1) обеспечение права на духовную помощь, участие в отправлении религиозных обрядов;

2) получение осужденными медицинской помощи в том же объеме, что и свободными гражданами;

3) организация досуга осужденных;

4) предоставление осужденным возможности совместно с администрацией исправительного учреждения участвовать в решении вопросов, касающихся их интересов.

Таким образом, грамотный подход к решению проблем ресоциализации осужденных с учетом дифференцированного характера самих осужденных является одним из основных факторов, способствующих возвращению в общество полноценных, социально активных, зрелых, ответственных и правопослушных граждан.

---

¹ Подробнее см.: Андреев Н.А., Морозов В.М., Морозов А.М. Организация социальной работы с осужденными в ФРГ: Учеб. пособие / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2001.

В.А. Гнатенко,
*соискатель кафедры уголовно-
процессуального права ВЮИ ФСИН России*

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОЗНАНИЯ
УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ
КАК МЕРА ПРОФИЛАКТИКИ
ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Проблема роста преступности остается злободневной как для российского общества в целом, так и для исправительных учреждений, в частности. В пенитенциарных учреждениях не спадает криминогенное напряжение, и как следствие растет число преступлений, совершенных при отбывании наказаний. Так, за 2005 г. количество обращений в прокуратуру по факту обнаружений признаков преступлений в связи с выявлением телесных повреждений у заключенных под стражу и осужденных при поступлении в следственный изолятор составило 2588 случаев, или 23,2 % от зарегистрированного количества телесных повреждений, это почти в полтора раза больше, чем в 2004 г.¹ Причины такого положения дел вполне очевидны. Это и криминализация населения, объясняющая рост преступности в Российской Федерации, и изменение ее качественного характера, и не соответствующие международным стандартам условия содержания осужденных, и невозможность полного трудоустройства последних. Например, количество трудоспособных осужденных, не работавших в течение года по разным причинам, составило 342 тыс. 847 чел., или 56,2 % от общего количества трудоспособных осужденных².

Значение качественно проведенного предварительного расследования преступлений, совершенных в исправительных учреждениях, трудно переоценить, поскольку осознание собственной безнаказанности осужденных действует разлагающе.

При анализе работы Пермской прокуратуры по надзору за соблюдением законов при осуществлении дознания были выявлены существенные недостатки: несоответствие постановлений бланку приложения к

УПК РФ; неизвещение заявителя о принятом решении и неразъяснение ему порядка обжалования; неполнота проверки в порядке, установленном ст. 144, 145 УПК РФ; краткие рапорта и объяснения как следствие нехватки времени; несоответствие реальных обстоятельств обстоятельствам, изложенным в постановлениях; нарушение сроков проверок и некоторые другие недостатки³.

Необходимо заметить, что перечисленные недостатки являются типичными для всех сотрудников учреждений ФСИН России, осуществляющих дознание.

Изучение данных недостатков позволяет сформулировать практические предложения по совершенствованию эффективности уголовно-процессуальной деятельности органов дознания исправительных учреждений:

1. Все выносимые постановления оформлять в неукоснительном соответствии с приложениями УПК РФ.

2. В обязательном порядке извещать заявителя о результатах рассмотрения заявления с разъяснением порядка обжалования.

3. Материалы проверки должны содержать более емкие рапорта сотрудников и объяснения потерпевших, свидетелей и других лиц. К материалам приобщать справки, протоколы осмотра места происшествия, схемы, фототаблицы, рисунки. Постановления и проверочный материал должны быть изложены простым языком, короткими фразами и понятны даже постороннему лицу.

4. При получении объяснения показания желательно записывать дознавателю для установления полноты обстоятельств правонарушения.

5. Основанием для отказа в возбуждении уголовного дела считать реальные обстоятельства, а не серию случайных совпадений (травма при занятии спортом, падение с нар и т.д.). Необходимо помнить, что при отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела одновременно рассматривается вопрос об ответственности должностных лиц за сокрытие преступления.

6. При производстве следственных действий привлекать более двух понятых, желательно из числа вольнонаемного персонала.

¹ См.: Калинин Ю.И. О соблюдении прав человека в УИС: Письмо от 05.03.2006 № 10/1-352. С. 2.

² См.: там же. С. 2.

³ См.: Отчет Пермской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в ИУ за 2005 г.

7. Своевременно обвиняемому (подозреваемому) предоставлять защитника, отказ от защитника фиксировать только после его реального прибытия, изымая при этом у него ордер адвокатского образования с приобщением к делу.

8. Такие следственные действия, как допрос (очная ставка), производить с составлением схемы места происшествия, на которой обвиняемый (свидетель) собственноручно обозначает место своего нахождения, направление движения, последовательность совершаемых действий. Данная схема подписывается обвиняемым (свидетелем), с указанием о личном ее составлении. Наряду с протоколом следственного действия это служит в суде неопровержимым доказательством для стороны обвинения.

9. К протоколу осмотра места происшествия прилагать фотографии – до 50 снимков. Стараться не применять видео- и аудиозапись в связи со сложностью процесса их расшифровки и процессуального оформления.

В.А. Горбунов,

*доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПРАВЛЕНИЯ И НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Реформа УИС в условиях радикального обновления социально-экономических отношений со всей остротой поставила вопросы укрепления законности и правопорядка, социальной защищенности личности. Важнейшей задачей в плане борьбы с преступностью остается использование всей силы законов в борьбе с правонарушениями. Человек, где бы он ни находился, должен всегда чувствовать свою защищенность от преступных посягательств и быть уверенным в том, что ни один преступник не уйдет от заслуженного наказания.

Вместе с тем, «объявив войну преступности, общество не берет во внимание, что направляющая сила противника находится вовсе не за линией фронта, а в глубоком тылу – исправительной колонии (ИК). Что

10. При изъятии вещественных доказательств пользоваться резиновыми перчатками. Одежду со следами крови необходимо просушить, прежде чем упаковывать для направления эксперту. Это позволит в дальнейшем безошибочно произвести идентификацию.

11. При сборе доказательственной базы и проведении следственных действий помнить о предмете доказывания исходя из состава квалифицируемого преступления.

В заключение еще раз следует подчеркнуть необходимость совершенствования уголовно-процессуальной деятельности сотрудников исправительных учреждений. Некачественное, формальное производство дознания сводит на нет усилия по борьбе с преступностью в местах лишения свободы. Практика показывает, что даже грамотно проведенная проверка сведений, содержащих признаки преступлений, без возбуждения уголовного дела служит действенной упреждающей мерой совершения подобных деяний.

такое ИК? Это высшее учебное заведение (кавычки здесь неуместны), выпускающее ежедневно высококвалифицированные кадры для преступного мира. Человек, впитавший в себя лагерную субкультуру, зараженный такими болезнями, как приспособленчество, двуличность, жестокость, входит в общество со своей идеологией, со своими принципами, суть которых состоит в полнейшей беспринципности. Система, называемая исправительной, деформирует попавшего в ее жернова человека до такой степени, что он утрачивает способность жить после освобождения нормальной человеческой жизнью»¹.

Преступность растет поразительными темпами, и тенденции к желаемой стабилизации, не говоря уже о ее снижении, к сожалению, не просматриваются, несмотря на принимаемые правоохранительными органами меры, привлечение в разнообразных формах общественности. Корни преступности настолько глубоки, что реализовать бла-

---

¹ Пицелко А.В. Социально-педагогические основы нравственного перевоспитания осужденных. М., 1992. С. 5.

гие намерения представляется трудной и долгосрочной деятельностью всего государства. Особую тревогу вызывают рост преступности среди несовершеннолетних, консолидация преступного мира вообще и возрождение «воровского культа», в частности.

Такие процессы в обществе, как разделение людей на излишне обеспеченных и находящихся за чертой бедности, социальная несправедливость, упадок общей культуры населения страны, снижение трудовой дисциплины, безответственность, утрата человеческого достоинства, чувства гордости и другие негативные явления, на протяжении десятков лет, естественно, не могли искоренить преступность, а наоборот, создали благоприятную почву для ее «совершенствования».

Человек не рождается, а становится преступником в результате неблагоприятного нравственно-психологического формирования его личности, которая, детерминируясь, в последующем дезадаптируется и отчуждается от общества и его ценностей.

«Эти явления в сочетании с неблагоприятными жизненными трудностями, внешними социальными условиями, успешно преодолевать которые лица в силу их недостаточной адаптированности не умеют, выступают основной причиной рецидива преступлений. Пребывание в местах лишения свободы активно способствует дальнейшей дезадаптации личности и выступает поэтому мощным криминогенным стимулом»¹.

Процесс исправления и воспитания осужденного начинается с момента задержания, содержания под стражей в следственном изоляторе.

С нашей точки зрения, процесс исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы преследует триединую цель: наказание за совершенное преступление, изоляцию от общества и исправление преступника. Вместе с тем процесс исполнения уголовного наказания не является простой суммой карательных и воспитывающих элементов, так как происходит нравственное воздействие на целостную личность правонарушителя. Именно поэтому мы и можем

говорить о комплексном подходе к нравственному воспитанию правонарушителя.

Нравственное воспитание как социальное явление выполняет общественную функцию. В настоящее время под ним понимается целенаправленная деятельность по формированию личности гражданина: его нравственного сознания, нравственных чувств и нравственного поведения, – осуществляемая воспитательными учреждениями и сочетающаяся с нецеленаправленными, стихийными социальными влияниями.

Нравственное же развитие личности является результатом отражения в нравственном сознании, нравственных чувствах и нравственном поведении личности общественных отношений, связывающих человека как объекта и субъекта этих отношений с окружающими людьми. «Люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений...»².

А.С. Макаренко, рассматривая отношения как «истинный объект педагогической работы», подчеркивал: «Выключить личность, изолировать ее, вынуть из отношения совершенно невозможно, технически невозможно, следовательно, невозможно себе представить и эволюцию отдельной личности, а можно представить себе только эволюцию отношения»³.

Исправление и нравственное воспитание осужденных связано с сознательным воздействием на все условия, формирующие личность. Если взаимодействие осужденного с разнообразными факторами окружающей его жизни протекает стихийно, не получая целесообразного направления, то воспитательная функция исправительного учреждения не реализуется в полной мере в силу отрицательного влияния социально негативной среды, воздействия на осужденных существующих в этой среде моральных норм.

В процессе исправления и нравственного воспитания правонарушителей формируется единство сознания и поведения, основу которых составляют убеждения, позволяющие личности совершать тот или иной поступок

¹ Вафин Д.Х. Педагогика перевоспитания трудных подростков. Казань, 1996. С. 9.

² Горбунов В.А. Нравственное воспитание в местах лишения свободы. Казань, 2004. С. 4.

³ Макаренко А.С. Некоторые выводы из педагогического опыта // Соч.: В 7 т. М., 1958. Т. 5. С. 244.

сознательно, т.е. с пониманием его целесообразности. Обуславливая поведение осужденного, нравственное убеждение, как правило, принимает форму мотивов, которыми лицо руководствуется в своей деятельности. Для подлинно нравственной личности характерно единство мотивов и действий. Нравственное развитие осужденных детерминируется как социальными, так и биологическими факторами, но сущность личности осужденного образуют ее социальные качества. Исправление и нравственное воспитание личности осужденного принимает характер нравственной ресоциализации – отказа от асоциальных (противоречащих общественной морали) норм и принципов, регулирующих деятельность, общение и отношения личности, освоение нравственных норм как основы самостоятельного формирования системы моральных принципов, принимаемых к исполнению.

В связи с этим исправление и нравственное воспитание осужденного – это накопление и овладение социально-нравственным опытом общественной жизни, становление его отношений.

Важным условием и необходимой предпосылкой в решении жизненных проблем является наличие у осужденных определенных моральных качеств, свидетельствующих об их отношении к обществу (идейность, коллективизм, интернационализм), к труду и его результатам (трудолюбие, дисциплинированность, бережливость), к себе и другим осужденным (честность, доброта, принципиальность, стойкость и др.).

В процессе исправления и нравственного воспитания осужденные изменяются, у них формируются новые качества и черты характера, проявляется и определенная их активность, источником которой являются различные потребности, детерминирующие основную группу свойств личности осужденного и влияющие на ее направленность. «Причем потребность – это не только необходимость в потреблении материальных и духовных ценностей, но и в их производстве, что проявляется в различных видах деятельности. Игнорирование этого фактора в нравственном воспитании ведет к формированию потребителя, а не всесторонне развитой личности»¹.

---

¹ Сухомлинский В.А. Воспитание личности. Киев, 1965. С. 26–27.

Поэтому в исправительно-воспитательном процессе необходимо обеспечить целенаправленное формирование мировоззрения и морально-волевых качеств, составляющих основу гражданских черт личности осужденного. Особую роль в решении этой задачи играет организация такого опыта социально-нравственной деятельности, который бы обеспечивал осознание и выполнение осужденными обязанностей по отношению к обществу.

Кроме того, необходимо обеспечить в воспитательной работе единство нравственного, трудового и правового воспитания. Вот почему проблемы исправления и нравственного воспитания осужденных не могут быть рассмотрены вне связи с другими его сторонами. Интенсификация исправительно-воспитательного процесса требует кардинального улучшения его содержания, использования наиболее активных форм и методов работы.

А.С. Макаренко, указывая на конфликтный характер нравственного воспитания, подчеркивал, что «сущность социально запущенного, дефективного сознания – это дефективность отношений личности, составляющая «очень глубокую» совершенно непроходимую толщу соприкосновений личности и общества, которую почти невозможно раскопать эволюционно потому, что здесь две стороны и обе стороны активные, следовательно, эволюция, в сущности, приводит к эволюции дефективной активности личности... Если отношение в самом начале уже дефективно, если оно в отправной точке уже испорчено, то всегда есть страшная опасность, что эволюционировать и развиваться будет именно эта ненормальность, и это будет тем скорее, чем личность сильнее, т.е. чем более активной стороной она является в общей картине конфликта»².

В динамике процесса исправления и нравственного воспитания осужденных мы выделим *три основных стадии*:

– на *первой*, подготовительной, стадии во внутреннем мире осужденного образуются необходимые предпосылки для возникновения и положительного разрешения конфликтного противоречия между стары-

---

² Макаренко А.С. Выступления и статьи по вопросам педагогики и этики // Соч. Т. 5. С. 363.

ми, отрицательными, и новыми, положительными, отношениями с окружающей его действительностью. На этой стадии создаются условия, способствующие образованию нового опыта нравственного поведения, опыта моральных отношений, затрудняющие проявление старых, отрицательных, наклонностей, привычек. На первой стадии процесс исправления смыкается с процессом нравственного воспитания. Конфликт и преодоление недостатков лишь подготавливаются;

– *вторая стадия*, конфликтная, является центральным звеном в нравственном воспитании. Отрицательные отношения, привычки отвергаются осужденными. Создаются условия, способствующие обострению противоречий между новыми и старыми отношениями, отказу от последних;

– завершающая *третья стадия* характеризуется стремлением осужденного к нравственному самовоспитанию в соответствии с усвоенными положительными идеалами вследствие недовольства своими недостатками.

Следовательно, нравственное самовоспитание, возникая в динамике прохождения осужденными определенных стадий процесса нравственного воспитания, является необходимым условием его завершения.

В построении теории нравственного воспитания необходимо учитывать, что сущность воспитанности осужденного – это знания, навыки, поведение и отношения, в которые осужденный вступает и которые вырабатывает самостоятельно в процессе деятельности, общения и накопления положительного опыта общественного поведения. Этот вывод соответствует диалектическому пониманию сущности человека как совокупности общественных отношений.

При анализе реального процесса исправления и нравственного воспитания осужденных следует обратить внимание на изучение нравственных отношений, так как социальная сущность осужденного определяется теми отношениями, в которые он вступает в процессе деятельности и общения. В системе нравственного воспитания такой подход должен быть основополагающим. К сожалению, анализ отношений, еще не стал доминирующим в практике нравственного

воспитания осужденных. Более широко используются **два подхода к построению системы нравственного воспитания в исправительных учреждениях:**

1) *интеллектуальный*, придающий первостепенное значение приобретению знаний, формированию нравственного сознания;

2) *поведенческий*, когда главное внимание уделяется выработке навыков поведения, накоплению положительного социального опыта.

Таким образом, только комплексный подход к организации исправления и нравственного воспитания осужденных, единство нравственного просвещения и накопления опыта нравственного поведения обеспечивают успех нравственного воспитания. Естественно, что воспитательное значение в формировании нравственного облика имеет накопление опыта нравственного поведения. Вместе с тем нравственные побуждения личности осужденного, являясь субъективной стороной его поступков, диктуют определенный способ поведения, который необходимо превратить в привычный. Каждый осужденный должен накапливать опыт нравственного поведения как концентрированное выражение его воли.

Исправление и нравственное воспитание есть процесс перехода элементов из программы идеального поведения в состав реального, что означает приведение наличного опыта поведения в соответствие с нравственными целями и потребностями осужденных.

Педагогический процесс исправления и нравственного воспитания осужденных сложен и противоречив. В нем возникают и им движут многочисленные внешние и внутренние противоречия, однако ведущим противоречием педагогического процесса нравственного воспитания является противоречие между асоциальными потребностями осужденного и невозможностью их удовлетворения в привычной для осужденного асоциальной деятельности. Включение осужденного в систему социально-нравственной деятельности создает основу для разрешения этого противоречия путем формирования системы моральных потребностей.

И.И. Гусева,
*доцент кафедры уголовно-процессуального
права ВЮИ ФСИН России*
кандидат юридических наук

**СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА СТАДИИ
ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Возросший уровень преступности на современном этапе развития российского общества заставляет задуматься об эффективных способах ее подавления. В их числе разрабатываются различные мероприятия, направленные на стабилизацию и улучшение криминогенной ситуации, включающие совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства. При этом важным остается преодоление отставания в развитии уголовно-процессуальной формы от насущных задач, стоящих перед правоприменительными органами.

Ни один, даже самый совершенный, закон (в том числе и уголовно-процессуальный), не является идеальным и имеет пробелы. УПК РФ 2001 г. также далек от совершенства, некоторые его нормы слишком усложнены или вообще не предусматривают той или иной юридической процедуры. Поэтому нередко те или иные предписания закона остаются безрезультатными или используются недостаточно эффективно. С точки зрения законодательной техники недостатки устраняются путем внесения изменений или дополнений в УПК, как правило, позже, чем с ними столкнулся правоприменитель, а иногда не устраняются вовсе.

Проблема несовершенства УПК РФ, на наш взгляд, в большей степени состоит в консерватизме законодателя, что само по себе не плохо (при наличии определенных условий). Чтобы преодолеть «мертвые» нормы закона необходимо отказаться от бюрократизации уголовно-процессуальной деятельности и излишней формализации норм УПК РФ, стоящих на пути перестройки в уголовном судопроизводстве (УПС).

По отношению к уголовному процессу формализм заключается, по верному определению Н.Н. Полянского, в «соблюдении установленных законом форм без учета их действительного значения и цели, в такой

фетишизации форм, когда они чтутся сами по себе...»¹.

Преодоление бюрократических обструкций в нормах уголовно-процессуального законодательства позволяет быстрее, рациональнее, экономичнее решать задачи УСП, не ущемляя гарантий защиты прав и свобод граждан. Однако для соблюдения свободы, как отмечал Ш. Монтескье, судебные формальности необходимы, но число их не должно быть настолько велико, чтобы они стали препятствием для целей тех законов, которые их же установили. Иначе дела могут тянуться без конца, а стороны будут лишь разоряться от бесконечных расследований².

В прямой зависимости от рациональности и простоты процессуальной формы находятся быстрота и доступность судопроизводства, необходимые для осуществления назначения уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ).

Одним из острых вопросов, который нуждается в законодательном разрешении, остается собирание доказательств в стадии возбуждения уголовного дела. Чаще всего это вызвано необходимостью изъятия или принятия каких-либо предметов, документов, денежных купюр и других объектов. Данная проблема давно и многократно обсуждалась в юридической литературе³, но законода-

¹ Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 141.

² Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 643.

³ См.: Орлов Ю.К. О процессуальной природе представления вещественных доказательств гражданами и участниками процесса в органы расследования // Тр. Иркут. ун-та. Иркутск, 1965. Т. 39. Вып. 7. Ч. 2. С. 75–83; Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 84–89; Томин В.Т. Взаимодействие органов внутренних дел с населением в борьбе с преступностью. Омск, 1975. С. 46–56; Ларин А.М. Истребование и представление документов в стадии расследования // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий. Ташкент, 1982. С. 62–68; Фуфыгин Б.В. Представление доказательств в советском уголовном процессе // Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан. Калинин, 1982. С. 28–37; Бедняков Д.И. О принятии предметов и документов, представленных в порядке ч. 2 ст. 70 УПК РСФСР // Процессуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе. Волгоград, 1988. С. 37–44; Никольюк В.В., Кальницкий В.В., Шаламов В.Г. Истребование предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела. Омск, 1990 и др.

тельного разрешения не получила до настоящего времени. Как поясняет профессор П.С. Элькин, «сложность и многогранность уголовно-процессуальных отношений требуют не только больших усилий законодателя, но и большого исторического времени и опыта в накоплении и формулировании положений, которые могли бы исчерпывающе предусмотреть все отношения...»¹. Однако, по нашему мнению, период «накопления и формулирования» применительно к рассматриваемому вопросу слишком затянулся.

При изъятии всевозможных объектов в уголовных делах и отказных материалах встречаются различные документы². Тем не менее ни одно из действий, при производстве которых составляются данные документы, УПК РФ не предусматривает. Чтобы не входить в конфликт с законом, оперативно-следственные работники в последнее время, производя изъятие объектов, которые могут впоследствии служить доказательством, составляют протокол без названия какого-либо действия. После возбуждения уголовного дела следователь формально осуществляет выемку изъятых ранее объектов у сотрудника милиции. Таким образом, затрачиваются время и средства, отвлекаются следователь (дознатель), лицо, у которого необходимо «изъять изъятое», а иногда и допросить его, граждане, привлекаемые в качестве понятых. И все это направлено на осуществление уже выполненных действий. Согласно проведенному анкетированию 206 уголовных дел было установлено, что в 62,1 % случаев производство выемки дублировало факт изъятия, осуществленного еще в стадии возбуждения уголовного дела. Кроме того, если первоначальные документы оформлены неверно, то доказательство может быть признано недопустимым.

¹ Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967. С. 186.

² Из-за отсутствия процедурной нормы на практике чаще всего встречаются такие документы, как акт или протокол изъятия, протокол добровольной выдачи, протокол обнаружения, протокол истребования материалов, протокол передачи предмета и др. Называется до 30 наименований документов. [См. об этом: Быховский И.Е. Об актуальных вопросах совершенствования процессуальной регламентации следственных действий // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий. Ташкент, 1982. С. 5.]

Если в УПК РСФСР (ст. 70, 109) предусматривалась возможность истребования необходимых материалов и их представления (не регламентировался лишь процессуальный порядок этих действий), то УПК РФ 2001 г. углубил этот недостаток. Часть 1 ст. 144 предусматривает лишь обязанность уполномоченных лиц проверить сообщение о преступлении, не регламентируя процессуальный порядок этой проверки и соответственно порядок изъятия объектов, могущих иметь доказательственное значение по уголовному делу. В то же время ч. 1 ст. 86 УПК РФ определяет, что «собираение доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства... путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом». Под «процессуальным действием» п. 32 ст. 5 УПК РФ понимает следственное, судебное или иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом. Таких действий, как получение объяснений, производство исследований, истребование документов, предметов, получение или изъятие объектов, образцов для сравнительного исследования, участие специалиста (если это не осмотр места происшествия), необходимых для закрепления следов преступления и установления лица, его совершившего, в стадии возбуждения уголовного дела для прокурора, следователя, дознавателя, закон не предусмотрел. В этой связи данные действия в полной мере нельзя назвать процессуальными, т.к. ни ст. 5 УПК РФ, ни другие статьи, регламентирующие обязанность проведения проверки в стадии возбуждения уголовного дела, о них не упоминают.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что законодатель не предусматривает в стадии возбуждения уголовного дела ни одного процессуального действия (кроме следственных, указанных в ч. 4 ст. 146 УПК РФ), в ходе которых прокурор, следователь либо дознаватель с соблюдением принципа законности могут (а вернее, должны) получать доказательства. Статья 75 УПК РФ относит к недопустимым доказательствам те, которые получены с нарушением требований настоящего Кодекса. О недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением установленного законом порядка (ч. 3 ст. 7 УПК РФ), говорится и в приказе Генерального прокурора РФ «Об организации про-

кураторского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства» от 05.07.2002 № 39.

По смыслу закона явствует, что материалы, собранные в стадии возбуждения уголовного дела (непроцессуальным способом), ни коим образом не могут быть положены в основу обвинения либо использоваться для доказывания любого из обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, а могут лишь служить основанием для решения вопроса об обоснованности возбуждения уголовного дела.

На наш взгляд, данная проблема может быть решена, если отказаться от изжившего себя построения стадий уголовного процесса, исключив стадию возбуждения уголовного дела как собственно, так и сам акт возбуждения¹. Данное предложение может быть воспринято неоднозначно. Однако следует согласиться с мнением Л.М. Володиной и О.И. Клоц о том, что «догматы науки втискивают уголовный процесс в прокрустово ложе нами же выработанных субъективных представлений о нем»². Чтобы добиться эффективности в уголовно-процессуальной деятельности, эти представления, с нашей точки зрения, необходимо менять.

Производство по уголовному делу (уголовное преследование) должно начинаться

с момента регистрации информации о совершенном или готовящемся преступлении вне зависимости от установления лица, его совершившего.

Законодательное закрепление указанных предложений нивелирует потребность в проверке сообщений о преступлениях. Не нужно проводить лишних действий по проверке повода с целью получения достаточных данных о признаках преступления. Как нам кажется, проверяться должна лишь та информация, в которой содержатся сведения о несчастных случаях, авариях, катастрофах, стихийных бедствиях и иных событиях, требующих проверки для обнаружения признаков преступления.

В случае начала производства по уголовному делу с момента регистрации информации о преступлении отпадает проблема выполнения процессуальных и следственных действий до возбуждения уголовного дела, в том числе и собирания доказательств путем их истребования, изъятия, представления и пр. Возможность их производства появляется сразу. Доказательства, полученные после регистрации сообщения о преступлении в результате следственных действий, не утрачиваются, а приобретают реальную силу.

А.В. Каляшин,

*преподаватель кафедры административного права и административной деятельности
ОВД ВЮИ ФСИН России*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКА УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Одно из специфических свойств административно-правового статуса сотрудника уго-

ловно-исполнительной системы (УИС) заключается в особом порядке правового регулирования прохождения службы в УИС.

Служебно-функциональные правоотношения в процессе деятельности сотрудников построены в основном на нормах административного законодательства. В частности, п. 3 ст. 24 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»³ от 21.07.1993 № 5473-1 устанавливает, что порядок и условия службы сотрудников УИС регламентируются настоящим законом и иными нормативными правовыми актами РФ, нормативными правовыми актами Минюста России. Однако в практической деятельности в органах и учреждениях УИС приходится применять и нормы права других отраслей российского законодательства.

¹ Более подробно об этом см.: Гусева И.И. Унифицированный/дифференцированный подход к структуре уголовного процесса Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2004. С. 97–116.

² Володина Л.М., Клоц О.И. Проблемы предварительной проверки материалов о преступлениях // Актуальные проблемы уголовного процесса. Тюмень, 1994. С. 35.

³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316; СЗ РФ. 2002. № 52. Ст. 5132.

Так, сегодня одним из проблемных вопросов остается применение норм трудового права при регулировании прохождения службы в УИС.

С 1 февраля 2002 г. введен в действие Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ)¹, который поставил задачу достижения разумного баланса между защитой прав и интересов работников и обеспечения нормальной деятельности организаций. Правовое регулирование трудовых правоотношений призвано создавать основу для согласованности интересов работников и работодателей, с одной стороны, и субъектов трудовых правоотношений, с другой стороны.

Как выше было указано, трудовые правоотношения в УИС регулируются целым рядом нормативных актов как федерального, так и ведомственного значения. Прежде всего, это Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» с множеством изменений и дополнений, вызванных требованиями времени.

Другим нормативным правовым актом, регулирующим вопросы прохождения службы, является Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации². Имеется также множество приказов Минюста России, регулирующих отдельные вопросы прохождения службы.

В ст. 423 ТК РФ установлено, что законы и иные нормативные правовые акты, действующие на территории РФ, до приведения их в соответствие с ТК РФ работают до тех пор, пока не вступают в противоречие с ТК РФ. Таким образом, сегодня кадровые подразделения органов и учреждений УИС вынуждены применять ведомственное законодательство, учитывая требования ТК РФ в вопросах прохождения службы³.

Отказ от применения норм трудового права при регулировании службы в УИС в силу несоответствия их нормам административного права является ошибочным вследствие неправильного определения действия нормативно-правовых актов по кругу лиц.

По представлению Е. Жанабилова, механизм правового регулирования служебно-трудовых отношений личного состава органов внутренних дел осуществляется методом не прямого распространения на них общих норм трудового права, а путем опосредования их через специальные нормы⁴.

В реальной жизни нормы трудового права применимы к службе в УИС, если они не противоречат законодательству о ней, при сходности некоторых правоотношений с трудовыми. Это возможно, во-первых, когда есть прямое указание в нормативно-правовых актах о службе в УИС. Например, в ст. 44 Положения о службе в органах внутренних дел говорится: «На сотрудников органов внутренних дел распространяется установленная законодательством Российской Федерации о труде продолжительность рабочего времени».

Продолжительность рабочего времени для сотрудников не должна превышать 40 часов в неделю. Однако при необходимости по письменному приказу начальника учреждения или органа УИС сотрудники могут привлекаться к службе сверх обозначенного времени, а также в ночное время, выходные и праздничные дни, за что им предоставляется компенсация в соответствии с трудовым законодательством (ст. 91 гл. 15, ст. 152–154 гл. 21).

Однако сегодня в учреждениях и органах УИС нарушаются данные нормы. В частности, в отделах организации дежурной службы учреждений и органов УИС не ведется суммированный учет рабочего времени, графики суточных дежурств для сотрудников дежурных подразделений отделов отсутствуют, в связи с этим оплата труда за пределами нормальной продолжительности рабочего времени работ-

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

² См.: Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел: Постановление ВС РФ от 23.12.1992 № 4202-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 70 (в ред. 01.04.2005).

³ См.: Соотношение норм Трудового кодекса Российской Федерации и законодательства Российской Федерации о порядке прохождения службы в органах внутренних дел // Правовое обеспечение деятельности органов внутренних дел: Информ. сб. М., 2003. Вып. 4. С. 152.

⁴ См.: Жанабилов Е. Правовое регулирование условий службы рядового и начальствующего состава органов внутренних дел: Учеб. пособие. Караганда, 1990. С. 12.

никам не компенсируется (ст. 152, 153 ТК РФ), в нарушение требований ст. 68 ТК РФ приказы работодателя о приеме на работу не объявляются работникам под расписку¹.

Во-вторых, нормы трудового права применимы при пробелах в нормативно-правовых актах о государственной службе. Так, в п. «а» ст. 5.8 Положения о службе в органах внутренних дел не оговаривается порядок увольнения по собственному желанию. В этом случае следует руководствоваться ст. 80 ТК РФ, согласно которой по истечении двухнедельного срока с момента предупреждения работника в письменной форме об увольнении по собственному желанию он вправе прекратить работу, а администрация предприятия, учреждения, организации обязана выдать работнику трудовую книжку и произвести с ним расчет.

Аргументируя свою точку зрения, приведем высказывание Д.Н. Бахраха и С.Д. Хазанова, которые пишут: «Нормы трудового права в отношениях органов государственной власти со своими служащими могут использовать лишь тогда, когда соответствующие вопросы не урегулированы административно-правовым институтом государственной службы»².

Подобный подход применения норм трудового законодательства к правоотношениям, возникающим в связи с прохождением службы в УИС, изложен и в письме Минтруда России от 22.07.2003 № 2307-6 на запрос ГУИН Минюста России, а также в ряде судебных актов (решение Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2003 № ГКПИ 03-114; определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2000 «Судебные постановления по иску к управлению внутренних дел о восстановлении на служ-

бе отменены как вынесенные с нарушением требований закона»)³.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что правовое регулирование службы в УИС носит комплексный характер и осуществляется как нормами административного права, так и трудового права.

В связи с этим нам представляется неверной позиция тех авторов, которые полагают, что все нормы, регулирующие службу в УИС, относятся только к административному праву. Данные авторы выражают крайние точки зрения, которые далеки от действительности⁴.

Разные правоотношения не могут регулироваться одними и теми же нормами права. С нашей точки зрения, не может быть приоритета норм трудового права над нормами, регулирующими государственную службу, поскольку у них не совпадает предмет регулирования. Они действуют в разных плоскостях, а следовательно, и отсутствует конкуренция норм.

Как пишет Ю.М. Козлов, различные отрасли права в процессе регулирования общественных отношений тесно взаимодействуют, переплетаются. Нередко одни и те же отношения подвергаются одновременному воздействию норм отраслей права и т.п.⁵

Однако для применения норм трудового права при прохождении службы в УИС существует препятствие. Согласно ст. 11 ТК РФ утвержден перечень лиц, на кого действие Кодекса, законов и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, не распространяется, если это не установлено федеральными законами.

В связи с вышеуказанным нам видится важным при принятии закона «О государ-

¹ См.: О соблюдении норм трудового законодательства в УИС: Письмо Министерства юстиции Российской Федерации в Главное управление исполнения наказаний от 26.10.2004 № 18/7/5-379.

² Бахрах Д.Н., Хазанов С.Д. Государственная администрация, ее органы и служащие. Екатеринбург, 1998. С. 62.

³ См. об этом: О порядке применения в уголовно-исполнительной системе Министерства юстиции Российской Федерации трудового права: Письмо Главного управления исполнения наказаний от 26.04.2004 № 18/13-382.

⁴ См.: Малов В.Г. Новое законодательство и его применение в деятельности органов внутренних дел. М., 1975. С. 6; Городецкий А.С. Соотношение трудового законодательства и норм административного права, регулирующих прохождение службы в органах внутренних дел // Пути дальнейшего совершенствования деятельности органов внутренних дел. Киев, 1975. С. 113–114 и др.

⁵ См.: Козлов Ю.М. Предмет советского административного права. М., 1967. С. 3.

ственной правоохранительной службе» внести в главу «Условия прохождения службы сотрудниками правоохранительной службы» статью, изложив ее в следующей редакции: при отсутствии в указанном законе нормы, регулирующей порядок прохождения службы в правоохранительном органе применяются нормы трудового права.

Однако существует и иная точка зрения, Ю.Н. Старилов считает: «Целесообразно в будущем освободить институт государственной службы от действия норм трудового права, даже при том, что институт государственной службы будет включать в механизм правового регулирования аналогичные по формальному содержанию правовые нормы»¹.

В августе 1993 г. был введен в действие один из важнейших для УИС законодательных актов – Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», в котором закреплён и административно-правовой статус сотрудников УИС. Нормы этого закона позволили в условиях становления новой государственности сохранить УИС в ее целостности и смягчили напряженность в вопросе текучести кадров как в период передачи УИС в ведение Минюста России, так и в последующие годы².

С позиции Р.В. Нагорных, «... данный нормативно-правовой акт не охватывает весь спектр общественных отношений, существующих в системе государственного управления исполнения уголовных наказаний, более того, он слабо отражает общую концепцию реорганизации уголовно-исполнительной системы в целях приближения ее к международным стандартам и нормативам, а разделы, посвященные непосредственно правовому положению сотрудников, уже не отвечают требованиям времени»³.

¹ Старилов Ю.Н. Курс общего административного права: В 3 т. М., 2002. Т. 1: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. С. 701.

² См.: Леонов А. Как это было. К 10-летию принятия Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Преступление и наказание. 2003. № 8. С. 20.

³ См.: Нагорных Р.В. Организационно-правовые аспекты кадрового обеспечения и деятельности уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 26.

К тому же, с нашей точки зрения, и название закона также не соответствует жизненным реалиям. Это проявляется в том, что в УИС, кроме учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, входят и органы, реализующие наказания без изоляции от общества (уголовно-исполнительные инспекции), территориальные органы ФСИН России, следственные изоляторы, научные, учебные учреждения и иные формирования⁴. Таким образом, нам представляется правильным изменить наименование закона на более точное: Закон «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы».

Важно отметить, что рассматриваемый закон входит в правовую систему уголовно-исполнительного законодательства, но в то же время одновременно является источником уголовно-исполнительного⁵ и административного права.

Вышесказанное можно подтвердить высказыванием Ю.А. Тихомирова, который пишет: «Группа источников административного права создается субъектами конституционного и других отраслей права и может регулировать соответствующие административно-правовые отношения полностью или частично»⁶.

В настоящий момент нерешен вопрос, связанный с правовым регулированием прохождения службы в УИС.

В результате реформирования государственной службы был принят Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации»⁷ от 27.05.2003 № 58-ФЗ. Этот закон выделил следующие виды государственной службы:

- государственная гражданская служба;
- военная служба;
- правоохранительная служба.

Этот закон впервые дал определение правоохранительной службе. Законодатель

⁴ См.: Перечень видов предприятий, учреждений и организаций, входящих в уголовно-исполнительную систему, утв. постановлением Правительства РФ от 01.02.2000 № 89 // СЗ РФ. 2000. № 6. Ст. 769; 2003. № 44. Ст. 4317.

⁵ См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб. / Под ред. В.Д. Иванова. М., 2000. С. 20.

⁶ Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: Полный курс. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005. С. 120.

⁷ См.: СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

определил этот вид федеральной государственной службы как профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина. Однако представленная дефиниция в настоящее время не применяется, поскольку до сих пор не принят и соответственно не введен в действие отдельный федеральный закон о правоохранительной службе, о необходимости введения в действие которого сказано в ст. 19 этого законодательного акта.

Пока не принят самостоятельный закон о государственной правоохранительной службе, определить, какие субъекты осуществляют правоохранение и соответственно являются правоохранительными органами, непросто. Однако некоторые выводы можно сделать на основании анализа действующего правового материала.

Так, по смыслу Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»¹ от 20.04.1995 № 45-ФЗ защиту, в том числе правоохранение, осуществляют лица, производящие дознание; лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, а также исполнение приговоров, определений и постановлений судов (судей) по уголовным делам.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что с момента принятия и вступления в силу закона «О государственной правоохранительной службе» сотрудники УИС будут проходить государственную правоохранительную службу и приобретут статус государственных служащих. Этот вопрос, как показывает практика, далеко не праздный. От ответа на него зависят содержание и характеристика элементов административно-правового статуса сотрудников, в том числе таких, как обязанности, права, ответственность, правовая защита и социальная поддержка и др.

¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.

Следующий нерешенный вопрос связан с присоединением Российской Федерации в 1996 г. к генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы и протоколам к ним².

Учреждения и органы, исполняющие наказания, входят в систему правоохранительных органов, однако являются достаточно автономным ее элементом³. До 1998 г. они были составной частью органов внутренних дел и поэтому, как правило, в литературе не рассматривались как отдельное звено правоохранительных органов.

На основании указов Президента РФ в целях совершенствования системы исполнения уголовных наказаний в РФ, в соответствии с рекомендациями Комитета Министров Совета Европы о единых европейских пенитенциарных правилах УИС с 1 сентября 1998 г. перешла под юрисдикцию Министерства юстиции Российской Федерации⁴. В связи с передачей возникла потребность в выделении данного правоохранительного органа в самостоятельный, способный решать свойственными ему методами поставленные перед ним задачи.

Далее в соответствии с п. 13 Указа Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»⁵ от 09.03.2004 № 314 и п. 6 Указа Президента РФ «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации»⁶ от 13.10.2004 № 1313 сотрудники учреждений и органов УИС Министерства юстиции Российской Федерации переведены в Федеральную

² См.: О присоединении Российской Федерации к генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы и протоколам к ним: ФЗ от 23.02.1996 № 20-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 9. Ст. 775.

³ См.: Уголовно-исполнительное право. Общая часть: Учеб. / Под ред. Ю.И. Калинина. Рязань, 2001. С. 385.

⁴ См.: О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 08.10.1997 № 110 // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3616; О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.07.1998 № 904 // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3841.

⁵ См.: СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945; № 21. Ст. 2023.

⁶ См.: СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4108.

службу исполнения наказаний и проходят службу во ФСИН России, в ее территориальных органах, учреждениях, исполняющих наказания, следственных изоляторах, а также на предприятиях и в учреждениях, специально созданных для обеспечения деятельности УИС¹.

Таким образом, сегодня в ведении Минюста России сформирован организационно самостоятельный правоохранительный орган – «уголовно-исполнительная система», которую возглавляет федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в сфере исполнения наказаний, – Федеральная служба исполнения наказаний. Сотрудники УИС проходят службу во ФСИН России, в ее территориальных органах, учреждениях, исполняющих наказания, следственных изоляторах, а также на предприятиях и в учреждениях, специально созданных для обеспечения деятельности УИС, и обладают специальным административно-правовым статусом.

Переход УИС в ведомство Минюста России реализован, а нормативного правового акта, регулирующего прохождение службы в органах и учреждениях УИС, до настоящего времени нет. Сегодня порядок и условия прохождения службы сотрудниками УИС регулируются Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации².

Таким образом, сегодня на практике в деятельности УИС приходится применять правовую базу МВД России и УИС, что иногда приводит к образованию правового вакуума. Например, нормативный акт МВД России, регулирующий какие-либо правоотношения, отменен, в УИС соответствующий акт не принят, а отношения, им регулируемые, существуют.

Так, Т.А. Сулиманов пришел к выводу, что сегодня, «к сожалению, следует при-

знать, что надлежащий механизм, отслеживающий отмену ранее действующих нормативных актов МВД, в уголовно-исполнительной системе Минюста России не налажен»³.

К тому же отсутствие законодательной базы прохождения службы в органах и учреждениях УИС беспокоит сотрудников и затрудняет комплектование кадрами его подразделений⁴.

Таким образом, сегодня жизненно важным является принятие закона «О государственной правоохранительной службе в Российской Федерации». На его базе нам представляется целесообразным утверждение Президентом РФ Положения о государственной правоохранительной службе в учреждениях и органах УИС, а затем на основе Положения Минюсту России следует принять Инструкцию о порядке применения Положения о государственной правоохранительной службе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, в котором будут более детально и подробно регламентированы вопросы и особенности прохождения службы в УИС.

Такой порядок принятия нормативных правовых актов, по нашему мнению, создаст предпосылки для упрочнения всей системы действующего законодательства о государственной службе и не позволит государственной правоохранительной службе начинать жить и функционировать по «своим» законам.

В заключение можно сделать вывод, что административно-правовой статус сотрудника УИС регулируется (находится на стыке) несколькими отраслями права (административным, уголовно-исполнительным, трудовым и др.) и является комплексным правовым институтом.

¹ См.: О переводе сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации в Федеральную службу исполнения наказаний: Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 17.01. 2005 № 1 // Ведомости УИС. 2005. № 2. С. 48.

² См.: О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы: ФЗ от 21.07.1998 № 117-ФЗ. Ст. 21 // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3613.

³ Сулиманов Т.А. Проблемы правоприменения в деятельности уголовно-исполнительной системы // Роль органов юстиции в становлении и укреплении институтов государственной власти: Материалы республик. науч.-практ. конф. Казань, 21–22 мая 2002 г. Казань, 2002. С. 152.

⁴ См.: Зотов А.Т. Проблемы совершенствования работы с личным составом уголовно-исполнительной системы // Сборник материалов международной научно-практической конференции: В 2 ч. М., 2004. Ч. 2. С. 44.

А.А. Кулакова,
*старший преподаватель кафедры
пенитенциарной педагогики и психологии
ВЮИ ФСИН России*

ХАРАКТЕРИСТИКА ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Изучение виктимологической ситуации как совокупности обстоятельств, предшествующих преступлению, созданных жертвой преступления или оказавших содействие в формировании криминальной ситуации, привлекает внимание многих ученых-виктимологов¹.

В процессе совершения конкретных преступлений выделяется ограниченный круг значимых обстоятельств, охватывающих наиболее типичные жизненные ситуации. Объективное ядро любых ситуаций, как полагают некоторые криминологи, в качестве постоянных величин составляют следующие элементы: место происшествия; время суток совершения преступления, время года и климатические условия; предмет и мотив преступного посягательства². Анализ конкретного преступления в рамках криминальной ситуации позволяет не только глубоко вникнуть в обстоятельства «появления» потенциального, а затем и реального преступника, но и проследить соответствующую динамику личности потерпевшего.

В результате исследования пенитенциарных преступлений против сотрудников уголовно-исполнительной системы, проведенных автором, были получены следующие данные.

Исследование мест, где совершены преступления, показало, что наибольшее количество (61 %) произошло в пределах исправительного учреждения (ИУ). Основная часть указанных преступлений совершены в производственной зоне – 27 %, в жилых корпусах – 24 %, на остальные территории ИУ приходится 10 % преступлений, 39 % пенитенциарных преступлений совершают-

ся за пределами мест лишения свободы (бары, рестораны, кафе – 23 %, квартиры или дома – 11 %, на открытом воздухе совершено 5 % преступлений).

Анализ времени суток, когда совершались преступления, позволил установить, что большинство из них произошло в ночь (от 22.00 до 06.00). Далее по степени уменьшения показателей следуют вечерний (от 18.00 до 22.00) и дневной (от 12.00 до 18.00) периоды. Наименьшее количество преступлений совершено в утренние часы (от 06.00 до 12.00).

Результаты исследования не дали данных, позволяющих судить о зависимости преступных посягательств против сотрудников уголовно-исполнительной системы от времени года. Что касается климатических условий, то исследование проводилось только на территории Владимирской области, т.е. различия и не могли бы быть выявлены.

Потенциальная жертва на основе своего субъективного восприятия и ценностной ориентации выбирает в конкретный момент времени ту или иную линию поведения и вступает в определенные взаимоотношения с будущим преступником³.

Очень часто именно «социальные связи определяют как существо конфликтов, приведших к преступлению, так и динамику развития криминологической ситуации»⁴. Потому анализ отношений, связывающих причинителя вреда и его жертву, а также характер данных взаимоотношений имеют существенное значение для выяснения как самой причины отрицательного поведения потерпевшего, так и его влияния на механизм преступления.

В ходе исследований были определены следующие виды взаимоотношений, сформировавшихся между преступником и жертвой. Взаимоотношения были разделены:

1) на хорошие – достаточно тесный и близкий контакт взаимодействующих лиц, при отсутствии каких-либо конфликтов и противостояний;

¹ См.: *Исаев Н.В.* Виктимологическое направление предупредительного воздействия на преступность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 14.

² См.: *Антонян Ю.М.* Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С. 27–28.

³ См.: *Черных Е.В.* Допреступная ситуация и ее роль в генезисе насильственного преступления // Сибир. юрид. вестн. 2004. № 4. С. 24.

⁴ *Ривман Д.В.* Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975. С. 94.

2) нейтральные – безразличные взаимоотношения, предполагающие отсутствие какого-либо контакта между людьми, кроме редких эпизодических встреч, также характеризуются отсутствием конфликтов;

3) неприязненные – данные взаимоотношения отличаются определенным противодействием сторон, наличием конкуренции, напряженности, конфликтности;

4) отсутствие взаимоотношений между потерпевшим и преступником.

В структуре исследованных преступлений преобладает группа потерпевших, состоявших с преступником в каких-либо социальных связях, 95 % жертв были в той или иной степени знакомы с преступником. Почти в половине исследованных случаев отношения «жертва–преступник» были нейтральны, немного меньшее количество случаев проходило при враждебных отношениях сторон. Доля лиц, не знакомых лично или едва знакомых, невелика и не превышает 11 %, а положительные отношения возникли только в 3,6 % случаев.

Исследование данных связей, их природы и роли в развитии опасного взаимодействия, приведшего к совершению насильственных преступлений, представляет несомненный интерес.

При этом необходимо отметить, что в структуре социальных отношений, связывающих преступника и потерпевшего, первое место занимает знакомство «осужденный–сотрудник ИУ», на долю которого приходится 46,5 %, 18,3 % – на отношения «бывший осужденный–сотрудник ИУ», в 7 % случаев сотруднику нанесли вред друга осужденного, в 5,6 % случаев – неизвестные люди. В 22,5 % случаев респонденты затруднились назвать тип отношений сторон при совершении преступления.

Развитию виктимогенных ситуаций часто предшествует проблемная ситуация, которая рассматривается как совокупность обстоятельств, требующих незамедлительного принятия решения¹. Особое внимание в научной литературе уделено конфликтным ситуациям, детерминирующим преступное и виктимное поведение ее участников.

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1998. С. 64–65.

Пенитенциарный конфликт есть столкновение противоположных взглядов, мнений, интересов, стремлений, в основе которых лежит обострение противоречий между ними, характеризующееся противоборством, чаще всего открытыми действиями друг против друга в системе ИУ. Это психологически яркое проявление в поведении отдельной личности осужденного или общности².

Анализ преступлений против личности в условиях ИУ свидетельствует о том, что в основе их совершения часто был возникший или существовавший конфликт между осужденными или иными лицами. По данным В.И. Задорожного, большинство преступлений против личности (76,8 %) совершено в результате конфликтов, причем в 12,8 % случаев конфликт возник задолго до совершения преступления, а в 21,6 % – непосредственно перед его совершением, какой-либо конфликт отсутствовал при совершении только в 23,2 % изученных преступлений³.

Проявление индивидуальности, отстаивание своей, отличной от других, позиции может привести к возникновению конфликта, а при неблагоприятном его развитии – и к преступлению. Так, согласно исследованию Е.А. Богачевской, изучавшей насильственную пенитенциарную преступность, в 27 % случаев конфликт возник задолго до совершения преступления, и при этом предпринимались попытки к его разрешению; в 19 % случаев попыток к разрешению длящегося конфликта не было; в 54 % случаев конфликт возник непосредственно перед совершением преступления⁴.

Данные, полученные в результате нашего исследования пенитенциарной преступности, свидетельствуют о том, что конфликт существовал задолго или возник непосредственно перед совершением преступления в 68 % случаев.

² См.: Пономарев И.Б. Конфликты в структуре управленческой деятельности // Психологические проблемы повышения эффективности и качества труда. М., 1991. С. 65; Сухов А.Н. Криминогенное общение в среде осужденных. Рязань, 1991. С. 8.

³ См.: Задорожный В.И. Виктимологическая профилактика преступлений: организационно-управленческий и правовой аспекты: Моногр. М., 2005. С. 106.

⁴ См.: Богачевская Е.А. Криминальное насилие лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.

При этом конфликты возникали в различных сферах деятельности:

- личностно-бытовых отношений;
- безличностно-общественных отношений;
- в сфере производственной деятельности;
- в иных сферах общественной жизни.

Большинство пенитенциарных конфликтов, по данным М.Ф. Костюка, вызвавших совершение преступлений против личности¹, возникало в сфере личностно-бытовых отношений (61,1 %). Происходило это в общежитии отряда, столовой, бане, где осужденные встречаются чаще всего. Для возникновения конфликта нередко существуют такие объективные условия, как перенаселение осужденных в общежитии отряда, отсутствие индивидуальных спальных мест и постельных принадлежностей, некачественное приготовление пищи, недостаток моющих средств и туалетных принадлежностей и т.п.

Безличностно-общественные отношения явились причиной возникновения конфликтов в 6,5 % из числа изученных преступлений. В их основе, как показывают материалы исследования, лежат сложные взаимоотношения между осужденными, нарушающими требования режима содержания, и администрацией ИУ.

Конфликты в сфере производственной деятельности составляют 17,6 %. В процессе производственной деятельности отношения между осужденными и представителями администрации строятся в интересах производства. В этой связи нередко ослабевают режимные требования, приоритет отдается производственной целесообразности. При этом нередко отсутствует реагирование на нарушения режима содержания, допускаются случаи употребления осужденными спиртных напитков, в том числе с представителями администрации учреждения.

В научной литературе исследуются причины конфликтов в условиях пенитенциарных учреждений². Авторами выделяются следующие основные группы причин конфликтов:

- недостатки в деятельности администрации по организации жизнедеятельности ИУ, а также сложившееся у осужденных стойкое предубеждение в том, что сотрудни-

ники, обеспечивающие исполнение уголовных наказаний, делают все, чтобы осужденным было плохо;

- существование негативных социально-психологических явлений (воровской субкультуры, стратификации, тюремных традиций, обычаев, криминального общения и т.д.);

- особенности отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях. Психологическое и физическое пребывание в среде преступников при ограниченности контактов с внешним миром, информационная истощенность, публичность, трудности, возникающие в межличностном общении, вызывают отрицательные эмоции и истощение нервной системы;

- индивидуально-психологические особенности личности, имеющей характерологические и патологические отклонения в развитии психики, а также степень «тюремнизированнойности», конфликтности, алкогольной и наркотической пораженности.

Необходимо заметить, что проблема причин и условий формирования агрессивной криминогенной мотивации осужденных, образования конфликтной криминальной ситуации при исполнении уголовного наказания требует специального криминопсихологического исследования.

Результаты, полученные нами в ходе анкетирования сотрудников УИС и интервьюирования руководителей учреждений, подтверждают наличие этих причин пенитенциарных конфликтов. Однако, с нашей точки зрения, современное состояние дел в пенитенциарной системе имеет свои особенности.

Так, участниками пенитенциарных конфликтов с представителями администрации учреждений, как правило, всегда выступали осужденные, совершившие насильственные преступления, большинство из которых считают свое осуждение и наказание несправедливым, а себя невиновными или менее виновными в предъявленных им в обвинение деяниях.

Гуманизация же российского уголовного законодательства, происходящая в настоящее время, способствовала тому, что сократилось количество граждан, лишенных свободы, и как следствие, качественно ухудшила социально-демографический состав осужденных. Сегодня в ИУ сосредоточены наиболее запущенные в социальном плане категории граждан. Преобладают

¹ См.: Костюк М.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях. М., 2000. С. 87.

² См.: Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Исправительно-трудовая психология. М., 1975. С. 287.

осужденные с устойчивым антиобщественным настроем, имеющие значительные сроки наказания, ориентированные на деструктивное поведение, поддержание и насаждение воровских традиций.

Современная статистика свидетельствует, что в учреждениях уголовно-исполнительной системы более 60 % осужденных отбывают наказания за совершение особо опасных и опасных преступлений. Более 30 % – это люди, страдающие психическими заболеваниями, отклонениями¹. Постоянно увеличивается число лиц, осужденных за бандитизм и участие в организованных преступных группировках. На этой почве заметны попытки консолидации наиболее криминальных элементов, их стремление усилить свое влияние на положение дел. Они используют любые средства, чтобы дискредитировать администрацию, сформировать негативное общественное мнение о ней.

А.С. Панова,

*старший преподаватель кафедры
юридических дисциплин*

*Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ, ВЫПУСКАЕМОЙ ПРЕДПРИЯТИЯМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Проводимые экономические преобразования в стране оказывают огромное влияние на все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и на уголовно-исполнительную систему (УИС).

В интересах развития социальной сферы УИС, а также привлечения осужденных к труду созданы и функционируют предприятия УИС, располагающие серьезным производственным потенциалом.

Согласно ст. 18 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. № 5473-1² предприятия УИС

¹ См.: Интервью директора ФСИН России Ю.И. Калинин // Преступление и наказание. 2005. № 11. С. 4.

² См.: ВСНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316; СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2964; 1998. № 16. Ст. 1796; № 30. Ст. 3613; 2000. № 26. Ст. 2730; 2001. № 11. Ст. 1002; 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5132; 2003. № 50. Ст. 4847; № 52 (ч. 1). Ст. 5038; 2004. № 10. Ст. 832; № 27. Ст. 2711; № 35. Ст. 3607.

Это отрицательно влияет на состояние оперативной обстановки в местах лишения свободы, способствует росту числа конфликтов между осужденными и администрацией, снижает эффективность принимаемых мер по обеспечению устойчивого правопорядка в ИУ.

Итак, виктимогенная ситуация, предшествующая или способствующая совершению преступления в определенном месте в определенное время, является фоном для взаимодействия комплекса виктимогенных факторов преступности. Предкриминальная ситуация в рамках детерминации может играть и роль причины, и роль условия, способствующего совершению преступления. Конфликтный характер ситуаций, возникающих в местах лишения свободы между представителями администрации и осужденными, может во многих случаях перерасти в предпреступную или криминальную ситуацию.

наделены самостоятельной производственной инициативой, самостоятельно выбирают поставщиков материально-технических ресурсов и покупателей выпускаемой продукции, распоряжаются произведенной продукцией, за исключением продукции, изготовленной по заказу для государственных нужд, и всей полученной прибылью, оставшейся после уплаты обязательных платежей в соответствующие бюджеты.

Сегодня номенклатура продукции, выпускаемой предприятиями УИС, включает более ста наименований, в том числе: трубозапорная арматура, фланцы стальные, люки чугунные, гантели стальные, шкафы бытовые металлические, сейфы для бумаг, спортивные городки для детских площадок и т.д. Для обеспечения функционирования УИС изготавливается вещевое имущество для личного состава и спецконтингента, бытовое оборудование для камерных помещений и помещений отрядов учреждений (тумбочки, кровати, табуреты, стеллажи, бытовые шкафы и т.п.).

Стоимость общего объема производства продукции ежегодно составляет миллионы рублей. Например, за 2005 г. предприятиями УИС Республики Татарстан было произведено продукции на сумму более 636 млн руб. При этом удельный вес сертифицированной продукции в общем объеме продукции, подлежащей обязательной сертификации, состав-

вил 100 %. Подготовлены и направлены в Татарстанский центр стандартизации, метрологии и сертификации¹ документы с целью добровольного подтверждения соответствия костюма рабочего для защиты от общих производственных загрязнений.

В государственном унитарном предприятии (ГУП) учреждения ИК-4 (г. Нижнекамск) проведена сертификация задвижки стальной клиновой 30с41нж. С этой целью подготовлена конструкторская документация, технические условия, технологический процесс, установлено 10 единиц оборудования, изготовлен и аттестован гидравлический стенд для испытания задвижек.

Большую работу по разработке технических условий на выпускаемую в УИС продукцию выполняет Научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий ФСИН России.

За период с 2003 по 2005 г. прошли обязательную сертификацию в Системе сертификации ГОСТ Р задвижки стальные клиновые с выдвижным шпинделем, задвижки чугунные клиновые с выдвижным шпинделем, фильтры чугунные магнитные фланцевые, выпускаемые предприятиями УИС Республики Татарстан.

Сегодня прибыль, получаемая предприятиями УИС от производства и реализации продукции, зависит от качества выпускаемой продукции.

По справедливому утверждению Е.В. Емельяновой, в настоящее время одной из главных проблем предприятий УИС является выпуск продукции со слабой конкурентной способностью. Это вызвано в первую очередь низким качеством выпускаемой продукции, на что влияют следующие факторы: недостаточная квалификация рабочих-осужденных, незаинтересованность их в ряде слу-

чаев в результатах своего труда, устаревшее и изношенное оборудование и др.² К этому следует добавить, что контроль над качеством выпускаемой на предприятиях УИС продукции осуществляют органы УИС, что свидетельствует о наличии лишь внутрисистемного ведомственного контроля (надзора).

Основными руководителями производственной деятельности исправительного учреждения (ИУ) являются: начальник ИУ, директор предприятия, главный инженер, начальники служб, начальники цехов и мастера производственных участков. В составе управленческого аппарата на предприятиях ИУ действуют следующие функциональные службы: производственно-технический отдел, экономический отдел, отдел труда и заработной платы, отдел главного механика, отдел маркетинга и материально-технического снабжения и др.³

При этом особое внимание необходимо уделять деятельности такого звена в системе контроля качества выпускаемой предприятием УИС продукции, как отдел технического контроля (ОТК).

Правовое положение ОТК регулируется Типовыми положениями об отделах технического контроля, утвержденных постановлением Совета Министров СССР от 13 июля 1962 г.⁴, а также Типовым положением об отделе (управлении) технического контроля промышленного предприятия (объединения), которое было утверждено постановлением Совета Министров СССР от 11 декабря 1979 г.⁵

ОТК является структурным подразделением промышленного предприятия (объединения). Главная задача ОТК заключается в предотвращении выпуска (поставки) предприятием (объединением) продукции, не соответствующей требованиям стандартов и технических условий, утвержденным образцам (эталонам), проектно-конструкторской и технологической документации, условиям поставки, или некомплектной продукции. Предприятие может реализовывать лишь продукцию, принятую ОТК. Кроме того, на продукцию должны быть оформлены серти-

¹ Татарстанский центр стандартизации, метрологии и сертификации являлся структурным подразделением Государственного комитета РФ по стандартизации, метрологии и сертификации, который на основании указов Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. № 314 и «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» от 20 мая 2004 г. № 649 был преобразован в Федеральное агентство по техническому урегулированию и метрологии» [См.: СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945; № 21. Ст. 2023; № 31. Ст. 3234; № 38. Ст. 3775; № 42. Ст. 4107; № 47. Ст. 4635; № 49. Ст. 4889; 2005. № 12. Ст. 1023; Рос. газ. 2005. 27 июля.]

² См.: Емельянова Е.В. Основы экономики предприятий учреждений УИС Минюста России: Крат. курс лекций / Под общ. ред. О.Г. Царькова; ВЮИ Минюста России. Владимир, 2001. С. 60.

³ См.: Емельянова Е.В. Указ. соч. С. 44.

⁴ См.: СП СССР. 1962. № 14. Ст. 114.

⁵ См.: там же. 1980. № 2. Ст. 11.

фикат, паспорт, формуляр или другой документ, удостоверяющий соответствие этой продукции установленным требованиям. Иными словами, деятельность ОТК сводится главным образом к разбраковке продукции.

В настоящее время многие коммерческие организации, занимающиеся изготовлением продукции, самостоятельно решают вопрос о форме внутреннего контроля качества выпускаемой продукции. Внутренний контроль может осуществляться посредством функционирования ОТК либо с помощью специальных электронных систем, устанавливаемых на предприятии¹. Однако не все предприятия УИС имеют в качестве структурных подразделений ОТК. Последние существуют на некоторых крупных предприятиях УИС, на остальных предприятиях функционируют пункты технического контроля.

В мировой практике многие предприятия перешли к взаимоотношениям со своими поставщиками на основе систем качества. Предприятие-покупатель либо само оценивает систему качества поставщика, либо, что становится всеобщей практикой, запрашивает у поставщика сертификат на систему качества².

Наиболее известными нормативными документами, регулирующими деятельность по сертификации систем качества изготовителей, являются стандарты Международной организации по стандартизации (ИСО) серии 9000.

Разрабатывая программу повышения конкурентоспособности продукции, предприятиям УИС следует иметь в виду, что в мировой практике конкурентоспособность продукции определяется следующими факторами:

- соответствие качества продукции требованиям рынка и конкретного потребителя;
- совокупные затраты на закупку, доставку и эксплуатацию продукции;
- способность предприятия выполнять поставки в сроки, удобные для потребителя;
- репутация предприятия на рынке, наличие аргументов, подтверждающих надежность предприятия как партнера, и способность представить эти аргументы.

---

¹ См.: Панова А.С. Правовое регулирование отношений по подтверждению соответствия продукции. Казань, 2005. С. 43–44.

² См.: Сертификат, качество товара и безопасность покупателя / Г.П. Воронин, В.Г. Версан, В.И. Седов и др. М., 1998. С. 146.

Исторически сложилось, что все это интегрируется в понятие «система управления качеством», или «система качества». Поэтому можно сказать, что сегодня конкуренция предприятий на рынке – это, по существу, борьба действующих на них систем качества³.

Кроме того, необходимо принятие мер по дальнейшему расширению номенклатуры выпускаемой на предприятиях УИС продукции с учетом требований рынка и спроса потребителей. Для этого нужно использовать такой инструмент обеспечения качества выпускаемой продукции, как подтверждение соответствия, понимаемое как документальное удостоверение соответствия продукции или иных объектов, процессов производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнения работ или оказания услуг требованиям технических регламентов, положениям стандартов или условиям договоров⁴.

Объектом обязательного подтверждения соответствия является продукция, которая выпускается в обращение на территории РФ и представляет потенциальную опасность для жизни, здоровья и имущества граждан, окружающей природной среды.

Обязательное подтверждение соответствия конкретной продукции проводится только в случаях, установленных соответствующим техническим регламентом, и исключительно на соответствие требованиям технического регламента. Требования последнего не подлежат расширительному толкованию.

Добровольное подтверждение соответствия не может заменить обязательного подтверждения соответствия и осуществляется в целях повышения качества и конкурентоспособности продукции, увеличения размеров прибыли предпринимателей от реализации добровольно сертифицированных товаров, а также в целях ускорения товарооборота.

---

³ См.: Сертификат, качество товара и безопасность покупателя. С. 149.

⁴ См.: О техническом регулировании: ФЗ от 27 дек. 2002 г. Ст. 2 // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140; 2005. № 19. Ст. 1752. Термин «подтверждение соответствия» является сравнительно новым для юридической науки. Впервые он был введен в действие Правилами по проведению сертификации в Российской Федерации, утвержденными Постановлением Госстандарта России от 10 мая 2000 года [См.: БНА РФ. 2000. № 28; 2002. № 33.]

Объекты добровольного подтверждения соответствия – продукция, в отношении которой национальными стандартами, стандартами организаций, системами добровольной сертификации и договорами устанавливаются определенные требования и которая не подлежит обязательному подтверждению соответствия.

Следует обратить внимание на установление требований к продукции в гражданско-правовом договоре. При заключении договора купли-продажи (поставки) условия о качестве товара имеют важное значение. Продавец обязан передать покупателю товар, качество которого соответствует договору купли-продажи (п. 1 ст. 469 ГК РФ). В договоре требования к качеству продукции, не подлежащей обязательному подтверждению соответствия, нужно определять путем указания на стандарты, которым должно соответствовать качество товара.

Определение качества товара путем отсылки к соответствующему стандарту – наиболее распространенный способ как в национальном, так и в международном торговом обороте. Стандартизация товаров позволяет четко определять их качество на высоком профессиональном уровне, избегая при этом чрезмерной описательности¹.

По иному обстоит дело в отношении продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия. При заключении договора купли-продажи (поставки) сторонам не обязательно достигать соглашения по поводу требований, которым должна соответствовать продаваемая (поставляемая) продукция, т.к. помимо воли сторон, в отношении такой продукции действуют императивные нормы законодательства об обязательном подтверждении соответствия, а именно данная продукция должна соответствовать требованиям конкретного технического регламента. Последний действует независимо от желания сторон договора, поэтому наличие или отсутствие такого условия в договоре не имеет юридического значения.

Обязательное подтверждение соответствия осуществляется в таких формах, как обязательная сертификация и декларирование соответствия.

Добровольное подтверждение соответствия реализуется в форме добровольной сертификации.

Заслуживает внимания позиция Н.Е. Карягина и З.Ф. Сафина, которые указывают, что «широкому развитию и внедрению сертификации способствуют две ее основные возможности – она является средством информации потребителей и может стать одним из наиболее эффективных средств правового регулирования торговых отношений, поскольку опирается на четко сформулированные и доступные для контроля нормативные документы»².

Сертификация осуществляется в рамках системы и по выбранной схеме. Порядок ее проведения детализируется правилами конкретной системы сертификации, но основные этапы данной деятельности одинаковы независимо от вида сертификации, заявителей на ее проведение, разновидности продукции. Как правило, сертификация продукции состоит из следующих основных этапов:

- подача заявки на сертификацию;
- принятие решения по заявке, в том числе выбор схемы сертификации;
- отбор, идентификация образцов продукции и их испытаний;
- оценка производства (если это предусмотрено схемой сертификации);
- анализ полученных результатов и принятие решения о возможности выдачи сертификата соответствия;
- выдача сертификата соответствия;
- осуществление инспекционного контроля над сертифицированной продукцией в соответствии со схемой сертификации.

Декларирование соответствия, как уже говорилось, является формой обязательного подтверждения соответствия продукции требованиям технических регламентов. Осуществляют декларирование соответствия, как правило, изготовители и продавцы с использованием определенных схем декларирования соответствия. Принятая декларация о соответствии подлежит регистрации.

Исследование хозяйственной деятельности предприятий УИС свидетельствует о недостаточном использовании декларирования соответствия и добровольной сертификации

¹ См.: Гражданское право: Учеб.: В 3 т. / А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой, Е.Ю. Валявина и др. М., 2001. Т. 2. С. 23.

² Карягин Н.Е., Сафин З.В. Практикум по российскому предпринимательскому праву: Учеб.-метод. пособие. М., 2001. С. 154.

при подтверждении качества выпускаемой продукции. Это связано главным образом с отсутствием в рамках УИС собственных испытательных лабораторий (центров).

Таким образом, развитие качества и конкурентоспособности выпускаемой продукции является одним из главных направлений развития предприятий УИС. Для этого необходимо, чтобы вся продукция, производимая предприятиями УИС, проходила сертификацию в известных системах обязательной и добровольной сертификации, следует активно использовать декларирование соответствия продукции, задавать требования к качеству продукции с учетом требований международных и региональных стандартов.

И.В. Пикин,

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ГАРАНТИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Не вызывает сомнения, что важнейшим показателем высокой степени демократичности и цивилизованности современного государства является закрепление в действующем законодательстве и эффективная реализация системы прав и свобод человека и гражданина. В такой ситуации права и свободы приобретают качество своеобразного базиса, на котором основывается вся разветвленная система юридических возможностей, обеспечивающих максимально полную реализацию личностью своих интересов.

Вместе с тем провозглашение прав и свобод может стать пустой формальной декларацией, если их осуществление не будет обеспечено при помощи различных средств, получивших в научной литературе название гарантий, под которыми понимается система действия общих условий и специальных средств, обеспечивающих правомерное осуществление прав и свобод личности. Эти гарантии представляют собой не просто совокупность разрозненных элементов, а образуют отвечающую требо-

При этом следует помнить положения Уголовно-исполнительного кодекса РФ¹, в соответствии с которыми производственная деятельность осужденных не должна препятствовать выполнению основной задачи ИУ – исправлению осужденных (ч. 5 ст. 103). Интересы исправления осужденных не должны подчиняться цели получения прибыли от их труда. Учреждения, исполняющие наказания, обязаны привлекать осужденных к труду, осуществлять их общее и профессиональное образование, профессиональное обучение, обеспечивать охрану здоровья осужденных. Заработанные осужденными средства должны идти на обеспечение их дополнительным питанием и улучшение условий содержания.

ваниям законности сбалансированную и сбалансированную в своих частях систему, выступающую действующим механизмом осуществления прав и свобод².

В юриспруденции гарантии традиционно принято воспринимать в качестве триединой системы, включающей в себя: общие, специально-юридические и организационные гарантии³. Общие гарантии представляют собой экономические, социальные, политические, идеологические и другие виды условий, выступающих по отношению к правам и свободам в качестве благоприятной среды их реализации.

Общее понятие юридических гарантий в научной литературе является более однозначным, несмотря на включение в него тех или иных аспектов, характеризующих данную правовую категорию. Большинство авторов склоняются к мнению, что под юридическими

¹ См.: СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198; 1998. № 2. Ст. 227; № 30. Ст. 3613; № 31. Ст. 3803; 1999. № 12. Ст. 1406; 2001. № 11. Ст. 1002; № 13. Ст. 1140; № 26. Ст. 2589; 2003. № 24. Ст. 2250; № 50. Ст. 4847; 2004. № 27. Ст. 2711; № 35. Ст. 3607; № 45. Ст. 4379; 2005. № 6. Ст. 431; № 14. Ст. 1213–1214; № 19. Ст. 1753–1754.

² См.: Колташов А.И. Гарантии реализации и защиты прав и свобод молодежи в РФ // Юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина: региональные проблемы: Сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1998. С. 21.

³ См.: Шубина Т.Б. Теоретические проблемы защиты права: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 10.

гарантиями следует понимать закрепленные законодательством средства и способы, которые непосредственно обеспечивают правомерное осуществление и защиту прав, свобод и законных интересов личности¹.

В системе реализации прав и свобод граждан юридические гарантии имеют существенное самостоятельное значение и их не следует воспринимать в качестве второстепенного элемента, оказывающего лишь служебные функции.

В чем же конкретно проявляется юридическое гарантирование прав и свобод? В частности, Н.В. Витрук среди всех юридических гарантий прав и свобод личности предлагает выделять две группы: 1) гарантии реализации и 2) гарантии охраны (защиты). К гарантиям реализации он относит следующие их виды: конкретизация пределов (границ) прав и свобод; юридические факты, с которыми связывается их реализация; процессуальные формы осуществления прав и свобод; меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной инициативной их реализации.

Ко второй группе гарантий он относит надзор и контроль над правомерностью поведения субъектов права с целью выявления случаев правонарушений; правовую защиту; юридическую ответственность; пресечение и другие правоохранительные меры; процессуальные формы охраны прав и обязанностей (включая формы применения правоохранительных мер); профилактику и предупреждение правонарушений².

Указанная точка зрения является весьма обстоятельной, затрагивающей практически все основные аспекты правовой системы. На наш взгляд, в данном случае применима более емкая формулировка данного вида гарантий, предложенная А.Н. Бабаем, – самообеспеченность прав и свобод, подразумевающая их четкую формулировку в законодательстве без возможности двоякого толкования³.

То же самое следует отнести и к гарантиям защиты, которые, по мнению Н.В. Витрука, содержат профилактику и предупрежде-

ние преступности. Указанные меры, несомненно, имеют большое значение в деле борьбы с правонарушениями, но с сугубо правовой точки зрения назвать их юридическими средствами защиты представляется весьма проблематичным.

Поэтому с учетом специфики нашего исследования столь широкая трактовка юридических гарантий, на наш взгляд, является мало применимой в отношении осужденных к лишению свободы. Такое положение вещей обусловлено включением в него слишком большого количества компонентов, что ведет к размытию его содержания, а также не позволяет реально определить его внутреннюю сущность. Поэтому система юридических гарантий прав и свобод рассматриваемой категории лиц представляется нам следующим образом. Соглашаясь с мнением Н.В. Витрука, мы также предлагаем выделять две формы юридических гарантий: 1) гарантии реализации прав и свобод и 2) гарантии их правовой защиты. Однако, что касается определения содержания этих форм, то мы наполнили их несколько иным смыслом.

К первой группе юридических гарантий мы отнесли ряд характерных признаков и особенностей, раскрывающих содержательную сторону прав и свобод лиц, находящихся в исправительных учреждениях: закрепление прав и свобод в нормах права; наличие правового механизма их реализации; правоприменительная деятельность компетентных органов; процессуальные формы реализации. Остановимся на них более подробно и попытаемся исследовать их сущность.

Первой и одной из важнейших юридической гарантий защиты является непосредственное закрепление прав и свобод лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, в юридических нормах. Иными словами, речь здесь идет об их самообеспеченности. Ведь воля государства, возведенная в ранг закона в виде нормы права, сама по себе является сильнейшим фактором гарантии ее реализации⁴. Помимо этого особенностью прав и свобод является и то, что им корреспондируют соответствующие обязанности именно государства и его органов. Поэтому возложение ими на себя данных обязанностей накладывает дополнительную ответст-

¹ См.: *Снежко О.А.* Конституционный принцип государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ // Вестн. Саратов. акад. права. 1998. № 3. С. 13.

² См.: *Витрук Н.В.* Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 95.

³ См.: *Бабай А.Н.* Правовое государство и роль ОВД в его формировании. Хабаровск, 1992. С. 35.

⁴ См.: *Морозова Л.А.* Права человека в условиях становления гражданского общества // Государство и право. 1997. № 10. С. 6.

венность по обеспечению реализации той или иной правовой нормы.

В юридической литературе решение вопроса о содержании механизма реализации прав и свобод следует оценивать весьма неоднозначным образом. На наш взгляд, в структуру механизма реализации прав граждан должны входить юридические категории, имеющие под собой правовую почву и не допускающие двойственности своего толкования. Исходя из этого, а также учитывая позитивные стороны обозначенных точек зрения, мы сочли необходимым включить в указанное понятие следующие элементы:

- наличие нормативно-правовой базы, закрепляющей субъективные права, а также определяющей конкретный порядок и условия их осуществления;

- корреспондированная правом рассматриваемой категории лиц деятельность обязанных субъектов по его осуществлению.

Справедливости ради следует отметить, что предложенная нами структура механизма реализации прав и свобод лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, носит весьма упрощенный и несколько схематичный характер. Однако мы умышленно пошли на это, включив в нее лишь обязательные, на наш взгляд, элементы, характеризующие анализируемый механизм с исключительно юридически-догматической позиции, что, в свою очередь, не исключает появления дополнительных элементов, насыщающих его социальным содержанием.

Рассмотрев основные аспекты механизма реализации прав и свобод, перейдем к характеристике другой, не менее важной юридической гарантии их осуществления – полноте и непротиворечивости законодательства, регламентирующего права и свободы граждан. Совершенствование законодательства является неотъемлемым и обязательным процессом, сопутствующим становлению правового государства. Формулируя те или иные юридические положения, законодатель должен не только стремиться привнести в правовую систему нечто новое, но и проанализировать данные положения с точки зрения целесообразности и их сочетаемости с уже существующими правовыми нормами¹.

¹ См.: Дьяченко А. Главное – защита прав личности // Сов. юстиция. 1992. № 13–14. С. 24.

Названные положения о полноте и непротиворечивости законодательства в сфере регулирования прав и свобод граждан будут являться несколько абстрактными, если мы не наполним их определенным содержанием, обуславливающим необходимость выделения конкретных форм выражения повышения качества законодательства. На наш взгляд, следует остановиться на следующих проявлениях, связанных с совершенствованием нормативно-правового массива, регулирующего процесс реализации рассматриваемой нами категорией лиц своих прав:

- 1) соответствие принимаемых законодательных актов положениям Конституции РФ и законодательства государства, непротиворечие закрепленным в них принципам и нормам права²;

- 2) использование единой терминологии, ясность и доступность юридических норм, что имеет немаловажное значение не только с позиции законодательной техники, но и правоприменительной деятельности;

- 3) постоянное повышение качества процесса обновления правовой базы, регулирующей исследуемую нами сферу общественных отношений.

К следующему виду гарантий реализации прав мы отнесли правоприменительную деятельность государственных органов, представляющую собой исполнение ими властных полномочий по осуществлению правовых норм применительно к конкретным случаям³.

Правореализующая исполнительная деятельность государственных органов по осуществлению прав и свобод осужденных является неотъемлемым элементом их юридической гарантированности, т.к. часто от ее своевременности и квалифицированности зависит реализация того или иного права конкретного человека. Теоретический анализ позволил выделить нам три основных вида деятельности компетентных органов, в которых проявляется данная форма:

- 1) содействие в осуществлении лицами своих прав и свобод;

- 2) посредничество;

- 3) контроль над реализацией прав.

² См.: Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я. Развитие конституционно-правовых основ организации и деятельности ОВД: Учеб. пособие. М., 1988. С. 4.

³ См.: Теория права и государства: Учеб. для вузов / Под ред. Г.Н. Манова. М., 1996. С. 145.

Названные формы проявления правоприменительной деятельности достаточно полно характеризуют указанную юридическую гарантию, однако следует отметить, что отсутствие у данной деятельности таких свойств, как своевременность и соответствие предписаниям правовых норм, может повлечь за собой их необоснованное ущемление.

Проведенный нами анализ действующего законодательства, касающегося сферы юридического гарантирования процесса реализации прав, дает веские основания согласиться с точкой зрения И.В. Ростовщикова, полагающего, что в данных обстоятельствах поведение управомоченного субъекта может подчиняться двум правилам:

1) самостоятельное определение порядка пользования правом (например свободой слова и др.);

2) следование четкой процедуре, закрепленной в правовых актах¹.

Специфичность обозначенных нами гарантий реализации прав и свобод граждан во многом объясняется исключительностью их правового положения.

Подводя итог сказанному, отметим, что значение гарантий прав граждан заключается не только в том, что они создают благоприятную среду осуществления прав и свобод, но и в том, что они также являются своеобразными предпосылками существования другого вида юридических гарантий – гарантий защиты прав.

Е.В. Полуянова,
*преподаватель кафедры оперативно-
технической деятельности
ВЮИ ФСИН России*

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ: КОНТРОЛЬ И ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ

Демократизм и цивилизованность государства во многом определяются порядком, в соответствии с которым граждане страны привлекаются к уголовной ответственности. Для того чтобы лицо, совершившее преступление, понесло справедливое наказание, необходимо установить его виновность, причастность к совершению данного преступления. Выполнение этого возможно только путем установления доказательств (ст. 85 УПК РФ). Особое место и значение здесь занимают следственные действия.

Производство следственных действий характеризуется значительным вмешательством государства в сферу личных прав и законных интересов граждан. Именно от удачной их правовой регламентации во многом зависит успешная реализация назначения уголовного судопроизводства.

Одним из проблемных моментов уголовно-процессуального закона стал вопрос о таком следственном действии, как контроль и запись переговоров, регламентированный ст. 186 УПК РФ. Насколько оправданно называть данное мероприятие следственным действием, а не оперативно-розыскным?

Отсутствие в течение достаточно продолжительного времени надлежащего законодательного регулирования в УПК РФ, а также наличие регламентации аналогичного действия – прослушивания телефонных переговоров как оперативно-розыскного мероприятия – вызвали в научных кругах дискуссии об обоснованности и целесообразности признания контроля и записи переговоров следственным действием.

Как следственное действие контроль и запись переговоров (первоначально прослушивание и запись телефонных и иных переговоров) появились с введением 12 июня 1990 г. ст. 35-1 Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик². Однако соответствующие дополнения в УПК РСФСР внесены не были. Лишь 21 февраля 2001 г. УПК РСФСР был дополнен ст. 174-1 «Контроль и запись телефонных и иных переговоров», положения которой были почти полностью воспроизведены в ст. 186 УПК РФ.

В процессуальной литературе не сложилось единого взгляда на сущность данного процессуального действия.

Ряд исследователей настроены положительно на проведение данного мероприятия именно как следственного действия (Р.Г. Ак-

¹ См.: Ростовщиков И.В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР. Саратов, 1988. С. 68.

² См.: О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 12.06.1990 // Соц. законность. 1990. № 10. С. 66–67.

сенов, В.П. Божьев, М. Котухов, Э.Ф. Куцова, А.П. Рыжаков, В.М. Парфенова, Д.Н. Симоров, В.М. Быков, В.В. Кальницкий, Ю.В. Гаврилин, Е.С. Дубоносов, Л.Г. Юрина и др.)¹.

Отрицательно же смотрят на производство данного следственного действия при расследовании преступлений такие исследователи права, как С.А. Шейфер, З.З. Зинатулин, И.Л. Петрухин, В.М. Савицкий, О.Я. Баев, М.О. Баев, Д.А. Солодов, Д.С. Хижняк, Е.С. Лапин².

¹ См.: Аксенов Р.Г. К вопросу об изучении личности обвиняемого (подозреваемого) при расследовании уголовного дела // Досудебное производство: Актуальные вопросы теории и практики: Материалы науч.-практ. конф. Омск, 2002. С. 50–51; Божьев В.П. Об оперативной надобности: Комментар. к ст. 174-1 УПК РСФСР // Профессионал. 2001. № 3(41). С. 8–10; Котухов М. Контроль и запись переговоров // Законность. 2001. № 12. С. 28–32; Куцова Э.Ф. Следственные действия: понятие, обеспечение прав личности при их совершении // Вестн. Моск. ун-та. Сер. II. Право. 1991. № 1. С. 37; Рыжаков А.П. Новое следственное действие – контроль и запись переговоров // Электронная справочная система «Консультант плюс: комментарий законодательства»; Парфенова В.М. Охрана конституционных прав подозреваемого и обвиняемого в досудебных стадиях уголовного процесса. М., 2004. С. 109; Симоров Д.Н. О последних изменениях оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства, касающихся контроля и записи телефонных и иных переговоров // Рос. следователь. 2002. № 5. С. 21; Гаврилин Ю.В., Дубоносов Е.С. Использование контроля и записи телефонных и иных переговоров в раскрытии и расследовании преступлений: Учеб. пособие. М., 2003. С. 54; Юрина Л.Г. Процессуальные и криминалистические проблемы контроля и записи телефонных и иных переговоров: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 9–10; Быков В.М. Контроль и запись телефонных и иных переговоров // Законность. 2001. № 10. С. 12; Кальницкий В.В. Следственные действия. Омск, 2001. С. 20–21.

² См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. С. 104; Баев М.О., Баев О.Я. УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии; возможные пути и решения последних: Учеб. пособие. Воронеж, 2002. С. 37–41; Зинатулин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. С. 51; Петрухин И.Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. М., 1980. С. 160–163; Савицкий В.М. Правосудие и личность // Сов. государство и право. 1983. № 5. С. 60; Солодов Д.А. Контроль и запись переговоров как следственное действие // Изв. Тульск. гос. ун-та. Сер.: Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности. Вып. 4. Тула, 2001. С. 201; Хижняк Д.С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий. М., 2004. С. 128; Лапин Е.С. Технология контроля и записи переговоров // Следователь. 2002. № 8. С. 6.

Известный исследователь права С.А. Шейфер, анализируя и сравнивая ст. 186 УПК РФ с п. 10 ст. 6 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) пришел к выводу, что контроль и запись переговоров является оперативно-розыскным мероприятием, а использование полученной фонограммы должно осуществляться в рамках истребования и принятия доказательств (п. 4 ч. 2 ст. 38, ст. 86 УПК РФ). Так как при контроле переговоров отсутствует определяющий признак следственного действия – непосредственное извлечение следователем доказательственной информации из соответствующего источника и ее закрепление, поскольку следователь сам переговоры не прослушивает и не фиксирует³. Следователь вправе истребовать от оперативного органа материалы прослушивания, независимо от того, проводилось прослушивание и запись в качестве следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия, более того, оперативный орган и в том, и в другом случае представляет фонограмму следователю со своим сопроводительным документом (ст. 186 УПК РФ, ст. 11 Закона об ОРД)⁴. Из сказанного, по мнению С.А. Шейфера, следует, что предусмотренные ст. 186 УПК РФ контроль и запись переговоров – это типичное оперативно-розыскное мероприятие.

Позицию С.А. Шейфера разделяют М.О. Баев и О.Я. Баев, которые также указывают на невозможность осуществления данного действия самим следователем и подчеркивают исключительно негласный характер его проведения. «В уголовно-процессуальный закон, в систему предусмотренных им следственных действий оказалось включено действие, осуществляемое исключительно в негласном режиме; более того, следователь самостоятельно его не может, главное, не должен осуществлять»⁵. В связи с этим авторы предлагают

³ См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. С. 104.

⁴ См.: Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. С. 63.

⁵ Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Науч.-практ. пособие. М., 2003. С. 20.

исключить из действующего УПК РФ ст. 186 как несоответствующую сущности и системе предусмотренных им следственных действий и гарантиям прав личности в уголовном судопроизводстве¹.

В свою очередь, Д.С. Хижняк также высказывает сомнение в принадлежности данного действия к следственным. По его мнению, следователь (дознатель, прокурор, суд) не принимает в этом непосредственного участия и получает информацию уже с фонограммы, которую записывает или оперативный работник органов милиции, или же сам потерпевший (например по делам о вымогательстве). В соответствии с ч. 3. ст. 186 УПК РФ следователь в своем ходатайстве о производстве контроля и записи телефонных переговоров указывает наименование органа, которому поручается техническое осуществление данного действия. Но в то же время это действие имеет своей целью получение новых доказательств по уголовному делу, которым и будет являться составляемый следователем протокол осмотра и прослушивания фонограммы. В данном случае следователь получает значимую информацию, непосредственно осматривая (прослушивая) запись и составляя протокол².

Аналогичной позиции придерживается Е.С. Лапин, поясняя, что следователь осматривает фонограмму в присутствии понятых, проверяя ее подлинность, цельность, исправность оформления и хранения, а затем производит ее прослушивание, что отражается в протоколе осмотра и прослушивания фонограммы. Таким образом, данное процессуальное действие производится не лично следователем, а другими лицами по его поручению³.

Позиция указанных авторов представляется дискуссионной. На наш взгляд, наличие ст. 186 в УПК РФ, регламентирующей контроль и запись переговоров как самостоятельное следственное действие, с внесенными в него изменениями и дополнениями, возможно, поможет занять данному

следственному действию достойное место в их системе.

Предполагаем, что контроль и запись переговоров можно относить к числу следственных действий, поскольку оно удовлетворяет основным признакам последних. Часть 1 ст. 186 УПК РФ определяет направленность данного действия на получение сведений, имеющих значение для уголовного дела, а значит, в ходе его проведения возможно получение доказательственной информации.

Аналогичной позиции придерживается и Д.А. Солодов, определяющий контроль и запись переговоров следственным действием, целью которого в конечном счете является получение вещественного доказательства – фонограммы, содержащей запись переговоров лиц, располагающих сведениями, могущими иметь значение для дела⁴.

По мнению В.В. Кальницкого, отказ от признания прослушивания телефонных переговоров следственным действием ставит необоснованные преграды перед органами расследования. Они не имели возможности самостоятельно обращаться в суд с ходатайством о проведении данного мероприятия и были обязаны давать поручения органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. «Во-первых, по общему правилу следователь не должен давать поручения о проведении конкретного оперативно-розыскного мероприятия. Он формулирует задание, на основе которого оперативные подразделения сами определяют пути его решения. Во-вторых, в тех случаях, когда основания для прослушивания вытекали из материалов уголовного дела, оперативные работники затруднялись получить разрешение суда, ведь ходатайство надо было чем-то мотивировать»⁵. Автор считает, что такие действия были неэффективны и неправильны, по существу.

По мнению В.М. Быкова, контроль и запись телефонных и иных переговоров обладает всеми признаками следственного действия: проводится по возбужденному

¹ См.: Баев М.О., Баев О.Я. Указ. соч. С. 37–41.

² См.: Хижняк Д.С. Указ. соч. С. 128.

³ См.: Лапин Е.С. Указ. соч. С. 6.

⁴ См.: Солодов Д.А. Указ. соч. С. 201.

⁵ Кальницкий В.В. Следственные действия. Омск, 2001. С. 20–21.

уголовному делу уполномоченным по закону должностным лицом (следователем); в уголовно-процессуальном законе указаны основания и процессуальный порядок его производства; в результате его проведения следователь получает новые доказательства¹.

Предпочтительность контроля и записи переговоров именно как следственного действия Л.Г. Юрина видит в трудностях использования в уголовном процессе данных, полученных оперативно-розыскным путем; укреплении гарантий прав и законных интересов граждан; возможности проведения следственных действий лишь по возбужденным уголовным делам, а значит, при наличии достаточного объема доказательств; в необязательности предоставления материалов, послуживших основанием для проведения данного действия как оперативно-розыскного мероприятия, – формальном подходе к санкционированию судьей решения оперативного органа².

Значительное количество различных публикаций, посвященных этой теме, говорит о том, что существует необходимость внесения изменений в уголовно-процессуальный закон. Неоспорим тот факт, что дискуссия по поводу правомерности существования данного следственного действия вызвана непродуманностью его законодательного регулирования.

С нашей точки зрения, даже название статьи не точно соответствует производимому действию. Что законодатель подразумевает под словосочетанием «контроль и запись переговоров»? В п. 14¹ ст. 5 УПК РФ сказано: «контроль и запись телефонных и иных переговоров – прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм». Представляется, что одновременно с внесением изменений в содержание ст. 186 УПК РФ необходимо изменить формулировку названия статьи.

Также предполагаем, что следует внести изменения в порядок принятия решения о

производстве данного следственного действия и указать в соответствующей части ст. 186 УПК РФ, что в случаях, не терпящих отлагательства, связанных с возможностью утраты информации, производство контроля и записи переговоров возможно без судебного решения, на основании мотивированного постановления следователя с последующим уведомлением прокурора и судьи для получения соответствующего решения о законности и обоснованности следственного действия.

Возможно, следует пересмотреть категории уголовных дел, по которым допускается контроль и запись переговоров, и, кроме дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, допустить проведение данного следственного действия и по уголовным делам о преступлениях средней тяжести (ч. 1 ст. 186 УПК РФ).

По мнению А.М. Ефремова, сегодня в России нет явных противников использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе гласного расследования и изобличения преступников. Однако необходима его четкая регламентация в процессуальном законе. «Процессуальной регламентации подлежит та деятельность, результаты которой могут быть подвергнуты оценке в соответствии с принципами уголовного процесса»³.

Проблемы теории и практики производства следственных действий остаются актуальными и сегодня и нуждаются в новых серьезных научных исследованиях системы следственных действий в целом, в выработке предложений по совершенствованию их правовой регламентации для реализации в законодательном порядке с целью обеспечения единства правоприменительной практики, без чего невозможно эффективно защищать права и свободы лиц, как пострадавших от преступлений, так и привлекаемых к уголовной ответственности, либо вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений в силу иных причин.

¹ См.: Быков В.М. Указ. соч. С. 12.

² См.: Юрина Л.Г. Указ. соч. С. 9–10.

³ Ефремов А.М. Процессуальный статус оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Оперативник (сыщик). 2004. № 1. Сент. С. 9.

Л.В. Ращупкина,
преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВОПОРЯДКА
В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ**

Результаты научных исследований отечественных биологов и философов, занимавшихся методологическими проблемами познания живой природы, позволили им выделить две формы взаимодействия живых организмов с окружающей их природной средой¹.

Первая соответствует биотической форме жизнедеятельности. Она возникла с появлением жизни на земле и характеризуется «естественным равновесием» биосферы.

Вторая форма взаимодействия живого организма с окружающей природной средой соответствует социальной форме жизнедеятельности. Она связана с появлением человека и человеческого общества и характеризуется угрозой нарушения «естественного равновесия» в силу того, что развитие биосферы стало определяться не только физико-химическими и биотическими, но и социальными законами.

Такое понимание форм взаимодействия живых организмов и природы послужило основой для формирования философско-правовых представлений о формах экологической деятельности. Исследование позиций юристов-экологов позволяет сделать вывод, что на первое место в системе форм экологической деятельности выдвинулось обеспечение экологической безопасности человека.

В качестве второй по значению формы экологической деятельности рассматривается обеспечение рационального природопользования.

Третьей формой экологической деятельности выступает охрана окружающей среды².

Изложенное позволяет определить экологическую деятельность как комплекс организационных, экономических, правовых, технических и иных мер, осуществляемых челове-

ком, обществом и государством, направленных на охрану окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов и обеспечение экологической безопасности.

Экологическая деятельность ФСИН России представляет собой комплекс осуществляемых ею правовых, а также организационных, экономических, технических и иных мероприятий, направленных:

а) на обеспечение охраны окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов;

б) минимизацию отрицательного воздействия деятельности учреждений ФСИН России на состояние окружающей среды, природные ресурсы;

в) обеспечение экологической безопасности сотрудников органов и осужденных в процессе осуществления ими хозяйственной деятельности.

Рассмотрение правовых основ экологической деятельности ФСИН России прежде всего необходимо начать с характеристики ее функций.

Основываясь на представлении об экологических функциях государственного органа, предлагается понимать их как основные направления экологической деятельности ФСИН России, определяемые ее задачами и реализуемые в пределах установленной для нее компетенции.

Исследование экологических функций ФСИН России позволяет классифицировать их на группы по различным основаниям.

В зависимости от способа реализации основных функций права в экологической деятельности ФСИН России ее функции делятся на регулятивные и охранительные. В свою очередь, регулятивные функции могут быть подразделены на нормотворческую функцию, функцию планирования использования природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Нормотворческая функция реализуется ФСИН России путем ведомственного регулирования охраны окружающей среды при осуществлении служебной деятельности ФСИН России.

Функция планирования использования природных ресурсов и охраны окружающей природной среды реализуется в разработке ведомственных планов по использованию природных ресурсов и охране окружающей среды при осуществлении служебной деятельности ФСИН России.

¹ См.: Дубинин Н.П., Платонов Г.В. Диалектика живой природы. М., 1984. С. 288.

² См.: Голиченков А.К. Экологический контроль: теория и практика правового регулирования: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 84–89.

Охранительная функция реализуется через функцию экологического контроля. Ведомственный экологический контроль организован ФСИН России для обеспечения исполнения ее органами, учреждениями и должностными лицами требований охраны окружающей природной среды при осуществлении служебной деятельности.

Сохранение и восстановление природных систем является одним из приоритетных направлений деятельности государства и общества.

Природная среда должна быть включена в систему социально-экономических отношений как ценнейший компонент национального достояния. Для того чтобы эта работа в сфере обеспечения экологического правопорядка была эффективной и достигла своей цели, нужна планомерная, напряженная работа многих органов государства, в том числе ФСИН России.

Под экологической функцией ФСИН России понимается деятельность по применению природоохранительного законодательства, выявлению причин экологических правонарушений и разработке мер по их предупреждению и устранению.

Особое место в природоохранной деятельности отводится учреждениям, исполняющим наказания. На них как на природопользователей возлагается широкий круг обязанностей по охране природных объектов, рациональному природопользованию и природовосстановительным работам.

Содержание обязанностей учреждений, исполняющих наказания, как природопользователей по охране природы зависит от объекта природопользования.

Вопросы охраны природы в области землепользования занимают центральное место прежде всего в колониях-поселениях. Учреждения, исполняющие наказания, в соответствии с Земельным кодексом РФ¹ обязаны, например, использовать земли таким образом, чтобы они не утрачивали своего естественного плодородия, а наоборот, непрерывно его увеличивали.

Колонии, ведущие сельскохозяйственные работы, проводят все установленные законодательством мероприятия по охране земель. На них в полном объеме распространяются требования закона о систематическом осу-

ществлении с учетом местных условий комплекса агротехнических, мелиоративных и противоэрозионных мероприятий, направленных на сохранение почв и их плодородия.

В соответствии со ст. 6 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г.² колонии, участвующие в многоцелевом пользовании лесным фондом РФ и дальнейшей переработке ценной древесины в едином технологическом цикле, относятся к учреждениям с особыми условиями хозяйственной деятельности.

В области лесопользования лесные исправительные колонии должны соблюдать требования Лесного кодекса РФ (ЛК РФ)³. На основании ст. 83 ЛК РФ они обязаны вести работы способами, не допускающими возникновения эрозий почв, исключаящими отрицательное воздействие лесных пользований на состояние и воспроизводство лесов, а также на состояние водоемов и других природных объектов. Большое значение при лесопользовании имеет охрана лесов от пожаров, так как пожары вызывают наиболее тяжкие последствия в природной среде.

Лесные исправительные колонии, осуществляя лесопользование, обязаны в соответствии с требованием ст. 90 ЛК РФ на вырубках, гарях и иных бывших под лесом площадях проводить восстановительные работы. При заготовке и трелевке древесины им необходимо соблюдать требования, направленные на сохранение благоприятных условий для восстановления лесов на вырубках. При этом лесовосстановительные работы должны проводиться способами, обеспечивающими создание в наиболее короткие сроки высокопродуктивных лесов из хозяйственно-ценных древесных пород.

При использовании водных ресурсов на учреждения УИС возлагается обязанность проводить технологические, лесомелиоративные, агротехнические, гидротехнические, санитарные и другие мероприятия, обеспечивающие исполнение требований Водного кодекса РФ⁴ по охране вод от загрязнения и истощения.

² См.: ВСНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

³ См.: СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 610; 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5132.

⁴ См.: СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4471; 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5132.

¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

Водный кодекс РФ устанавливает ряд условий, без соблюдения которых запрещается ввод в эксплуатацию новых и реконструированных объектов. Эти условия полностью распространяются и на исправительные учреждения.

Во исполнение требований экологического законодательства все учреждения, исполняющие наказания, обязаны проводить мероприятия, предотвращающие загрязнение атмосферного воздуха, разрабатывать и внедрять технологические процессы, обеспечивающие максимальную переработку сырья и топлива, создавать эффективные пылеулавливающие и очистные сооружения. При этом запрещается ввод в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий, сооружений и других объектов, не удовлетворяющих требованиям по охране атмосферного воздуха.

Постановлением Правительства РФ от 29 августа 2001 г. № 636 утверждена Федеральная целевая программа «Реформирование уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации на 2002–2006 г.»¹, которой предусматривается проведение комплекса природоохранных мероприятий в местах расположения предприятий, исполняющих уголовные наказания, а также создание системы антиинфекционной и антитуберкулезной защиты объектов УИС и биоцидной защиты инженерно-технических систем питьевого водоснабжения. В соответствии с приказом Минюста России «О мерах по улучшению природоохранной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Минюста России» от 1 февраля 2002 г. № 26 создаются постоянно действующие кустовые лаборатории по охране окружающей среды. Основные задачи, возложенные на кустовые лаборатории: осуществление контроля над соблюдением ИТУ, СИЗО, ЛИУ установленных норм и требований по охране окружающей среды, подготовка исходных данных для расчета нормативов природопользования ИУ, СИЗО, ЛИУ и контроль над их соблюдением.

В УИС за последние годы создан промышленный потенциал, включающий почти 600 предприятий, выпускающих свыше

100 тыс. наименований продукции машиностроения и металлообработки, изделий легкой промышленности и деревообработки. В связи с использованием на предприятиях ИУ старого изношенного оборудования сохраняется сложная экологическая обстановка. Все более негативное влияние на нее оказывает изношенность фондов, в том числе и природоохранного назначения. Количество вводимых в действие сооружений для улавливания вредных веществ из отходящих газов и очистки сточных вод за последние 10–15 лет уменьшилось в несколько раз. Платежи за нормативные и сверхнормативные выбросы (сбросы) загрязняющих веществ, размещение отходов по учреждениям УИС в 2004 г. составили 14,5 млн. руб., или в 1,5 раза больше, чем в предыдущем году. Самые высокие показатели выбросов загрязняющих веществ в атмосферу зафиксированы в территориальных органах Красноярского края, Кемеровской, Новосибирской, Иркутской, Свердловской областей.

Существенный ущерб окружающей среде наносится сбросами загрязненных сточных вод в поверхностные водоемы. За последние пять лет сохраняется тенденция к снижению валового объема сброса сточных вод в поверхностные водоемы с одновременным улучшением их качества, т.е. уменьшением количества загрязненных сточных вод, однако удельный вес загрязненных сточных вод в общем объеме составляет более 90 %. Свыше 100 учреждений сбрасывают загрязненные сточные воды в поверхностные водоемы, более 150 осуществляют сброс неочищенных сточных вод в выгребы и рельеф на местности. Основная причина сброса недостаточно очищенных сточных вод, содержащих значительное количество взвешенных веществ, хлоридов, азота аммонитного, общего фосфора, нефтепродуктов и др., – низкая эффективность работы очистных сооружений. Из 111 учреждений, сбрасывающих сточные воды в поверхностные водоемы, 78 располагают собственными очистными сооружениями. В 71 учреждении очистные сооружения перегружены или работают неэффективно и не обеспечивают нормативную очистку. Особенно тяжелая экологическая обстановка из-за сброса сточных вод без очистки в поверхностные водоемы, а также не-

¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 38. Ст. 3743.

полного цикла обеззараживания стоков перед отведением их в канализационные коллекторы близлежащих городов и поселков сложилась в учреждениях, специализирующихся на содержании и лечении осужденных, больных туберкулезом (59 учреждений). Сброс сточных вод дестабилизирует экологическую обстановку в регионах, что порождает поток жалоб от населения и увеличение штрафных санкций со стороны местных экологических комитетов.

Для производственно-хозяйственной деятельности учреждений УИС острой проблемой остается организация мероприятий, направленных на сокращение и ликвидацию загрязнения окружающей среды отходами, экономии природных ресурсов за счет максимального вовлечения отходов в хозяйственный оборот, снижение образования и своевременное использование, обезвреживание или захоронение отходов. В 2004 г. в учреждениях образовалось 149,8 тыс. т опасных отходов.

Отсутствие финансовых средств приводит к тому, что учреждения вынуждены складировать опасные отходы на собственных территории, что представляет особую опасность для окружающей среды, создает реальную угрозу здоровью и влечет за собой дополнительные затраты – экологические платежи за временное складирование опасных отходов на своей территории. Особую тревогу вызывают отходы I класса опасности. Наибольшее количество ртути-содержащих отходов (отработанных ртутных и люминесцентных ламп) на конец 2004 г. скопилось в учреждениях УИС Владимирской, Нижегородской, Новосибирской областей. Есть и положительные примеры решения этой проблемы. Так, в УИН Минюста России по Ярославской области за счет средств областного бюджета было сдано на демеркуризацию более 5 тыс. отработанных люминесцентных ламп. Следует отметить положительный опыт использования отходов на собственных предприятиях, накопленный в учреждениях УИС Ставропольского края, Архангельской, Владимирской, Свердловской областей. Например, абразивную пыль, золу, шлак сварочный и от котельных применяют для производства шлакоблоков, блочного кирпича и тротуарной плитки; отходы швейного производства – для по-

шива подушек, матрасов, технических салфеток; отходы деревообработки передают в подсобные хозяйства как подстилочный материал или сжигают в котельных и газогенераторных установках с целью экономии топлива.

Руководствуясь Экологической доктриной Российской Федерации¹, необходимо и в дальнейшем внедрять комплексное природопользование, включая экологически обоснованные методы использования земельных, водных, лесных и других ресурсов, минимизацию отходов производства, внедрение ресурсосберегающих и безотходных технологий во всех сферах хозяйственной деятельности, сохранение и восстановление естественного плодородия почв на землях сельскохозяйственного назначения.

В работе, направленной на стабилизацию экологической обстановки в местах расположения подведомственных учреждений, основными задачами являются:

- привлечение инвестиций на выполнение природоохранных мероприятий, в том числе за счет средств, имеющихся в распоряжении законодательных (исполнительных) органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления;
- проведение работы по предупреждению вредного воздействия хозяйственной или иной деятельности на окружающую природную среду, улучшению ее качества и обеспечению экологической безопасности в подведомственных учреждениях УИС;
- своевременное получение разрешений на выбросы (сбросы) загрязняющих веществ в атмосферу (водные объекты) и на размещение отходов;
- ежегодное получение освобождения от платежей за нормативные выбросы (сбросы) загрязняющих веществ и размещение отходов на основании п. 4 Постановления Правительства РФ «Об утверждении порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» от 28 августа 1992 г. № 632², которое сохраняет силу и подлежит применению судами, другими органами и должностными лицами как не противоречащее Конституции РФ со-

¹ См: СЗ РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.

² См.: САПП. 1992. № 10. Ст. 726.

гласно определению Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2002 г. № 284-О¹;

– направление на природоохранные мероприятия финансовых средств, остающихся в распоряжении учреждений в результате частичного или полного освобождения их от платы за загрязнение окружающей среды;

– постоянное взаимодействие с государственными и коммерческими организациями по вопросам внедрения в УИС экологически чистых производств, использования прогрессивных средозащитных технологий, в том числе с привлечением сторонних инвестиций, а также с осуществлением расчетов за выполненные работы продукцией, выпускаемой учреждениями УИС.

Характеризуя современное состояние деятельности УИС по обеспечению правопорядка в экологической сфере, можно выделить следующие недостатки:

а) недостаточный учет в ведомственных актах норм федерального законодательства;

б) отсутствие ведомственных актов, направленных на реализацию положений федерального законодательства;

Е.Г. Сизарова,

*доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат философских наук*

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Любая профессиональная деятельность включает в себя моральную составляющую, но есть профессии, в которых нравственный компонент является одним из основных. К таковым традиционно относят врачей, педагогов, юристов, социальных работников, поскольку их деятельность – это постоянное общение с людьми, урегулирование конфликтов, решение различных проблем, спасение жизни и здоровья. Общество требует от них бескорыстного служения людям, безупречного поведения, умения достойно решать поставленные проблемы в сложных условиях морального выбора.

в) отсутствие реально действующей во всех учреждениях структуры ведомственных природоохранных органов;

г) отсутствие продуманной и действенной системы экологического воспитания и образования сотрудников ФСИН России.

С целью повышения эффективности деятельности ФСИН России в процессе осуществления экологической функции необходимо предпринять следующие шаги:

– разработать комплекс ведомственных нормативных правовых актов, направленных на регулирование экологических отношений;

– создать штатные органы по охране окружающей среды не только в центральном аппарате и региональных управлениях ФСИН России, но и учреждениях, исполняющих наказания;

– организовать обучение специалистов соответствующего профиля, переподготовку в учебных заведениях других министерств и ведомств, имеющих соответствующие факультеты и специальности.

Никакие серьезные знания и умения не помогут специалисту в решении сложных профессиональных задач, если у него отсутствуют прочные моральные убеждения, знания принципов профессиональной этики, моральные чувства и моральная интуиция. Моральное сознание – основа, фундамент профессиональной деятельности. Следовательно, его формирование должно занимать достойное место в системе подготовки специалистов. Нравственные категории добра, долга, справедливости, честности, законности, гуманизма должны стать основой для приобретения профессиональных навыков и всей дальнейшей профессиональной деятельности.

Профессиональная этика не является особым видом морали, она не создает новых, специальных норм для того или иного вида деятельности, а представляет собой конкретную форму выражения общечеловеческой морали. В профессиональной морали действуют общие для всех людей, независимо от социальной и профессиональной принадлежности, нравственные прин-

¹ См: СЗ РФ. 2002. № 52. Ст. 5711.

ципы и нормы, однако особенности той или иной деятельности по-разному детерминируют их проявление. Таким образом, предметом профессиональной этики является сама мораль, а не какие-либо ее отдельные или специфические нормы. Нормы профессиональной этики вторичны по отношению к общечеловеческим нормам морали.

В каждой профессии есть свои нравственные проблемы. Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов содержит в себе много моральных проблем, от решения которых зависят как результат служебной деятельности, так и нравственное благополучие, духовное здоровье самого человека. Нравственные проблемы сотрудников правоохранительных органов возникают в связи с выполнением специфических задач по обеспечению в обществе законности и правопорядка и обусловлены целым рядом особенностей профессиональной деятельности. Отметим некоторые из них. Во-первых, служебная деятельность сотрудников правоохранительных органов связана с осуществлением властных полномочий, использованием принуждения. Во-вторых, объектами профессионального общения сотрудников выступают люди с разным социально-экономическим статусом и образованием, национальной и религиозной принадлежностью, разных возрастов и профессий. В-третьих, служебное общение часто носит вынужденный и конфликтный характер. В-четвертых, деловое общение распространяется не только на законопослушных людей, но и на тех, кто нарушил правовые и моральные нормы. Юристы вынуждены работать с людьми, которые имеют деформированные психику и моральное сознание. Общение с ними, необходимость установления контакта, работа над их перевоспитанием и исправлением требуют прочных моральных убеждений, четкой жизненной позиции. В-пятых, профессиональная деятельность юриста часто осуществляется в психологически сложных условиях, которые провоцируют острые психические реакции, неустойчивость психической деятельности, рассогласование мыслительных процессов и другие отклонения. Перечисленные особенности профессиональной деятельности сотрудников пра-

воохранительных органов порождают разнообразные нравственные проблемы, и одна из основных – это проблема согласования моральных императивов с необходимостью решения профессиональных задач.

Профессиональная мораль допускает некоторые отступления от общечеловеческих нравственных принципов в силу специфических целей – борьбы со злом. Важно подчеркнуть, что мораль не отменяет и не изменяет, а именно допускает нарушение той или иной нормы ввиду профессиональной необходимости. Здесь возникает очень серьезная нравственная проблема о мере возможного нарушения нравственных норм в профессиональной деятельности и критериях определения границ подобных отступлений. Невозможно выработать инструкции на этот счет, поскольку складывающиеся ситуации морального выбора особенны и каждая по-своему уникальна. Решение о возможности нарушения нравственного принципа, применении безнравственных средств, допустимости морального компромисса принимается конкретно в каждом случае самим человеком. Очень четко и предельно конкретно сформулировал решение этого вопроса русский мыслитель И.А. Ильин: «Голос совести необходим каждому из людей, но правителю и воину – больше, чем кому бы то ни было... Дело воина требует не только преданности, чувства чести, самообладания и храбрости, но еще и способности к убийству, к военному коварству и беспощадности. Плохо, если у правителя и у воина не окажется необходимых им отрицательных свойств, но гораздо хуже, если в их душах исчезнут необходимые положительные качества, если начнется идеализация отрицательных свойств и их господство, если они начнут принимать дурное за хорошее, культивировать исключительно дурное и строить на нем всю свою деятельность. Правитель или воин с заглушенной или извращенной совестью не нужны никому – ни делу, ни людям, ни Богу; это уже не правитель, а тиранствующий злодей, не воин – а мародер и разбойник. Их спасение именно в голосе совести. Они должны твердо знать, где, в чем и почему их деятельность отступает от заветов праведности, и допускать этот

строй поступков и установлений не более, чем этого требует необходимость борьбы со злодеяниями»¹.

Итак, сложнейшая задача осуществления морального выбора в рамках профессиональной деятельности может быть достойно решена только при наличии у сотрудника глубоко развитого нравственного сознания. Для того чтобы знать, когда и насколько можно отступить от нравственного принципа, надо хорошо знать этот принцип, а чтобы позволить его нарушение в профессиональных интересах, надо убедиться, что нет другого пути. И.А. Ильин по этому поводу писал: «В душе воина должны жить могучие, неприступные грани, отделяющие обязательное от запретного, и эти грани не могут поддерживаться одною механическою дисциплиною: здесь необходима духовная автономия, осмысливающая дисциплину началами веры, преданности, совести и чести, так чтобы воин понимал, почему врага в сражении и бунтовщика при восстании должно убить, а частное имущество его семьи оставить неприкосновенным, и почему искусная контрразведка во вражьем стане есть проявление доблести, а интрига в полку и в общественной жизни – проявление низости»².

Эту же идею выражает и современный автор, исследующий специфику профессиональной деятельности юристов, С.П. Безносков: «... человек должен иметь способность, обладать умением делать выбор. Для этого он должен иметь понятия о добре и зле... Субъект должен достаточно четко понимать содержание этих категорий и понятий и уметь логически правильно их конкретизировать в особых, зачастую уникальных ситуациях. Тем более он должен уметь делать выбор в типовых ситуациях. Подобным мыслительным операциям субъекта необходимо специально учить в учебных заведениях»³. Однако вряд ли можно полностью возложить столь серьезную задачу на педагогов. Осуществлять моральный выбор человек учится с самого ранне-

го детства, основы нравственных представлений формируются в семье, и к моменту обучения в вузе человек должен иметь достаточно четкое представление о добре и зле. Другое дело, что процесс нравственного совершенствования безграничен и будет продолжаться всю жизнь. Разумеется, овладение профессиональными знаниями неразрывно связано с изучением профессиональной этики, дальнейшим развитием морального сознания. Мало обучить будущего специалиста нормам профессиональной этики, нужно добиться того, чтобы они стали основанием всей его деятельности. Обучение этическим нормам, а тем более воспитание навыков профессионального этического поведения – очень сложная задача, но только этот путь является единственно правильным в профессиональном становлении личности.

Нравственно слабому характеру не под силу бремя борьбы со злом, бремя использования неморальных средств. «Владеть силою и мечом может лишь тот, кто владеет собою, т.е. своими страстями и своим видением, ибо если человек не владеет собою, то меч и сила овладевают им, и не они будут его орудием и средством, а он сам станет их средством и орудием, и тогда он «погибнет от меча» не физически, а нравственно и духовно: силы его будут растрчены, душа его будет изуродована и борьба проиграна»⁴.

Избежать профессиональной деформации, справиться с многочисленными нравственными проблемами в рамках служебной деятельности позволит постоянное нравственное самосовершенствование личности. Способность к моральной рефлексии необходима каждому человеку, особенно если его профессиональная деятельность так насыщена нравственными проблемами, как деятельность сотрудников правоохранительных органов. Юрист обязан расти не только профессионально, но и духовно. Об этом замечательно высказался И.А. Ильин: «Итак – прежде всего, сознание. Где и как моя профессия включается в великое дело – совести, веры, права, моего народа, моего Отечества?» И далее: «Как мне лучше всего служить? Не так, чтобы я меха-

¹ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 470.

² Там же. С. 471.

³ Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. СПб., 2004. С. 134.

⁴ Ильин И.А. Указ. соч. С. 476.

нически крутил шарманку своей повседневной работы; но чтобы наилучшим образом способствовал делу. Чтобы вечером я чувствовал: сегодня благодаря мне стало немного лучше на белом свете, и завтра пусть будет так же, и каждый последующий день. Кто никогда не испытывал этого чувства, тот должен позволить себе хотя бы иметь его.

Благодаря этому наш взгляд, наше сердце, наша воля проникают в самые глубинные слои жизни и труда, для которого только и имеет смысл жить и работать: мы творим тогда, исходя из нашего самого существенного для вечной сущности нашего народа. Тем самым преодолевая и устраняя обоих врагов: рабское безразличие и личную корысть. Строгое исполнение служебных обязанностей остается тем же, но оно

О.В. Сирота,

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕТЕНЗИОННОЙ РАБОТЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Органы и учреждения УИС являются полноправными участниками гражданско-правовых отношений. Участвуя в гражданском обороте, им приходится заключать различные договоры, которые и являются основаниями возникновения правоотношений.

При заключении гражданско-правовых договоров стороны оговаривают условия, при соблюдении которых каждая из сторон исполняет возложенные на нее обязательства. Однако в производственно-хозяйственной деятельности учреждений и предприятий УИС нередки случаи, когда условия заключенных договоров не соблюдаются. Например, поставщик отгружает продукцию в меньшем количестве, ненадлежащего качества, другого ассортимента, не соблюдает сроки поставки; покупатель нарушает обязательства по расчетам.

Для предотвращения конфликтных ситуаций в момент заключения договора его участники должны предусмотреть возможные случаи разногласий и способы их разрешения.

становится добрым и справедливым. Утверждается верность долгу, однако она исходит уже из сердца и теряет налет обязательности. И деловая сметка начинает прислушиваться к совести и правовому сознанию»¹.

Таким образом, справиться с многочисленными нравственными проблемами в рамках профессиональной деятельности сотруднику правоохранительных органов возможно только при наличии высокоразвитого морального сознания и стремления к дальнейшему развитию. Нравственное совершенствование будет способствовать правильному решению служебных задач, наполнит глубоким смыслом профессиональную деятельность, принесет удовлетворение от работы, наполнит ее смыслом и творчеством, а жизнь сделает полноценной.

Общим положением о юридическом отделе на юридическую службу (юрисконсульта) возлагается обязанность по правовому обеспечению претензионной и исковой работы, проводимой в соответствующих органах и учреждениях УИС; подготовке совместно с другими подразделениями предприятия материалов о хищениях, растратах, недостачах, выпуске недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции, нарушении экологического законодательства и об иных правонарушениях для передачи их в арбитражный суд, следственные и судебные органы, а также осуществлению учета и хранения находящихся в производстве и законченных исполнением судебных и арбитражных дел.

Претензионная работа – это совокупность действий учреждения в лице юрисконсульта (юридической службы), финансовой службы, других ответственных служб по предъявлению и рассмотрению предъявленных претензий, а также по использованию полученной при этом информации.

Претензионная работа состоит из трех основных этапов (частей):

1. Подготовка соответствующих материалов и предъявление организацией претензии к ее должнику (дебитору).

---

¹ Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. М., 2003. С. 195–196.

2. Рассмотрение поступающих претензий и принятие решений по ним.

3. Анализ предъявляемых и предъявленных претензий, обобщение полученных в результате этого анализа данных о соблюдении производственной, трудовой и финансовой дисциплины в организации.

Правовая работа в области защиты прав и законных интересов производственных предприятий учреждений УИС проводится в основном в бесспорном, претензионном и исковом порядке.

Наиболее предпочтительным и достаточно действенным способом урегулирования споров является досудебный, который, как правило, заключается в направлении претензии контрагенту и в проводимых впоследствии переговорах. Как показывает сложившаяся практика, досудебный порядок позволяет без дополнительных расходов, со значительным сокращением времени истребовать и ликвидировать имеющуюся задолженность. При этом необходимо отметить, что по своему объему претензионная работа в учреждениях УИС в несколько раз превышает исковое производство.

Претензионный порядок урегулирования споров является формой защиты гражданских прав, представляющей собой процедуру разрешения спорных ситуаций между кредитором и должником до передачи спора в судебные органы. Претензионный порядок является наиболее часто применяемым средством досудебного урегулирования спора. Предъявляя претензию, учреждения указывают своему контрагенту на совершение им неправомерных действий (бездействие) либо на допущенные ошибки и требуют их устранения или исправления. Досудебный порядок имеет своей целью:

- во-первых, обеспечить быстрое восстановление нарушенных прав, а также урегулирование возникающих разногласий по исполнению обязательств;

- во-вторых, способствовать выявлению и устранению причин и условий, порождающих факты неисполнения договорных обязательств, возмещению в установленном порядке за счет виновных лиц причиненного ущерба, улучшению работы по заключению и исполнению договоров.

С экономической точки зрения претензии можно разделить на три блока¹:

- надежные к получению, когда должник (дебитор) имеет достаточные денежные и иные имущественные средства для расчетов с кредитором по имеющейся задолженности;

- сомнительные, когда кредитор не обладает полной уверенностью в том, что должник имеет возможность оплатить долг, либо сама претензия является спорной в отношении права требования или в отношении размеров требования;

- безнадежные к получению, когда кредитор имеет четкие сведения о полной невозможности получить причитающуюся ему имущественную (денежную) ценность по различного рода причинам (например, отсутствие у должника имущества, отсутствие сведений о месте нахождения должника или его имущественном положении и т.п.).

Порядок организации претензионной работы до 1995 г. регулировался Положением о претензионном порядке урегулирования споров, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 24 июня 1992 г. № 3116-1². Федеральным законом «О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса РФ» от 5 мая 1995 г. № 71-ФЗ³ упомянутое постановление было признано утратившим силу и при этом никакого другого нормативного акта принято не было. Тем не менее порядок предъявления и рассмотрения претензий нуждается в определенной правовой регламентации локальным нормативным актом, например, положением о претензионной работе, в котором целесообразно отразить вопросы организации претензионной работы, определить момент возникновения права требования, установить сроки предъявления и рассмотрения претензий, указать на совершение конкретных действий после отклонения претензии или оставления ее без ответа, определить ответственность должностных лиц, виновных в формальном отношении к ведению претензионной работы.

¹ См.: *Саямов С.Р.* Ведение претензионно-исковой работы в воинских частях // *Право в Вооруженных силах.* 2004. № 11.

² См.: ВСНД РФ И ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1791.

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1710.

Итак, досудебный порядок урегулирования споров обязателен в двух случаях:

- когда он предусмотрен Федеральным законом;
- когда он предусмотрен договором между сторонами спора.

Федеральными законами установлен досудебный порядок урегулирования по целому ряду категорий споров:

1) споры, возникающие в связи с оказанием транспортных услуг (ст. 797 ГК РФ¹; гл. VIII УЖТ РФ²; гл. XXV КТМ РФ³; гл. XVIII КВВТ РФ⁴; ст. 125–128 ВК РФ⁵; ст. 157–168 УАТ РСФСР⁶; ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»⁷);

2) споры, возникающие в связи с оказанием услуг связи (ст. 55 ФЗ «О связи»⁸; ФЗ «О почтовой связи»⁹);

3) споры, возникающие в правоотношениях по банкротству (п. 1 ст. 63 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁰);

4) споры, вытекающие из трудовых правоотношений (гл. 60 ТК РФ¹¹);

5) споры, вытекающие из земельных правоотношений (ст. 54 ЗК РФ¹²);

6) споры, вытекающие из налоговых правоотношений (ст. 104 НК РФ¹³);

7) споры, вытекающие из законодательства о конкуренции и ограничении моно-

полистической деятельности на товарных рынках¹⁴;

8) патентные споры (п. 9 ст. 21 Патентного закона РФ¹⁵).

Таким образом, в настоящее время по обозначенным спорам предусмотрен обязательный порядок разрешения возникших разногласий на законодательном уровне. Это означает, что требования в судебный орган могут быть заявлены только после предъявления претензии и полного или частичного отказа виновного лица в удовлетворении претензии либо в случае неполучения от него ответа в срок, установленный соответствующим законом. Если досудебный порядок не соблюден, спор не рассматривается судебным органом. Однако стороны могут предусмотреть порядок урегулирования споров и в договоре. В таком случае в договоре должно быть ясно указано, спор по какому вопросу требует такого порядка. Чаще всего на практике имеет место не отдельный договор об установлении досудебного порядка, а оговорка в виде пункта в гражданско-правовом договоре (например поставки, подряда, аренды и т.п.), которая относится к спорам, вытекающим из этого договора.

Процесс досудебного разрешения спора, как уже было обозначено выше, включает несколько этапов: составление претензии, предъявление претензии, ожидание ответа. Важное значение имеют сроки совершения этих действий. К сожалению, в действующем законодательстве не все вопросы, относящиеся к соблюдению указанного порядка, нашли должное отражение.

Рассмотрим обозначенные этапы подробнее. При составлении претензии возникает вопрос о ее форме и содержании. Из анализа законодательства очевидно, что претензия предъявляется в письменной форме. Однако единого содержания претензии в нормативных актах не обозначено. Приходится обращаться к нормативным актам, утратившим силу, чтобы понять, что конкретно следует указывать в претензии. Итак, исходя из анализа вышеизложенных нормативных актов,

¹ См.: Гражданский кодекс РФ от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Ч. 2 // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

² См.: Устав железнодорожного транспорта РФ: ФЗ от 10.01.2003 № 18-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 170.

³ См.: Кодекс торгового мореплавания РФ от 30.04.1999 № 81-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

⁴ См.: Кодекс внутреннего водного транспорта РФ от 07.03.2001 № 24-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.

⁵ См.: Воздушный кодекс РФ от 19.03.1997 № 60-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

⁶ См.: Устав автомобильного транспорта РСФСР: Постановление Совета Министров РСФСР от 08.01.1969 № 12 // СП РСФСР. 1969. № 2–3. Ст. 8.

⁷ См.: О транспортно-экспедиционной деятельности: ФЗ от 30.06.2003 № 87-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 27 (1). Ст. 2701.

⁸ См.: О связи: ФЗ от 07.07.2003 № 126-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

⁹ См.: О почтовой связи: ФЗ от 17.07.1999 № 176-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3697.

¹⁰ См.: О несостоятельности (банкротстве): ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

¹¹ См.: Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 1 (1). Ст. 3.

¹² См.: Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

¹³ См.: Налоговый кодекс РФ от 31.07.1998 № 146-ФЗ. Ч. 1 // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

¹⁴ См.: О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 // ВСНД РФ и ВС РФ. 1991. № 16. Ст. 499.

¹⁵ См.: Патентный закон РФ от 23.09.1992 № 3517-1 // ВСНД РФ и ВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2319.

можно рекомендовать составлять претензии следующего содержания:

- на бланке с угловым или продольным штампом указываются исходящий номер и дата;
- далее указывается, кто предъявил претензию (организационно-правовая форма, наименование учреждения, местонахождение);
- указание, к кому предъявляется претензия (организационно-правовая форма, наименование учреждения, организации, местонахождение);
- наименование предъявляемого документа (например «Претензия»);
- обстоятельства, на которых основывается требование;
- доказательства, подтверждающие указанные обстоятельства;
- расчет суммы претензии, если требование подлежит денежной оценке;
- ссылка на нормативные правовые акты;
- требование заявителя;
- перечень прилагаемых документов;
- подпись с указанием должности (подписывается руководителем организации или его заместителем либо представителем, уполномоченным в соответствии с законом).

К претензии следует прилагать документы, подтверждающие требования заявителя, которые отсутствуют у другой стороны (договоры, счета-фактуры, платежные поручения). Документы следует прилагать в копиях или в виде выписок из них, за исключением тех случаев, когда закон требует приложения подлинников. Если необходимые документы не приложены, они должны быть запрошены у заявителя претензии с указанием срока представления. При неполучении затребованных документов к указанному сроку претензия рассматривается на основании имеющихся документов.

Порядок направления претензии ответчику должен быть выбран такой, который позволил бы при предъявлении иска доказать факт направления. Претензия может быть направлена заказным письмом с уведомлением, ценным письмом, может быть вручена под расписку, передана по телеграфу, телеграфу или с использованием иных средств связи, которые позволят зафиксировать факт ее отправления. Конкретный вариант доставки может определяться в договоре.

Стороны могут предусмотреть срок, в течение которого должна быть предъявлена

претензия. Если он не указан, то кредитор вправе предъявить претензию в любое время, пока не истечет срок исковой давности.

Претензии обычно рассматривает юридическая служба с привлечением специалистов служб, ответственных за выпуск продукции соответствующего качества, надлежащее исполнение услуг, выполнение работ. Создается специальная комиссия, которая проводит расследование по каждому случаю выпуска и поставки не соответствующей качеству и количеству продукции, ненадлежащего исполнения услуг, выполнения работ, выявляет причины и лиц, виновных в выпуске, аттестации и поставке продукции, не соответствующей требованиям стандартов, технических условий, договоров (контрактов) и количеству. Как правило, подобные специальные комиссии в органах и учреждениях УИС именуются комиссиями по непроизводительным расходам, которые и проводят расследование по материалам претензии.

В материалах по расследованию претензии отражается подтверждение или отсутствие факта поставки не соответствующей качеству и количеству продукции, указываются виновные лица, допустившие ее выпуск и поставку, вносятся предложения по устранению и предупреждению причин выпуска такой продукции. Материалы по расследованию претензии должны включать:

- причины, повлекшие за собой выпуск и отгрузку продукции несоответствующего качества;
- объяснительные записки лиц, участвующих в выпуске, аттестации и поставке не соответствующей качеству и количеству продукции;
- мероприятия по предупреждению выпуска, аттестации и поставки не соответствующей качеству и количеству продукции.

По результатам работы комиссии по расследованию претензии и служебной проверки готовится обоснованное заключение о частичном или полном признании претензии или ее отклонении. Заключение должно содержать следующие сведения, необходимые для подготовки ответа на претензию при полном или частичном ее признании:

- расчет признанной суммы убытков в части стоимости продукции, суммы штрафа, а также уценки;
- предложения (при необходимости) о подготовке приказа и/или распоряжения о

привлечении к ответственности должностных лиц, виновных в выпуске, аттестации и поставке не соответствующей качеству и количеству продукции;

– предложения о дальнейшем распоряжении такой продукцией в случае отказа потребителя (покупателя) от ее пользования.

На основании заключения, материалов расследования по претензии, действующего законодательства Российской Федерации, интересов поставщика и практики рассмотрения хозяйственных споров по качеству и количеству продукции юридическая служба готовит для потребителя ответ на претензию, в котором указываются следующие сведения:

– при отклонении претензии – причины отклонения со ссылкой на стандарты, технические условия, другие нормативные документы, результаты анализов, случаи нарушения правил приемки продукции, повлекшие за собой невозможность установления вины поставщика, и другие сведения;

И.А. Тараканов,
адъюнкт ВЮИ ФСИН России

ПРЕДЕЛ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ

Одним из условий правомерности необходимой обороны является соблюдение требования уголовного закона о том, чтобы при защите не было допущено превышения ее пределов.

Необходимо отметить, что таким превышением признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства. Это значит, что превышение пределов необходимой обороны – это не всякое, а явное, т.е. чрезмерное несоответствие средств защиты характеру и опасности посягательства. Так, Т.Г. Шавгулидзе полагает, что законодатель, «определяя явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, несомненно, имеет в виду лишь такую оборону, когда явно нарушено соответствие между интенсивностью посягательства и защиты»¹.

¹ Шавгулидзе Т.Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966. С. 117.

– при признании претензии – вид продукции, наименование, время отгрузки, сопроводительные документы, признанные суммы убытка (стоимость и штраф, сумма уценки), номер счета, по которому отгружена продукция, причины несоответствия, причины образования недостачи, решение о распоряжении продукцией в случаях, когда продукция не является окончательным браком и находится на ответственном хранении у потребителя.

Во многих законах предусмотрена обязанность давать ответ на претензию. Срок ответа – 30 дней. Если такая обязанность не установлена законом или договором, то дать ответ – право, а не обязанность лица, к которому обращено требование. В подобных случаях законом предусмотрено право лица, чьи права и законные интересы нарушены или оспариваются, обращаться в судебные органы для разрешения юридического дела в рамках арбитражного или гражданского судопроизводства.

Н.И. Коржанский предлагает вообще исключить понятие превышения пределов необходимой обороны. Привлечение к уголовной ответственности лица, причинившего вред нападающему при отражении общественно опасного посягательства, по его мнению, «переворачивает общее представление о добре и зле, о справедливости, извращая правосознание»².

Г.Н. Колмакова также разделяет эту точку зрения, указывая, что всю ответственность за наступившее последствие от общественно опасного посягательства должен нести посягавший, а не оборонявшийся, поскольку последний не может предугадать умысел преступника, тем более что находится в состоянии сильного душевного волнения³.

Следует отметить, что при всем внимании теоретиков и практиков к понятию превышения пределов необходимой обороны данная категория имеет оценочный характер. Содержание оценочных понятий и

² Коржанский Н.И. Очерки теории права. Волгоград, 1992. С. 75.

³ См.: Колмакова Г.Н. Нужен ли предел необходимой обороны? // Законность. 1992. № 11. С. 26.

признаков определяется правосознанием лица, которое применяет законодательную норму, исходя из конкретных обстоятельств дела, по своему усмотрению. Однако уровень правосознания и профессиональной подготовленности соответствующих практических работников неодинаков. В связи с этим, а также из-за отсутствия законодательного разъяснения ряда уголовно-правовых терминов оценочного характера, употребляемых при установлении оснований ответственности, возникает разноречивое толкование одних и тех же понятий, используемых как в терминологии уголовного права, так и в правоприменительной практике¹. Соответственно любое суждение о соразмерности посягательства и защиты имеет субъективный характер. По этому поводу В.Ф. Кириченко указывал, что «вопрос о пределах необходимой обороны есть вопрос факта. Только на основании анализа конкретных обстоятельств дела можно определить пределы защиты, в теории же могут быть даны лишь общие принципы»².

Однако при расследовании ситуаций, связанных с доказыванием необходимой обороны, нередки случаи, когда возникает формальное отношение к оценке данного условия, сводящееся либо к простому сопоставлению использованных орудий нападения и защиты, либо фактически причиненного и предполагаемого предотвращенного вреда.

Не менее опасна для оборонявшегося ситуация, когда следователь решает вопрос о наличии превышения пределов необходимой обороны исходя из сравнения антропометрических показателей участников акта «посягательство–защита» либо их спортивно-боевых навыков и умений.

В таком случае получается, что профессионал рукопашного боя, отражая нападение невооруженного лица, посягающего на его жизнь и здоровье, обязан сдерживать

свои удары. Выходит, что физическая сила гражданина и его навыки самообороны существенно уменьшают пределы осуществления им своей защиты. Однако это противоречит ч. 3 ст. 37 УК РФ, согласно которой право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. И тот факт, что спортсмен в указанной ситуации причиняет вред здоровью посягавшего, вместо того чтобы провести боевой прием задержания, подлежит оценке с точки зрения морали, но никак не права.

Поэтому недопустимо решать вопрос о соответствии средств защиты и средств нападения, акцентируя внимание на физических возможностях оборонявшегося.

Кроме того, необходимо указать на ошибочность мнения, согласно которому лицо, обороняясь при помощи огнестрельного или холодного оружия от невооруженного посягавшего, изначально превышает пределы необходимой обороны. Утверждать обратное означает обязать оборонявшегося не использовать пистолет или нож в ситуации, когда преступник пытается его задушить. Получается, что в данной ситуации посягавший находится в лучшем положении, нежели вооруженный оборонявшийся.

Поскольку следственно-оперативная группа прибывает на место происшествия после осуществления оборонявшимся акта необходимой обороны, то для следователя (дознателя) очевиден результат оборонительных действий, т.е. вред, полученный посягавшим. Механизм же причинения данного вреда первоначально неизвестен.

Не исключено, что причиненный вред не охватывался умыслом оборонявшегося. Это, например, возможно в случае, когда лицо, защищаясь, отталкивает от себя посягавшего. Потеряв равновесие при падении, последний ударяется затылком об асфальт, что приводит к перелому основания черепа. Именно этот вред следователь будет первоначально воспринимать как причиненный, прибыв на место происшествия, тогда как действия оборонявшегося не были направлены на причинение вреда жизни или здоровью посягавшего, а больше походили на пассивную защиту. Говорить о превы-

¹ См.: Джинджолия Р.С. Проблемы систематизации оценочных категорий при квалификации преступлений против личности и при назначении за них наказания (анализ теории и практики): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2005. С. 4.

² Кириченко В.Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне по советскому уголовному праву. М., 1948. С. 47.

шении пределов необходимой обороны в данном случае представляется неуместным.

Во всех трудах А.А. Пионтковского превышение пределов необходимой обороны рассматривается как деятельность умышленная, а причинение вреда по неосторожности должно влечь за собой уголовную ответственность на общих основаниях за неосторожное совершение преступления¹. Такой же точки зрения придерживаются И.С. Тишкевич и Ю.В. Баулин².

Законодатель исходит из того, что превышение пределов необходимой обороны предполагает деятельность умышленную. В ч. 2 ст. 24 УК РФ указано, что деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Например, в ст. 108 УК РФ законодатель не указал на возможность совершения данного преступления по неосторожности, поэтому убийство или причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны есть умышленное лишение жизни, т.е. такое убийство, когда виновный предвидит и желает или сознательно допускает его наступление. Причинение посягающему при отражении общественно опасного посягательства вреда по неосторожности не может влечь уголовной ответственности.

Таким образом, необходимо выяснить, какой вред нападавшему намеревался причинить оборонявшийся. Установить это возможно при его допросе. Проверить же искренность показаний возможно путем сопоставления их с результатами экспертиз, а также показаниями других участников процесса. Если причиненный при обороне вред не охватывался умыслом оборонявшегося, то вменение ему (оборонявшемуся) совершения преступления при превышении пределов необходимой обороны следует признать необоснованным.

---

¹ См.: *Пионтковский А.А.* Вопросы Общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. М., 1954. С. 377.

² См.: *Тишкевич И.С.* Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969. С. 123; *Баулин Ю.В.* Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. Харьков, 1991. С. 269.

При этом следует помнить, что при совершении нападения в безлюдном месте, вдали от жилых домов и транспортных магистралей, особенно в условиях недостаточной освещенности, лицо, подвергшееся внезапному нападению, может не рассмотреть количество нападавших, предметы, находящиеся у них в руках, и при отсутствии возможности скрыться или позвать на помощь, оценить сложившуюся ситуацию как безвыходную, опасную для жизни и здоровья. В результате обороняющийся может избрать, на первый взгляд, несоразмерные средства и способы защиты, которые не могут быть признаны таковыми, если оценивать сложившуюся ситуацию с точки зрения подвергшегося нападению лица. Последний может, кроме того, иметь слабое зрение или слух, недостаточную физическую подготовку и т.п.³

Для определения того, было или не было допущено превышение пределов необходимой обороны, необходимо учитывать и психическое состояние лица, осуществляющего акт необходимой обороны. Следует иметь в виду, что в состоянии душевного волнения, вызванного посягательствами, обороняющийся не всегда может точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты.

Это положение было закреплено Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ, согласно которому ст. 37 УК РФ была дополнена частью 2.1: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения».

Доказывание правомерности необходимой обороны представляется довольно сложным. Однако задача следователя заключается в обеспечении объективности и полноты расследования. Только в этом случае удастся не допустить привлечения к уголовной ответственности лица, правомерно оборонявшегося от общественно опасного посягательства.

---

³ См.: *Сергеева О.Н.* Теория и практика криминалистического обеспечения проверки версий о необходимой обороне и превышении ее пределов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 57.

О.Д. Третьякова,
декан юридического факультета ВГПУ
кандидат исторических наук, доцент

**ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ
ИНТЕГРАТИВНОЙ АККУЛЬТУРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВ ЛИЦ,
СОДЕРЖАЩИХСЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ)**

В последней трети XX в. в юридической науке актуализировался вопрос об аккультурации, который проявился в исследованиях, посвященных изучению процессов становления, развития и взаимодействия правовых систем. Однако, как и множество других понятий, прилагаемых к сложным явлениям культуры (к коим относится и право), данный термин и в настоящее время не получил у юристов (как и у других специалистов) устоявшегося толкования¹. К проблеме аккультурации в праве так или иначе обращались такие авторы, как В.Н. Карташов, А.И. Ковлер, С.А. Софронова, Е.А. Твєрякова, И.А. Кузьмин, А. Е. Абрамов².

Так, по мнению В.Н. Карташова, правовая аккультурация представляет собой как процесс воздействия правовых систем друг на друга, так и результат такого воздействия³. Исходя из этого результат юридической аккультурации может быть как благоприятным (имплантируемый элемент приживается в новой правовой среде), так и неблагоприятным (происходит отторжение привносимого юридического явления)⁴.

А.И. Ковлер под правовой аккультурацией предлагает понимать процесс «при-

вивки» чуждых элементов западной цивилизации традиционным обществам, причем речь идет не об отдельных «заимствованиях» (рецепции), а о целенаправленном изменении внешними силами культуры оригинала⁵.

Следовательно, правовая аккультурация, с точки зрения А.И. Ковлера, напрямую связана с колониальной эпохой и всегда имеет характер конфликта культур (европейской и традиционной), поскольку повсеместно встречает сопротивление и по этой причине сопровождается мерами принудительного характера.

Исходя из такого зауженного, на наш взгляд, понимания правовой аккультурации, А.И. Ковлер выявляет ее пути и формы. Среди путей юридической аккультурации им особо выделяются:

1) британский, связанный с привнесением в правовой быт колонизируемых народов новой судебной практики и приспособлением местного обычного права к задачам эффективного административного управления;

2) французский, характеризующийся сломом старых традиций и норм и приданием правовому статусу аборигенов индивидуального характера, что сопровождалось сведением к минимуму так называемых коллективных прав;

3) исламский, который обеспечивал усвоение законов шариата народами, покоренными Арабским халифатом и позже Османской империей⁶.

Однако, следуя логике А.И. Ковлера, можно говорить об особом испанском, португальском, российском и других путях аккультурации, т.к. каждый из них определялся этническим, политическим, культурным и иным своеобразием, комбинацией различных форм и методов воздействия на правовую систему обществ-реципиентов, зависел от целей колонизаторов и степени сопротивления им со стороны автохтонов. По нашему мнению, определение путей юридической аккультурации (являющихся, по существу, направлениями движения к заданной цели) напрямую связано с рассмотрением тех частей «правовой материи» (догмы права, правового содержания и пра-

¹ См. об этом: *Абрамов А.Е.* Правовая аккультурация (на примере Испании в период Римской республики): Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.

² См.: *Карташов В.Н.* Введение в общую теорию правовой системы общества: Текст лекций. Ярославль, 1995. Ч. 1; *Ковлер А.И.* Антропология права. М., 2002; *Софронова С.А.* Правовое наследие и аккультурация в условиях правового прогресса общества: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000; *Твєрякова Е.А.* Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002; *Кузьмин И.А.* Юридическая аккультурация в системе социального управления: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2002.

³ См.: *Карташов В.Н.* Указ. соч. С. 43.

⁴ См.: там же. С. 43.

⁵ См.: *Ковлер А.И.* Указ. соч. С. 246.

⁶ См.: там же. С. 246.

вовых идей¹), которые подверглись трансформации в результате контакта правовых систем. То есть, вероятно, А.И. Ковлер ведет речь не о путях, а о способах правовой аккультурации, используемых европейскими колонизаторами. Показательно, что те же англичане, допуская существование туземных правовых институтов в Африке, совершенно игнорировали их в Австралии².

Формами правовой аккультурации у А.И. Ковлера выступают записи обычаев и их кодификация в новом духе путем введения нового толкования понятий, ограничения юрисдикции «туземных» судов или их запрещения³. Вместе с тем выявление только этих форм не способно отразить всей многогранности изучаемого феномена. Это понимает и сам исследователь, отмечая, что антропология права только начинает разрабатывать свой метод изучения правовой аккультурации⁴.

Через категории процесса и результата определяет правовую аккультурацию Е.А. Тверякова⁵. Она подчеркивает, что правовая аккультурация представляет собой универсальное понятие, характеризующее любой перенос тех или иных юридических форм в иную правовую среду⁶. Соответственно ее формами будут являться и юридическая экспансия, проводимая насильственными методами, и рецепция, связанная с добровольным восприятием элементов правовой системы общества-донора⁷.

С.А. Софронова интерпретирует понятие правовой аккультурации как добровольный, по преимуществу юридический обмен⁸. Она считает, что об аккультурации

речь может идти лишь в случае усвоения элементов правовой культуры страны-донора реципиентом⁹. Таким образом, С.А. Софронова также предлагает рассматривать правовую аккультурацию и как процесс взаимодействия правовых систем, и как результат данного взаимодействия.

А.Е. Абрамов акцентирует внимание на аккультурации как виде юридического взаимодействия двух или более культур, вступивших в непосредственный продолжительный контакт. Однако, как считает данный исследователь, не всякое юридическое взаимодействие можно признать правовой аккультурацией. Дело в том, что последнюю он оценивает не только с точки зрения протекания процессов культурного (в частности, правового) обмена, но и с позиции их результативности. Отсюда в рамках названной концепции под правовой аккультурацией понимается такое юридическое взаимодействие, которое:

1) протекает, как уже отмечалось, на протяжении длительного времени;

2) приводит к частичной или полной трансформации одной или нескольких правовых систем, вступивших в контакт (другими словами, может быть как односторонним, так и двусторонним актом).

Таким образом, под правовой (юридической) аккультурацией А.Е. Абрамов предлагает понимать процесс продолжительного взаимодействия правовых систем, предполагающий использование (в зависимости от культурно-исторических условий) различных по природе и силе воздействия методов, необходимым результатом которого является изменение первоначальной правовой культуры (или отдельных ее элементов) одного или обоих вступивших в контакт обществ¹⁰.

В целом, не опровергая изложенных точек зрения, следует отметить их высокую степень субъективизма в оценке кросскультурного взаимодействия и его результатов. В дополнение и развитие существующих воззрений предлагаем результаты аккультурации оценивать по следующей схеме.

¹ Подробнее см.: *Алексеев С.С.* Философия права. М., 1997. С. 34–53; *его же.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 274–291.

² См., напр.: *Муромцев Г.И.* Типологическая характеристика правовых систем и специфика статуса личности в развивающихся странах Азии и Африки // *Homo juridicus*. М., 1997. С. 79–87.

³ См.: *Ковлер А.И.* Указ. соч. С. 247–248, 256.

⁴ См.: там же. С. 249.

⁵ См.: *Тверякова Е.А.* Указ. соч. С. 13.

⁶ См.: там же. С. 37.

⁷ См.: там же. 14–15.

⁸ См.: *Софронова С.А.* Правовое наследие и аккультурация в условиях правового прогресса общества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2000. С. 11.

⁹ См.: *Софронова С.А.* Указ. соч. С. 11.

¹⁰ См.: *Абрамов А.Е.* Правовая аккультурация (на примере Испании в период Римской республики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 9.

Во-первых, следует установить формальные изменения, произошедшие в правовой системе реципиента, поскольку говорить об аккультурации только как о процессе без ее результата не корректно. В противном случае рассматриваемое явление превратилось бы в относительно замкнутое, стохастическое, динамическое явление, на практике же подобного не происходит.

Во-вторых, необходимо определить, что произошедшие изменения в правовой системе реципиента явились результатом влияния именно правовой системы рассматриваемого донора, а не следствием других фактов. В данном случае устанавливается причинная связь между культурным воздействием и его результатом.

В-третьих, следует применить формальный показатель усовершенствования правовой системы реципиента. Из теории систем известно, что о развитии системы свидетельствует увеличение количества ее элементов и подсистем.

В-четвертых, применительно к правовой системе в качестве показателя повышения культурного уровня правовой системы следует рассматривать степень обеспечения реализации основных прав и свобод человека.

В-пятых, о совершенствовании правовой системы свидетельствует повышение уровня юридической техники (т.е. должен увеличиться арсенал ее средств, приемов, категорий и т.д.).

Исходя из анализа современных концепций и изложенных замечаний, **правовую аккультурацию** можно рассмотреть как взаимодействие правовых систем, результатом которого является их совершенствование и увеличение степени обеспеченности реализации естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека.

Согласно данному определению аккультурация может выступать как двусторонний процесс, предусматривающий не только влияние правовой системы донора на реципиента, но и наоборот. Например, многие правовые системы современного Запада восприняли модель правового планирования экономической деятельности.

Кроме того, такой подход позволяет вести речь о поливекторном взаимодействии правовых систем, о комплексном взаимо-

влиянии. В данном случае речь идет о культурной интеграции в мировом масштабе или об *интегрированной, или синтетической, правовой аккультурации*.

Интегрированная, или синтетическая, аккультурация – это результат восприятия национальными правовыми системами общих принципов, норм и стандартов международного права, их экстраполяции, либо адаптации и реализации во внутригосударственных правоотношениях. Данный вид правовой аккультурации предполагает несколько этапов ее осуществления.

Первый этап характеризуется изучением положительного опыта в правовой регламентации какого-либо вида общественных отношений в отдельных государствах. Данной деятельностью могут заниматься как отдельные государства – инициаторы создания синтетических норм, так и международные организации, например, Совет Европы или ООН.

Второй этап – это интерпретация данного опыта, сопоставление его с общемировыми тенденциями и перспективами. На этом этапе опытные модели могут полностью копироваться, полностью отвергаться либо перерабатываться. Кроме того, при отсутствии необходимых национальных образцов могут разрабатываться принципиально новые правила и стандарты.

Третий этап предусматривает продвижение синтезированных новых норм в национальные правовые системы. Это может осуществляться на добровольной основе, особенно, если в разработке и принятии международных актов государство принимало участие, либо в той или иной принудительной форме (с помощью экономического, политического или религиозного давления).

Четвертый этап – ратификация международных актов соответствующими государствами и ввод содержащихся в них стандартов в национальную правовую систему. Данный этап может быть реализован двумя путями: либо прямое действие норм международного права (как, например, в России в вопросах обеспечения прав и свобод¹), либо принятие соответствующих национальных правовых актов.

---

¹ См.: п. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Так, например, наше государство присоединилось к итоговому документу Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Подписавшие этот документ страны должны эффективно обеспечивать право лиц знать свои права и обязанности, с этой целью публиковать и делать доступными все законы, административные правила и процедуры, относящиеся к правам человека и основным свободам. Данный документ предписывает государствам-участникам соблюдать принятые ООН Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, отражающие специфику правового регулирования прав человека в условиях пенитенциарной системы¹.

Данные Правила не преследуют цель подробного описания образцовой системы пенитенциарных заведений, а предназначены лишь для того, чтобы на основе общепризнанных достижений современной мысли и с учетом основных элементов наиболее удовлетворительных в настоящее время систем изложить то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точек зрения в области обращения с заключенными и управления пенитенциарными заведениями.

В Правилах принимается во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических и географических условий, поэтому в них указывается, что не все их можно применять повсеместно и одновременно. С одной стороны, они должны вызывать к жизни постоянное стремление к преодолению практических трудностей, стоящих на пути к их осуществлению, поскольку в общем и целом они отражают те минимальные условия, которые ООН считает приемлемыми².

---

¹ См.: Беллевич А.Ю. Конституционное право на информацию и его защита в условиях пенитенциарной системы Российской Федерации (На примере Владимирской области): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 16.

² См.: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Вводная ч. П. 2: утв. I Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, 30 авг. 1955 г., Женева // Рос. юстиция. 1992. № 2.

С другой стороны, Правила охватывают поле деятельности, где мысль идет постоянно вперед. Поэтому основываясь на нормах и принципах, заложенных Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными, Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений от 15.07.1995³ (ст. 1) и Уголовно-исполнительный кодекс РФ (ст. 1, ч. 2)⁴ регулируют порядок и определяют особенности охраны прав лиц в условиях государственной изоляции, гарантии их прав и законных интересов в соответствии с действующим международным законодательством. Данные акты и основанные на них Правила внутреннего распорядка ИВС, СИЗО и ИУ⁵ конкретизируют на внутригосударственном российском уровне условия и средства, предоставляемые государством подозреваемым, обвиняемым и осужденным для осуществления ими своих прав, и возлагают на администрацию и сотрудников спецучреждений обязанности по обеспечению режима содержания под стражей. В число этих обязанностей входит и охрана прав указанных лиц, предусмотренная Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными.

В целом, анализируя структуру правил и ныне действующее уголовно-исполнительное законодательство, можно заключить, что данный акт и его отражение в правовой системе России представляют собой вариант интегративной (синтетической) аккумуляции.

---

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

⁴ См.: Уголовно-исполнительный кодекс РФ. М., 2006.

⁵ См.: Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации: Приказ Минюста России от 12.05.2000 № 148 (в ред. приказа Минюста России от 21.02.2002 № 55); Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: утв. приказом МВД России от 26.01.1996 № 41); Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: Приказ Минюста России от 30.07.2001 № 224 (в ред. приказа Минюста России от 08.07.2002 № 191).

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

А.В. Воронков,

*заместитель начальника ВЮИ ФСИН России
по учебной работе*

кандидат педагогических наук, доцент

В.А. Ильин,

начальник учебного отдела

ВЮИ ФСИН России

кандидат педагогических наук, доцент

ОБЩЕГУМАНИТАРНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ

Поиск путей совершенствования подготовки специалистов для органов правопорядка предполагает обращение к личности курсанта. Такое обращение позволяет проследить процесс профессионального становления будущего юриста, определить особенности его воспитания, самовоспитания и саморазвития.

Слушатель юридического вуза, овладевая ценностями культуры, технологией ее создания и реализации, становится специалистом, профессионалом. Личность не формируется по частям, и следовательно, процесс, от которого зависит эффективность гармоничного личностного развития, должен представлять собой обобщенную и непротиворечивую педагогическую систему. Вне всякого сомнения: целостность педагогической системы – понятие открытое и развивающееся, зависящее от запросов общества, концептуальных подходов создателей и реализаторов этой системы, объективных и субъективных условий ее функционирования, состава участников, характера педагогического взаимодействия и других показателей.

Содержание и технология этой системы определяются целевыми установками и основополагающими принципами организации педагогического процесса.

С нашей точки зрения, профессиональное образование в учебных заведениях ФСИН России призвано обеспечить всестороннее развитие личности курсанта.

Целостный педагогический процесс в нашем вузе развивается на основе новой гуманистической парадигмы образования, связанной с самостроительством личности будущего специалиста, ростом творческой, познавательной, общественно-педагогической, профессиональной и других форм ее социальной активности, безусловным и абсолютным признанием ее самоценности, неповторимой индивидуальности и стремлением к самоопределению в общей и профессиональной культуре. При этом обучение неразрывно связано с воспитанием, профессиональным становлением личности, а профессиональное воспитание осуществляется в процессе профессионального обучения. Такое взаимодействие преследует следующие основные цели:

1. Формирование системы взглядов, убеждений, понятий в отношении сущности, содержания, приемов, способов и средств правоохранительной деятельности, ее роли и места в жизни государства, общества, каждого гражданина, отражающей профессионально-деятельностную концепцию сотрудников УИС.

2. Развитие общемировоззренческих, социально-политических, нравственно-правовых взглядов и убеждений как гражданской позиции сотрудника УИС.

3. Воспитание правосознания сотрудников через систему отношений к праву и правопорядку, личности и государству, органам власти, собственной деятельности.

4. Воспитание у слушателей системы нравственных убеждений, ценностных ориентаций, потребностей и мотивов профессиональной деятельности.

5. Развитие у обучающихся этических, эстетических, нравственных чувств.

6. Привитие им культуры профессионального поведения, общения и взаимодействия с людьми.

7. Формирование навыков добросовестного, аккуратного, творческого и объективного отношения к исполнению профессионального долга.

8. Подготовка физически здорового, волевого, психологически зрелого сотрудника.

По убеждению А.А. Молдаванова и С.Н. Уварова, в системе общего и профессионального образования «необходимо формировать творческую личность, соблюдая правила делового человека»¹. По мнению авторов, результатом соблюдения правил делового человека являются уважение к власти, целеустремленность, нераздельность слова и дела, сочетание работы и отдыха, уважение к старшим, уважение прав человека, постоянство в семье и браке, жизнь по средствам, отсутствие лжи, уважение частной собственности².

Важный фактор подготовки будущего юриста – общегуманитарная направленность профессионального образования сотрудника УИС. Сегодня, как никогда, юристу необходимо овладение гуманитарной культурой. Она обеспечивает системно-ориентационное понимание таких связей, как «человек–человек», «человек–общество», «человек–производство», «человек–государство», «человек–природа».

Анализ данной проблемы в системе вузов ФСИН России убедительно свидетельствует о том, что главная тенденция развития учебных заведений этого уровня подготовки юристов – превращение вузов в воспитывающие.

Такой вывод мы делаем из понимания того, что воспитание – социальный и государственный приоритет. Ведь формирование личности происходит путем стимулирования внутренней активности курсанта, развития его мотивационной сферы, склонностей, способностей. «Воспитание – это и есть духовное «питание» слушателя, восхождение с ним на новый уровень отношений с миром, профессиональной деятельностью, самим собой»³.

---

¹ Молдаванов А.А., Уваров С.Н. Организация формирования делового человека // Организация и содержание учебно-воспитательного процесса в педагогическом университете / ВГПУ. Владимир, 1999. С. 44.

² См.: там же.

³ Давыдов В.П. Концептуальные подходы к практике профессионального воспитания слушателей учебных заведений ФСБ // Изв. МЦПОиКНИ при ГУК МВД РФ. 1996. № 2. С. 162.

Необходимо отметить, что в России исторически сложилось положительное отношение к образу компетентного, знающего сотрудника правоохранительных органов. Мы наблюдаем положительные тенденции в подходе курсантов к своему образованию. Так, 93 % из них расценивают учебу в вузе как важнейший элемент становления профессиональной культуры, 87 % отмечают, что без теоретических знаний труднее будет на практике.

В современных условиях система формирования профессиональной культуры слушателей вузов ФСИН России требует значительной коррекции и совершенствования. При этом мы исходим из такой модели профессиональной культуры юриста, поле деятельности которой «...не ограничивается рамками новой парадигмы правоохранения, а предполагает использование методов и способов, выработанных на основе прагматического подхода и анализа.

Сотрудник превращается в аналитика, исследующего мир социума и предлагающего обоснованные решения проблем охраны правопорядка и борьбы с преступностью и служения общественности»⁴.

Данная дидактическая система формирования профессиональной культуры сотрудника УИС, опирающаяся на три основания – педагогическое, личностное и структурно-деятельностное, – отражает идеи гуманизации вузовского образования.

В свою очередь, учебные планы юридических вузов реализуют Государственный стандарт по специальности «Юриспруденция». Они призваны вырабатывать навыки социальной деятельности курсантов, формировать мировоззренческие позиции.

Таким образом, одним из основных направлений реформирования системы подготовки кадров является повышение профессиональной культуры слушателей за счет развития гуманитарного аспекта в координатах юридической и специальной подготовки, позволяющее подготовить персонал, который обеспечивал бы взаимодействие гражданина и государства на основе социального партнерства.

---

⁴ Морозов В.М., Сергеев В.А. Международный опыт правоохранительной деятельности / ВЮИ МВД РФ. Владимир, 1997. С. 63.

Д.А. Баландин,
начальник кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Становление рынка образовательных услуг происходит не стихийно, однако нуждается в регулировании как спроса, так и предложения, но в разных границах и различными методами. В то же время рынок образовательных услуг, как и любой другой рынок, является в определенной мере саморегулирующей системой и находится в состоянии динамического равновесия. Расширение профессионального кругозора личности, обеспечиваемое высшей школой, носит общественный характер, поскольку образование приносит выгоду не только частным лицам, но и обществу в целом. Поэтому государство заинтересовано в повышении образовательного, научного и культурного уровня людей и должно способствовать сохранению и наращиванию интеллектуально-духовного богатства страны.

Следовательно, возникает проблема установления динамичного равновесия между общественным и личностным началом в образовании, между государственным и рыночными механизмами регулирования, которая становится центральной для функционирования современной системы высшего образования.

Образование – это отрасль, результаты деятельности которой просматриваются только в перспективе, а эффект, получаемый человеком и обществом, трудно количественно оценить напрямую. Образовательные услуги – это товар, который приносит пользу в первую очередь тому, кто его потребляет (личность и государство), но не прямо, а опосредованно, через высокое качество рабочей силы, а значит, более высокий уровень дохода, высокую заработную плату работников и устойчивый экономический рост, что выявляет инвестиционные свойства образовательных услуг.

Образовательные учреждения высшего профессионального образования России в результате экономических реформ оказа-

лись в ситуации, когда они не только должны готовить высококвалифицированных специалистов для рыночной экономики, но и самостоятельно вырабатывать и реализовывать стратегию выживания в современных экономических условиях. В связи с этим переход к рыночным отношениям в сфере образования в России носит скорее вынужденный, чем закономерный характер. При этом внимание к образованию со стороны государства в определенной мере становится более пристальным. Так, с 1999 по 2004 г. были в 5,5 раза увеличены абсолютные объемы расходов федерального бюджета на образование.

В 2006 г. в федеральном бюджете РФ расходы на образование предусмотрены в размере 201,6 млрд руб.¹

При этом следует отметить, что за последние годы в Российской Федерации резко увеличилось число вузов (рис. 1) и обучающихся в них студентов в основном за счет обучения на платной основе, что свидетельствует о росте престижа высшего образования. По сравнению с 1991 г. в настоящее время число студентов вузов возросло более чем в два раза. Многие вузы в новых экономических условиях разработали и успешно реализуют новые образовательные программы, изучают и адаптируют отечественный и зарубежный опыт подготовки кадров и взаимодействия с работодателями².

Рис. 1. Динамика количества образовательных учреждений высшего профессионального образования

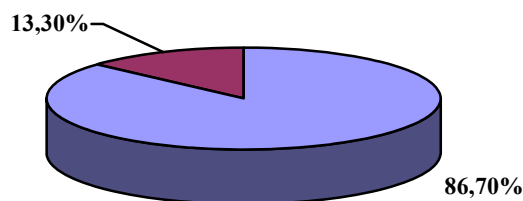
¹ См.: Шкель Т. Экзамен для министра // Рос. газ. 2006. 28 янв. № 17 (3983).

² См.: Перспективы развития отечественной системы образования (рекомендации парламентских слушаний) // Официальные документы в образовании. 2005. № 7(286). С. 1.

Реформирование отношений собственности, радикальные преобразования экономической системы России создали условия для выделения образовательных услуг в самостоятельную сферу интеллектуальной деятельности. Вследствие утверждения принципов функционирования экономики в целом в стране активно формируется и функционирует рынок образовательных услуг (рис. 2).

Муниципальные образовательные учреждения высшего профессионального образования

Рис. 2. Аккредитованные и неаккредитованные образовательные учреждения высшего профессионального образования (по состоянию на 07.07.2005¹)

Большой и наиболее динамично развивающийся сегмент рынка образовательных услуг составляет система высшего профессионального образования, где формируется интеллектуальный потенциал нации, важнейшая роль которого в экономическом развитии любой страны несомненна. В связи с вышеизложенным актуализируются вопросы конкуренции в образовательной сфере, что соответственно вызывает необходимость в регулировании указанных вопросов правовыми средствами.

Данные вопросы приобретут особую остроту к 2010 г., когда количество выпускников общеобразовательных школ по данным органов государственной статистики сократится на 1/3 в сравнении с настоящим временем, в связи с чем следует ожидать усиления конкуренции между всеми членами вузовского сообщества, в т.ч. образовательными учреждениями ФСИН России.

Поэтому Федеральному Собранию Российской Федерации с целью законодательного обеспечения функционирования и развития системы образования было рекомендовано принять федеральные законы, регулирующие отношения в части обеспечения добросовестной конкуренции на рынке образовательных услуг, а Министерству образования и науки Российской Федерации – принять конкретные меры по обеспечению добросовестной конкуренции на рынке образовательных услуг².

¹ Данные Центра государственной аккредитации Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки.

² См.: Перспективы развития отечественной системы образования (рекомендации парламентских слушаний). С. 7–10.

Таким образом, правовое обеспечение конкуренции в сфере образования является в настоящее время объективной необходимостью.

В связи с этим нами был проведен анализ законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих рассматриваемые общественные отношения, с целью выработки авторской позиции относительно совершенствования правового регулирования конкуренции на рынке образовательных услуг.

В результате проведенного исследования в определенной мере вышеназванной цели можно достичь путем внесения ряда изменений и дополнений на уровне федерального законодательства и межведомственных нормативных правовых актов:

1. Внести изменение в ст. 2 «Принципы государственной политики в области образования» Закона РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 в части, касающейся включения дополнительного принципа: «Поддержание конкуренции в сфере предоставления образовательных услуг».

2. Внести изменение в ст. 251 «Доходы, не учитываемые при определении налоговой базы» гл. 25 Налогового кодекса РФ в части, касающейся освобождения от уплаты налога на прибыль образовательного учреждения в течение первых пяти лет с момента его государственной регистрации (за исключением прибыли, полученной им в результате сдачи имущества в аренду (субаренду)).

3. Дополнить ст. 17 Федерального закона РФ «О рекламе» от 18.07.1995 № 108-ФЗ прим. 1 «Особенности рекламы образовательных услуг», которую изложить в следующей редакции:

1) Реклама образовательных услуг образовательного учреждения высшего профессио-

нального образования должна сопровождаться обязательным указанием на номер и орган, выдавший лицензию на ведение образовательной деятельности, а также номер и орган, выдавший свидетельство об аккредитации образовательного учреждения высшего профессионального образования.

2) В случае, если образовательное учреждение не аккредитовано уполномоченным на это государственным органом, в рекламе данного образовательного учреждения об этом обязана быть такая отметка».

4. Дополнить Уголовный кодекс РФ статьей, предусматривающей уголовную ответственность за использование в рекламе заведомо ложной информации относительно товаров, работ и услуг, а также их изготовителей (исполнителей, продавцов), совершенное из корыстной заинтересованности и причинившее значительный ущерб (заведомо ложная реклама).

5. Федеральной антимонопольной службе РФ и Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки РФ разработать совместную инструкцию, которая была бы посвящена взаимодействию в сфере обеспечения конкуренции и ограничения монополистической деятельности на рынке образовательных услуг. В частности, в ней предусмотреть следующие разделы: цель, основные понятия, субъекты, основания и условия осуществления взаимодействия, его формы, направления, порядок, сроки проведения координационных совещаний и т.д.

Суммируя изложенное, можно заключить, что предлагаемые нами меры позволят усовершенствовать правовое обеспечение конкуренции на рынке образовательных услуг.

В.А. Советов,
ученый секретарь Совета
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук

РАЗВИТИЕ ЛЕКЦИОННОЙ ФОРМЫ В СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОГО ОБУЧЕНИЯ

В вузе с традиционной системой обучения лекция как основная форма занятий выполняет следующие дидактические фун-

кции: постановка и обоснование задач обучения, сообщение и усвоение новых знаний, привитие интеллектуальных умений и навыков, мотивирование слушателей (студентов, курсантов) к дальнейшей учебной деятельности, интегрирование преподаваемой дисциплины с другими предметами, а также выработка интереса к теоретическому анализу.

Традиционная вузовская лекция обычно называется информационной и классифицируется следующим образом: *вводная* —

знакомит слушателей с целью и назначением курса, его ролью и местом в системе учебных дисциплин; *мотивационная* – призвана возбудить интерес у слушателей к предмету, создать стимул для всей дальнейшей деятельности; *подготовительная* – выполняет задачу подготовки слушателей к более сложным мыслительным процессам, на ней закладываются основы использования остальных методов и форм обучения; *установочная* – призвана направить слушателей к источникам информации, в ее ходе даются указания для самостоятельной работы и практические рекомендации, выделяются наиболее важные и трудные части материала; *обзорная* – ориентирует слушателей на повторение теоретических положений, составляющих научно-понятийную основу данного раздела или курса, исключая детализацию и второстепенный материал (читается в конце раздела или курса).

Сегодня существует немало противников лекционного изложения учебного материала, которые утверждают, что лекция как общеаудиторная форма обучения является самой неэффективной среди других форм обучения в высшей школе. Приводятся следующие доводы: лекция приучает к пассивному восприятию чужих мнений, тормозит самостоятельное мышление (чем лучше лекция, тем эта вероятность больше); лекция отбивает вкус к самостоятельным занятиям; одни слушатели успевают осмыслить, другие – только механически записать слова лектора; лекции нужны, если нет учебников или их мало.

Позиция противников лекции подкрепляется также тем обстоятельством, что при ее использовании учебный материал подается педагогом так, что он воспринимается слушателями преимущественно через слуховой канал: ухо–мозг. А это плохо, т.к. приблизительно 80–90 % людей привыкли получать информацию через зрительный анализатор: глаз–мозг. Как известно, пропускная способность зрительного анализатора в 100 раз выше слухового канала. Данный фактор доказан не только наукой, но об этом гласит и народная мудрость: «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Кроме того, на лекции в большинстве случаев отсутствует и обратная связь, на основе которой преподаватель де-

лает вывод о степени усвоения учебного материала отдельным слушателем в данный момент времени.

Вместе с тем опыт показывает, что отказ от лекций снижает научный уровень подготовки слушателей, нарушает системность и равномерность работы в течение семестра. Например, в 30-е гг. XX в. в некоторых вузах в порядке эксперимента прекратили читать лекции. Эксперимент себя не оправдал. Резко снизился уровень знаний у слушателей. Поэтому лекция по-прежнему продолжает оставаться ведущей формой организации учебного процесса в вузе. Отмеченные выше недостатки в значительной мере могут быть преодолены рациональным построением материала и правильной методикой.

В этой связи необходимо отметить, что в учебном процессе складывается ряд ситуаций, когда лекционная форма обучения не может быть заменена никакой другой, например: при отсутствии учебников по новым курсам лекция – основной источник информации; новый учебный материал по конкретной теме не нашел еще отражения в существующих учебниках или некоторые его разделы устарели; отдельные темы учебника особенно трудны для самостоятельного изучения и требуют методической переработки лектором; по основным проблемам курса существуют противоречивые концепции, и лекция необходима для их объективного освещения. Кроме того, лекция незаменима в тех случаях, где особенно важно личное эмоциональное воздействие лектора на слушателей с целью повлиять на формирование их взглядов. Эмоциональная окраска лекции в сочетании с глубоким научным содержанием создает гармонию мысли, слова и восприятия слушателями. Эмоциональность воздействия лекции играет важную роль в преподавании гуманитарных дисциплин. Однако и преподавателям естественных и точных наук не следует ее недооценивать.

Следует подчеркнуть, что стиль лекции индивидуальный, но все-таки в ее подготовке и преподавании материала существуют проверенные практикой принципы и правила. Они не все универсальны, однако позволяют быстрее овладеть технологией преподавания тому, кто еще не изучил ее сам, пройдя тернистым путем опыта в течение многих

лет, проведенных перед студенческой аудиторией, обучаясь на собственных ошибках.

Характерную особенность лекции составляет ее деятельностная основа, выражающая бинарную природу обучения. Бинарность обучения – это не механическое соединение деятельностей преподавателя и слушателей, а прежде всего их взаимная детерминация. Деятельностная природа лекции и ее бинарная основа заставляют теоретиков и практиков направлять свое внимание на обучение слушателей приемам и методам самостоятельной учебной деятельности, а также обоснование лектором собственной деятельности и т.д.

Организация учебной деятельности на лекции требует не только определенного умения педагога ее готовить и проводить, но и специальной подготовки к ней слушателей. При этом в качестве новой задачи перед преподавателем встает необходимость формирования этой учебной деятельности на соответствующем уровне, приучения слушателей к определенным правилам ее организации.

Лекция как особая организация взаимодействия слушателей и педагога, естественно, обуславливает определенный деловой характер их общения. Тип делового общения слушателей между собой и с преподавателем можно обозначить как дидактическое общение. *Дидактическое общение* – это, по сути, межличностные отношения, формирующиеся и проявляющие себя в условиях конкретной учебной деятельности. Это разновидность деловых отношений и делового общения. Дидактическое общение на лекции всегда детерминировано его целями, содержанием, методами и формами. В то же время оно выстраивается на основе методической структуры в зависимости от того, как и когда на лекции проводится актуализация опорных знаний, формирование новых и т.д. Все три подструктуры лекции (дидактическая, логико-психологическая, методическая) предопределяют формирование и развитие дидактического общения слушателей и преподавателя.

Все это предъявляет новые требования к личности преподавателя, методам и технике преподавания. Особенно действенна, как показывает практика, авторская лекция, когда идут не столько на дисциплину, сколько

на «лектора». От мастерства преподавателя зависит максимальное использование потенциальных возможностей этой ведущей формы вузовского обучения.

Распространена точка зрения, что задача лектора заключается в том, чтобы хорошо знать предмет и ясно его излагать. Но что значит «ясность изложения»? Это сложнейшая педагогическая проблема: это и последовательность, и наглядность изложения, и сознательное активное усвоение излагаемого слушателями, и, как результат, понимание.

Говоря о роли лектора в учебно-воспитательном процессе, следует подчеркнуть, что преподаватель высшей школы должен быть ученым, философом, артистом, воспитателем и ЧЕЛОВЕКОМ, ибо преподавание не ремесло, не профессия, а образ жизни. Это определение дал талантливый педагог и лектор профессор МГУ А.П. Минаков.

Чтобы лекция как основная форма занятий выполняла свои дидактические функции, попытаемся сформулировать некоторые правила деятельности преподавателя – лектора высшей школы.

Во-первых, лектор будет оставаться на высоте своей должности до того времени, пока сам будет учиться, ибо темпы развития современной науки, техники и культуры таковы, что за годы преподавания много лекционных дисциплин, особенно специальных, приходится обновлять неоднократно и радикально. Труд и терпения требует и усовершенствование личного педагогического мастерства – речи, стиля, умения использовать иллюстративно-графические и технические средства, а также приобщение к новейшим педагогическим исследованиям.

Во-вторых, лектор должен обладать широким научным кругозором, знаниями в смежных дисциплинах. Задачи и аппарат разных дисциплин – естественно-научных, гуманитарных и социально-экономических, общепрофессиональных и специальных – тесно переплетаются, и межпредметные связи в принципиальном и практическом отношениях становятся все более значимыми.

В-третьих, лектор должен быть ученым и вести научно-исследовательскую работу в той отрасли, в какой выполняет преподавательскую деятельность. Единение науч-

ной и педагогической деятельности необходимо и плодотворно по многим причинам. Прежде всего потому, что преподаватель учит других на том научном уровне, на каком стоит сам. Привить слушателям научное мышление, научный подход, научить их отличать предпосылки от фактов, которые определены теорией или экспериментами, научить отличать домыслы от доказательств, показать, как ставятся научные задачи и какими средствами их решают, – это способен выполнить только истинный ученый.

Лектор должен проводить занятия с увлечением, эмоционально. Чтобы иметь для этого необходимые качества, он должен испытать сам как исследователь трудности аналитической работы и тягу к достижению истины и страсть к поиску новых решений. Только тогда он сможет увлечь своих слушателей. Лектор должен учить не только тому, что уже есть, а и тому, чего еще нет, учить видению проблем в перспективе и умению определять подходы к решению.

Обобщая материалы по данной теме и педагогический опыт преподавателей, можно сформулировать следующие требования к лекции: четкая структура и логика раскрытия последовательно излагаемых вопросов; методическая обработка – выведение главных мыслей и положений, подчеркивание выводов, повторение их в различных формулировках; изложение доступным и ясным языком, разъяснение вновь вводимых терминов и названий; использование по возможности аудиовизуальных дидактических материалов; нравственная сторона лекции и преподавания, научность и информативность (современный научный уровень), доказательность и аргументированность, наличие достаточного количества ярких, убедительных примеров, фактов, обоснований, документов и научных доказательств, эмоциональность формы изложения, активизация мышления слушателей, постановка вопросов для размышления.

Подводя итог, следует отметить такие бесспорные преимущества лекции, как: творческое общение лектора с аудиторией, сотворчество, эмоциональное взаимодействие; лекция – весьма экономный способ получения в общем виде основ знаний; лекция активизирует мыслительную деятельность, если хорошо понята и внимательно прослушана. Содержание, четкость структуры лекции, применение приемов

поддержания внимания – все это способствует установлению педагогического контакта, вызывает у слушателей эмоциональный отклик, воспитывает навыки трудолюбия, формирует интерес к предмету.

Современное состояние отечественной образовательной системы, тенденция к ориентации на отдельного человека, реализацию его творческих способностей обусловили разработку и появление новых лекционных форм наравне с традиционной, что позволяет значительно повысить творческий поведенческий потенциал аудитории. Предлагаемые ниже лекционные варианты могут успешно дополнять традиционную лекцию-информацию, будучи использованными в полном объеме лекционного времени на одном или нескольких занятиях либо как элементы традиционной формы на части занятия (например, половина пары); в любой из упомянутых форм может быть также разработан авторский лекционный курс.

Дадим краткие характеристики некоторым нетрадиционным формам лекций.

1. *Проблемная лекция.* В ней моделируются противоречия реальной жизни через их выражение в теоретических концепциях. Главная цель такой лекции – приобретение знаний слушателями как бы самостоятельно. В отличие от традиционной лекции, на которой преподносится и объясняется готовая информация, подлежащая запоминанию, на проблемной лекции новое знание вводится как неизвестное, которое необходимо «открыть». Основная задача преподавателя – создав проблемную ситуацию, побудить слушателей к поискам решения проблемы, шаг за шагом подводя их к искомой цели. С этой целью новый теоретический материал представляется в форме проблемной задачи, в условии которой имеются противоречия, подлежащие обнаружению и разрешению. Очень важно реализовать принцип проблемности при отборе и обработке лекционного материала, а также при его развертывании непосредственно на лекции в форме диалогического общения. Проблемная лекция обеспечивает развитие теоретического мышления, познавательного интереса к содержанию предмета, повышает профессиональную мотивацию.

2. *Лекция-визуализация,* когда основное содержание лекции представлено в образной форме (в рисунках, графиках, схемах и

т.д.). Визуализация рассматривается здесь как способ активизации мышления и способ обучения перекодированию информации с помощью разных знаковых систем. Чтение такой лекции сводится к развернутому комментированию подготовленных визуальных материалов, которые должны обеспечить систематизацию имеющихся знаний, усвоение новой информации, создание и разрешение проблемных ситуаций. Не всякий материал подходит для такой формы лекции, равно как и не всякая дисциплина. Однако элементы такой лекции возможны для любого предмета.

Доказано, что наглядность не только способствует более успешному восприятию и запоминанию учебного материала, но и позволяет проникнуть глубже в существо познаваемых явлений. Правое полушарие, отвечающее за образно-эмоциональное восприятие предъявляемой информации, начинает активно работать именно при ее визуализации. Таким образом, здесь задействованы оба полушария, а не одно левое (логическое), привычно работающее при освоении точных наук.

В данной лекции наиболее важны: определенная визуальная логика и ритм подачи материала, его дозировка, мастерство и стиль общения преподавателя с аудиторией.

3. *Лекция вдвоем*, представляющая собой работу двух преподавателей, читающих лекцию по одной и той же теме и взаимодействующих на проблемно-организованном материале как между собой, так и с аудиторией. Проблематизация происходит как за счет формы, так и за счет содержания. В данном случае моделируются реальные ситуации обсуждения теоретических и практических вопросов двумя специалистами, к которым предъявляются определенные требования: у них должна быть интеллектуальная и личностная совместимость; они должны владеть развитыми коммуникативными умениями, иметь быструю реакцию и способность к импровизации. Диалог преподавателей должен демонстрировать культуру дискуссии, втягивать в обсуждение слушателей, побуждать их задавать вопросы, высказывать свою точку зрения.

4. *Лекция-пресс-конференция*, когда содержание оформляется по запросу (по вопросам) аудитории. Такую лекцию можно проводить в начале темы с целью выявле-

ния потребностей, интересов группы или потока; в середине, когда она направлена на привлечение слушателей к узловым моментам курса и систематизацию знаний; в конце – для определения перспектив развития усвоенного содержания курса.

Особенность данной лекции состоит в том, что в ее начале преподаватель просит слушателей задавать ему письменно вопросы по теме. Далее, в течение нескольких минут, слушатели формулируют наиболее интересные их вопросы и передают преподавателю, который за три-пять минут рассортировывает их по содержанию и начинает лекцию. Лекция излагается не как ответы на вопросы, а как связный текст, в процессе изложения которого формулируются ответы.

5. *Лекция-провокация* (или лекция с запланированными ошибками), формирующая умение оперативно анализировать, ориентироваться в информации и оценивать ее. Своеобразна подготовка к данной лекции, которая состоит в том, чтобы заложить в нее определенное количество ошибок содержательного, методического, поведенческого характера (их список преподаватель приносит на лекцию и предъявляет слушателям в конце). Задача слушателей состоит в том, чтобы по ходу лекции отмечать ошибки, фиксировать их на полях и называть в конце. На разбор ошибок отводится 10–15 минут. При этом правильные ответы называют и слушатели, и преподаватель. Данная лекция одновременно выполняет стимулирующую, контрольную и диагностическую функцию.

6. *Лекция-диалог*, где содержание подается через серию вопросов, на которые слушатель должен отвечать непосредственно в ходе лекции. К этому типу примыкает лекция с применением техники обратной связи, а также программируемая лекция-консультация.

7. *Лекция с применением игровых методов* (метод «мозговой атаки», метод конкретных ситуаций и т.д.), когда слушатели сами формируют проблему и сами пытаются ее решить.

Здесь перечислены лишь некоторые формы. Принцип проблемности как стержень современной нетрадиционной лекции позволяет творчески подходить к его реализации, становясь источником новых форм и методов.

И.М. Чеканникова,
*старший преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
Кузбасского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат филологических наук*

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА
КУРСАНТОВ КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВУЗОВ ФСИН РОССИИ**

Правильно организованная научно-исследовательская работа студентов (курсантов) может стать одним из путей повышения эффективности образовательной и научной деятельности вуза.

Научное исследование, проводимое курсантами под руководством преподавателя, не только позволяет им глубоко изучить предмет, но и стимулирует их к познанию нового, совершенствованию своих знаний, умений и навыков, расширяет кругозор. Кроме того, в процессе исследования обучающиеся учатся работать самостоятельно.

В 2004/2005 учебном году курсанты второго курса Кузбасского филиала ВЮИ ФСИН России проводили исследование проблемы подготовки заключенных исправительных учреждений к ресоциализации и изучению существующих программ такого рода за рубежом. Выбор темы был обусловлен актуальностью данной проблемы и стремлением восполнить отсутствие информации с помощью зарубежного опыта. Трудность работы заключалась в билингвальном подходе к исследованию, т.к. сначала осуществлялся поиск необходимого материала, который следовало перевести с английского языка на русский, а затем уже проводился сравнительный анализ полученных результатов. Сведения курсанты брали из оригинальных учебных пособий по уголовному праву, криминологии, изданных на английском языке американскими издательствами, из Интернета, переписки. Полученная информация и стала объектом изучения.

Цель исследования заключалась в сравнении американского и российского опыта в области программ ресоциализации осужденных.

В соответствии с нею были определены следующие задачи:

- изучение программ ресоциализации и профессионального обучения американских заключенных, ожидающих освобождения; выяснение достоинств и недостатков этих программ;
- проведение сравнительного анализа с существующими российскими программами подобного типа.

В ходе исследования осуществлялась e-mail переписка с информационным агентством Отделения тюрем Департамента исправительной системы американского штата Северная Каролина (Information Agency North Carolina Department of Correction). В результате этой переписки курсанты установили контакт с директором агентства Памелой Уокер (Pamela Walker, Public Information Director) и получили ответы на запросы по осуществлению программ ресоциализации осужденных в этом штате.

Как известно, основной целью наказания лиц, осужденных за преступления, является их исправление. Тем не менее высокий уровень рецидива преступности, увеличение количества правонарушителей, постоянно возвращающихся в исправительные учреждения за совершение новых преступлений, переполнение тюрем свидетельствуют о том, что наказание в том виде, в котором оно сегодня существует, не приводит к исправлению. Проблема преступления и наказания в настоящее время стала еще более актуальной, более того, международной, т.к. она важна для всех стран с высоким уровнем преступности.

Существуют различные категории лиц, совершающих повторные преступления. Некоторые люди лишение свободы на какой-то срок перестают считать наказанием. Попасть в тюрьму для них – значит пройти некий ритуал. Татуировки, сделанные в местах заключения, – это своего рода отличительные знаки, и бывший осужденный может даже стать героем сообщества. Порой перспектива тюрьмы для них становится не сдерживающим фактором, а напротив, приемлемой альтернативой, передышкой для уличных бойцов, временем для наращивания мышц, периодом отдыха и подготовки для следующей битвы.

Другая категория людей, отбывавших когда-то срок и уже получивших наказание, продолжают чувствовать осуждение общества и после своего возвращения. Они страдают от непонимания окружающих и испытывают душевные муки от невозможности вернуть себе доброе имя. У них меньше возможностей устроить свою жизнь в нормальном обществе по сравнению с теми, кто никогда не привлекался к уголовной ответственности, найти хорошо оплачиваемую работу и приобрести социальные гарантии. Поэтому многие из них вновь совершают преступления, чтобы вернуться в привычный мир исправительного учреждения, в общество себе подобных.

Другие предпочитают тот минимум, предоставленный им государством, усилиям, которые они должны предпринять, чтобы устроиться в нормальном обществе.

Актуальность изучения проблемы ресоциализации осужденных заключается в том, что, несмотря на существование подобных программ в России, они, безусловно, нуждаются в дополнении и усовершенствовании. Авторы исследования предложили рассмотреть эту проблему с точки зрения американской системы уголовного правосудия и взять на вооружение те ценные и эффективные результаты, которых добились зарубежные пенологи и которые действительно способствуют возвращению бывших заключенных в общество, а соответственно снижают уровень рецидивной преступности.

Изучив большое количество зарубежных и отечественных программ, курсанты пришли к выводу, что американские пенологи работают в этом направлении более активно, чем их российские коллеги: вовлекают в программы представителей различных социальных групп, общественных организаций, изучают возможности профессиональной ориентации и обучения, учитывают психологическую мотивацию поведения осужденных. Следует признать, что большинство заключенных в экономическом плане – неудачники. Они не обладают ни рабочими навыками, ни профессиональной этикой, чтобы на законных основаниях получить хорошо оплачиваемую работу в обществе, где существует высокая конку-

ренция. Следовательно, целью профессиональных обучающих программ является превращение экономических неудачников в успешных людей. Тем не менее профессиональное обучение и внедрение рабочей этики в американских исправительных учреждениях имеют свои недостатки, т.к. мотив выгоды для государства всегда преобладает над мотивом обучения заключенных.

На вопрос исследователей о существовании в настоящее время программ ресоциализации американских заключенных П. Уокер ответила, что в США реализуется большое количество программ, с помощью которых они помогают заключенным подготовиться к освобождению. Тысячи осужденных каждый год пользуются возможностями образовательных и профессионально-технических программ, доступных в самих тюрьмах. В Северной Каролине чаще, чем в каком-либо другом штате, осужденные получают документы, дающие право работать, так называемые Общие дипломы соответствия. Она также рассказала о других программах, таких как Job Start, Back Home, Transition Net и др.

В результате анализа материалов исследования авторы выяснили, что программы ресоциализации американских заключенных способствуют их возвращению к нормальной жизни в обществе. Эти программы нацелены на развитие профессиональных навыков, которые действительно могут пригодиться в жизни на свободе, на формирование чувства ответственности, развитие психологической мотивации ресоциализации. В качестве положительных моментов курсанты отметили включенность в программы представителей различных общественных и религиозных организаций, работающих на общественных началах, полезную деятельность осужденных на благо общества, т.к. они выполняют работу, необходимую для штата, возможность получить профессиональное обучение, вносить заработанные деньги на счет, чтобы по возвращении иметь определенную сумму на первое время.

Американские программы ресоциализации помогают осужденным вернуться в общество и вновь стать полноценными гражданами. По мнению авторов исследо-

вания, очень важным аспектом данной работы является вовлечение в программы рядовых граждан, которые решили способствовать ресоциализации заключенных после освобождения. Эти люди обеспечивают бывшим заключенным психологическую поддержку, на которую они могут рассчитывать в случае необходимости.

Американские психологи определяют три обязательных составляющих, приводящих к успеху программы ресоциализации: это самоотверженный труд, подготовка к освобождению задолго до срока выхода и помощь сообщества. По словам П. Уокера, разные программы имеют разную направленность, и заключенные могут выбирать, что их больше интересует: будущая работа, возможность ее найти или духовные потребности. Партнерство с колледжами и профтехучилищами позволяет обучать осужденных бесплатно.

По мнению исследователей, главное отличие между программами возвращения осужденных в общество в России и в США заключается в том, что американцы считают преступность и исправление преступников своей общей проблемой, именно поэтому так много людей вовлечены в благотворительную помощь. Они уже осознали, что рецидивная преступность и переполнение тюрем бьют по карману налогоплательщиков, и если все будут только обсуждать проблемы, то некому будет заниматься их решением. Что касается российской системы, то это проблема, прежде всего, самого заключенного. Выйдя на свободу, бывшие заключенные порой не имеют никаких профессиональных навыков. Не найдя работу, не имея жилья и какой-либо поддержки, они вновь вынуждены возвратиться в привычный мир, где им не нужно о чем-либо заботиться. Осужденные на большие сроки не обладают способностью

принимать самостоятельные решения, необходимые для жизни в нормальном свободном обществе. В исправительных учреждениях за них все решает администрация: им остается только выполнять распоряжения. В результате растет уровень преступности, переполнены исправительные учреждения и увеличивается количество сотрудников.

Данные по содержанию осужденных в российских пенитенциарных учреждениях позволяют сделать вывод, что основное внимание в них продолжает уделяться режиму содержания, а не исправлению. Абсурд, но в отечественных исправительных учреждениях редко, кто исправляется. Так, в одном из российских учебников по пенитенциарной педагогике исследователи встретили описание проведения эксперимента по созданию исправительной среды в колонии № 2 г. Екатеринбурга. Вопросы, которые решались в ходе эксперимента, включали улучшение бытовых условий осужденных, проведение досуга с оборудованием комнат-баров, спортзала и зимнего ботанического сада, построение православной церкви, мечети и т.п. Вопросам профессиональной подготовки осужденных было уделено недостаточное количество времени, что подтверждает вывод о том, что целью подобных программ является создание предпосылок для существования осужденных внутри учреждения, а не возможностей, которые они смогут осуществить за его пределами.

Таким образом, научно-исследовательская работа курсантов является, с одной стороны, важным фактором повышения эффективности образовательной и научной деятельности вузов ФСИН России, а с другой, способствует совершенствованию функционирования отечественной пенитенциарной системы.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ, ПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ КАДРОВ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Ф.М. Зезюлин,

*заместитель начальника ВЮИ ФСИН России
по строевой части
кандидат педагогических наук, профессор*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Проблема физической подготовки курсантов и слушателей к предстоящей служебной деятельности в той или иной мере всегда была в поле зрения специалистов. Однако особую значимость она приобрела в последние годы в связи с изменениями в характере будущей деятельности выпускников, вызванными реформированием уголовно-исполнительной системы (УИС), качественными изменениями преступности в стране, учащением случаев использования преступниками современного оружия, дерзостью, изощренностью в совершении преступных действий, недостаточной физической подготовкой сотрудников исправительных учреждений.

Так, в Концепции воспитательной работы с курсантами и слушателями образовательных учреждений УИС Минюста России (2000–2005 гг.) одним из основных направлений была названа физическая подготовка, которая обеспечивает формирование и развитие личности специалиста, способного выполнять служебные обязанности как в обычных, так и в экстремальных ситуациях.

В последнее время в связи с освобождением по амнистии большого количества положительно характеризующихся лиц, установлением моратория на применение смертной казни ухудшаются криминогенные характеристики осужденных, оставшихся в местах лишения свободы, что, безусловно, осложняет оперативную обстановку. Каждый четвертый из них состоит на учете в отделах безопасности подразделений как склонный к совершению преступлений, в том числе к

побегу, нападению, захвату заложников, употреблению наркотических веществ, обладающий навыками изготовления холодного или огнестрельного оружия¹.

Аналитический обзор результатов оперативно-служебной деятельности отделов безопасности и состояния режима в учреждениях УИС Минюста России показывает, что агрессивность осужденных в отношении сотрудников не уменьшается, продолжают иметь место факты нападений на представителей администрации как на территории исправительных учреждений, так и за их пределами². В 2003 г. в исправительных учреждениях совершено 156 побегов, из них 18 с нападением на персонал, зарегистрировано 6 случаев дезорганизации нормальной деятельности учреждений, два случая захвата заложников³. За этот же год при проведении обысков в местах лишения свободы изъято 116585 единиц колюще-режущих предметов, с применением которых совершаются противоправные действия⁴.

Перечисленные негативные факты во многом объясняются недостаточной профессиональной подготовкой сотрудников, одним из приоритетных направлений которой является физическая подготовка.

Таким образом, сложность и ответственность задач, стоящих перед высшими учебными заведениями ФСИН России, предъ-

¹ См., напр.: Калинин Ю.И. Уголовно-исполнительная система России: стратегия реформ // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2003. № 1. С. 2–8; Ялунин В.У. Опыт исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2003. № 5. С. 2–12.

² См.: Бовин Б., Мокрецов А. Причины и обстоятельства чрезвычайных происшествий, повлекших гибель личного состава // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2004. № 1. С. 43–49.

³ См.: Оперативная сводка о деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы за 2003 год. Тверь, 2004.

⁴ См.: Информация о деятельности уголовно-исполнительной системы в 1999–2003 годах // Статист. сб. М., 2004.

являют особые требования к физической подготовке курсантов и слушателей. Современные достижения педагогики, психологии, физиологии, спортивной деятельности во многом обусловлены подбором наиболее эффективных методов и средств, оптимальным распределением тренировочных нагрузок, рациональным построением учебных занятий по физической подготовке. Однако в настоящее время соответствующие достижения и рекомендации теории и практики остаются мало востребованными при планировании и организации физической подготовки курсантов и слушателей.

Одной из основных задач физической подготовки курсантов и слушателей высших учебных заведений правоохранительных органов России является воспитание у обучающихся привычки к регулярным занятиям физической культурой и спортом. Не секрет, что у выпускников образовательных учреждений через непродолжительный промежуток времени, как правило, 1–2 года, резко снижается уровень функциональной подготовленности, притупляются двигательные навыки и умения в выполнении приемов самозащиты¹. Однако ряд сотрудников, у которых сформировалась жизненная потребность в регулярных занятиях спортивной культурой (определение Л.И. Лубышевой), находят место и время для самостоятельных занятий и участия в соревнованиях. Процент таких сотрудников очень незначителен. По разным данным он не намного превышает процент занимающегося населения в нашей стране, который составляет 8–10 %². Существуют приказы и другие нормативные документы, которые обязывают сотрудников к регулярным занятиям физической подготовкой не менее двух часов в неделю, причем один час за счет служебного времени и один час в личное время. Ежегодно физическая подготовленность сотрудников должна подвергаться проверке. Однако напряженная

служебная деятельность всегда позволит сотруднику оправдаться перед собой и руководством за непосещение занятий по физической подготовке. А между тем по мере угасания физической подготовленности, вернуться к регулярным занятиям становится все труднее. Поэтому перед образовательными учреждениями правоохранительных органов стоит очень серьезная задача: как привлечь к регулярной физической активности, как сформировать потребность в ней на протяжении всей службы? И решить эту задачу нужно как можно скорее.

В содержание рабочих и тематических планов по физической подготовке учебных заведений правоохранительных органов высшего и среднего звена включены боевые приемы борьбы, легкая атлетика, лыжи, спортивные игры, плавание при наличии условий, преодоление полосы препятствий, различные виды упражнений для общефизической подготовки. Занятия по физической подготовке проводятся два раза в неделю по два часа в течение всего периода обучения. Как показывает практика обучения в средних специальных учебных заведениях, изучение сугубо профессионального содержания учебной программы можно завершить в течение двух лет. За этот период обучающиеся должны освоить содержание служебно-прикладного самбо и получить навыки, необходимые сотруднику для выполнения служебных обязанностей. В связи с этим предлагаем в высших учебных заведениях остальной период обучения курсантов в рамках физической подготовки проводить в виде учебно-тренировочных занятий по избранным видам спорта с ежегодной сдачей контрольных нормативов и зачетов в соответствии с требованиями Наставления³. Для организации этого процесса предполагается создание учебно-тренировочных групп в соответствии с количеством преподавателей-специалистов по видам спорта и материальной базой для обеспечения занятий. Курсанты должны приходить на занятия в составе курса в соответствии с типовым расписанием два раза в неделю и занимать в составе не учебной, а

¹ См., напр.: Современные технологии спорта высших достижений в профессиональной подготовке сотрудников силовых ведомств // Материалы междунар. науч. конгресса. Москва, 2–4 февр. 2006 г. М., 2006.

² См.: Лубышева Л.И. Спортивная культура в структуре социализации личности // Современный олимпийский спорт и спорт для всех: Материалы VIII Междунар. науч. конгресса: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 62–64.

³ См.: Наставление по физической подготовке (НФП-2001) сотрудников уголовно-исполнительной системы / М.А. Москвичев, Н.Н. Моргацкий, Ф.М. Зежулин и др. М., 2002.

спортивной группы по избранному виду спорта. На каждую спортивную группу заводится свой журнал и необходимый пакет планирующей и методической документации. Например, курс в количестве 140 курсантов имеет 5 учебных групп, с которыми проводят занятия 10 преподавателей. Создается 10 учебно-спортивных групп, в том числе: 4 по самбо и дзюдо, 2 по рукопашному бою, 2 по легкой атлетике и лыжным гонкам, 1 по гиревому спорту и штанге, 1 по общефизической подготовке.

Преподаватель, ведущий занятия в этих группах, отвечает не только за рост спортивного мастерства, но и за уровень физической подготовленности курсантов, в том числе за сохранение навыков самозащиты. Этот момент он должен учитывать при составлении тематических планов. Кроме того, для воспитания способности к самостоятельным за-

нятиями преподаватель должен продумать содержание и организацию одной самостоятельной дополнительной тренировки в неделю, выполнение которой занимающиеся фиксируют в своем дневнике, там же записывают задание для следующей самостоятельной тренировки. Такая организация учебного процесса по физической подготовке в высшем учебном заведении в последние два года обучения будет способствовать воспитанию у занимающихся привычки к регулярным занятиям физической культурой и спортом, т.к. при такой организации занятий на первом месте будет их личная заинтересованность. Занятия избранным видом спорта, попытка добиться максимального личного результата потребуют от курсантов освоения теоретических основ спортивной деятельности и, как правило, роста уровня общей культуры индивида.

М.И. Алексеева,

*начальник кафедры гуманитарных дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ БУДУЩЕГО СОТРУДНИКА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Потребность общества в высокопрофессиональном сотруднике, в совершенстве владеющем полученными в вузе знаниями, способном самостоятельно их добывать, самосовершенствоваться, реализовывать гуманистические принципы в профессиональной деятельности, объясняет интерес науки к поставленной проблеме и определяет важнейшие задачи высшего профессионального образования.

Не умаляя положительных сторон традиционной профессиональной подготовки, приходится констатировать, что сложившаяся вузовская система по-прежнему направлена на передачу знаний и выработку заранее заданных умений по общепрофильным и специальным дисциплинам. Практика свидетельствует, что существующее вузовское образование, часто являясь, по своей сути, продолжением школьного, нередко формирует негативный опыт студента как

объекта педагогических воздействий; пассивная, заданная извне позиция будущего специалиста не способствует формированию его активности и самостоятельности, приобретению им личностных смыслов¹. Понятно, что в таких условиях проблематичной становится подготовка сотрудника, являющегося носителем личностно-ориентированных, гуманистических идей и ценностей в профессиональной деятельности.

Решению данной проблемы может служить личностно-ориентированное образование, в котором центральной фигурой является личность обучающегося, а целью соответственно становится создание усло-

---

¹ Обращение к понятиям «смысл» и «значение» является необходимым в рассмотрении сущности личностно-ориентированного образования, т.к. они определяют наиболее характерное отличие от образования традиционного. Так, К. Роджерс указывал на существование двух типов учения – бессмысленного и осмысленного. Бессмысленное учение он характеризовал как принудительное, безличностное, интеллектуализируемое, оцениваемое извне, направленное на усвоение значений, осмысленное же, напротив, – как свободное, личностно значимое, самостоятельно инициируемое, оцениваемое самим учащимся, направленное на усвоение смыслов. Исходя из этого можно утверждать, что традиционное обучение осуществляется на уровне «значений» (запомнить), а личностно-ориентированное – на уровне «смыслов» (принять). (Примеч. авт.)

вий для полноценного развития его внутреннего потенциала.

При этом под гуманистически ориентированной позицией сотрудника пенитенциарной системы мы понимаем систему личностных, интеллектуальных, волевых и эмоционально-оценочных отношений сотрудника к профессиональной действительности и профессиональной деятельности, являющихся источником его субъектности, т.е. «внутренней независимости, самостоятельности, самодисциплины, самоконтроля, самоуправления, саморегуляции, способности к рефлексии и др.»¹. Субъектность обучающегося проявляется в самостоятельном добывании учебной и профессиональной информации и оперировании ею при решении теоретических и практических задач; раскрытии собственных потенциальных возможностей и способностей и развитии их в ходе аудиторной и внеаудиторной деятельности на всех этапах обучения в вузе; осознании и принятии гуманистических ценностей, следовании им в ходе текущей и преддипломной практики и предстоящей профессиональной деятельности.

Считаем, что процесс становления гуманистически ориентированной позиции будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы будет эффективным, если само высшее юридическое образование станет личностно-ориентированным и на этой основе будет способствовать принятию гуманистических ценностей каждым курсантом как субъектом образовательного процесса, обретению им личностных смыслов будущей профессиональной деятельности.

На наш взгляд, вузовская подготовка содействует развитию личности будущего сотрудника пенитенциарной системы, становлению его гуманистически ориентированной профессиональной позиции, если она отвечает следующим педагогическим условиям:

- носит целенаправленный, системный, непрерывный характер;
- базируется на идеях и ценностях гуманизма, сотрудничества, сотворчества;
- предполагает единство и преемственность дидактико-методической и общекультурной подготовки, интеграцию аудиторной и внеаудиторной работы;

– предусматривает психолого-педагогическую помощь курсантам в их личностном росте.

В чем же состоит суть личностно-ориентированного образования, создающего условия для становления гуманистически ориентированной профессиональной позиции будущего сотрудника пенитенциарной службы?

Чтобы ответить на данный вопрос, следует обратиться к понятию «личностный подход». Являясь одним из сущностных в педагогике и психологии гуманизма, оно стало предметом исследования многих ученых (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн и др.).

Так, А.Н. Леонтьев считал, что вне личностного подхода невозможно понять мотивацию, движущие начала формирования личности, ее самосознание². С.Л. Рубинштейн, ведущий теоретик личностного подхода, настаивал на понимании личности как субъекта собственного развития. Он правомерно утверждал, что общественные требования не могут механически проецироваться в человека, а опосредуются внутренним отношением к ним, собственной работой при решении той или иной задачи. Внешние причины всегда действуют лишь опосредованно через внутренние условия. Выявление внутренних условий – это и есть личностный подход в широком смысле. Задача воспитания и обучения, по С.Л. Рубинштейну, заключается в развитии личности, становлении ее субъектом учения³.

В дидактике, как отмечает в своем исследовании данной проблемы Н.Г. Савина, понятие «личностный подход» менялось в зависимости от различных толкований понятия «личность», определяемых культурно-образовательной ситуацией в стране. В 70-е гг. XX в. в обучении личностный подход рассматривался как ведущий для организации учебного процесса (основным критерием эффективности которого выступала знания). В 80-е гг. XX в. всесторонне развитая личность формировалась не только через знания, а в контексте с ними (В.С. Ильин). В 90-е гг. XX в. личностно-

¹ Бондаревская Е.В. Ценностные основания личностно-ориентированного воспитания. // Педагогика. 1995. № 4. С. 29–36.

² См.: Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983. Т. 2.

³ См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 1.

ценностная ориентация потребовала от дидактики усовершенствования содержания обучения, его организации с целью обеспечения благоприятных условий для всестороннего развития личности, ее способности к саморазвитию и самореализации¹.

Необходимость применения личностного подхода в обучении и воспитании и невозможность его осуществления в условиях традиционного образования явились источником активного поиска путей решения данной проблемы.

Большой вклад в разработку этого вопроса внесли К.А. Абульханова-Славская, А.А. Бодалев, И.С. Кон, А.В. Мудрик, А.Б. Орлов и др. Исследователи раскрыли сущность личностного подхода в воспитании и обучении, его значение как базовой ценностной ориентации в условиях гуманизации образования, необходимости становления обучающихся субъектами собственного развития и др. Личностный подход, по определению А.В. Мудрика, «предполагает помощь воспитаннику в осознании себя личностью, в выявлении, раскрытии его возможностей, становлении самосознания, в осуществлении личностно значимых и общественно приемлемых самоопределения, самореализации и самоутверждения...»².

На идеях личностного подхода базируется гуманистическое педагогическое образование, разработке концепции которого посвящены работы Е.П. Белозерцева, М.Н. Берулавы, В.А. Кан-Калика, М.В. Кларина, Г.Б. Корнетова, В.М. Коротова, А.А. Мелик-Пашаева, Н.Д. Никандрова, Н.Г. Осуховой, В.А. Сластенина, Е.Н. Шиянова и др. «В центре внимания гуманистической педагогики находится уникальная целостная личность, которая стремится к максимальной реализации своих возможностей (самоактуализации), открыта для восприятия нового опыта, способна на осознанный и ответственный выбор в разнообразных жизненных ситуациях»³.

Именно достижение личностью такого качества провозглашается гуманистической педагогикой главной целью воспитания в

отличие от формализованной передачи воспитаннику знаний и социальных норм в традиционной педагогике.

Чрезвычайно значимыми в рассмотрении проблемы являются также основные положения гуманистической психологии, ведущие представители которой – Р. Бернс, Т. Грининг, Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс. По их мнению, в каждом человеке заложен творческий личностный потенциал, и задача педагога – помочь обучающемуся его реализовать. Поэтому основными понятиями данного подхода стали: самоактуализация, самореализация, саморазвитие.

Идея самоактуализации получила наиболее глубокое теоретическое обоснование в трудах А. Маслоу. Американский психолог понимал под ней раскрытие потенциальных возможностей личности, которые, существуя в виде врожденных потенций, актуализируются под влиянием социальных условий⁴.

«Необходимые и достаточные условия» гуманизации взаимоотношений педагога и учащихся были установлены К. Роджерсом. К их числу он относил позитивное принятие другого человека, его активное эмпатическое слушание (сопереживание, проникновение в мир чувств другого человека) и конгруэнтное (адекватное, подлинное и искреннее) самовыражение в общении с ним.

Особо следует отметить утверждение Р. Бернса о том, что Я-концепция педагога оказывает непосредственное влияние на образ-Я воспитанников, их успеваемость, поведение, отношение к себе, другим, учебным достижениям и будущей профессиональной деятельности. Педагог, работающий в русле идей гуманистической психологии, выступает не как руководитель, но как фасилитатор учения, т.е. человек, создающий благоприятные условия для самостоятельного и осмысленного учения обучающихся, активизирующий и стимулирующий их познавательные мотивы⁵. Следовательно, основное в работе педагога – помочь обучающемуся обнаружить и приумножить то, что в нем заложено, а не «отливать» его в определенную форму (А. Маслоу).

¹ См.: Савина Н.Т. Личностный подход при дифференцированном обучении (на материале преподавания географии): Дис. ... канд. пед. наук. Минск, 1994.

² Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Под ред. В.В. Давыдов. М., 1993. Т. 1. С. 522.

³ Там же. С. 239.

⁴ См.: Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности: Тексты. М., 1981.

⁵ См.: Маркова А.К. и др. Формирование мотивации учения: Книга для учителя. М., 1990. С. 181.

Идея целостного подхода к изучению и развитию личности на основе взаимосвязи всех ее сторон: интеллектуальной, эмоциональной, действенно-практической и волевой, выдвинутая Г. Олпортом, является принципиальной для гуманистической психологии.

Несмотря на некоторую разницу в расстановке акцентов, мнения всех представителей гуманистической психологии сходятся в том, что личность уникальна и представляет собой безусловную ценность.

Согласно основополагающим установкам гуманистической педагогики и психологии система высшего образования должна формировать у обучающихся умение применять полученные знания на практике, решать возникающие проблемы, воспитывать самостоятельность, творческое мышление, ответственность и человечность¹.

Многообразие педагогического опыта преподавателей, разными путями приходящих к идеям фасилитирующего обучения, свидетельствует о том, что оно представляет собой не некую одинаковую для всех «педагогическую технологию», но совокупность ценностей, своеобразную «педагогическую философию», неразрывно связанную с личностным способом бытия человека в мире. В эту систему ценностей входят убеждения в личностном достоинстве каждого человека, в важности и значимости для него способностей и возможностей к свободному выбору, самосовершенствованию, ответственности за свои поступки, творческому и радостному учению².

В отечественном образовании возможность создания истинной личностно-ориентированной модели появилась в связи с разработкой систем развивающего обучения. Начатое в 30-х гг. XX в. Л.С. Выготским изучение проблемы соотношения обучения и развития нашло продолжение в исследованиях П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова, Л.В. Занкова, Д.Б. Эльконина и др. Плодотворное развитие идея ориентации педагога на личность учащегося получает в рамках теории и практики личностно-ориентированного образования (Н.А. Алексеев, Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, И.С. Якиманская и др.).

¹ См.: Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.

² См.: Маркова А.К. и др. Указ. соч. С. 182.

Несмотря на то, что в настоящее время эта идея находится на стадии становления, она имеет много сторонников как среди исследователей, так и среди педагогов-практиков.

Принципиальное значение для нас приобрело выдвинутое в работах Е.В. Бондаревской положение о том, что личностно-ориентированное образование – это «тип образования, обеспечивающий развитие личности, поддержку ее индивидуальности, полноценное удовлетворение ее образовательных, духовных, культурных, жизненных потребностей и запросов, способствующий самореализации личности в культурно-образовательном пространстве»³.

В качестве глобальной цели современного образования Е.В. Бондаревская видит «человека культуры» как такой тип личности, «ядром которого являются субъектные свойства, определяющие меру ее свободы, гуманности, духовности, жизнотворчества»⁴. Для нас привлекательна мысль ученого о том, что гуманность – вершина нравственности, проявляющаяся в понимании ценности и неповторимости каждого человека, неприкосновенности человеческой жизни, умении проявлять терпимость и доброжелательность ко всем людям, независимо от их расы, национальности, вероисповедания, положения в обществе, личных свойств. Духовность – неотъемлемая черта культурного человека. Основой духовности является образование, «ориентированное на общечеловеческие ценности, мировую и национальную духовную культуру». Творчество выражается в стремлении к созиданию, постоянному развитию, критическому отношению к действительности, неудовлетворенности достигнутым результатом⁵.

Такое современное образование автор называет не просто личностно-ориентированным, а «культурологическим личностно-ориентированным образованием», закладывающим «базовые, фундаментальные основы культуры личности – умственной, нравственной, экологической, эстетической, экономической, правовой и других ее сторон»⁶.

³ Личностно-ориентированный образовательный процесс: сущность, содержание, технологии / Под ред. Е.В. Бондаревской и др. Ростов н/Д, 1995. С. 8.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 11–12.

⁶ Там же. С. 20.

По мнению В.В. Серикова, «личностно-ориентированное образование – это не формирование личности с заданными свойствами, а создание условий для полноценного проявления и соответственно развития личностных функций субъектов образовательного процесса»¹.

В личностно-ориентированной педагогике главными ориентирами становятся «смысл деятельности, ее отношения с другими деятельностями, иерархия предпочтений в оценках, развитие рефлексии, самостоятельности, наличие личной позиции и т.д.»². Задача обучения – образовать, т.е. обогатить, «окультурить» субъектный опыт как жизненно значимый для личности, а не нивелировать (единообразить) его»³.

Таким образом, современные идеи гуманистической педагогики и психологии эволюционировали от разработки проблем личностного подхода в обучении и воспитании к созданию целостных концепций личностно-ориентированного образования.

Это подтверждает необходимость личностно-ориентированного подхода, при котором каждый участник образовательного процесса имеет возможности для раскрытия и дальнейшего развития своего внутреннего потенциала. Активный, самостоятельно мыслящий, творческий, гуманистически ориентированный курсант – достойный участник образовательного процесса, отвечающего современным требованиям.

Гуманистическое отношение к другому человеку – это не только показатель нравственной воспитанности того, кто такое отношение проявляет, но и «важнейший резерв для дальнейшего духовного обогащения и совершенствования личности – носительницы такого отношения, потому что при гуманном, доверительном отношении к нему другой человек показывает все лучшее, что накопила его душа, что дал ему нажитый жизненный опыт»⁴.

Эта мысль кажется нам достаточно важной, ибо профессиональная гуманистически

ориентированная позиция будущего сотрудника пенитенциарной системы воплощается также, как подчеркивалось выше, в его готовности и способности к постоянному духовному, интеллектуальному и физическому самосовершенствованию и к профессиональному саморазвитию, в частности.

Как справедливо отмечает А.Б. Орлов, «нельзя гуманизировать человека извне, нельзя сформировать у него гуманистические убеждения, лишь изнутри можно создать условия, в которых человек сам придет к этим убеждениям, свободно выберет их... любая гуманизация – это прежде всего гуманизация (и гармонизация) отношений личности человека с его сущностью (внутренним аутентичным Я)»⁵.

Гуманистически ориентированная позиция как интегративное качество личности человека для сотрудника уголовно-исполнительной системы является профессионально значимой характеристикой, т.е. такой, которая становится системообразующей в его профессиональном облике. При этом вузовское образование должно способствовать принятию ценностных ориентаций, выработке новых личностных смыслов, ведущих к становлению гуманистически ориентированной профессиональной позиции.

Таким образом, можно выделить следующие важнейшие педагогические условия становления гуманистически ориентированной профессиональной позиции будущего сотрудника пенитенциарной системы:

- единство и преемственность дидактико-методической подготовки, ориентированной на личностное развитие курсанта;
- последовательное, системное развитие у курсантов личностных гуманистических ориентаций в будущей профессиональной деятельности средствами всех учебных предметов и внеаудиторной работы вуза;
- использование педагогических технологий, обеспечивающих развитие активной субъектной позиции курсанта.

Такая организация образовательного процесса:

- актуализирует личностный и профессиональный потенциал курсанта;

¹ Сериков В.В. Личностный подход в образовании: Концепция и технологии. Волгоград, 1994. С. 42.

² Там же.

³ Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М., 1996. С. 85.

⁴ Личность в воспитательной системе школы: Науч.-метод. сб. / Под ред. А.В. Гаврилина и Л.И. Новиковой. Владимир, 1993. С. 26.

⁵ Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики: Пособие для студентов психол. фак. М., 1995. С. 31.

– способствует самовыражению личности, проявлению активной познавательной позиции, свободному и осознанному выбору средств профессионального и личностного совершенствования;

– формирует ощущение своей индивидуальности и готовности принять индивидуальность другого;

В.В. Виноградов,
*профессор кафедры специальной техники
и информационных технологий
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук*

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

В условиях осознания государством и обществом приоритетов, связанных с использованием и развитием человеческого ресурса страны, восприятия пенитенциарного сообщества как составной части гражданского общества, актуализируется проблема социальной работы с осужденными. Новым уголовно-исполнительным законодательством России усилена социально-педагогическая направленность деятельности учреждений УИС. Формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, толерантного отношения к бывшим осужденным становится одним из важных элементов общественного сознания. Это обусловило целесообразность включения в существующую систему ресоциализации осужденных арсенала социально-педагогических средств, расширения исправительно-воспитательного потенциала пенитенциарных учреждений, общественного воздействия, активизации личностных возможностей осужденного путем специально организованной *социальной работы*. Необходимым условием успешного реформирования УИС является ее обеспеченность квалифицированными кадрами специалистов различных профилей, в том числе социальными работниками.

Социальная работа в пенитенциарной системе России только начинает развиваться. Правильная ее организация ускорит процесс реформирования УИС и будет способствовать гуманизации условий исполнения наказаний.

– регулирует процесс собственного образования в вузе, реализуя не только права на свободу творчества и раскрытие своей индивидуальности, но и ответственность, что способствует становлению его гуманистически ориентированной профессиональной позиции.

Социальная работа представляет собой комплексную деятельность социальных работников совместно с другими службами исправительных учреждений, а также общественностью, территориальными службами занятости, социальной защиты населения и другими заинтересованными структурами с целью оказания социально-педагогической помощи осужденным и им поддержки в период отбывания наказаний и во время подготовки к освобождению.

Сегодня в условиях проведения социально-экономических реформ в нашей стране чрезвычайно злободневным остается вопрос о социальной защите населения, в том числе и социально-педагогической поддержки лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы.

Первые положения о тюремной системе России были закреплены в Судебнике 1550 г., ее создание было продиктовано необходимостью укрепления государства.

На начальном этапе (середина XVI – начало XIX вв.) пенитенциарная система в России функционировала как карательный институт с широким диапазоном репрессивных мер. Тюремное заключение применялось без указания сроков нахождения человека, совершившего преступление, в условиях изоляции и в сочетании с другими видами наказаний. При этом нравственно-педагогическое содержание в систему наказания не включалось.

Дальнейшее развитие российской пенитенциарной практики и ее идеологии было сопряжено с теорией и прогрессивным опытом применения уголовных наказаний в западноевропейских странах, с динамичным развитием российского общества и связанным с ним многосторонним реформированием государственного управления.

Началом зарождения социально-педагогической поддержки в практике пенитен-

циарной системы России специалисты считают 20-е гг. XIX в., когда стало предусматриваться нравственное исправление преступников с указанием средств исправительно-воспитательной работы, участием общественности и церковнослужителей в исправительном процессе.

На последующее развитие гуманистических и духовно-нравственных начал пенитенциарной системы Российского государства определенное влияние оказали рекомендации международных тюремных конгрессов (Франкфурт, 1846 г.; Брюссель, 1847 г.; Франкфурт, 1857 г.), пропагандировавшие необходимость проявления гуманизма в местах лишения свободы, защиту личности преступника от произвола администрации, активизацию участия общественности в управлении пенитенциарной системой. В 1890 г. впервые в Петербурге был проведен очередной Международный тюремный конгресс, определивший курс на проведение реформы пенитенциарной системы.

Заметное усиление социально-педагогической составляющей в пенитенциарной системе произошло в последней трети XIX – начале XX вв. Данный период можно рассматривать как начало организационно-содержательного становления социально-педагогической поддержки осужденных в истории развития пенитенциарной системы России.

Значимый для развития отечественной пенитенциарной системы и совершенствования социально-педагогической поддержки осужденных этап – это начало XX в., он характеризуется проникновением прогрессивных идей гуманизации и демократизации в тюремную систему.

В дальнейшем (30–80-х гг. XX в.) развитие пенитенциарной системы в России характеризуется созданием исправительно-трудовых колоний, заменивших тюрьмы, расширением социально-педагогического содержания и принципов управления исправительными учреждениями, постепенным обновлением нормативно-правовой базы.

В начале этого периода активно внедрялись в пенитенциарную практику идеи педагогической системы А.С. Макаренко. Однако стратегия развития социально-педагогической поддержки осужденных в процессе их ресоциализации на различных этапах этого периода сдерживалась и тормозилась преобладанием карательных мер

уголовного наказания и ослаблением социально-воспитательных форм влияния на жизнь осужденных.

Особо следует выделить современный этап развития пенитенциарной системы, который начинается с момента вступления в силу нового уголовно-исполнительного законодательства РФ и характеризуется целевой ориентацией исправительных учреждений на социально-педагогическую поддержку осужденных – особенно молодых, впервые совершивших нетяжкие преступления.

В конце XX – начале XXI в. в уголовно-исполнительной практике России происходит резкое возрастание социально-педагогической компоненты. Пенитенциарная система реально развивается на принципах гуманизации и демократизации. Деятельность исправительных учреждений ориентируется на ресоциализацию осужденных в соответствии с международными стандартами и рекомендациями. Формируется единое социально-педагогическое пространство, в которое, кроме коллективов структурных подразделений исправительных учреждений, входят семья, государственные, негосударственные, общественные, религиозные и иные организации. Опора на социальную активность осужденных, оказание им юридической, медицинской, психологической, социально-педагогической и иной помощи и поддержки становятся главным инструментом в методике исправительно-воспитательной деятельности пенитенциарной системы. Процесс ресоциализации осуществляется в тесном взаимодействии с международными организациями. Воспитательные меры начинают преобладать над карательными.

В настоящее время можно выделить следующие особенности социальной работы в местах лишения свободы: жесткая правовая регламентация условий жизни; педагогически неблагоприятная среда; ограниченные возможности взаимодействия с социумом; потребность расширения социально-педагогических средств сопровождения процесса ресоциализации; своеобразие подходов и технологий привлечения осужденных к общественно полезному труду; неразработанность механизма межведомственного взаимодействия исправительных учреждений с другими институтами в социально-педагогической поддержке осужденных и др.

Современное состояние социальной работы в исправительных учреждениях характеризуется наличием тенденций, отражающих динамику развития социальных отношений как в России, так и в международном сообществе: повышение значимости общечеловеческих, гуманистических ценностей; изменение социально-правового статуса осужденных в сторону его либерализации, гуманизации и демократизации; открытость деятельности учреждений пенитенциарной системы для сотрудничества с отечественными и международными организациями различной направленности; возрастающая роль народных и национальных ценностей; взаимодействие исправительных учреждений с религиозными организациями, различными институтами государства и общества.

Совершенствование современной практики социальной работы пенитенциарных учреждений опирается на ряд ключевых теоретических положений социальной педагогики, в том числе:

- профилактический характер социально-педагогической работы применительно к тем категориям осужденных, которые впервые совершили нетяжкие преступления;
- выявление социально-поведенческих проблем осужденных на основе дифференцированного личностно-ориентированного подхода;
- включение самих осужденных в процесс решения собственных проблем на принципах самопомощи как активных субъектов преодоления изживенческих настроений и проявлений потребительской психологии;
- восстановление и укрепление семейных и родственных связей осужденного, использование возможностей семьи как активного субъекта его ресоциализации;
- интеграцию сил, средств и возможностей социальных институтов государства и общества в социально-педагогической поддержке осужденных;
- повышение социально-педагогической компетентности субъектов процесса ресоциализации осужденных, прежде всего специалистов исправительных учреждений.

На основе этого можно охарактеризовать социально-педагогическую поддержку осужденных в исправительных учреждениях как систему средств юридического, педагогического, духовно-нравственного, медицинского, психологического и иного ха-

рактера, реализуемую в период пребывания осужденного в местах лишения свободы и после исполнения наказания.

Как социально-педагогическая компонента деятельности всех субъектов процесса ресоциализации осужденного социально-педагогическая поддержка способствует исправлению, коррекции, перевоспитанию, социальной реабилитации, трудовому и бытовому устройству осужденных в местах лишения свободы и после освобождения из них. Социальная по содержанию и педагогическая по технологиям, она направлена на общеобразовательную и профессиональную подготовку осужденных, их трудовое, морально-нравственное, правовое, эстетическое, физическое, санитарно-гигиеническое воспитание, формирование навыков дисциплинированного и правопослушного поведения, развитие социальной активности осужденных, выработку интересов, установок, мотивации их поведения и потребностей с общественно значимым вектором. Социально-педагогическая поддержка ориентирована на приобретение осужденным позитивного социального опыта организации своей жизнедеятельности, восстановление социально-личностного статуса после освобождения на основе социально-активного поведения и направлена на поддержание устойчивого правопослушного поведения в критических ситуациях жизни с целью избежания рецидивов.

В деятельности исправительного учреждения социально-педагогическая поддержка включает совокупность целей, задач, содержания, форм, средств, реализуемых в процессе делового партнерства администрации и осужденных, осуществляемого на основе уголовно-исполнительного законодательства, реализации осужденными своего социально-правового статуса, деятельности по поддержанию психофизиологического функционирования организма, коммуникативной, трудовой деятельности, участия в работе самостоятельных организаций. Как многомерное явление социальной педагогики социально-педагогическая поддержка связана с проникновением в общественное сознание гуманистических идей, выдвижением на передовые позиции развития общественных отношений духовно-нравственных ценностей, укреплением

человеческого ресурса в формировании социальной активности личности, перестройке ее индивидуального мышления.

Применительно к категории осужденных осужденный характеризуется как личность с присущими только ей особенностями, а также как представитель одной из групп осужденных с ее ценностями, установками, мотивацией и направленностью поведения; носитель социально-культурных и морально-нравственных ценностей поколения молодежи, отражающих типологическое поведение осужденного положительной направленности.

Каждая из названных позиций индивидуальности характерным образом влияет на содержание социально-педагогической поддержки осужденных, которая с учетом их особенностей изменяет социальную активность целостной личности и повышает ее адаптивные способности к условиям жизни в семье и обществе после исполнения наказания.

Как было сказано выше, социально-педагогическая поддержка направлена на ресоциализацию, исправление, коррекцию, социальную реабилитацию, формирование характеристик личности, обеспечивающих успешную адаптацию к условиям социума после исполнения наказания.

Ресоциализация в местах лишения свободы, таким образом, рассматривается как целостный процесс исправления, коррекции, воспитания, перевоспитания, социально-педагогической поддержки осужденного с использованием карательно-воспитательных, социально-педагогических, медико-психологических, образовательно-воспитательных, трудотерапевтических и иных технологий в едином пространстве исправительного учреждения и общества.

Ресоциализирующий механизм взаимосвязан с системой социально-педагогических средств исправления и их воспитательного потенциала. Ресоциализация определяется особенностями направленности поведения личности осужденного, системой ее целей, интересов, установок и потребностей, которые формируются в процессе жизнедеятельности каждого человека.

В качестве доминирующих положений концепции социально-педагогической поддержки выступают принципы: дифференциации и индивидуализации, гуманизации межличностных отношений, демократизации исправительно-воспитательной дея-

тельности, государственно-общественного подхода в ее осуществлении.

Современная модель модернизации исправительного учреждения по социально-педагогической поддержке осужденных¹ ориентирована на ресоциализацию личности и предусматривает механизм ее реализации, основанный на таких условиях, как: формирование общественного мнения о пенитенциарных учреждениях как составной части гражданского общества; активное участие в борьбе с преступностью других институтов государства и общества; педагогическая компетентность их согласованной деятельности; личностная и социальная направленность исправительно-воспитательной работы с осужденными; дифференциация содержания и технологий социально-педагогической поддержки осужденных; доступность трудовой, образовательной, культурно-спортивной и других видов позитивно направленной деятельности в целях ресоциализации осужденных; использование технологий социально-педагогического подхода к управлению деятельностью исправительного учреждения как субъекта государственно-общественной системы; гуманизация взаимоотношений осужденных в исправительных учреждениях, которая предполагает приближение быта, труда, отдыха и оздоровления определенных групп осужденных к условиям жизни свободного человека; более демократичная организация процесса управления функционированием и развитием исправительного учреждения.

Субъектами системы социально-педагогической поддержки осужденных в качестве ее элементов выступают: коллективы сотрудников и осужденных исправительного учреждения (в том числе коллективы отрядов); педагогические коллективы и методический совет; советы родственников; государственные, общественные, религиозные, международные и иные организации при субъектной позиции самого осужденного.

Целью системы социально-педагогической поддержки рассматривается ресоциализация осужденных, а основным средством педагогической коммуникации выступает общение во всех направлениях социальной

---

¹ См.: *Фомин Н.С.* Управление социально-педагогической деятельностью ИУ на основе дифференцированных программ исправления осужденных: Монограф. М., 2001.

работы, осуществляемой в исправительном учреждении (трудовое, морально-нравственное, правовое, санитарно-гигиеническое, эстетическое и др.) как сфера проявления социальной активности и формирования адаптивных способностей осужденных.

Социально-педагогическая поддержка должна осуществляться адресно на основе целостного представления о личности осужденного: его индивидуальных и психологических особенностях, состоянии здоровья, нужд, интересов; потребностях, возможных отклонениях в развитии; умениях анализировать и контролировать свое поведение в различных жизненных ситуациях, умениях содержательно проводить свободное время; характере влияния средовых факторов; наличии умений и навыков участия в социально значимых видах деятельности.

Современная модель исправительного учреждения предусматривает участие в социально-педагогической поддержке специалистов различного профиля: медицинских работников, психологов, психиатров, социальных работников, преподавателей школ и профессионально-технических училищ, работников служб социальной защиты и трудовой занятости, предпринимателей, юристов, практических психологов, церковнослужителей. В качестве содержательного элемента модели выступают дифференцированные программы, направленные на поддержку осужденного посредством развития и формирования системы нравственных качеств, поведенческих установок, влияния на его отношения в контекстах: личность и государство; личность и социальная среда; личность и коллектив; личность в отношении к самой себе. Организация исправительно-воспитательного воздействия нацелена на реальные изменения в поведении осужденных с различной степенью социально-нравственной запущенности до уровня относительно нормального поведения. Рассмотрение нравственных качеств (трудолюбие, дисциплинированность, вежливость и т.д.) как единиц поведения во взаимодействии с внешними проявлениями (знания, умения, трудовой процесс, образовательный процесс) и т.д.; сопоставление их с внутренним состоянием личности (ощущения, восприятия, представления, интерес, установка, мотив, потребность и т.д.) позволяют специалисту по социальной работе опытным путем в дифференцированных программах опреде-

лить набор тех параметров, развитие и формирование которых способствует нейтрализации отрицательных свойств и качеств личности, а также смягчению влияния внешних негативных факторов.

Важной составляющей прогностической социально-педагогической модели модернизации исправительных учреждений выступают технологии и методики социально-педагогической поддержки, связанные с особенностями различных сфер жизнедеятельности осужденных и самой системы поддержки: методика взаимодействия исправительного учреждения с другими государственными и общественными институтами, институтом семьи; методика межведомственного взаимодействия по трудоустройству граждан, освобождающихся из исправительных учреждений. Методика по трудоустройству граждан и методика по восстановлению родственных связей определены в качестве ключевых, способствующих решению целого комплекса проблем граждан, освобождающихся из мест лишения свободы, и их адаптации на рынке труда. Они содержат такие элементы, как механизм создания в исправительных учреждениях постоянно действующей системы социальной адаптации лиц, подлежащих освобождению; организации их заблаговременного консультирования, профессиональной ориентации и психологической поддержки (в том числе консультирование по формированию адекватной самооценки профессионально-квалификационного уровня); создания возможности получения навыков самоопределения на рынке труда, профессиональной карьеры, ведения переговоров с работодателями по вопросам трудоустройства; механизма трудоустройства лиц, освобождаемых из мест лишения свободы; обеспечения возможности получить профессию, конкурентную на рынке труда; алгоритм межведомственного взаимодействия по консультированию, профориентации, переподготовке, вовлечению в трудовую деятельность бывших осужденных.

Технология индивидуальной социально-педагогической поддержки осужденных в русле современной модели модернизации исправительных учреждений включает:

– первичное изучение и адаптацию осужденного к условиям лишения свободы, информирование о том, когда и при соблюдении каких требований он может ускорить свое освобождение;

– выявление позитивного жизненного и социального опыта осужденного, положительных и отрицательных свойств и качеств, умений и навыков заниматься общественно значимыми видами деятельности;

– определение оптимальных вариантов и стратегии воздействия на степень социально-нравственной запущенности осужденного и сопровождение его поведения до уровня относительно нормального;

– установление психологического контакта с осужденным и выявление его потребности в интегративном содержании социально-педагогической поддержки;

– накопление осужденным опыта ситуативной саморегуляции поведения положительной направленности и его активизация в системе воспитывающих социальных связей и отношений;

– восстановление возможных контактов с близкими людьми по месту проживания;

– подготовку к жизни на свободе.

Контакты, встречи и беседы с осужденным в процессе индивидуальной социально-педагогической работы подчинены снятию у него острых аффектных переживаний и ориентации его на положительное поведение.

Реализация новой социально-педагогической модели модернизации исправительного учреждения способствует приближению осужденного к его семье и социуму; активизации взаимодействия исправительного учреждения с государственными, негосударственными, общественными, религиозными и иными организациями по социально-педагогической поддержке осужденных; позитивным изменениям в социальном окружении осужденного на началах нравственности, уважительного отношения к человеку. Все это говорит о возможности и необходимости применения в деятельности сотрудников исправительного учреждения содержательного, организационно-методического и технологического арсенала средств социальной педагогики.

Итак, можно выделить следующие *особенности социальной работы в УИС России в условиях гуманизации уголовно-исполнительного законодательства*:

1. Идеология социально-педагогической направленности социальной работы с осужденными, ориентированная на их ресоциализацию, составляет теоретическую и практическую основу совершенствования

современной пенитенциарной системы как в России, так и в зарубежной практике.

2. Социально-педагогическая поддержка применительно к осужденным носит всеобщий и в то же время персонифицированный характер, стимулирует гуманизацию межличностных отношений как в социуме исправительного учреждения, так и в сфере жизнедеятельности человека после исполнения наказания при условии согласованной деятельности специалистов структурных подразделений учреждений пенитенциарной системы, других социальных институтов государства и общества на основе сочетания исправительных и воспитательных мер, социально-педагогических средств и технологий.

3. Социально-педагогическая поддержка осужденных как функция исправительных учреждений характеризует новое качественное состояние пенитенциарной системы России, предполагающее изменение социально-правового статуса осужденных, активизацию их личностного потенциала; демократизацию и расширение адаптивных возможностей социально-педагогической среды исправительных учреждений, взаимодействия исправительных учреждений с социальными институтами внешней среды.

4. Пенитенциарная система России прошла путь диалектического развития от системы с сугубо карательной направленностью ее деятельности до исправительно-воспитательной системы, что обеспечило необходимость модернизации деятельности современного исправительного учреждения. В историческом контексте пенитенциарная практика развивалась от общего к конкретному, к конкретизации социально-педагогической работы по оказанию осужденным социально-педагогической поддержки через ее дифференциацию и индивидуализацию.

5. Состояние современной практики социальной работы в учреждениях пенитенциарной системы характеризуется усилением социально-педагогической направленности содержания и технологии их деятельности, социально-правового статуса осужденных. Ориентация исправительно-воспитательных мер на социальную адаптацию осужденных к условиям жизни в гражданском обществе делает развитие социально-педагогической работы в современных пенитенциарных учреждениях России сопоставимым с системой ресоциализации осужденных в европейских странах.

6. Социально-педагогическая направленность деятельности пенитенциарных учреждений в ряде регионов России начинает занимать доминирующее положение. В социальной работе с осужденными приоритет постепенно отдается педагогическим и психологическим методам воздействия, решению социальных вопросов, связанных с оказанием социально-педагогической поддержки в широком диапазоне. Приоритет человеческих ценностей, понимание необходимости оказания социально-педагогической поддержки становятся одним из элементов профессиональной культуры сотрудников учреждений пенитенциарной системы.

7. Исправительное учреждение нового типа правомерно рассматривать как социальный институт, реализующий свой социально-педагогический потенциал в специфических условиях строгой изоляции, в котором процесс ресоциализации осужденных посредством социально-педагогической поддержки обеспечивает педагогическое влияние на взаимодействия осужденных в различных сферах микросреды и жизнедеятельности, их адаптацию к условиям здорового социума после освобождения из мест лишения свободы.

Ю.В. Гагарин,
начальник кафедры гуманитарных дисциплин Казанского филиала ВЮИ ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ НАЧАЛЬНИКОВ ОТРЯДОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В настоящее время в РФ продолжается поэтапное реформирование УИС. Законодателем сделаны определенные шаги в приведении норм уголовно-исполнительного законодательства России в соответствие с нормами международных стандартов в сфере обращения с заключенными. Вместе с тем наблюдается заметное отставание отечественной практики от зарубежной в решении задачи профессионализации кадров.

Как показывает практика, за последнее десятилетие в учреждениях ФСИН России, несмотря на принимаемые ее центральными органами управления меры по укреплению и

8. Модернизация деятельности современного исправительного учреждения предполагает:

- гуманизацию межличностных отношений в учреждении на основе концептуальных идей социально-педагогической поддержки в процессе ресоциализации осужденных;

- формирование социально-педагогического мышления сотрудников и осужденных, основанного на осознании социально-педагогической поддержки осужденных как полезного обществу человеческого ресурса страны;

- способность и умение принимать в практике исправительных учреждений эффективные (с точки зрения педагогической целесообразности) решения, адекватные ситуациям их социума;

- использование реальных механизмов приведения в движение потенциала позитивной активной деятельности осужденного;

- полноценное использование возможностей семьи, других социальных институтов, микросреды личности осужденного в условиях мест лишения свободы, социума в целом в обеспечении благоприятных условий жизнедеятельности после исполнения наказания.

повышению престижа воспитательной службы, не удастся сформировать качественное профессиональное ядро начальников отрядов исправительных учреждений (ИУ), способных придать исправительному процессу гуманистическую, педагогическую направленность. Известно, что в основном пополнение персонала ИУ происходит за счет военнослужащих и гражданских лиц, не имеющих ни специальной общеобразовательной, ни психолого-педагогической подготовки.

«Особенно тревожное положение складывается с начальниками отрядов исправительных учреждений, которые в связи с недостаточной педагогической подготовленностью стали утрачивать свои организующие воспитательно-педагогические функции и способности к управлению отрядами осужденных»¹.

---

¹ Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность. М., 1998. С. 114.

В связи с этим возникает необходимость такой организации профессиональной подготовки начальников отрядов, которая обеспечивала бы их педагогическую готовность к качественной работе по исправлению и воспитанию осужденных, развивала бы их личность с профессиональной точки зрения, индивидуальность, социальную и творческую активность, инновационное мышление, общую и профессиональную культуру, способность к самостоятельному решению педагогических проблем, возникающих в процессе исполнения уголовного наказания.

Однако содержание профессиональной подготовки сотрудников УИС не соответствует их профессиональной деятельности. Это подчеркивают многие ученые и практики, такие как А.А. Аксенов¹, В.З. Веселый², А.И. Зубков, Ю.И. Калинин, В.Д. Сысоев³, В.М. Морозов⁴, В.А. Фефелов, В.С. Генералов, Г.И. Королев⁵.

Данное несоответствие имеется и в первоначальной подготовке начальников отрядов ИУ, которая не учитывает содержание их профессиональной деятельности, а именно ее ярко выраженную воспитательно-педагогическую направленность. В результате этого у начальников отрядов ИУ в процессе первоначальной подготовки не формируется (или формируется ограниченно) такой важнейший компонент, как педагогическая готовность к воспитательной работе с осужденными. И это, на наш взгляд, является одной из основных причин наличия существенных недостатков в работе ИУ, серьезным препятствием в исправлении осужденных, реализации на практике международных стандартов обращения с заключенными.

Первоначальная подготовка начальников отрядов ИУ предполагает, что в итоге они

должны быть обеспечены достаточным объемом именно педагогических знаний, умений и навыков для квалифицированного выполнения своих должностных обязанностей. Данная подготовка должна проводиться в интересах практической деятельности, а именно воспитания и исправления осужденных. Следовательно, необходимо строгое соответствие организации первоначальной подготовки начальников отрядов ИУ содержанию их профессиональной деятельности.

Проведенное на базе Казанского филиала ВЮИ ФСИН России исследование показало, что успешное осуществление воспитательной работы в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, ее результаты во многом зависят от степени *педагогической готовности* начальника отряда ИУ.

Данное исследование осуществлялось в три этапа.

На первом был осуществлен теоретический анализ проблемы педагогической готовности начальников отрядов ИУ к воспитательно-педагогической работе с осужденными.

Анализ предшествующего опыта, достижений пенитенциарной педагогики и психологии позволил прийти к выводу о том, что формирование педагогической готовности начальников отрядов ИУ к воспитательно-педагогической работе с осужденными является важной социально-педагогической проблемой, которая порождается объективными потребностями совершенствования подготовки кадров УИС, необходимостью дальнейшего развития теоретических основ названной проблемы.

На основании анализа теоретических подходов к проблеме готовности начальников отрядов ИУ к педагогической деятельности в рамках исследования было предложено следующее определение: *педагогическая готовность начальника отряда ИУ* – это состояние субъекта воспитательно-педагогической деятельности, обусловленное его психолого-педагогическими, социально-нравственными качествами, знаниями педагогики, психологии, философии, специфики воспитательно-педагогической работы в ИУ, умениями и навыками применения данных знаний в воспитательном процессе с различными категориями осужденных.

На втором этапе всестороннему рассмотрению была подвергнута профессиональная деятельность начальника отряда ИУ, в ре-

¹ См.: Аксенов А.А. Проблемы государственного управления в уголовно-исполнительной системе России. Состояние и перспективы (организационно-правовой аспект): Моногр. / Ин-т права и экономики МВД России. Рязань, 1996. С. 188.

² См.: Веселый В.З. Актуальные проблемы совершенствования управленческой подготовки кадров в органах внутренних дел / Академия МВД СССР. М., 1992. С. 14.

³ См.: Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Указ. соч. С. 115.

⁴ См.: Морозов В.М. Социальные проблемы подготовки кадров правоохранительных органов: Моногр. / Под общ. ред. проф. П.Ф. Янкевича. Владимир, 1999. С. 227.

⁵ См.: Фефелов В.А., Генералов В.С., Королев Г.И. Модель специалиста ИТУ РВШ МВД СССР. Рязань, 1980. С. 40.

зультате чего был выделен ряд специфических условий, которые значительно отличают профессиональную деятельность сотрудников УИС от деятельности работников других социальных систем общества. К данным условиям относятся следующие:

- правовые;
- организационные;
- воспитательно-педагогические;
- социально-психологические;
- повышенные требования к физическому и психическому здоровью сотрудников.

Подробно рассмотрев данные условия, удалось выяснить, какое влияние они оказывают на воспитательно-педагогическую сущность профессиональной деятельности начальников отрядов ИУ. Была определена структура готовности начальника отряда к воспитательно-педагогической деятельности в условиях ИУ, а также выделены такие виды готовности, как *педагогическая, философская (мировоззренческая), правовая, организационная, психологическая, физическая*. Подробный анализ выделенных видов готов-

ности помог установить взаимосвязь между ними, определить ведущее место педагогической готовности в структуре готовности начальника отряда ИУ к воспитательно-педагогической работе с осужденными.

На третьем этапе было проанализировано содержание подготовки начальника отряда ИУ в системе профессиональной подготовки (первоначальная подготовка, повышение квалификации). Анализ показал, что издержки профессиональной подготовки кадров в области воспитательно-педагогической деятельности отчетливо выявляются при анализе ее и количественной, и качественной стороны. Это подтверждается путем соотнесения доли воспитательно-педагогической деятельности в содержании работы начальников отрядов ИУ и доли учебного времени, отводимого на изучение педагогической проблематики в объеме программы, предназначенной для первоначальной подготовки отрядов.

Итак, мы рассмотрели основные проблемы первоначальной подготовки начальников отрядов ИУ¹.

А.А. Ершов,
*преподаватель кафедры специальной
техники и информационных технологий
ВЮИ ФСИН России*

ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ

Коренные преобразования в социально-экономической жизни страны существенным образом повлияли на требования, предъявляемые к выпускникам высших учебных заведений, особенно к будущим сотрудникам УИС. В новых условиях формирование профессионально значимых качеств должно быть ориентировано не столько на объем и полноту конкретного знания, сколько на способность самостоятельно пополнять знания, ставить и решать разнообразные задачи, выдвигать альтернативные решения, вырабатывать критерии отбора наиболее эффективных из них. Достижение этой цели в значительной степени зависит от уровня информационной культуры обучающихся.

Информационная культура связана с социальной природой человека. Она является продуктом разнообразных творческих способностей человека и проявляется в следующих аспектах:

- знание особенностей информационных потоков в своей области деятельности;
- овладение основами знаний по аналитической переработке информации;
- знание новых информационных технологий и умение их применять как для автоматизации рутинных операций, так и в неординарных ситуациях, требующих нетрадиционного творческого подхода;
- умение извлекать информацию из различных источников (периодической печати, архивов, электронных коммуникаций), представлять ее в понятном виде и уметь эффективно использовать;
- умение работать с различными видами информации;
- овладение конкретными навыками использования технических устройств (от

---

¹ В настоящее время на базе Учебного центра ГУФСИН Республики Татарстан проходит апробацию Программа подготовки начальников отрядов ИУ, реализованная по результатам исследования. Кроме того, по результатам проведенного исследования опубликованы «Методические рекомендации по организации и проведению бесед с осужденными», которые рекомендованы и внедрены в качестве передового опыта ФСИН России.

телефона до персонального компьютера и компьютерных сетей);

– способность использовать в своей деятельности компьютерные информационные технологии, базовой составляющей которых являются многочисленные программные продукты.

Совершенствование информационной культуры обучающихся происходит в учебном процессе посредством внедрения и использования информационно-образовательных технологий. Данные технологии основываются на использовании современных учебных сред, являющихся эффективным инструментом познания, самообучения и самоконтроля: компьютер не заменяет преподавателя, а обеспечивает максимальную свободу, «ненавязчивость» и оперативную «обратную связь». При этом учебные среды могут хранить большие объемы информации, предоставлять возможность работы с динамическими изображениями в сочетании с текстовой, графической и звуковой информацией. Все это позволяет соединить достоинства хорошего учебника с достоинствами компьютера с целью формирования у обучающихся навыков научной исследовательской деятельности, умений самостоятельно решать сложные проблемы, объективно относиться к обстоятельствам, сравнивать альтернативные точки зрения и принимать взвешенные решения.

Использование учебных сред в образовательном процессе ставит обучающихся перед вопросом качественной организации работы с большим объемом информации. Сегодня одним из средств решения этого вопроса является Интернет, представляющий собой глобальную сеть, объединяющую сотни тысяч компьютеров в разных точках мира в единое информационное пространство.

Для того, чтобы пользоваться услугами Интернет, необходимо быть абонентом сети и иметь соответствующее программно-техническое обеспечение. Для удобства все службы сети Интернет можно разделить на 3 группы: классические (вычислительного типа), доступ к базам данных и транспортировки файлов.

Наиболее удобным и наглядным средством доступа к базам данных в сети является World Wide Web – информационная система, которая позволяет ознакомиться с информационными ресурсами Интернет, а также размещать собственную информацию посредством гипертекстового языка

HTML. Таким образом, техника гипертекста является предпосылкой для создания информационного гиперпространства.

Основу гиперпространства составляет правильно структурированная система ссылок. В качестве ссылок используются ключевые слова, которые выполняют роль указателей связей с другими файлами. Причем в WWW-пространстве существует возможность работы как с текстовыми, так и с графическими и звуковыми файлами, которые могут быть локализованы в одном месте или находиться на различных WWW-серверах сети. Удобство построения единого гиперпространства состоит еще в том, что в WWW могут использоваться ссылки на другие службы сети Интернет, такие как FTP, Telnet, VNC и т.д., что дает возможность расширять информационную базу WWW.

Еще одним преимуществом гиперпространства WWW-среды является оригинальность визуального воспроизведения представленной информации. Во-первых, операторы языка HTML позволяют красиво и удобно разместить текст на экране. Во-вторых возможность использования графики и звука заметно оживляет работу и помогает создать наиболее полную информационную картину по выбранной тематике.

Использование информационно-образовательных технологий особенно актуально в процессе дистанционного обучения, которое включает в себя две основные категории: передача данных обучающемуся и прием результатов выполненных контрольных работ обучающегося. Другими словами, одним из необходимых условий дистанционного обучения является наличие обратной связи, что достигается использованием единого гиперпространства учебной среды. По результатам прохождения контрольных работ будет выноситься решение о сертификации обучающегося.

В настоящее время можно ознакомиться с информационной базой данных кафедры специальной техники и информационных технологий, расположенной на WWW-сервере Владимирского юридического института ФСИН России, которая сделана с учетом особенностей гиперпространства. В базе представлены учебно-методические комплексы по изучаемым дисциплинам кафедры: «Информатика и математика», «Информационные технологии правовой деятельности», «Техно-

логии безопасности в деятельности правоохранительных органов» и «Специальная техника». В процессе прохождения обучения по каждой теме данных дисциплин используются тестовые задания для оценки качества усвоения преподаваемого материала. Изучение учебно-методических комплексов по дисциплинам кафедры и выполнение контрольных работ возможно в процессе дистанционного обучения посредством доступа через сеть Интернет к базе данных кафедры.

Построение вузовского узла на базе WWW-сервера будет способствовать по-

вышению качества подготовки специалистов в вузе, введению дистанционного обучения для филиалов вуза (что позволит в значительной степени экономить бюджетные средства, выделяемые на образовательные услуги, и направлять их на улучшение информационно-образовательных технологий), совершенствованию информационной культуры обучающихся, повышению аккредитационных и аттестационных показателей института и, наконец, вхождению в единое образовательное гиперпространство всего мира.

С.Д. Ковалев,

*старший преподаватель кафедры
специальной техники и информационных
технологий ВЮИ ФСИН России*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Особое место в системе правоохранительных органов занимает уголовно-исполнительная система (УИС), которая наряду с правоохранительными функциями реализует задачи исполнения наказаний (ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации).

С принятием Указа Президента РФ «О реформировании уголовно-исполнительной системы МВД РФ» от 08.10.1997 № 1100, предусматривающего ее передачу в ведение Министерства юстиции Российской Федерации, началась реформа УИС в современной России. В общем виде термин «реформа» обозначает внесение в систему тех или иных изменений, которые меняют ее в лучшую сторону. У системы появляются новые свойства и характеристики. Сущность реформы УИС можно определить как переход от одной модели исполнения наказаний к другой: от модели советского периода в рамках исправительно-трудовой системы к новой модели, основанной на иных принципах исполнения наказаний. Следует подчеркнуть, что речь в данном случае идет не о замене одних терминов на другие, а о сущностном изменении порядка исполнения наказаний, которое строится на принципах демократизма, открытости системы для общества, гуманизма и

расширения прав осужденных, демилитаризации и демократизации системы управления УИС¹. Проведение пенитенциарной реформы во многом зависит от ее кадрового обеспечения. Связано это с тем, что любые преобразования осуществляются конкретными людьми. Можно построить идеальную исправительную систему, принять хорошие законодательные акты, регламентирующие порядок исполнения наказаний, но если не будет профессионалов, способных реализовать новые идеи, то всякая реформа обречена на неуспех. Поэтому одним из важных аспектов реформы УИС является подготовка специалистов для работы в пенитенциарных учреждениях, способных на высоком профессиональном уровне воспринимать и реализовывать требования международных стандартов в сфере обращения с осужденными². Другим важным аспектом реформы УИС является техническое перевооружение учреждений. Наиболее существенным проявлением воздействия научно-технического прогресса на деятельность учреждений УИС является неуклонное возрастание их технической оснащенности, расширение круга функций, реализуемых с помощью различных технических средств и комплексов, появление новых способов и форм

¹ См.: Ялунин В.В. Реформа уголовно-исполнительной системы современной России: проблемы, тенденции, перспективы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 43.

² См.: Морозов В.М. Подготовка специалистов – важнейшая составляющая реформирования УИС Минюста России // Правовые и организационные вопросы функционирования уголовно-исполнительной системы Минюста России / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2004. С. 6.

ведения борьбы с преступностью и поддержания правопорядка.

Арсенал техники, предназначенной для решения оперативно-служебных задач, возложенных на учреждения УИС, достаточно разнообразен и включает в себя современную аппаратуру радио- и проводной связи, тревожной сигнализации, телевизионные установки, средства контроля доступа, звуко- и видеозаписи, индивидуальной и активной обороны и многие другие образцы и виды технического вооружения мест лишения свободы, охватываемые понятием «специальная техника» (СТ).

Можно сделать вывод, что учебные заведения системы профессиональной подготовки УИС на этапе реформирования должны выпускать специалистов с обширными профессиональными знаниями и устойчивыми навыками в применении СТ и информационных технологий. Современное юридическое образование, получаемое в отечественных вузах, в том числе и Владимирском юридическом институте (ВЮИ ФСИН России), дает достаточно серьезную теоретическую базу, но в то же время следует признать, что пока слабо формирует необходимые навыки и умения. Проблема гармоничного сочетания теории и практики при подготовке специалистов в настоящее время является одной из наиболее приоритетных. В связи с этим был изменен подход к изучению дисциплины «Специальная техника» в ВЮИ ФСИН России.

На данный курс по очной форме обучения в соответствии с тематическим планом отводится 90 аудиторных часов. На лекциях курсанты получают теоретические знания, а выработка первоначальных навыков использования СТ проходит на практических занятиях. Долевое соотношение лекционных часов и часов, отводимых на проведение практических занятий, находится в соотношении 46 к 44. На первый взгляд решение задачи повышения и укрепления навыков и умений по применению СТ заключается в увеличении доли практических занятий. Но это неверно, так как не учитывается реальная обеспеченность СТ учебного процесса. Невозможно достичь основной цели практического занятия по дисциплине «Специальная техника», если на группу (25–30 чел.) выдается один цифровой диктофон, одна цифровая фотокамера или один металлоискатель. Однако следует понимать, что в условиях отсутствия централизованных поставок СТ и дефицита финансовых средств учебное заведе-

ние не в состоянии решить проблему обеспеченности СТ. На кафедре специальной техники и информационных технологий преподавателями курса «Специальная техника» предложен и апробирован (в 7-м семестре) иной путь решения данной проблемы. Часть традиционных практических занятий была заменена блоком лабораторных работ по пяти темам, которому предшествует лекционный блок. В УМК кафедры было подготовлено пять лабораторных рабочих мест по темам: «Поисковые приборы», «Прикладные телевизионные установки», «Цифровая звукозапись», «Цифровая фотосъемка», «Проводные средства связи». Перед выполнением лабораторных работ учебная группа разбивается на пять подгрупп (по количеству лабораторных работ) по 5–6 чел. Лабораторная работа содержит три этапа: изучение теоретической части; выполнение практического задания; защита лабораторной работы у преподавателя. Время, отводимое на выполнение лабораторной работы, – 4 часа. На последующих занятиях производится смена рабочих мест между подгруппами. Введение блока лабораторных работ позволило получить следующие положительные результаты:

1. Поскольку лабораторная работа выполняется подгруппой численностью 5–6 чел., то одной единицы СТ становится достаточно для достижения основной цели занятия.

2. В лабораторные работы был введен элемент исследований с получением результатов и их обоснованием. Так, например, в лабораторной работе «Поисковые приборы» курсанты должны получить экспериментальные данные чувствительности двух типов металлоискателей по отношению к металлическим предметам, разным по геометрической форме, размеру и массе (пистолетная и автоматная гильзы, нож, пистолет).

3. Лабораторные работы, относясь к активным групповым методам обучения, создают условия для проявления творческой активности курсантов, повышая интерес к изучаемой дисциплине.

4. Повысилась успеваемость, о чем свидетельствуют результаты семестрового экзамена.

Проанализировав первый опыт и результаты, мы пришли к выводу о необходимости ввода второго аналогичного блока лабораторных работ, что несомненно приведет к повышению прикладной направленности специальной дисциплины «Спецтехника» и улучшит качество подготовки будущих специалистов.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А.А. Ашин,
*старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

МЕСТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РСФСР И СССР В 1917–1930 гг.

Изменение государственного строя в большинстве случаев приводит к необходимости реформирования различных институтов общества. Правовые институты, обеспечивающие защиту законных интересов различных слоев и групп, политических партий и религиозных объединений, не являясь исключением.

Следует отметить, что система учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, реализовывала свои цели и задачи на первых порах практически без изменения ее содержания и структуры управления центрального органа, но исходя из того, что такие учреждения как составная часть уголовно-исполнительной системы являются неотъемлемым элементом любой власти, то изменения затронули и данный правовой институт.

Тюремная система, выполняя социальный заказ государства и общества, постоянно приспособляется к новым социально-экономическим и политическим условиям, связанным с революционными и эволюционными процессами в общественном развитии. Однако объективные причины, обусловленные уровнем развития государства и общества, не позволяют в одночасье совершить ее перестройку в соответствии с требованиями, которые предъявляет новая общественно-политическая система¹.

По нашему мнению, к числу таких причин можно отнести: нестабильное экономическое положение государства; неосна-

щенную на достаточном уровне материально-техническую базу; очень низкий интеллектуальный уровень практически всех слоев общества; дефицит научного обеспечения учреждений, исполняющих уголовные наказания; кадровый голод учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы.

Первые шаги по реорганизации и формированию новой правовой основы исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы были заложены 14 ноября 1917 г., когда Главному управлению местами заключения (ГУМЗ) Военно-революционным комитетом было указано на необходимость пресечения проявления различного рода саботажа, а сотрудникам учреждений – находиться на своих местах и продолжать выполнять функциональные обязанности.

Изучение структуры управления тюремными учреждениями осуществлялось через назначение комиссаров. Необходимо отметить, что данный период связан с массовым увольнением руководящего звена администрации учреждений пенитенциарной системы. Что же касается младшего состава, то в большинстве своем сотрудники продолжали нести службу. В ноябре 1917 г. исправительные учреждения были переданы в непосредственное ведение местных Советов, что означало отсутствие финансирования из центрального бюджета. Отсутствие финансирования из центра, на наш взгляд, отрицательно сказалось, прежде всего, на материальном положении учреждений, вследствие чего места лишения свободы превращались в самоуправляющиеся учреждения, возглавлявшиеся выборными комитетами. Отметим, что в ноябре 1917 г. состоялось общее собрание комитетов всех тюрем Петрограда, результатом которого было решение о создании Всероссийского союза домов заключения. Однако по экономическим и политическим причинам съезд не состоялся.

В связи с усложнившейся обстановкой в стране для решения вопроса о законности содержания в тюрьмах арестованных и за-

---

¹ См.: *Детков М.Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 114–115.

ключенных местные Советы создавали специальные комиссии. Деятельность данных комиссий сводилась к тому, что они оставляли отбывать наказания в местах лишения свободы преступников-рецидивистов и лиц, совершивших тяжкие преступления.

Вся деятельность, направленная на реорганизацию мест лишения свободы в данный период, проводилась только на основе решений местных советских органов.

В циркулярном письме ГУМЗ от 27 марта 1918 г. № 7 губернские и областные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов ставились в известность, что в соответствии с распоряжением Правительства народных комиссаров на Советы возлагались местное заведывание тюремной частью, а также распоряжение всеми кредитами по смете ведомства мест заключения¹.

Советская власть, понимая, что для изменения системы мест лишения свободы в корне данных преобразований недостаточно, пришла к выводу о необходимости проведения правовой реформы пенитенциарной системы. Разработка данной реформы велась изначально Тюремным управлением, которое в январе 1918 г. было преобразовано в Тюремную коллегию. Впоследствии Тюремная коллегия была реорганизована в Карательный отдел Наркомата юстиции (НКЮ).

Результатом деятельности данных органов стало принятие 24 января 1918 г. постановления НКЮ «О тюремных рабочих командах»².

Данный нормативный правовой акт указывал на необходимость создания специализированных коллективов для производства оплачиваемых работ из числа работоспособных заключенных в тюрьмах. Необходимо добавить, что очень интересно проходила оплата труда: пятая часть заработка шла в общий тюремный фонд, а остальное записывалось за заключенным и выдавалось ему при освобождении.

Данным нормативным правовым актом были отменены каторжные работы, а труд рассматривался как «необходимость государству».

Следующим нормативным правовым документом, принятым в свете реформи-

рования, был циркуляр НКЮ «О порядке увольнения и назначения на должности тюремной инспекции и администрации»³, датированный 19 марта 1918 г.

Данный документ на законодательной основе закрепил участие Советов в подборе руководящего звена администрации мест заключения. По нашему мнению, этот нормативный правовой акт стал отправной точкой в документации, осуществляющей регламентацию кадровой политики мест заключения в данный период.

В мае 1918 г. была создана новая штатная структура ГУМЗ. Хотя необходимо заметить, что проект данного нормативного правового акта был подготовлен и разработан еще в июле 1917 г. Центральным тюремным ведомством и внесен на рассмотрение Временного правительства⁴. В соответствии с данным актом в структуру центрального аппарата управления местами заключения входили: канцелярия; главная Инспекция по пересылке заключенных; финансовый отдел; пенитенциарный отдел; хозяйственный отдел.

Реформирование затронуло и низовые звенья тюремной системы. Впервые в штаты тюрем были введены должности заведующих воспитательными частями, заведующих работами. Однако главным должностным лицом, обеспечивающим порядок в местах заключения, оставался надзиратель⁵.

Несмотря на все преобразования в области исполнения лишения свободы, тюрьма являлась основным видом исполнения лишения свободы. В зависимости от числа содержащихся в тюрьме заключенных данный вид исправительного учреждения подразделялся на разряды с четко установленными штатами⁶.

Проведенные губернские и республиканские съезды работников юстиции и администрации тюрем в июле 1918 г. указали на необходимость превращения тюрьмы в место исправления заключенных, а не только учреждения по исполнению наказаний. Конкретизация данного направления нашла отражение во Временной инструкции о лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового НКЮ

¹ См.: ЦГАОР, ф. 7420, оп. 2, д. 197, л. 6.

² См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. С. 62.

³ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). С. 68.

⁴ См.: ЦГАОР, ф. 7420, оп. 1, д. 158, л. 3.

⁵ См.: там же, оп. 2, д. 417, л. 15–17.

⁶ См.: там же, ф. 7420, оп. 1, д. 464, л. 1.

РСФСР, датированной 23 июля 1918 г. Подчеркнем, что данный нормативный правовой акт указал на утрату действия таких актов, как Устав о содержащихся под стражей и Устав о ссыльных.

Он установил следующую структуру мест лишения свободы.

1. Тюремь. По состоянию на 1 сентября 1917 г. в России было 719 тюрем, 495 этапов, 704 арестных дома, 20 военных тюрем и дисциплинарных частей, 23 крепости, 23 гауптвахты, 7 тюрем морского ведомства, 20 монастырских тюрем, 61 учреждение для несовершеннолетних, а также более тысячи арестных помещений при полиции. В первые годы советской власти были разрушены около 400 зданий тюрем, преимущественно уездных, а многие были приспособлены для различных хозяйственных нужд, переоборудованы под школы и другие культурно-воспитательные учреждения, больницы, общественные учреждения и предприятия, жилые помещения¹.

2. Реформатории для несовершеннолетних преступников и сельскохозяйственные колонии.

3. Карательно-лечебные заведения для арестантов с психическими дефектами и дегенератов.

4. Тюремные больницы.

5. Испытательные заведения для лиц, по отношению к которым имеются основания для досрочного освобождения.

Руководящим органом вновь создаваемой системы мест лишения свободы становится Карательный отдел. Отметим, что в сентябре 1921 г. данный орган был преобразован в Центральный карательный отдел. Местные карательные отделы, находясь в ведении отделов юстиции или судебных отделов, имели аналогичную Центральному карательному отделу структуру².

Пятого сентября 1918 г. было принято Постановление СНК РСФСР «О красном терроре». После его принятия возросло количество «классовых врагов», которых указанным актом предписывалось «изолировать в концентрационных лагерях», подведомственных ВЧК.

Необходимо отметить, что законодательные основы деятельности данных учреждений кардинальным образом отличались от деятельности исправительно-трудовых учреждений. В концентрационных лагерях по постановлению ВЧК интернировались на время Гражданской войны лица из числа иностранных граждан и представителей ранее господствовавших классов, способные при определенных условиях выступать с оружием в руках против советской власти. ВЧК указывала, что эти лица должны рассматриваться как временно изолированные от общества в интересах революции, а поэтому условия их содержания не должны иметь карательного характера. По мнению Ф.Э. Дзержинского, которое он высказал на заседании ВЦИК РСФСР в феврале 1919 г., концентрационные лагеря представляли собой «школу труда». Ф.Э. Дзержинский предлагал использовать в них труд не только арестованных, но и «господ, проживающих без занятий», служащих госучреждений «за нерадение и опоздание», а также всех несогласных с «трудовой» политикой большевиков³.

Постановление ВЦИК РСФСР «О лагерях принудительных работ», принятое 17 мая 1919 г., указывало на необходимость организации и создания лагерей принудительных работ⁴. Данные учреждения согласно данному нормативному правовому акту находились в полном подчинении НКВД. Отметим, что в этих учреждениях содержались преступники, приговоренные к данному виду наказания ревтрибуналами, народными судами и чрезвычайными комиссиями. В лагеря заключенные помещались на определенный срок, о чем свидетельствует ст. 37 Постановления, указывающая, что «за побег в первый раз заключенному увеличивается срок наказания до 10-кратного размера первоначального заключения...»⁵. В ст. 44 говорилось, что заключенным, проявившим трудолюбие, администрацией может быть разрешено проживание на частных квартирах и они могут являться в лагерь для исполнения назна-

³ См.: Из истории ВЧК. М., 1958. С. 320–321.

⁴ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). С. 45.

⁵ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). С. 46.

¹ См.: Уголовно-исполнительное право. Общая часть: Учеб. / Под ред. Ю.И. Калинина. Рязань, 2001. С. 21.

² См.: СУ РСФСР. 1919. № 2. С. 235.

ченных работ или отпущаться для работы в советские учреждения без конвоя¹.

Необходимо отметить, что только отделом принудительных работ НКВД срок заключения мог быть изменен в сторону уменьшения.

Следующим этапом реформирования порядка и условий исполнения и отбывания наказаний в виде лишения свободы было принятие НКЮ 15 ноября 1920 г. Положения об общих местах заключения РСФСР². В нем содержались лишь общие названия системы мест лишения свободы, находящиеся в ведении Наркомата. Правовой акт указывал на общие места заключения, но не определял виды мест заключения и не давал их классификацию.

В Положении об общих местах заключения РСФСР 1920 г., как нам представляется, нашла отражение попытка отхода от жесткого централизованного руководства местами лишения свободы по ведомству НКЮ. Центральный карательный отдел (с 1922 г. – Центральный исправительно-трудовой отдел) в составе Наркомата юстиции наделялся лишь правом общего надзора за всеми местами заключения и руководства их деятельностью. Местное управление сосредоточивалось в карательных отделах (впоследствии исправительно-трудовых подотделах) отделов юстиции. За ними были сохранены функции карательных отделов, установленные Положением об отделах юстиции Губернских исполнительных комитетов 1919 г. Положение об общих местах заключения в определенной мере закрепило первоначальный опыт организационно-управленческой деятельности мест лишения свободы, в том числе в сфере организации труда, учебно-воспитательной работы, надзора. В плане управленческой деятельности в Положении довольно детально расписаны основные функции и содержание работы заведующего (начальника, директора) места заключения, старшего помощника (заместителя) заведующего, заведующего учебно-воспитательной частью, заведующего работами, заведующего врачебно-санитарной частью, а также наблюдателей (надзирателей). Подчеркивалась необходимость коллеги-

альной работы в такой сложной сфере, как деятельность мест лишения свободы³.

В начале 1920-х гг. в связи с проведением курса строжайшей экономии в интересах восстановления народного хозяйства содержание мест лишения свободы было передано на местный бюджет, что резко ухудшило их финансирование, а следовательно, и развитие производственной базы. В условиях безработицы Наркомат труда обращал внимание НКВД РСФСР на недопустимость создания конкуренции работающим по вольному найму со стороны осужденных. Поэтому даже к 1925 г., когда значительно увеличилось число фабрик, заводов и мастерских, на которых были заняты осужденные, к труду привлекалось не более 30 % от общего количества лишенных свободы⁴.

В 1921–1922 гг. в системе общих мест заключения функционировали: дома заключения, исправительно-трудовые дома; сельскохозяйственные и ремесленные колонии; переходные исправительные дома; изоляционные тюрьмы двух видов: одни – для содержания лиц, осужденных со строгой изоляцией, которые по характеру совершенного преступления нуждаются в особом режиме, другие – для содержания тех заключенных, которые, отбывая наказание в общих местах заключения, упорно не подчиняются требованиям режима⁵.

Особенностью следующего периода развития и функционирования уголовно-исполнительной системы явилось то, что на 1 января 1923 г. в РСФСР все места заключения находились в ведении НКВД. Большая часть заключенных на данный период содержалась в учреждениях ГУМЗ НКВД. Лишь небольшое количество тюрем и лагерей находилось в организованном в системе НКВД РСФСР Главном политическом управлении (ГПУ).

Необходимо отметить, что для данного периода характерно разделение мест лише-

¹ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). С. 47.

² См.: там же. С. 83–86.

³ См.: Детков М.Г. Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность. М., 1998. С. 86.

⁴ См.: Исаков В.М. Правовое регулирование и организация трудовой занятости осужденных в исправительных учреждениях Советского государства (1917–1990 гг.): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 29.

⁵ См.: ЦГАОР, ф. 7420, оп. 2, д. 8, л. 65.

ния свободы на виды. В соответствии с чем можно выделить: трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей, трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи, колонии для психически неуравновешенных, колонии для туберкулезных и других больных, изоляторы специального назначения, исправительно-трудовые дома, трудовые колонии сельскохозяйственного назначения, трудовые колонии ремесленного назначения и фабричного назначения¹.

В 1922 г. были приняты Уголовный и Процессуальный кодексы. В соответствии с их требованиями лагеря принудительных работ и концентрационные лагеря в течение 1923 г. были ликвидированы, в том же 1923 г. в ГУМЗ из милиции были переданы арестные дома². В 1927 г. были упразднены губернские и районные инспекции, а руководство местами заключения было передано непосредственно ГУМЗ НКВД, в связи с чем произошло упрощение структуры ГУМЗ.

В систему мест заключения ГПУ НКВД РСФСР на начальном этапе ее функционирования входили несколько тюрем, которые назывались политизоляторами, и лагерное управление, именуемое Управлением Северных лагерей ГПУ³. По нашему мнению, система мест заключения ГПУ продолжала существовать вследствие того, что на данный период Держинский все еще был и наркомом внутренних дел, и главой ГПУ. Шестого июля 1923 г. ГПУ союзных республик были изъяты из ведения республиканских НКВД и слиты в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), подчиненное непосредственно СНК СССР⁴. После данного преобразования в ведение ОГПУ были переданы места заключения ГПУ РСФСР.

Необходимо отметить, что в течение всего времени существования ОГПУ не удалось установить точной организационной структуры мест заключения. На наш взгляд, причина этого кроется в отсутствии доступа к необходимым архивным материалам. Отметим только, что в места заключения ОГПУ направлялись «политические преступники» и

особо опасные уголовники, при этом в политизоляторы следовало направлять «исключительно тех заключенных, на коих на этот предмет имеются специальные постановления Особого Совещания Коллегии ОГПУ и Судов (Верховного суда СССР и Верховного суда РСФСР)»⁵.

В период с 1924 по 1926 г. значительно увеличивается число заключенных в местах лишения свободы, подведомственных республиканским ГУМЗ. Исходя из того, что общее количество заключенных, содержащихся в ГУМЗ республик, было примерно пропорционально численности их населения, общее число заключенных в СССР на середину 1927 г. составляло, по нашему мнению, около 250 тыс. человек. Таким образом, через десять лет после революции число заключенных было примерно таким же, как в 1912 г.

В сложившейся ситуации руководство ГУМЗ понимало, что без масштабного привлечения части заключенных к массовым работам обеспечить самокупаемость мест лишения свободы не удастся, но сложившаяся на данный период государственная политика не позволяла этого сделать. Одним из немногих шагов в этом направлении было решение ВСНХ РСФСР от 19 декабря 1926 г. «Об использовании на лесозаготовках труда заключенных», согласно которому «в целях усиления снабжения дрово- и лесозаготовок рабочей силой и удешевления работ» предлагалось всем государственным организациям использовать «максимальное количество заключенных»⁶.

Нормативно-правовая база данного периода показывает, что до 1930 г. труд заключенных не рассматривался как дешевая рабочая сила, а в принятом в 1928 г. первом пятилетнем плане вообще не упоминалась производимая заключенными продукция. Кроме того, 1927 г. был отмечен широкой амнистией: с середины ноября 1927 г. до конца февраля 1928 г. по амнистии из мест заключения только в РСФСР было освобождено около 51 тыс. чел., т.е. чуть меньше половины списочного состава заключенных на июль 1927 г.⁷ Несмотря на такой шаг, уже к концу срока действия амнистии, когда число досрочно

¹ См.: СУ РСФСР. 1924. № 86. С. 870.

² См.: ГАРФ, ф. 4042, оп. 2, д. 8, л. 23.

³ См.: там же, д. 96, л. 148; д. 9в, л. 429, 430.

⁴ См.: СУ СССР. 1923. № 12. С. 105.

⁵ Приказ ОГПУ от 14.05.1925. № 125/60.

⁶ См.: ГАРФ, ф. 4042, оп. 1а, д. 39, л. 171.

⁷ См.: там же, оп. 3, д. 494, л. 10, 63–91.

освобожденных достигло 58 654 чел., в ГУМЗ НКВД РСФСР содержалось 111 962 заключенных, т.е. количество заключенных увеличилось даже по сравнению с 1927 г.¹

Убедившись, что быстрого снижения затрат на содержание мест лишения свободы такими методами добиться не удалось, летом 1929 г. правительство вновь сделало упор на повышение отдачи от труда заключенных. В июле 1929 г. правительство издало распоряжение, предписывавшее ОГПУ расширить использование заключенных на лесоповальных работах в отдаленных районах². Одинадцатого июля 1929 г. СНК СССР принимает постановление, «в целях колонизации» отдаленных районов «и эксплуатации их природных богатств» приказано создать сеть исправительно-трудовых лагерей ОГПУ.

В соответствии с постановлением все лица, осужденные к лишению свободы на

сроки от трех лет и выше, должны направляться в эти лагеря. В местах заключения, подчиненных НКВД, оказывались только малосрочники, т.е. те заключенные, которые осуждены на срок до трех лет.

В 1928 г. руководство Наркомат юстиции выступило с предложением о передаче мест заключения из НКВД в НКЮ. Вследствие чего 15 декабря 1930 г. совместным декретом СНК СССР и ЦИК республиканские НКВД были ликвидированы, подведомственные ГУМЗ места заключения передали республиканским НКЮ.

Таким образом, в рассматриваемый период (1917–1930 гг.) деятельность мест заключения характеризуется многоплановой разработкой и принятием нормативных правовых актов, регламентирующих правовое обеспечение функционирования уголовного наказания в виде лишения свободы.

О.А. Белоусова,

начальник кафедры

гуманитарных дисциплин

Кузбасского филиала ВЮИ ФСИН России

кандидат исторических наук

Из истории Кузнецкого тюремного замка

На Вознесенской горе, высоко над городом Новокузнецком, расположен замечательный памятник истории, архитектуры и фортификации – Кузнецкая крепость. Она представляет собой выдающийся образец сибирского военно-инженерного искусства и венчает целый этап в развитии сибирской фортификации, единственной в своем роде за Уралом. Изначально главное ее предназначение заключалось в сдерживании агрессивных планов Цинского Китая в отношении Южной Сибири.

История же Кузнецкой крепости в качестве тюремного замка, входившего в систему исправительных учреждений Российской империи, представляет собой клубок споров, противоречий и неразработанных вопросов. Одними из них остаются время и

место возникновения тюрьмы на территории г. Новокузнецка.

В начале XIX в. в районе начала современной улицы Обнорского находился «тюремный острог, в котором помещались крепостные арестанты»³, возводившие Болотную цитадель и крепость на Вознесенской горе. В конце 1830-х гг. земля в этом районе была отведена «инвалидным, женатым солдатам для постройки домов» и получила название Солдатская слободка⁴. Куда переводили заключенных, достоверно неизвестно. Возможно, в одно из невооруженных зданий Кузнецкой крепости.

Такое предположение подтверждается более поздними документами. В отчете по управлению г. Кузнецком на 1845 г. сказано: «Тюремный острог в городе каменный нестарый и перемещаемы арестанты по ветхости в другие здания не были»⁵. Несомненно, что речь здесь идет о здании бывшей солдатской казармы на Вознесенской горе, т.к. все каменные строения в городе были наперечет. Видимо, уже с начала 1840-х гг. казарму арендовали для содержания заключенных.

³ Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995. С. 33.

⁴ См.: там же.

⁵ ГАТО, ф. 3, оп. 4, д. 123, л. 12.

¹ См.: ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2877, л. 177, 178.

² См.: Административный вестн. 1929. № 9. С. 56–57.

В 1852 г. все крепостное строение продали в Алтайское горное ведомство за 435 руб. серебром¹. При этом тюремный острог на территории бывшей крепости продолжал функционировать. В 1859 г. 12 зданий упраздненной крепости были выкуплены гражданским ведомством, а в 1864–69 гг. 10 из них (кроме острога и госпиталя) – перепроданы «в частные руки на слом купцу Ивановскому»².

Современники утверждали, что все русские тюрьмы похожи одна на другую, жизнь в них до того однообразна, что все сказанное об одной вполне применимо и ко всем вообще. Во второй половине XIX в. в Томской губернии было шесть тюремных замков: в городах Томск, Бийск, Каинск, Мариинск, Кузнецк.

Кузнецкий уезд занимал одно из ведущих мест в Томской губернии по количеству уголовных преступлений, таких как бродяжничество, грабежи, поджоги, драки на почве пьянства, убийства из ревности или жадности и многие другие. Неудивительно, что тюрьма Кузнецка была переполнена: камера, рассчитанная на 50–60 чел., порой вмещала до сотни заключенных. И это при том, что тюрьма была не каторжная. Каторжан отсюда этапом отправляли в Нерчинск, Читу или Мариинск.

Кузнецкий тюремный замок был предназначен для уголовных преступников Кузнецка и Кузнецкого уезда. Тюремный острог представлял собой кирпичное строение, обнесенное высоким деревянным частоколом – палями. В одну из сторон палей были вделаны крепкие ворота, охраняемые часовыми. При остроге имелись кухня и прочие подсобные помещения: погреба, амбары, сарай.

Солдатская казарма, в которой содержались заключенные, была построена в 1808 г. В начале 1840-х, а возможно, и ранее (точная дата пока не известна), в нее были переведены арестанты из городской тюрьмы. Несомненно, что это здание, как и всякое другое, требовало постоянного ухода и регулярного ремонта. «Поправка мелочных повреждений в Кузнецке казенных зданий» (ремонт печей, побелка стен, замена битых

стекол, укрепление ограды и пр.) проводилась нерегулярно, согласно документам по два–три раза в год.

Однако к середине 1860-х гг. тюрьма приходит в упадок, о чем свидетельствует тот факт, что в архивных документах встречаются предложения «постройки для этой надобности нового деревянного здания». Подобные проекты, правда, не нашли отклика у власти. «Устройство вместо исправления старого каменного здания для Кузнецкой тюрьмы нового деревянного, как более опасного в пожарном отношении, и требующее увеличения расхода от 3 до 4 тысяч рублей, *не допускать*». В результате этого здание подлатали, и заключенных оставили на прежнем месте.

В дальнейшем ремонт Кузнецкого тюремного замка производился по такой же схеме. В 1892 г. на «исправление ограды» вокруг здания деньги выделил Томский губернский попечительный о тюрьмах комитет. Из полученных 2948 руб. 33 коп. было истрачено 1940 руб., а остаток отправлен обратно в Томск, несмотря на настоятельные просьбы разрешить потратить его на ремонт бани и караульного помещения. В 1894–1899 гг. в тюрьме проводился капитальный ремонт: перестилали полы, переложили каменные голландские печи, заменили оконные рамы и т.д. Ремонт производился «за счет нормальных ремонтных кредитов, отпускаемых ежегодно на содержание в должной исправности тюремных зданий». Несмотря на это, поставить разделительную перегородку между женским и мужским отделениями в то время так и не удалось.

Тюрьма – это средство наказания и исправления преступников. Если первым обычно занимается государство, то о втором должно позаботиться общество. В 1819 г. в России было основано Попечительное о тюрьмах общество, позже поступившее в ведение Министерства юстиции по Главному тюремному управлению. Данное общество состояло из мужских и женских комитетов, членами которых были местные светские и духовные должностные лица, почетные обыватели. Комитеты занимались благотворительностью: содержанием арестантов, попечением об освобожденных, о детях заключенных и прочем.

¹ См.: Конюхов И.С. Указ. соч. С. 31.

² Там же. С. 32.

Подготовка к открытию Томского губернского попечительного о тюрьмах комитета проводилась с 1840 г. губернским прокурором Владимировым при содействии Томского епископа Агапита. Ими была открыта подписка по всей губернии для сбора пожертвований на учреждение комитета.

В 1877 г. в Томском тюремном комитете состояли секретарь, казначей, бухгалтер, канцелярский служащий, смотритель Томского губернского тюремного замка, врач тюремной больницы, священники и другие лица. Все они получали жалование или, как тогда говорили, «пособия» из фондов комитета. Директора комитета ежегодно проводили осмотры «вверенных им тюремных замков», отсылая затем отчеты в вышестоящие инстанции. Однако отчеты эти не отражали действительности.

В 1852 г. по предписанию вице-президента губернского комитета были открыты отделения комитета в Барнауле, Бийске, Каинске и Кузнецке. Кузнецкий тюремный замок являлся одним из объектов Томского губернского попечительного о тюрьмах комитета, который и следил за состоянием дел в местах заключения нашего края. В ведении комитета находились тюремный острог, арестантская рота, тюремный госпиталь. При активном участии Попечительного комитета в 1872 г. началась перестройка Барнаульских ворот под надвратную Ильинскую церковь.

Судя по отчетам комитета, «в Кузнецке размещение арестантов было удовлетворительным»¹. Государственная казна отпускала ежегодно определенные суммы на одежду, белье, обувь, питание и лечение заключенных.

Что касается лечения, то на вторую половину XIX в. тюремных больниц в губернии было только две – в Томске и Кузнецке. Лазарет в Кузнецке до 1908 г. был единственной больницей в городе, что придавало ему особую ценность. В нем имелось 10 чугунных коек, обеспечение медикаментами осуществлялось по мере надобности². В конце XIX в. на медикаменты в день на че-

ловека отпускалось по 3 коп. Впрочем самым распространенным способом лечения являлось пускание крови, для чего использовались либо специальная машинка, либо ланцет. Машинка для пуска крови вместе с фарфоровыми ступками, пестами, стеклянными мензурками, мерными кружками, щипцами и другими предметами была найдена археологами во время раскопок казармы Кузнецкой крепости.

Однако воинский начальник, осматривая лазарет, заметил, что помещение неудобное, т.к. за неимением другого отдельного помещения больных арестанток помещают в одной комнате с арестантами, отгораживая женщин только ширмами. Число прислуги в лазарете было ограничено, караул находился вне палат, в связи с чем не было возможности следить за действиями больных, которые «иногда, быть может, меньше больные, чем нужно предполагать».

Важной характеристикой мест заключения всегда являлось питание. Съестные припасы для арестантов заготавливались хозяйственным способом на счет кормовых денег, отпущенных из казны³. Сумма варьировалась от 1000 до 1500 руб. в год в зависимости от количества заключенных. В меню, вероятно, входили крупы, мясо и сливочное масло, как одни из самых дешевых продуктов. В праздничные дни арестанты получали «улучшенную» пищу⁴. Выручали еще и местное население, активно приносившее передачи родственникам, и благотворительные организации, членами которых являлись кузнецкие меценаты. Вообще же, по замечаниям современников, в тюрьме нередко питались лишь немногим хуже, чем дома.

Приблизительной датой ликвидации губернского, а значит, и уездных комитетов, можно считать 1902 г. Именно этим годом датируются последние имеющиеся в архивах документы. С чем было связано закрытие комитета – не известно.

К 1917 г., переломному для всей России, ситуация в провинциальном Кузнецке мало изменилась. Инфляция, связанная с Первой мировой войной, заставила правительство

¹ Томские губернские ведомости. 1875. № 20.

² См.: ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 862, 863.

³ См.: ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 845.

⁴ См.: Томские губернские ведомости. 1875. № 20.

повысить суммы на содержание заключенных, однако 60 коп. в 1917–1918 гг. в итоге мало чем отличались от 7 коп. 1890-х.

По словам З.М. Караваева, проработавшего надзирателем в Кузнецком тюремном замке с 1907 по 1918 г., заключенных здесь содержали хорошо. «Каждый день им выдавалось по три фунта (1227 г, или три современных булки) хлеба каждому. Утром – кипяток. Днем – суп. Вечером – каша. Иногда, когда не хочешь пойти домой кушать, сам налопаешься». Правда, «... при свержении царя амнистии заключенным у нас не было, потому что в тюрьме сидели все сибиряки-уголовники».

В числе условий, необходимых для нравственного исправления арестантов, главное место занимало, по мнению правительства и комитетов, «предохранение их от праздности»¹. В связи с этим заключенные Кузнецкого тюремного замка активно занимались хозяйственными работами, например, очисткой базарной площади, отхожих мест и труб в городских общественных зданиях². Некоторые исполняли обязанности поваров, хлебопек и квасоваров при тюрьме, за что получали жалование³. Женщины стирали белье, изготавливали корпии, заменяющий вату⁴. Об этой деятельности в Санкт-Петербург уходили ежемесячные отчеты.

В тюрьме имелась небольшая библиотека для снабжения грамотных арестантов книгами нравственно-религиозного содержания, а также начальная школа, в которой обучались чтению, письму, закону Божию и первым правилам арифметики. Обучением занимались грамотные арестанты за вознаграждение⁵.

С 1872 г. на Вознесенской горе на средства частной благотворительности при участии Попечительного комитета началось строительство надвратной Ильинской церкви. Силами арестантов была разобра-

на башня Барнаульских ворот до сводов и на стенах ее построена церковь, снабженная колоколами и различной церковной утварью. Освящена она была 20 июня 1876 г.⁶ Строительство церкви затянулось на 4 года в связи с нехваткой денежных средств. По его окончании стали возникать иные проблемы.

Отстроенная церковь относилась к приходу Спасо-Преображенского храма. Однако священники не торопились отправлять богослужения, что можно объяснить неспособностью новой церкви принять большое количество заключенных, так что службы приходилось проводить на тюремном дворе.

В документах об отправлении богослужения в Кузнецком тюремном замке встречается прошение о том, чтобы Его Превосходительство сделал распоряжение Кузнецким священникам принять на себя труд хотя бы изредка отправлять служение, т.к. в тюремном замке «молитвословие не производится»⁷.

В ответ последовал покорнейший рапорт Благочинного священника Захария Кроткова о том, что «в Кузнецком тюремном замке в продолжение 1875 г. в воскресные и праздничные дни отправляемы были богослужения соборными: протоиереем Павлом Стабниковым и священником Захарием Кротковым часто, кроме дней, которые были заняты делами»⁸.

Кузнецкий тюремный замок прекратил свое существование в декабре 1919 г. во время Гражданской войны. В Кузнецк вошел отряд алтайских партизан под предводительством Рогова. В ходе беспорядков, учиненных роговцами, было сожжено и здание тюрьмы. Установившаяся вскоре советская власть отстраивать его не стала. Сегодня на его месте располагается историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость», часть экспозиции которого посвящена истории Кузнецкой тюрьмы.

¹ ГАТО, ф. 3, оп. 29, д. 4, л. 4.

² См.: там же, оп. 2, д. 3749, л. 13.

³ См.: Томские губернские ведомости. 1875. № 20.

⁴ См.: ГАТО, ф. 3, оп. 29, д. 4, л. 4.

⁵ См.: Томские губернские ведомости. 1875. № 20.

⁶ См.: Конюхов И.С. Указ. соч. С. 37–40.

⁷ ГАТО, ф. 170, оп. 3, д. 2231, л. 1.

⁸ Там же, л. 2.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ

В деспотических государствах народ платит лишь невысокие налоги, тогда как в конституционных государствах налоги возрастают в силу собственного сознания народа. Ни в одной стране не платят таких высоких налогов, как в Англии.

Г.В.Ф. Гегель.
Основы философии права

Современные налоги заняли основное место в системе финансовых доходов сравнительно недавно. Они не являются последствием одной лишь законодательной воли, а составляют продукт длительной эволюции, поэтому крайне важно проследить историю развития налогообложения.

Налоги в качестве основного источника покрытия общественных затрат исторически присущи государству как публичному образованию, нуждающемуся в постоянном финансовом обеспечении своего функционирования. Есть основания согласиться с английским исследователем А. Порки, что «государство и налоги появились на свет почти одновременно, ибо государство есть дитя, словно родившееся уже с ложкой в одной руке и мечом – в другой»¹.

По словам другого английского экономиста С. Паркинсона, «налогообложение старо, как мир, и его начальная форма возникла, когда какой-нибудь местный вождь перегораживал устье реки, место слияния двух рек или горный перевал и взимал плату за проход с купцов и путешественников»².

Действительно, налоги возникли и развивались вместе с государством. Специалисты выделяют три периода эволюции налогообложения³. Рассмотрим их.

Первоначальный период, включающий хозяйственные системы Древнего мира и средних веков, отличается неразвитостью и случайным характером налогов. Как отме-

чает профессор С.И. Иловайский, при несложном государственном устройстве, слабом развитии государственных потребностей и удовлетворении последних личной службой и натуральными повинностями подданных налоги или вовсе не были нужны или имели очень скромное значение в государственном хозяйстве⁴.

Одно из первых упоминаний о налогах встречается в актах Древнего Египта, где обязанностью главного сановника, осуществлявшего центральное управление в период Нового Царства (XVI–XII вв. до н.э.), помимо всего прочего было внесение быков в податные списки.

Во второй половине I тыс. до н.э. в Древней Индии основы налогообложения были закреплены в законах Ману в виде рекомендаций правителю по сбору доходов: «... Царь должен получать малыми долями дань со своего царства»⁵. В пользу государства взимались: 2 % скота и золота; 12,5 % зерна, масла и меда. Порядок налогообложения различался с учетом сословной принадлежности. Например, брамины были свободны от повинностей. Этой привилегией пользовались также жители приграничных и низкоурожайных местностей.

В IV в. до н.э. в централизованной Китайской империи впервые издается письменный закон, вводивший налог на землю, который уплачивался зерном. Нужно отметить, что ставка этого налога увеличивалась и в течение нескольких десятилетий достигла уровня 2/3 урожая. Такая несправедливость заставляла подданных укрываться в горах и болотах, иногда целыми общинами во главе с советом старейшин. Там они были недосыгаемы для чиновников и не могли быть занесены в список тяглых⁶.

В целом налоги в древности существовали в виде бессистемных платежей («поборы вместо сборов»), они взимались по мере необходимости и носили преимуще-

⁴ См.: Иловайский С.И. Учебник финансового права. Одесса, 1904. (<http://www.allpravo.ru/library/doc4396p0/instrum4397/print4417.html>).

⁵ Тарасов П.И. Очерк науки финансового права. Ярославль, 1883. С. 34.

⁶ См.: Зиновьева Е.М. «Центр» и «места» в политической культуре традиционного Китая // Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР / Отв. ред. М.Л. Титаренко, Л.С. Переломов. М., 1994. С. 203.

¹ Порки А. История налогообложения. Лондон, 1989. С. 3.

² Паркинсон С. Закон и доходы. М., 1992. С. 14–15.

³ См.: Пушкарева В. История финансовой мысли и политики налогов. М., 1996. С. 17.

ственно натуральную форму. Подданные несли повинности личного характера (барщина, участие в походах), а также уплачивали налоги продовольствием, фуражом, снаряжением для армии.

В Римской империи и Афинах в мирное время налоги не взимались, и их введение обуславливалось подготовкой к войне. Обложение налогом осуществлялось в зависимости от имущественного и семейного положения (ценза). В то же время в Афинах считалось, что свободный гражданин не должен платить прямых налогов, однако это компенсировалось добровольными пожертвованиями состоятельных афинян (так называемые литургии), взносами членов Афинского морского союза, а также введением Народным собранием города чрезвычайных сборов на крупные публичные расходы.

В Древнем Египте введение налогов было связано в первую очередь со строительством ирригационных сооружений в долине Нила. Сбором податей ведали жрецы храмов.

Более подробного рассмотрения заслуживает налоговая система Древнего Рима, т.к. она является одной из первых организованных налоговых систем, многие стороны которой находят отражение и в современном налогообложении.

На ранних этапах развития Римского государства налоговые механизмы использовались исключительно для финансирования военных действий. Граждане Рима облагались налогами в соответствии со своим достатком на основании клятвенного заявления о своем имущественном состоянии и семейном положении (прообраз декларации о доходах). Определение суммы налога (ценз) проводилось чиновниками-цензорами каждые пять лет.

В IV–III вв. до н.э. Римское государство разрасталось, основывались и завоевывались новые колонии. Это требовало изменения налоговой системы. Наряду с общегосударственными налогами вводились местные. Однако единой налоговой системы в тот период не существовало, и налогообложение провинций определялось лояльностью местного населения к метрополии, а также успехами в военных мероприятиях государства. Кроме того, римская администрация часто сохраняла систему налогов, сложившуюся в данной местности до завоевания. Изменялось лишь направление и

использование поступающих средств. Длительное время в римских провинциях не существовало профессиональных государственных фискальных служащих. Римская администрация прибегала к помощи откупщиков, деятельность которых она не могла контролировать. Результатом этого стали коррупция, злоупотребление властью, а затем и экономический кризис I в. до н.э.

Необходимость реорганизации финансового хозяйства Римского государства была одной из важнейших задач для императора Августа Октавиана (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.). Кардинальная налоговая реформа привела к введению первого всеобщего налога (так называемый трибут). Для контроля над его сбором во всех провинциях были созданы финансовые учреждения. Значительно уменьшались услуги откупщиков, а там, где они сохранились, за их деятельностью устанавливался строгий государственный контроль. Была заново проведена оценка налогового потенциала провинций с целью справедливого распределения налогов и увеличения их отдачи. Для этого проводились обмеры каждой городской общины с ее земельными угодьями. По каждому городу был составлен кадастр, содержащий данные о землевладельцах. Затем производилась перепись имущественного состояния граждан. Каждый житель был обязан в определенный день представить властям общины свою декларацию.

Главным источником доходов в римских провинциях служил поземельный налог. В среднем его ставка составляла 10 % от доходов с земельного участка, хотя применялись и особые формы налогообложения, например налог на количество фруктовых деревьев, включая виноградные лозы. Облагалась налогом и другая собственность: недвижимость, живой инвентарь, ценности. Каждый житель провинции должен был платить единую для всех подушную подать. Существовали и косвенные налоги, а именно: налог с оборота (обычно по ставке 1 %), налог с оборота при торговле рабами (по ставке 4 %) и налог на освобождение рабов (по ставке 5 % от их стоимости). В 6 г. н.э. император Август ввел налог с наследства по ставке 5 %, которым облагались лишь римляне.

Государственные финансовые органы непосредственно не взимали налогов с гра-

ждан: это делали общины, но оценку и распределение налоговых поступлений общин, контроль над сроками поступления налогов государство держало в своих руках через органы фиска. Уже в Римской империи налоги выполняли не только фискальную функцию, но играли роль дополнительного стимулятора развития хозяйства. Поскольку налоги вносились деньгами, население было вынуждено производить излишки продукции, чтобы продавать их. Это способствовало расширению товарно-денежных отношений, разделению труда, урбанизации.

Многие хозяйственные традиции Древнего Рима перешли к Византии. В ранневизантийскую эпоху до VII в. включительно существовал 21 вид прямых налогов, среди которых были: поземельный налог, подушная подать, налоги на оснащение армии, налог на покупку лошадей, налог на рекрутов (освобождавший от воинской повинности), пошлина на продажу товаров (обычно ее ставка составляла 10–12,5 %), пошлина на выдачу государственных актов и т.д. Следует отметить, что Византия была одним из первых государств, в которых начал взиматься «налог на роскошь»: этот налог уплачивался собственниками зданий, которые превышали установленные размеры (подданные называли его «налогом на воздух»). Широко практиковались в Византии чрезвычайные налоги: на строительство флота, содержание войска и пр. Такое обилие сборов не привело к финансовому процветанию Византийской империи. Напротив, последствием чрезмерного налогового бремени стало сокращение налоговой базы, а затем и финансовые кризисы, ослабившие мощь государства, которое в 1204 г. было завоевано крестоносцами.

В Европе вплоть до XVI–XVII вв. развитые налоговые системы отсутствовали. Повсеместно налоговые платежи имели характер разовых изъятий, причем периодически парламенты государств предоставляли правителям полномочия, в основном чрезвычайные, по взиманию тех или иных видов налогов. Сбором налогов занимались откупщики, которые выкупали установленные налоги у государства, внося сумму налога в казну полностью. Далее, заручившись государственными полномочиями и применяя принуждение посредством помощников и суботкупщиков, откупщик осуществлял сбор налога с населения, учи-

тывая естественным образом и свою прибыль, которая достигала иной раз 1/4 от цены откупа¹.

Однако развитие европейских государств, расширение, детализация их функций настоятельно требовали замены временных налогов и института откупщиков единой эффективной системой налогообложения. Так, в конце XVII – начале XVIII вв. начинается **второй период** развития налогообложения. В это время налоги становятся ведущим источником доходной части бюджета.

Особую роль в то время играли: акцизы (взимаемые, как правило, у городских ворот со всех ввозимых и вывозимых товаров), подушный и подоходный налоги. Развитие демократических процессов в европейских странах нашло свое отражение в вопросах установления и введения налогов. Так, в Англии ст. 12 Великой хартии вольностей (1215 г.) впервые установила, что налоги вводятся только с согласия нации.

В Германии, дольше других европейских стран остававшейся феодально раздробленной, налоги составляли доход территорий, но не государства. Германские земли преподносили императору лишь добровольные дары. Однако в редких случаях эти платежи носили обязательный характер, например, для выкупа государя из плена, при посвящении в рыцари его сына или выдаче замуж его дочери. Финансирование военных расходов также не имело принудительного характера.

Первую половину XVII в. и Тридцатилетнюю войну можно считать началом новой эпохи в германском финансовом хозяйстве. Постоянные войска, окрепнувший абсолютизм и полицейский строй большинства германских государств – все это усиливало потребность в денежных средствах. Между тем доходы, которые получали немецкие государи из разных источников, растаяли вследствие произошедшей в XVI в. инфляции.

На налоги же продолжали смотреть как на чрезвычайный источник государственных доходов. И хотя право сословий соглашаться на уплату субсидий стало в абсолютной монархии не более чем формальностью, в обществе не укоренилось созна-

---

¹ См.: Налоги и налоговое право: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Брызгалина. М., 1997. (http://www.cnfp.ru/hist_nal.html).

ние податной обязанности, за налогами сохранилось их прежнее название – «Beden» (от «bitten» – просить) и их приходилось испрашивать от сословий. Чтобы избежать этого, германские государи вводят обложение предметов потребления, так что в XVII–XVIII вв. акцизы и домены играют заметную роль в финансовом хозяйстве германских государств¹.

В других европейских государствах основу налогообложения составляли подушные подати, недостатком которых было то, что они практически не учитывали налоговой способности населения.

Схожая ситуация наблюдалась в это время и в восточных странах. В Китае в период последней династии Цин фискальный произвол местных властей достиг такого уровня, что в 1665 г. императором был издан указ, разрешающий обжаловать в суд чрезмерное обложение².

Лишь спустя столетие в отдельных странах стали возникать налоговые системы, в общем соответствующие современному представлению о них. В это время начинают формулироваться и основные принципы налогообложения, в том числе принцип единства податной системы. Например, в ст. XVIII Акта воссоединения с Шотландией 1707 г. определено, что действующие законы, регулирующие торговлю, пошлины и акцизы в этой стране, после территориального соединения должны быть приведены в соответствие с английскими.

Во Франции после окончательной централизации государства в середине XV в. вводятся «настоящий правильный налог на лиц» (*taille personnelle*) и налог с имущества (*taille réelle*). Затем в течение последующих двух веков устанавливаются новые прямые и косвенные налоги. К XVII в. Франция обладала уже массой самых разнообразных налогов. Негативной стороной этой системы налогообложения были злоупотребления при взимании налогов, их неравномерное распределение как по разным местностям, так и между отдельными плательщиками. Аристократия и духовенство налогов не платили, поэтому податное бремя лежало главным обра-

зом на низших сословиях, подавляющей частью которых было сельское население. Практиковалась отдача налогов на откуп. Откупщики ввели с мелких и средних собственников даже самое необходимое – то, что составляло налоговую базу. Вследствие этого в 80-х гг. XVIII в. французские финансы пришли в состояние кризиса, что явилось побудительным мотивом революции 1789 г.

Революционное правительство отменило все налоги, возникшие при монархическом режиме, но постепенно эти налоги были восстановлены, только в измененном виде, и распространились на всех граждан без каких-либо изъятий и привилегий³.

В первые годы республики был установлен прямой реальный налог на земли и личный доход. Затем налогообложение распространилось на промышленность и торговлю. В частности, были введены промысловый налог (в виде платы за патент), личный налог на недвижимость. Последний включал в себя: подушный налог в размере трехдневного заработка, превышающий необлагаемый минимум; налог на роскошь, учитывающий количество прислуги и число лошадей; налог на квартиру в расчете 1/300 дохода; налог на доходы с недвижимости (исчислялся на основе платы за помещение по ставке 1 су с ливра). Кроме того, взимался налог на двери и окна, который современники расценивали как наиболее несправедливый. В 1791 г. полномочие по утверждению бюджета и введению новых налогов было передано парламенту.

Третий период эволюции налогообложения начинает свою историю в XIX в. и отличается уменьшением количества налогов, большее значение придается соблюдению юридической формы при их установлении и взимании. Именно в этот период в различных странах мира проводилось целенаправленное и постепенное реформирование налоговых систем. Отдельные государства, объединенные в различные сообщества и союзы, впервые начинают проводить скоординированные мероприятия, направленные на гармонизацию налогообложения в рамках соответствующих международных объединений⁴. Так, например,

¹ См.: Иловайский С.И. Указ. соч.

² См.: Шао-Ван Ч. Система налогообложения в Китае Цинской династии, 1644–1911. Нью-Йорк, 1914. С. 245.

³ См.: Иловайский С.И. Указ. соч.

⁴ См.: Кучеров И.И. Налоговое право зарубежных стран: Курс лекций. М., 2003. С. 14–15.

первые налоговые соглашения были заключены Бельгией: с Францией (в 1843 г.), Нидерландами и Люксембургом (в 1845 г.).

Рассмотрим развитие подоходного налогообложения в Англии. Подоходный налог впервые был введен законодательными актами от 1798 и 1803 гг., и изначально его целью было финансирование военных расходов. В последующие годы его ставка варьировалась от 1,2 до 10 %. Изначально взимание этого налога основывалось на подразделении дохода на пять основных групп, именуемых шедулами, каждая из которых имела буквенное обозначение. Первая шедула включала в себя доход от недвижимости; вторая – от сельскохозяйственного производства; третья – дивиденды, проценты и ренту; четвертая – доходы от промышленного производства и торговли; пятая – жалованье и пенсии. В зависимости от принадлежности дохода к определенной шедуле различался порядок исчисления и уплаты налога. Так, по третьей и пятой шедулам исчисление налога осуществлялось фискальным ведомством на основе имеющихся данных, по другим – предусматривалось декларирование доходов самими налогоплательщиками, но с последующей проверкой этих сведений чиновниками.

С 1815 г. в английском финансовом хозяйстве начинается эпоха понижения налогов и упрощения податной системы. В 1840-х гг. отменяется большинство таможенных пошлин, имеющих протекционистский характер. Затем постепенно была отменена значительная часть акцизов, в том числе и тех, которые взимались с предметов первой необходимости.

И только в 1899–1902 гг. вследствие нехватки финансов, вызванной войной с бурами, Англии пришлось повысить большинство действующих налогов и ввести новые¹.

Одну из самых консервативных налоговых систем в Европе конца XIX в. имела Австрия. В ее системе налогообложения следует особо выделить налог на постройки. Он включал в себя две составляющих. К первой относилось налогообложение строений, занимаемых самими собственниками. Ставка налога являлась прогрессивной. Например, с одной комнаты налог взимался в размере 3 крон, а с замка,

имеющего несколько десятков комнат, – 440 крон. Взимание налога на постройки основывалось на декларировании. Последующее изменение числа комнат не сказывалось на размере налога. Вторая составляющая этого налога распространялась на жилые помещения, сдаваемые в наем. При этом предусматривались вычеты на амортизацию строений в пределах от 15 до 30 %. Ставка налога составляла в сельской местности 20 %, а в городах – 26 %.

Подоходный налог взимался как с частных лиц, так и с обществ. При этом использовался распределительный принцип. Так, налог в сумме 35,4 тыс. крон распределялся между налогоплательщиками специальными комиссиями, которые создавались раз в два года. Общества облагались по ставке 10 % на основе ежегодно публикуемых ими отчетов. Кроме того, они обременялись дополнительным налогом на дивиденды в размере 2–4 % в том случае, если размер выплат акционерам превышал 10 % капитала.

Такие виды дохода, как проценты, рентные платежи, вознаграждения и выплаты в возмещение ущерба, облагались налогом на ренту. Его ставка составляла от 1,5 до 3 %. От этого налога освобождались правительственные и местные учреждения, а также доходы по государственным и городским облигациям.

Личный подоходный налог уплачивался с общей суммы дохода, исключением были наследства, страховые возмещения, награды. От его уплаты освобождались члены императорского дома, офицеры и солдаты. Для остальных подданных необлагаемый минимум составлял 1,2 тыс. крон в год. Следует отметить, что иностранцы, проживающие в Австрии более года, также обязаны были платить налог с доходов, полученных в этой стране; исключение составляли доходы, подлежащие налогообложению в другом государстве. Ставка налога колебалась в пределах от 1 % с дохода в 2 тыс. крон до 4 % с дохода в 92 тыс. крон.

Предусматривалось также взимание налога на землю по ставке 22,7 %².

В Швейцарии в соответствии с Законом 1886 г. кантональными властями взимался прогрессивный налог на имущество, которое в зависимости от размера подразделя-

¹ См.: Иловайский С.И. Указ. соч.

² См.: Кучеров И.И. Указ. соч. С. 17.

лось на семь категорий, каждой из которых соответствовала своя ставка налога. Так, для движимого имущества первая категория соответствовала стоимости в 25 тыс. франков, вторая – 50 тыс., третья – 100 тыс., четвертая – 200 тыс., пятая – 400 тыс., шестая – 800 тыс. и седьмая – имуществу большей стоимости. Ставка же налога для каждой категории была своя и варьировалась в пределах от 1 до 4 франков. Не облагались налогом продукты земледелия, а также хозяйственная утварь и одежда стоимостью в пределах 5 тыс. франков.

В ряде случаев необходимость жесткого законодательного регулирования налоговых отношений вызывалась наличием в стране непокрытых военных расходов. Так, стремительная подготовка Германии к Первой мировой войне привела к тому, что к 1913 г. расходы на оборону составили 61 % всего государственного бюджета. Для решения проблемы внешнего долга и дефицита государственного бюджета в срочном порядке были приняты три закона: о единовременном чрезвычайном сборе на оборону; изменениях в финансовом устройстве империи и налоге на имущие классы; изменении закона о штемпельном налоге.

Единовременный чрезвычайный сбор на оборону вводился в расчете на то, что призыв правительства к пожертвованию, обращенный к состоятельным немцам, найдет в германском народе живой отклик. Закон предусматривал взимание 0,5 % стоимости всего движимого и недвижимого имущества, превышающего 10 тыс. марок, за вычетом всех личных и реальных долгов. Поданные с доходом в 50 тыс. марок и более призывались к уплате не менее 2 % с дохода, установленного для местного подоходного налога, причем факт владения имуществом и его размер не учитывались.

Введение *налога на имущие классы* также имело целью покрытие военных расходов. Начиная с 1 апреля 1916 г. союзные государства обязывались вносить сумму из расчета 1,25 % марки на единицу населения. Для уплаты этих взносов сателлиты должны были ввести или повысить действующие налоги на имущество, доход и наследство.

Закон об изменении финансов империи имел целью разрешение вопроса о соотношении нового налога на имущественный прирост и уже действовавшего налога на

прирост земельной ценности. Фактически предусматривалось параллельное существование этих двух налогов, но при устранении двойного обложения. Из общей совокупности приращенного имущества исключались части, приходящиеся на земельные участки, которые уже подверглись обложению.

Новый *Закон о гербовом сборе* устанавливал, что штемпельные сборы с договоров товарищества и страхования должны взиматься империей. Все ранее взимавшиеся в сателлитах сборы этого рода подлежали отмене, а выбывающие доходы компенсировались империей¹.

Показательно, что после Первой мировой войны правительство Германии вновь активно использовало налогообложение как средство решения финансовых и социальных проблем, созданных поражением в войне. Именно в Германии в 1918 г. появилось понятие «налоговое государство». Оно возникло в результате острых дискуссий по вопросу о том, как будет финансироваться государство: путем взимания налогов или через доходную хозяйственную деятельность. При этом понятия «налоговое государство» и «предпринимательское государство» воспринимались как противоположные. Ввиду того, что государственная промышленность состояла в основном из военных предприятий и сама нуждалась в реформировании, ставка была сделана на налоговое финансирование национального бюджета.

Помимо рассмотренных трех периодов развития налоговых отношений проф. И.И. Кучеров выделяет еще и **четвертый**. Главная его особенность, как полагает ученый, заключается в том, что в основном формирование налоговых систем в большинстве стран завершилось. Несмотря на то, что реформирование налогообложения продолжается, оно уже не носит радикального характера, ввиду этого принимаются меры по изменению отдельных элементов налогов².

Некоторые исследователи придерживаются другого мнения, считая, что финансовая наука до сих пор не сформировала концепцию идеальной налоговой системы. Более того, в настоящее время нет однозначных ответов на многие налоговые во-

¹ См.: Соколов А.А. Германское имперское финансовое законодательство 1913 г. М., 1915. С. 5–8.

² См.: Кучеров И.И. Указ. соч. С. 23.

просы, а проходящие во всех развитых странах налоговые реформы свидетельствуют о перманентном процессе создания справедливых, соразмерных и обоснованных налоговых систем¹. Действительно, расширение и углубление интеграции современных международных сообществ (таких, как ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР, ЕвразЭС и др.) объективно требуют проведения гармонизации, а со временем и унификации налоговых законодательств.

Д.А. Ерин,

*доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

**БОРЬБА С НАРУШЕНИЯМИ
СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ СРЕДИ ЧИНОВ
ВЛАДИМИРСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ
КОМАНДЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Соблюдение законности и служебной дисциплины представителями правопорядка при выполнении ими служебных задач по борьбе с преступностью и охране общественного порядка во все времена находилось под пристальным вниманием государства.

Определенный интерес в этой связи представляют понимание дисциплины и перечень проступков и преступлений чинов полиции согласно законодательству России, а также практика преследования за нарушения служебной дисциплины и злоупотребления по службе.

Букварь современного городского (1915 г.) определяет такие понятия, как «дисциплина» и «проступки».

«Дисциплина состоит в послушании и уважении законного начальства, и эти признаки отличают организованную часть от толпы. Интересы службы требуют, чтобы дисциплина строго поддерживалась, но не резкими и грубыми способами. Полицейская служба существенно разнится от воинской своим, скорее индивидуальным, чем коллективным характером. Воспитывать полицейского надо, вникая в подробности службы каждого из них, давая совет

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что функционирование и эволюция национальных налоговых систем в прошлом занимали одну из ведущих позиций в формировании облика современных государств. Это касается самых различных сфер общественной жизни (так, например, последствия введения налогов на двери, окна, количество очагов в доме и на длину фасада здания мы можем наблюдать в архитектуре современной Европы).

и оценку действий, возбуждая этим к себе доверие и расположение, а не страх.

Проступки служащего в полиции сводятся к следующим формам: 1) пьянство как на службе, так и вне службы; 2) неповиновение старшим; 3) неисполнение обыденных правил и уставов; 4) непочтение к старшему; 5) ненужное вмешательство; 6) лишняя грубость к арестованным; 7) невежливость и бранные слова; 8) сообщение частному лицу о полученном приказании или о происшествии и положении дела; 9) дача сведений, могущих повлиять на дело во вред службе; 10) отлучка с поста или небрежное отношение к нему; 11) нерадение при необходимости немедленного арестования злоумышленника; 12) болтовня и разговоры на службе; 13) прием вознаграждения без доклада о нем; 14) самовольная отлучка из казарм; 15) ссоры с товарищами; 16) неправильное исполнение служебных обязанностей; 17) забыть записать необходимые имена и адреса и подробности по уголовному делу или случаю; 18) неподача помощи заболевшему или при несчастном случае; 19) занимать деньги и давать займы старшим; 20) поступки, приносящие служебный вред»².

За эти поступки как нарушающие обязанности службы налагались следующие административные взыскания, определенные законом: 1) исключение из службы; 2) отрешение от должности; 3) вычет из времени службы; 4) удаление от должности; 5) перемещение с высшей должности на низшую; 6) выговор, «более или менее строгий, с внесением оного в послужной список»;

¹ См.: Налоги и налоговое право.

² Букварь современного городского. Варшава, 1915. С. 8.

7) арест до семи дней; 8) вычет из жалования или штраф; 9) выговор, «более или менее строгий, без внесения в послужной список»; 10) замечание, «более или менее строгое».

Низкий уровень заработной платы в полиции (например, согласно штату полицейской команды губернского города Владимира годовой оклад старшего городского составлял 300 руб., а младшего – 240 руб.¹) и падение престижа полицейской службы привели к тому, что полиция как в столице, так и на местах испытывала недостаток в кадрах. Условия службы оставались тяжелыми и не соответствовали предъявляемым требованиям по исполнению служебных обязанностей.

Как показывала практика, наиболее частыми служебными проступками, особенно среди нижних полицейских служителей, являлись пьянство на службе, неповиновение старшим, невежливость и употребление бранных слов, отлучка с поста или небрежное отношение к службе, вымогательство и взяточничество, за что городские подвергались различным видам взысканий.

Так, согласно приказам городского полицмейстера по Владимирской городской полиции за 1895 г. отмечалось, что «вчера, в три часа дня, городской 2-й части Подъячев, стоящий ключником при арестантской части, самовольно отлучился из части и явился вечером в безобразно пьяном виде, посему был оставлен приставом при части под присмотром других городских, но Подъячев снова отлучился в 10 часов вечера и на пост не явился. За каковой проступок городского Подъячева от службы увольняю с сего числа»². В этом же году «24 ноября городской Пашенко, будучи на посту на Базарной площади, напился пьян и в Никольском трактире учинил драку с другим пьяным, за каковой проступок городской Пашенко был уволен»³. Через некоторое время городской Игнатьев во время вечернего обхода полицмейстером по проверке постов был обнаружен спавшим на тротуаре «в безобразно пьяном виде», за что был также уволен со службы⁴. Городской Балуков «... неизвестно куда самовольно отлучился со своего поста, а в 10 часов вечера явился безобразно пьяным», за что согласно

приложению к ст. 69 Уложения о наказаниях был арестован на 4 дня и предупрежден, что в следующий раз будет уволен⁵. Так, за 1900 г. во Владимирской городской полиции за систематическое употребление спиртных напитков было уволено 5 чел.; за аналогичные проступки городские подвергались аресту на различные сроки 15 раз; за уход с поста, употребление на посту спиртных напитков, халатное отношение к службе штрафовались около 30 раз⁶. В 1901 г. за употребление спиртных напитков было уволено 5 чел., подвергнуто штрафам – более 20 (например, «... городской 1-й части Квашнин, занимающий пост за р. Лыбедью, был так пьян, что не в состоянии был отправлять постовую службу, ... за что был подвергнут штрафу»⁷), аресту на различные сроки – 8.

В начале XX в. недобросовестное исполнение своих служебных обязанностей также являлось весьма распространенным явлением среди чинов полицейской команды г. Владимира, однако в отличие от наказаний за злоупотребление спиртными напитками взыскания за этот вид проступков, как правило, носили материальный характер. Так, например, в течение 1904 г. за несообщение о драке между студентами и офицерами городские Фирсов и Лукьянов были оштрафованы на 3 руб. каждый, также были оштрафованы на 1 руб.: городской Панов – за непосыпку улицы песком, городской Исаченко – за плохую уборку улицы, городской Панов и Балуков – за плохой надзор за ремонтом дороги, городской Ромашев – за грязь на Большой улице, городской Родионов – за «... большое количество пьяных на Царицынской улице, вблизи казенной винной лавки»⁸.

Весьма сурово владимирский полицмейстер Иванов относился к тем городским, «... которые, находясь на постах, вели праздные разговоры» и невнимательно несли службу. Так, младший городской Лисневич, «... находясь на посту, курил и развалился», за что был подвергнут штрафу в 2 руб.

Несоблюдение правил воинской вежливости, как правило, наказывалось арестом на несколько дней. Например, городской Фирсов за «... неотдание чести был под-

¹ См.: Свод узаконений и распоряжений правительства. 1906. Ст. 1169.

² ГАВО, ф. 981, оп. 3, д. 2, л. 55–56.

³ Там же, л. 66.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: ГАВО, ф. 981, оп. 3, д. 2, л. 81.

⁶ См.: там же, д. 3.

⁷ Там же, л. 121.

⁸ См.: там же, ф. 1194, оп. 1, д. 7.

вергнут аресту на 3 дня», а городской Васильев за аналогичный проступок, совершенный повторно, – на 7 дней.

Необходимо отметить, что вычет из жалования производился удержанием в казну у виновного не более 1/3 его годового оклада. Замечания и выговоры без внесения в послужной список могли быть определены не только по суду, но и по распоряжению непосредственного начальства; вычеты из жалования, перемещения с высшей должности на низшую, снятие с должности и арест до 7 дней определялись по распоряжению того

Т.А. Зезюлина,
*адъюнкт кафедры государственно-
правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕР ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ СОГЛАСНО Уставу гражданского судопроизводства 1864 г.

Одной из главных функций, возложенных на судебных приставов Уставом гражданского судопроизводства (далее – УГС), являлось принудительное исполнение судебных решений.

Под исполнением решения в теории гражданского процесса того времени понимались «судебные действия, посредством коих фактически осуществляется гражданское право, присужденное одному из тяжущихся; выполнение всего того, что приказано судом»¹.

Порядок приведения в исполнение судебных решений согласно УГС 1864 г. существенно отличался от дореформенного порядка. Одно из главных отличий заключалось в том, что в основу последнего был положен следственный принцип, в силу которого решения приводились в исполнение даже в отсутствие просьбы взыскателя с помощью полиции. Устав гражданского судопроизводства распространил на процесс исполнения действие принципа диспозитивности, т.е. исполнительное производство было законодателем «введено отчасти ради удобства, которое представляет для истца, и закон не принуждает последнего прибегать к нему и ос-

начальства, от которого зависело назначение к должности, занимаемой виновным. Все прочие наказания и взыскания по службе налагались не иначе как по суду.

Как правило, увольнение со службы являлось крайней мерой, и полицейские руководители старались предварительно воздействовать на нарушителей дисциплины через систему арестов и штрафов, и лишь только тогда, когда эти меры не приносили должного воздействия, принимались кардинальные решения.

тавляет на его усмотрение»². Это выразилось в том, что судебные решения обращались теперь к исполнению не иначе как по желанию взыскателя (ст. 925 УГС).

Взыскатель, желающий привести решение в исполнение, должен был обратиться в суд, постановивший решение, с устной или письменной просьбой о выдаче ему исполнительного листа (ст. 926 УГС). Данный лист выдавался в одном экземпляре, за исключением случаев, когда в деле участвовало несколько истцов. Получив исполнительный лист, взыскатель должен был представить его председателю того окружного суда, в ведомстве которого решение подлежало исполнению. Если решение исполнялось в округе того суда, который его вынес, то взыскатель мог при самом заявлении о получении исполнительного листа просить и о назначении судебного пристава. В этом случае пристав назначался одновременно с выдачей исполнительного листа. В мировых судебных установлениях была принята практика непосредственного обращения взыскателя с исполнительным листом к судебному приставу. После назначения председателем суда пристава по своему усмотрению или указу взыскателя последний обращался к судебному приставу с письменным заявлением, в котором прежде всего выбирал способ исполнения решения (ст. 935, 936 УГС). Приступая к исполнительным действиям, судебный пристав докладывал председателю суда об избранном взыскателем способе исполнения. В решениях Гражданского кассацион-

¹ Цит. по: Исаченко В.Л. Русское гражданское судопроизводство // Гражданский процесс: Хрестоматия / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2005. С. 685.

² Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М., 1909. С. 156.

ного департамента Правительствующего Сената, объясняющих УГС, подчеркивалось, что указание способов взыскания зависит от взыскателя, поэтому суд, присуждая взыскание, не вправе ограничивать взыскателя указанием того имущества должника, на которое может быть обращено взыскание. Так, в заявлении судебному приставу Владимирского окружного суда от взыскательницы М.О. Кирилловой по исполнительному листу от 16 октября 1895 г. № 2876 о взыскании со своего мужа 288 руб. 50 коп. с процентами судебными и за ведение дела значится просьба «обратить взыскание на заштатное жалование»¹. Таким образом, именно взыскатель по собственному усмотрению был вправе избирать тот или иной способ исполнения и обращения взыскания на то или иное имущество должника. Суд же не имел права заменить избранный взыскателем способ исполнения другим (или избранное взыскателем имущество заменить другим по указанию должника)². Однако существовали объекты, на которые взыскание не обращалось вовсе (например, на основные средства и продовольственные запасы крестьянской общины; запасы, необходимые для жизнедеятельности земств) либо обращалось только с получения разрешения Правительствующего Сената (на имущество малолетних)³.

В то же время и судебный пристав, и взыскатель были ограничены рамками закона, а именно ст. 993, 994 УГС, в которых устанавливались способы исполнения. Иными словами, «для ограждения личной свободы должника закон указывал допустимые им способы исполнения и запрещал прибегать к таким способам, которые им не предусмотрены»⁴.

Применение тех или иных принудительных мер с целью исполнения решения обусловлено содержанием самого судебного решения, т.е. характером требований, которые присуждены истцу. В ходе судебной реформы 1864 г. законодательно были пе-

ресмотрены старые способы исполнения судебных решений. В соответствии с УГС к мерам принудительного исполнения стали относить:

- 1) передачу имущества натурой лицу, которому оно было присуждено;
- 2) производство за счет ответчика тех действий или работ, которые должны быть совершены в назначенный судом срок;
- 3) обращение взыскания на доходы должника;
- 4) обращение взыскания на имущество должника.

Что касается последнего способа исполнения решения, то УГС говорил об обращении взыскания на движимое и недвижимое имущество как об отдельных способах исполнения (ст. 933 УГС)⁵, тогда как в теории гражданского процессуального права указанные способы не разделялись⁶.

Первый способ исполнения решений допускался в том случае, когда «должник присужден к передаче взыскателю точно определенного движимого или недвижимого имущества»⁷ (например, дом, имение, товар и т.д.). При этом ст. 1213 УГС предусматривала возможность замены данного способа исполнения другим при отсутствии присужденного имущества у ответчика. На практике часто взыскание распространялось на другое имущество должника посредством его реализации с публичных торгов и уплаты стоимости присужденного имущества.

Менее всего в законе упоминалось о приведении в исполнение решения, согласно которому ответчик присужден что-либо сделать в пользу взыскателя. Этому способу исполнения посвящена только одна статья УГС – ст. 934, гласящая, что «взыскатель имеет право просить суд о разрешении ему произвести на счет ответчика те действия или работы, которые не будут произведены сим последним в назначенный судом срок». В некоторых исследованиях данная мера исполнения не упоминается вовсе, что, на наш взгляд, является неверным. Действительно, из текста статьи можно сделать вывод о том, что в случае вынесения судом решения об обращении взы-

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО), ф. 109, оп. 1, д. 19, л. 2.

² См.: *Боровиковский А.* Устав гражданского судопроизводства с объяснениями. СПб., 1890. С. 786.

³ См.: Циркуляр Министерства юстиции от 9 июля 1873 г. № 12917.

⁴ *Яблочков Т.М.* Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль, 1910. С. 213.

⁵ Подробнее см.: УГС // Полный свод судебных уставов, высочайше утвержденных 20 ноября 1864 г. / Сост. Н.П. Максимов. М., 1866.

⁶ См.: *Нефедьев Е.А.* Гражданский процесс. М., 1900. С. 383.

⁷ Цит. по: *Исаченко В.Л.* Указ. соч. С. 689.

скания на выполнение таких работ не будет задействован институт принудительного исполнения и, в частности, судебный пристав. Это также представляется неверным, т.к. судебному приставу придется выдать повестку об исполнении, назначить срок выполнения таких работ (если он не указан в решении суда) и по истечении работ засвидетельствовать их исполнение. Таким образом, в случае обращения взыскателя за содействием к приставу последний «должен будет принять все меры, чтобы принудить ответчика подчиниться велению суда и допустить истца к совершению определенных действий»¹.

Особенностью такого способа исполнения, как обращение взыскания на доходы должника, является то, что непосредственным исполнением такого решения занималась администрация учреждения, в котором проходил службу должник, либо казначейство. Согласно ст. 1085 УГС взыскание могло быть обращено на жалование и дополнительные к нему оклады (квартирные, столовые), арендные платежи, пенсии, единовременные денежные награждения и другие «выдачи».

Взыскание могло быть обращено на жалование и другие оклады следующих категорий ответчиков:

1) лица, состоящие на государственной, военной или гражданской службе, при этом как занимающие штатные должности, так и служащие по вольному найму;

2) лица, состоявшие на службе в общественных учреждениях;

3) лица, служащие по частному найму по договорам личного найма².

В случае обращения взыскания на жалование должника взыскатель был обязан указать «положительный расчет подлежащего по закону вычета»³, который помещался на обратной стороне повестки об исполнении и впоследствии мог быть обжалован. Далее судебный пристав предъявлял исполнительный лист по месту службы должника, после чего уже руководство учреждения производило удержание на удовлетворение долга (ст. 1086–1090 УГС). При

обращении взыскания на пенсии судебный пристав, отослав в казначейство исполнительный лист, был обязан выдать взыскателю удостоверение, по которому последний получал причитающуюся ему по исполнительному листу сумму денег⁴. Однако, если кредиторов было несколько, выдача такого удостоверения не производилась. В данном случае деньги из казначейства поступали приставу для дальнейшего их распределения между взыскателями.

Самым распространенным способом взыскания на территории Российской империи являлось его обращение на движимое имущество. Согласно Сборникам статистических сведений Министерства юстиции за 1885, 1896 и 1914 гг. доля исполнительных листов, предполагавших применение данного способа исполнения судебных решений, соответственно составляла 56, 76 и 76 %⁵.

Приступая к исполнению решения после извещения председателя суда об избранном взыскателем способе исполнения, пристав вручал ответчику лично или через почту повестку об исполнении. Данная повестка содержала в себе следующее:

1) решение, которое подлежит исполнению;

2) дата и номер исполнительного листа, выданного на основании указанного решения;

3) звание, имя и фамилия истца, место его пребывания в городе или уезде (выбранное им по месту исполнения решения);

4) предупреждение ответчика, что в случае неисполнения решения добровольно в семидневный срок (с причислением поверстного срока) (ст. 970 УГС) будет осуществлено принудительное исполнение с указанием способа, выбранного взыскателем.

Хотя в повестке указывался срок для добровольного исполнения, законодатель предписывал приставу приступать к аресту движимого имущества одновременно с вручением повестки об исполнении в следующих случаях:

1) если имущество находится в месте пребывания должника (ст. 969 УГС);

¹ Цит. по: *Исаченко В.Л.* Указ. соч. С. 694.

² См.: *Исаченко В.Л.* Гражданский процесс: В 6 т. 4-е изд. Пг., 1914. Т. 5. С. 606–609.

³ Цит. по: Руководство для судебных приставов, чинов полиции и взыскателей по исполнению судебных решений. 2-е изд. Спб., 1911. С. 526.

⁴ См.: Циркуляр Министерства финансов. 1886. № 33.

⁵ См.: *Захаров В.В.* Институт судебных приставов в дореволюционной России 1864–1917 гг.: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 143.

2) если взыскатель требует немедленно ареста имущества ввиду того, что оно подвержено скорой порче (ст. 971 УГС);

3) если взыскатель требует немедленно ареста имущества, ссылаясь на возможность его сокрытия должником, и пристав сочтет его опасения небезосновательными (ст. 971 УГС).

В остальных случаях соблюдается семидневный срок, данный должнику для добровольного исполнения решения, причем неявка последнего в указанный срок не останавливает производство (ст. 972 УГС).

Арест состоит в описи указанного в повестке об исполнении имущества, его оценке и принятии мер к охране указанного в описи имущества. Перед началом описи пристав должен убедиться, что имущество, подлежащее описи, действительно принадлежит должнику, и выяснить, не наложен ли арест на имущество по другому взысканию. Если выяснялось, что на имущество наложен арест, то согласно ст. 979 УГС пристав, сверившись с ранее составленной описью, подвергал аресту только то имущество, которое не было в нее внесено. Если свободного имущества не обнаруживалось, то пристав налагал дополнительный арест, о чем делалась отметка в описи. После этого пристав лично или через взыскателя передавал все производство для дальнейших исполнительных действий тому судебному приставу, который первым арестовал имущество, при этом перепоручительная надпись председателя суда уже не требовалась. Именно этот пристав занимался дальнейшей реализацией имущества и распределением средств между кредиторами.

Устав гражданского судопроизводства дает очень подробные правила производства описи и оценки имущества. Общий их смысл заключается в следующем:

– опись должна содержать название каждого предмета (а в случае необходимости – их предназначение), меру, вес или счет (с целью предупреждения подмены);

– вместе с описью производится и оценка имущества (ст. 1000 УГС);

– при описи могут присутствовать должник, взыскатель и свидетели в количестве не более двух человек с каждой стороны (ст. 946 УГС);

– по окончании составления описи ее должны подписать все участвующие в этом

лица и к ней должна быть приложена печать пристава;

– описанное имущество либо переносится в помещение, предназначенное для производства продаж с публичного торга (аукционные камеры), либо сдается приставом на хранение особому хранителю (ст. 1009, 1025 УГС).

Однако, как уже было отмечено ранее, не все имущество подлежало описи. Так, судебный пристав Назаретский, прибыв 17 марта 1883 г. для взыскания по исполнительному листу мирового судьи 4-го участка Юрьевского суда, не смог произвести опись имущества, т.к. «ответчик имущество, которое могло быть подвергнуто описи и продаже, не имеет», хотя у ответчика имелась «изба с двором, лошадь и корова», но они являлись «крайней необходимостью в хозяйстве»¹. Таким образом, законодатель выделил и поставил в привилегированное положение некоторые категории движимого имущества, а именно:

1) необходимое для существования должника и его семьи (ежедневно носимое платье, белье, посуда, кровати, припасы, семейные бумаги, иконы без украшений и пр.);

2) необходимое для добывания средств к жизни (земледельческие орудия, машины, инструменты, рабочий скот, запасы зерна и пр.);

3) принадлежности недвижимых имений².

Если кто-то из присутствующих отказывался подписывать опись, в ней должна быть «сделана особая оговорка об этом». По окончании составления описи должник и взыскатель могли по взаимному согласию заявить приставу о месте и времени публичной продажи имущества (ст. 1021 УГС). При отсутствии заявления сторон место и время продажи назначались самим приставом (ст. 1022 УГС). Срок продажи в зависимости от ценности и качества имущества составлял от 7 дней до 6 недель со дня окончания составления описи и оценки имущества. О времени и месте продажи сообщалось через объявления судебного пристава, а если имущество было оценено свыше 100 руб., то через публикации в местных газетах. Торг считался состоявшимся в случае, если явилось не менее двух лиц,

¹ ГАВО, ф. 804, оп. 1, д. 197, л. 28.

² См.: Гражданский процесс: Хрестоматия. С. 695.

желающих торговаться, он начался не ранее 10 часов и закончился не позднее 18 часов и были проданы все предметы, выставленные на продажу. Однако и при соблюдении обозначенных условий торг мог быть признан несостоявшимся. Это было в следующих случаях:

- 1) если из явившихся никто не сделает надбавки против оценки;
- 2) если по окончании торга лицо, купившее имущество, внеся задаток, не уплатит в срок остальной суммы.

В таком случае назначался новый торг. После реализации всей движимости вырученная сумма подлежала распределению между кредиторами, а остаток возвращался должнику.

При обращении взыскания на ценные бумаги последние передавались взыскателю по цене, «на которую последует обоюдное соглашение между ним и должником»¹. Если такого согласия не последует и должник «не укажет на месте лица, предлагающего более выгодную цену»², бумаги передавались взыскателю по цене, по которой они могут быть проданы на последней Петербургской бирже, или пересылались по его желанию к гоф-маклеру для продажи.

Наложение ареста на ценные бумаги и капиталы, находящиеся у третьего лица, в кредитном учреждении, правительственном или судебном установлении, производилось через повестку об аресте, налагаемом на это имущество. Согласно повестке администрация учреждения (установления) обязывалась выдать данные бумаги и капиталы приставу или переслать в судебное место, по указу которого производится взыскание. В соответствии с решением кассационного департамента Сената 1881 г. № 177 взыскание, обращенное на денежные вклады должника, находящиеся в кредитном установлении, не может быть произведено без «представления подлинного на вклад билета».

Менее распространенным было обращение взыскания на недвижимое имущество должника. Приступая к исполнению путем обращения взыскания на «недвижимое имение», пристав в повестке об исполнении указывает, что по истечении двухмесячного срока (ст. 1095 УГС) в случае неиспол-

нения решения он начнет описывать имение. Кроме этого, он сообщает суду об обращении взыскания на «недвижимое имение» с указанием на вручение повестки должнику и о предоставлении взыскателем денег для наложения запрещения. По этому сообщению суд немедленно выносит определение о наложении запрещения на «имение» и приводит это определение в исполнение (ст. 1096 УГС).

По истечении указанного срока пристав по требованию взыскателя должен приступить к описи «имения», для чего он должен назначить день и уведомить об этом должника повесткой. Опись производится по правилам ст. 1103–1112 УГС, в соответствии с которыми она должна содержать следующее:

- сведения о владельце «имения»;
- не состоит ли оно в общем владении с кем-либо и на каком праве;
- не заложено ли «имение», и если заложено, то на какую сумму.

Эти сведения согласно ст. 1111 УГС должны быть заимствованы из документов и планов, которые должник обязан предоставить до окончания описи. Первоначально закон не принуждал должника к неукоснительному соблюдению данного требования, что часто приводило к описи и продаже не принадлежавшего должнику имущества. Ввиду этого Сенат возложил обязанность установления принадлежности «имения» на пристава, производящего опись. Если должник не предоставлял сведений об имуществе, пристав посредством запросов в соответствующие межевые, общественные и сословные учреждения, а также старшему нотариусу удостоверялся в принадлежности имущества. Без данных сведений произведенная опись считалась неполной. Оценку «недвижимого имения» производил взыскатель. Указанная им сумма предъявлялась должнику, который мог принять ее или не принять и принести свои возражения в семидневный срок. Эти возражения должник подтверждал подробной расценкой, произведенной им на основании «среднего количества чистого дохода, полученного им с имения за 5 лет» (ст. 1122 УГС). Если соглашения по оценке имущества не состоится, «имение» может быть оценено сведущими людьми (ст. 1121, 1122 УГС). Причем закон не обязывает сведущих людей руководствоваться оценкой «имения», объявленной взыскателем, и «не

¹ Гражданский процесс: Хрестоматия. С. 699.

² Там же.

предписывает им стесняться этой оценки», поэтому их оценка может быть ниже оценки взыскателя (решение гражданского кассационного департамента Сената 1880 г. № 258, Когана)¹. По окончании составления описи по соглашению между взыскателем и должником могут быть назначены дата и место торгов (ст. 1132 УГС). Согласно ст. 1135 УГС, если «имение» оценено на сумму, не превышающую 500 руб. (в редакции Закона 1881 г. данная сумма составляла 1 тыс. руб.), взыскатель и должник имеют право требовать продажи имущества при местном окружном суде. Однако правила данной статьи подлежали применению при отсутствии соглашения о месте продажи по требованию одной из спорящих сторон.

Опись вместе с оценкой предоставлялась судебным приставом в суд. После получения описи непременный член съезда мировых судей или председатель окружного суда назначал одного из местных приставов для производства продажи. Выбор пристава в данном случае зависел от места, в котором решено было производить публичные торги по продаже «имений». Если местом продажи было выбрано фактическое место нахождения «имения», она могла поручаться приставу, производившему опись и оценку имущества. Это подтверждается архивными документами².

Что касается продажи «недвижимых имений» должника с публичных торгов, то УГС содержит «подробные казуистические правила»³, которые схожи с правилами продажи движимого имущества. Отличие заключалось лишь в том, что на каждое «имение» или отдельно продаваемый земельный участок составлялся торговый лист. В нем указывались название «имения», цена, с которой начнется торг, оценка «имения» для начисления крепостных пошлин, числящиеся на «имении» недоимки, издержки по описи и продаже «имения». Сроки для продажи назначались на каждые три года министром внутренних дел по соглашению с министрами финансов и юстиции. Продолжительность срока была различна, в зависимости от цены

«имения», и составляла от одного до трех месяцев. День торга на «недвижимое имение» не мог быть назначен:

- ранее 1 мес., если имение оценено на сумму, не превышающую 500 руб.;
- 2 мес. – не менее 500 руб. и не более 10 тыс. руб.;
- 3 мес. – свыше 10 тыс. руб.

После введения в 1892 г. Положения о порядке взыскания с недвижимых имений, находящихся в местностях, где введен в действие вотчинный устав (далее – Положение), произошли изменения в порядке производства описи и продаже «недвижимых имений». Согласно п. 1 данного Положения производство о взыскании с «недвижимых имений» возлагалось на судебных приставов окружного суда и вотчинные установления. До обращения взыскания на имущество взыскатель предъявлял исполнительный лист в вотчинное установление по месту нахождения имущества с указанием «имения» должника, места жительства последнего и своего местопребывания, выбранного им в городе или уезде, где находится «имение» (п. 3 Положения). При отсутствии препятствий исполнительный лист передавался для исполнения приставу (п. 8 Положения). При заявлении требования об описи взыскатель обязан был представить судебному приставу для приобщения выписку из вотчинной книги (за кем числится имение, внесено ли требование взыскателя), а в случае отсутствия записи об имении в книге – справку хранителя вотчинных книг о числящихся на «имении» запрещениях и копию того листа реестра крепостных дел, где записано «имение» (п. 38 Положения). Порядок производства описи и оценки имущества оставался неизменным. Публичной продажей имущества занималось вотчинное установление уездного города, в котором находится описанное «имение», за исключением случая, если имущество оценено свыше 10 тыс. руб., тогда торгами занималось вотчинное установление губернского города. День производства торгов устанавливался начальником вотчинного установления не ранее 1 мес., если «имение» оценено на сумму, не превышающую 500 руб., 2 мес. – от 500 до 1 тыс. руб., 3 мес. – свыше 10 тыс. руб. (п. 88 Положения).

В то же время купить «недвижимое имение» мог не любой желающий. Так, согласно Положению о землевладении и землепользо-

¹ См.: Судебные уставы императора Александра II с разъяснениями их по решениям кассационного департамента Правительствующего Сената. Спб.; М., 1884. С. 362.

² См., напр.: ГАВО, ф. 804, 817.

³ Гражданский процесс: Хрестоматия. С. 710.

вании в государстве Российском, высочайше утвержденному 2 февраля 1915 г. Советом министров, «недвижимое имущество», подвергнутое продаже по взысканиям долговых требований, не могло приобретаться в собственность австрийскими, венгерскими, германскими и турецкими подданными¹.

Э.С. Карпов,
*преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД
ВЮИ ФСИН России*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В ТЮРЕМНОЙ СИСТЕМЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Впервые в российском законодательстве порядок исполнения наказаний в виде тюремного заключения и система управления тюрьмами были регламентированы в Соборном уложении 1649 г. Согласно данному нормативному акту в Москве общее заведование тюрьмами принадлежало земским и разбойным приказам. На местах надзор за тюремными учреждениями осуществляли воеводы и наместники. В городах управлением тюрьмами занимались также губные старосты. В Памятке губному старосте 1663 г. указывалось, что в его обязанности входили: регулярный осмотр тюрем, ремонт тюремных зданий, строительство новых тюрем и др.²

Таким образом, в это время закладываются основы государственного финансового контроля в тюремной системе, который должны были осуществлять Разбойный приказ, воеводы и наместники, губные старосты. Однако на практике этот контроль не осуществлялся. Как отмечает Н.Д. Сергиевский, государство в минимальной степени заботилось о внутреннем порядке тюремной жизни. Он пишет: «... Мы нигде не находим ни малейших следов, например, организации тюремного продовольственного хозяйства; на-

Таким образом, мы рассмотрели меры принудительного исполнения судебных решений, предусмотренные УГС 1864 г. Изучение исторического опыта позволяет избежать ошибок при развитии теории современной науки.

оборот, и кормовые деньги, и подаяния... выдаются самим тюремным сидельцам на руки»³. По словам С.В. Познышева, «попечение всех этих лиц, в сущности, сводилось к тому, чтобы колодники не бежали»⁴.

Реформирование сложившейся системы управления пенитенциарными учреждениями началось в 1775 г., когда на основе Учреждения по управлению губерниями Российской империи европейская часть России подразделялась на губернии и уезды. Губерния управлялась губернатором при помощи губернского правления. В составе губернского правления образуются приказы общественного призрения, которые курировали вопросы здравоохранения и образования, а также занимались организацией и управлением исполнением лишения свободы в работных, смиренных и рабочих домах⁵. Этот период также характеризуется тем, что с 1785 г. в государственный бюджет обязательно вносились суммы на содержание арестантов, а в 1788 г. была точно определена сумма кормовых денег, при этом для больных она назначалась в увеличенном размере⁶. Говоря о финансовом контроле мест заключения в этот период, следует отметить, что по нормативным документам им должен был заниматься губернатор, опираясь на приказы общественного призрения, находившиеся в системе губернского правления. Однако каких-либо данных о проводившихся ревизиях и проверках в тюрьмах в этот исторический период мы не обнаружили.

³ Сергиевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1878. С. 201.

⁴ Познышев С.В. Очерки тюремоведения. М., 1915. С. 5.

⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1987. Т. 5. С. 266–268.

⁶ См.: Печников А.П. Главное тюремное управление Российского государства, 1879 – октябрь 1917 гг.: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 29.

¹ См.: Хмельницкий А.И. Исполнительное производство. Обращение взыскания на недвижимое имущество: Практ. рук. для гг. юристов и судеб. приставов. Одесса, 1916. С. 303.

² См.: Уголовно-исполнительное право. Общая часть: Учеб. / Под общ. ред. Ю.И. Калинина. Рязань, 2001. С. 90.

Восьмого сентября 1802 г. было учреждено Министерство внутренних дел, к ведению которого из-под власти губернаторов перешли приказы общественного призрения. В связи с переходом в 1803 г. губернским прокурорам и губернаторам было приказано произвести ревизию всех смиренных и рабочих домов империи. Это первое дошедшее до нас упоминание о ревизии в местах лишения свободы как методе финансового контроля.

Характеризуя состояние финансового контроля в указанный период, следует отметить, что финансирование министерств предполагалось на основе разрозненных ежегодных бюджетов каждого министерства, представляемого соответствующим министром. Сметы ежегодно подавались министрами на высочайшее имя, утверждались лично императором в обход министра финансов и Сената. Таким образом, император совершенно бесконтрольно выделял средства министерствам, руководствуясь лишь своими соображениями, что приводило к негативному состоянию дел в сфере отраслевого управления. Отсутствие характерного для самодержавия различия между государственными и личными средствами императора порождало произвол и финансовую неразбериху, что особенно явственно ощущала на себе тюремная часть, испытывающая постоянное недофинансирование¹. Таким образом, в этот период не существовало четкой системы государственного финансового контроля как в государстве в целом, так и в пенитенциарной системе, в частности.

В 1819 г. Александром I было создано Общество попечительное о тюрьмах. Это была первая попытка установления общественного контроля над положением в системе исполнения наказаний. Как отмечает С.Н. Ушаков, это общественное формирование оказывало преобладающее влияние на тюремное управление до второй половины XIX в.² Сначала общество занималось исключительно вопросами нравственного воздействия на заключенных, однако вскоре внимание общества перешло и на хозяй-

ственную деятельность тюрем³. Например, среди прочих обязанностей первого провинциального комитета данного Общества, учрежденного 7 октября 1820 г. в Виленской губернии, являлись забота о сохранении и приумножении тюремного капитала, контроль над его расходами, проверка приходных и расходных книг и др.⁴ То есть Обществу попечительному о тюрьмах были переданы функции контроля над всей хозяйственной частью тюрьмы. Таким образом, общество становилось субъектом общественного финансового контроля в современном понимании, но в данных исторических условиях оно подменяло государственный финансовый контроль.

Позднее частное Общество получило возможность распоряжаться немалыми суммами казенных средств, а государство, как отмечают исследователи, в свою очередь, не имело в своем распоряжении отработанного механизма контроля над расходованием отпускаемых средств, кроме отчетов, представляемых самими комитетами⁵. Государственный финансовый контроль над расходами Общества попечительного о тюрьмах фактически отсутствовал. Как отмечает Ф.Н. Малинин, это привело к тому, что налицо была зависимость тюремных чинов – государственных служащих – от членов частного Общества⁶.

Однако в структуре самого Общества существовала ревизионная комиссия, в обязанности которой входили внезапные и периодические ревизии денежных сумм, имущества и учетных книг Общества, предварительное рассмотрение отчетов о денежных средствах и деятельности общества⁷. Данная комиссия осуществляла внутривладельческий финансовый контроль в его современном понимании. Например, в 1901 г. в Одесском обществе покровительства отбывшим наказания и бесприютным ревизионная комиссия отметила наличие больших долгов, накопившихся в

¹ См.: Печников А.П. Указ. соч. С. 34.

² См.: Ушаков С.Н. Организационно-правовое обеспечение реформы системы исполнения наказаний России (1862–1917 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 26.

³ См.: Беляева Л.И. Патронат в России (XIX в. – начало XX в.): Учеб. пособие / Под ред. М.П. Стуровой. М., 1996. С. 7.

⁴ См.: Описание Виленского замка: Инструкция главному надзирателю. Вильно, 1821. С. 8–12.

⁵ См.: Малинин Ф.Н. Тюремный патронат // Тюремный вестн. 1905. № 8. С. 608.

⁶ См.: там же.

⁷ См.: Беляева Л.И. Указ. соч. С. 33.

1894–1901 гг. и не взысканных из-за отсутствия документов. Поэтому в последующие годы вся деятельность комитета была направлена на погашение долгов¹.

Характеризуя состояние финансового контроля до образования Главного тюремного управления в 1879 г., можно отметить, что между центральным органом управления местами заключения – Департаментом полиции исполнительной Министерства внутренних дел и местными органами – губернскими правлениями и тюремными комитетами Общества попечительного о тюрьмах, непосредственно осуществляющими руководство тюремным делом на местах, не было постоянной и непрерывной связи. Инспекция тюремных учреждений практически не осуществлялась.

Систематический финансовый контроль в тюремной системе дореволюционной России начал проводиться только с созданием Главного тюремного управления в составе Министерства внутренних дел, в структуре которого была создана Тюремная инспекция, главными функциями которой были инспектирование мест заключения и осуществление ревизий местных тюремных учреждений². Подавляющая часть рабочего времени инспектора уходила на ревизии мест заключения.

В 1879 г. были утверждены Временные правила для первоначального руководства тюремными инспекторами во время командировок с целью осмотра и ревизии учреждений, входящих в состав карательной системы. Они детально регламентировали круг вопросов, которые подлежали проверке. Перечень вопросов был достаточно широк и включал в себя оценку многих критериев, в том числе и контроля над расходами денежных средств.

При осуществлении инспектирования мест заключения тюремным инспекторам вменялись в обязанность проверка всех частей тюремного хозяйства и делопроизводства, проверка всех имеющихся в местах заключения книг как казенного, так и собственно арестантского имущества, всей

денежной и кассовой отчетности, наличности всего тюремного имущества, одежды, предметов продовольствия и др.³

Что касается полномочий, предоставленных тюремным инспекторам, то они имели право «беспрепятственного входа во все части мест заключения, личного сношения с содержащимися в означенных местах и обозрения всех дел и документов, имеющих какое-либо отношение к тюремному делопроизводству»⁴.

Помимо тюремных инспекторов, функциями финансового контроля обладал Совет по тюремным делам – совещательный орган, возглавляемый начальником Главного тюремного управления, который наряду со своими непосредственными функциями рассматривал проекты общих смет доходов и расходов по тюремной части и годовые отчеты о деятельности Главного тюремного управления. Однако деятельность Совета по тюремным делам по многим причинам была довольно неэффективной.

В начале XX в. появились первые сведения о контроле Главного тюремного управления со стороны органов законодательной власти. Например, в 1916 г. депутаты Государственной думы запросили от министра юстиции отчет о положении заключенных. Начальник Главного тюремного управления подготовил в связи с этим объемную справку, которая охватывала такие вопросы, как режим, питание, медицинское обслуживание, заработки осужденных и т.д.⁵ В этом документе наметилось первое проявление общегосударственного финансового контроля со стороны законодательных органов государственной власти.

На среднем уровне функциями финансового контроля в тюремной системе обладали губернаторы, начальники областей и градоначальники.

На местах ответственность за правильность расходования государственных средств нес единолично начальник тюрьмы. В оправдание отпущенного аванса на ведение тюремного хозяйства начальник тюрьмы ежемесячно должен был представлять общую материальную отчетную ведомость в двух экземплярах по приходу и расходу

¹ См.: Беляева Л.И. Указ. соч. С. 33.

² См.: Детков М.Г. Исполнение наказания в дореволюционной России: организационно-правовые аспекты становления и развития системы исполнения наказания в виде лишения свободы: Учеб. пособие. М., 1990. С. 65.

³ См.: ЦГАОР, ф. 122, оп. 1, ч. 1, д. 138, л. 16–19.

⁴ Там же, л. 20.

⁵ См.: РГИА, ф. 1405, оп. 539, д. 811.

предметов и содержанию тюрьмы. Один экземпляр отправлялся в комитет, а другой – в контрольную палату. При этом к ведомости прикладывались счета продавцов на купленные в отчетное время продукты, акты освидетельствования приобретенных в большом количестве продуктов, справочные цены на покупаемые предметы. К этому еще необходимо было прибавить краткую выписку о количестве денег, подлежащих отпуску из казны на продовольствие, лечение и погребение арестантов за отчетный месяц, ведомость о приходе и расходе ржи, муки и выпеченного хлеба за отчетный месяц¹.

С 1890 г. начали создаваться губернские тюремные инспекции, которые являлись органами тюремного управления на местах. Одна из основных функций губернского тюремного инспектора заключалась в контроле и надзоре за деятельностью местных тюремных учреждений². Губернский тюремный инспектор был обязан следить за отчетностью по работам арестантов и их пищевому и вещевому довольствию, осуществлять проверку тюрем с целью предотвращения и пресечения всякого рода хищений в сфере

тюремного хозяйства. Наиболее популярной формой контроля со стороны губернского тюремного инспектора были внезапные проверки наличных сумм, денежных документов и книг тюремной конторы. Каждое место заключения подвергалось таким проверкам не менее одного раза в год.

Как отмечает М.Г. Детков, эффективность финансового контроля, осуществляемого губернскими тюремными инспекциями, была довольно высока. Там, где имелись инспекции, места лишения свободы содержались лучше, средства, выделяемые на тюрьмы, тратились экономнее и рациональнее. Так, например, на содержание первых десяти инспекций ежегодно ассигновалось 62249 руб., но за первые три года их работы только по одному денежному довольствию заключенных было получено экономии свыше 176 тыс. руб. При этом существовали и определенные проблемы. Подбор кадров на должности губернской инспекции на практике вызывал серьезные затруднения. Служащим этого звена, как и в целом аппарату государственной власти, были присущи мздоимство, взятки, злоупотребления по службе³.

И.Н. Куркина,
*старший преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук*

ОСОБЕННОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Исправление несовершеннолетних осужденных всегда считалось делом государственной важности, представлявшим острейшую социальную проблему. Перестройка деятельности исправительных учреждений (ИУ), направленная на гуманизацию и повышение результативности основных средств исправления несовершеннолетних

осужденных, заставляет научных и практических работников пересмотреть многие устоявшиеся взгляды и положения, по-новому оценить исторический опыт.

Созданная в дореволюционный период правовая основа функционирования заведений для исправления несовершеннолетних правонарушителей перестала существовать согласно декрету Совета Народных Комиссаров (СНК) от 17 января 1918 г. и была заменена другой системой, которая, по мнению ее создателей, считалась более гуманной и более приемлемой к обращению с детьми и подростками⁴. Были сформулированы основные принципы советской уголовной и исправительно-трудовой политики, опреде-

¹ См.: Тюремный вестн. 1896. № 7. С. 416–417.

² См.: *Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д.* Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность. М., 1998. С. 25.

³ См. *Детков М.Г.* Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность: Моногр. М., 1998. С. 51.

⁴ См.: *Мельникова Э., Ветрова Г.* Российская модель ювенальной юстиции (теоретическая концепция) // Правозащитник. 1996. № 1. С. 22–41.

лилась новая система мест лишения свободы – для несовершеннолетних это были реформатории и земледельческие колонии как воспитательно-карательные учреждения. На практике исправление часто осуществлялось путем подавления личности несовершеннолетнего и включения его в общественно полезную деятельность.

Пенитенциарная политика государства того времени строилась на основе достижений педагогики и создании гуманных условий содержания, делая все возможное для возвращения несовершеннолетних осужденных к честной жизни. При этом предполагалось, что основная часть преступлений совершается «по неосознанности, а новая жизнь в государстве рабочих и крестьян постепенно искоренит условия, способствовавшие совершению общественно опасных деяний»¹. Главной задачей наказания являлось перевоспитание человека, совершившего преступление, и для достижения этой задачи необходимо проявлять гуманность к заключенным, уважать их гражданское достоинство.

С отменой советской властью старых законов, упразднением существовавших до революции особых детских судов и норм права, регламентировавших уголовную и иную ответственность несовершеннолетних, подростков, совершавших преступные действия, стали направлять в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) индустриального и сельскохозяйственного типов. По-новому встал вопрос о роли и назначении исправительных заведений для осужденных подростков.

Это стало началом действия следующего принципа: не столько карательными мерами, сколько воспитательными можно исправить ребенка или подростка, вступившего на путь правонарушений. В несовершеннолетних начали видеть не только преступников, но и детей, которые в силу неблагоприятно сложившихся условий и недостаточного для их возраста умственного развития совершили деяния, опасные для общества.

Понятие «несовершеннолетний преступник» было заменено понятием «несо-

вершеннолетний правонарушитель», которое подразумевало не только факт совершения преступления подростком, но и учитывало личность последнего, условия ее формирования. Смягчение данного термина особо подчеркивало воспитательное начало в борьбе с антиобщественными действиями несовершеннолетних.

Было определено принципиально новое, особое отношение к несовершеннолетним правонарушителям – не карать, а воспитывать, обучать и лечить.

Однако полный отказ от уголовного наказания подростков в возрасте до 17 лет эффективность свою не подтвердил. Меры педагогического воздействия, осуществляемые комиссиями по делам несовершеннолетних, оказывались в отношении сильно запущенных правонарушителей безрезультатными, подростки этой категории бежали из детских домов и совершали новые преступления.

Необходимо было организовать детские учреждения закрытого типа с особым воспитательным режимом, предназначенным специально для исправления несовершеннолетних преступников. Начали появляться специальные промежуточные учреждения – *коллекторы*, где с подростками велась предварительная работа по их изучению и подготовке для последующего направления в школу ФЗУ².

Создание подобных заведений получило законодательное закрепление в Исправительно-трудовом кодексе (ИТК) РСФСР 1924 г., в ст. 3 которого указывались цели создания ИУ – приспособление преступника к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, соединенного с лишением свободы. Особенностью данного ИТК РСФСР было то, что он основывался на прогрессивной системе исполнения наказаний в виде лишения свободы, о чем в нем прямо указывалось. Деятельность мест заключения направлялась на постепенное расширение прав заключенных, предоставление им большей свободы. Кодекс добавил важные нормы о культурно-просветительской работе, развил их, частично отразил прогрессивную систему ис-

¹ Уголовно-исполнительное право. Общая часть: Учеб. / Под общ. ред. Ю.И. Калинина. Рязань, 2001. С. 135.

² См. об этом: *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.

полнения наказаний и стал, по мнению многих ученых-пенитенциаристов, одним из лучших в правовой истории нашей страны. Однако большинство норм этого Кодекса были обречены на нереализуемость, а значит, повторялись ошибки прежних законодателей, происходил отрыв от действительности. В этом смысле ИТК РСФСР 1924 г. был явно преждевременным для 1920-х гг., а в некоторых нормах опередил даже сегодняшнее время (например, в части, касающейся оказания помощи освобождаемым).

Дальнейшее развитие государственной пенитенциарной политики по отношению к несовершеннолетним преступникам отражено в Постановлении ВЦИК и СНК от 1 августа 1933 г., согласно которому был принят новый ИТК РСФСР. В ст. 1 данного ИТК указывалось, что задачей уголовной политики является перевоспитание и приспособление осужденных к условиям трудового общежития.

В целом положения ИТК РСФСР 1933 г. были вполне прогрессивны с точки зрения пенитенциарной науки того времени, в них не ставилась цель возмездия; положения этого нормативного документа определили на последующие годы организационно-педагогические основы исправительного процесса в местах лишения свободы.

Изучение архивных документов, законодательства показывает, что начиная с 1935 г. и на протяжении последующих двух десятилетий лишение свободы считалось, по существу, единственной мерой уголовного наказания в отношении несовершеннолетних преступников. Получившая известное развитие и выдвинувшая ряд прогрессивных демократических идей пенитенциарная политика РСФСР 1917–1930 гг. в дальнейшем была забыта. В исправительно-трудовой практике во многом наступает период застоя и регресса. Изменение уголовной и исправительно-трудовой политики государства, начавшиеся необоснованные репрессии в обществе оказали отрицательное влияние как на практическую деятельность учреждений, исполняющих наказания в отношении несовершеннолетних осужденных, так и на научные исследования в этой области.

Изменение сущности карательной и соответственно исправительно-трудовой по-

литики, перевод мест лишения свободы на самоокупаемость и самофинансирование – все это привело к тому, что места заключения становились элементом экономической системы государства, а основным средством исправительного воздействия выступал труд. В этих условиях началось свертывание программы научных исследований по пенитенциарной проблематике в целом, в том числе по пенитенциарной педагогике и психологии, право на существование которых подверглось однозначному отрицанию на заседании в Государственном институте по изучению преступника и преступности при НКЮ РСФСР. Вследствие указанных причин в период с начала 1930-х и до середины 1950-х гг. образовался своеобразный вакуум в исследовании практики деятельности мест лишения свободы¹.

Ученые-пенитенциаристы, характеризуя разные исторические периоды, этот отрезок времени либо обходят вниманием, либо дают ему неоднозначную характеристику. Это объясняется тем, что в течение 1930–1957 гг. в силу закрытости исправительной системы серьезные и объективные научные исследования не проводились, а прежние наработки уже не соответствовали социально-экономическим реалиям.

В период с 1936 по 1957 г., когда места лишения свободы были ориентированы преимущественно на решение хозяйственных задач, многое из достигнутого к началу 1930-х гг. было утрачено в области исправления (в частности, деятельность наблюдательных комиссий). Основное внимание в процессе исправления несовершеннолетних осужденных уделялось хозяйственной деятельности в ущерб важной государственной задаче, состоявшей в перевоспитании осужденных путем приобщения их к общественно полезному труду, обучения трудовым профессиям и возвращения после отбывания наказаний к честной трудовой жизни.

Именно в этот период в воспитательно-трудовых колониях (ВТК) четко и однозначно была закреплена идеологическая направленность исправительного процесса.

---

¹ См.: Кузьмина О.С. Становление и развитие воспитательной системы исправительных учреждений советского государства (20-е, 50–70-е гг.): Дис. ... канд. пед. наук. М., 1994. С. 37–38.

Вместе с тем в ее рамках впервые в российских пенитенциарных учреждениях была организована целенаправленная воспитательная деятельность, преследовавшая полезные для общества цели.

Политика Советского государства по отношению к несовершеннолетним осужденным приобрела четкую тенденцию к усилению строгости уголовных наказаний и характеризовалась отступлением от судебного порядка их применения.

Деятельность ВТК (как и всех исправительно-трудовых учреждений в целом) должна была быть ориентирована в первую очередь на экономику страны, и все усилия государственных органов, исполняющих наказания, сводились к максимально возможному использованию осужденных на разного рода народнохозяйственных объектах.

Этот период в российской пенитенциарной науке получил неоднозначную оценку. По мнению С.И. Кузьмина, созданная система ИУ являлась крупным шагом вперед, тюрьмы заменялись воспитательными учреждениями, а исправительно-трудовая политика 1930–40-х гг. не содержала установок на притеснение и произвол по отношению к осужденным¹.

Вопросы становления особого типа учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, лишенных свободы, решались с учетом социально-экономических условий времени, а также направленности уголовной и исправительно-трудовой политики. Главной причиной, заставлявшей задумываться о создании подобных заведений, являлся постоянный рост нарушений закона подростками: сотни тысяч детей сиротели, стали беспризорными, и как следствие – увеличилось количество педагогически запущенных несовершеннолетних, склонных к совершению правонарушений, что побуждало общество искать пути и возможности их исправления². Государство не стояло в стороне от этой проблемы: к началу 1935 г. в системе Главного управления исправительно-трудовых учре-

ждений НКЮ РСФСР было создано и функционировало три типа школ ФЗУ: закрытые; полуоткрытые; открытые, куда направлялись подростки, совершившие преступления. Педагогическому совету этих учреждений предоставлялось право снимать с исправившихся несовершеннолетних судимость. В случаях, когда срок их пребывания по приговору заканчивался ранее срока окончания обучения, педагогический совет независимо от приговора мог продлить период обучения при условии, что оно не будет превышать трех лет.

Дальнейшее направление деятельности государства по исправлению несовершеннолетних преступников связано с изданием Закона «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г., утверждавшего значительное усиление судебных мер, до принятия которого от уголовной ответственности освобождались лица моложе 16 лет, а согласно Уголовному кодексу большей части союзных республик – моложе 14 лет. Закон от 7 апреля 1935 г. установил уголовную ответственность с 12-летнего возраста за совершение краж, причинение насилия, телесных повреждений, увечий, убийство или попытку к убийству. К виновным применялись все меры уголовного наказания.

С принятием данного Закона ликвидировались комиссии по делам несовершеннолетних. Обязанность по осуществлению борьбы с правонарушениями подростков была возложена на следственные и судебные органы. Теперь вместо педагога или врача, состоявших в комиссии, несовершеннолетний правонарушитель имел дело со следователем или судом.

Нам представляется, что в Законе от 7 апреля 1935 г. отразился отказ от гуманного подхода к несовершеннолетним при оценке их общественной опасности. Поэтому, когда возникла необходимость исполнения наказаний в виде лишения свободы в отношении резко увеличившегося числа осужденных подростков, их исправления, вновь встал вопрос о создании нового типа учреждений, что привело к замене школ ФЗУ ВТК для несовершеннолетних.

В ведении НКВД СССР в этот период находились следующие учреждения для

¹ См.: Кузьмин С.И. Деятельность исправительно-трудовых учреждений (1936–1960 гг.). М., 1989. С. 11.

² См. об этом: Поцелуев В.А. История России XX столетия: основные проблемы. М., 1997.

несовершеннолетних правонарушителей: изоляторы как места предварительного заключения; приемники-распределители, трудовые колонии в качестве мест лишения свободы. По характеру своей деятельности и задачам последние были близки к современным воспитательным колониям, хотя и функционировали в рамках более строгого режима. Вместе с тем они имели свои особенности, значительно отличающие их как от воспитательных, так и от исправительно-трудовых колоний для взрослых по методам воспитательной работы и режиму отбывания наказаний.

В 1936 г. был принят Уголовный кодекс (УК) РСФСР, в котором подчеркивалось, что личность несовершеннолетнего правонарушителя требует особого исправительного воздействия «в соответствии с ленинским указанием об «исправлении исправимых», по отношению к этой категории преступников перед судебными органами должна обязательно стоять задача перевоспитания»¹. Впервые были выдвинуты требования о необходимости документальной проверки возраста обвиняемого в процессе следствия, обязательного установления не только факта совершения конкретного преступления, но и среды, семейно-бытовых и материальных условий, а также лиц, подстрекавших подростков к совершению преступлений или создававших условия для них.

К прогрессивным моментам относилось и то, что несовершеннолетние правонарушители, подвергнутые аресту, изолировались от взрослых в специально приспособленных для этого помещениях; не допускалось пребывание подростков в приемниках-распределителях более одного месяца.

Деятельность ИУ для несовершеннолетних правонарушителей была направлена не только на решение задач карательно-воспитательного воздействия на лиц, совершивших преступления, она также была призвана обеспечить продолжение процесса общего воспитания, компенсировать его недостатки, имевшие место на предшествующих этапах жизни подростков².

В законодательстве отмечалось, что в рамках ВТК должны решаться задачи, обес-

печивающие правопослушное поведение подростков, а также исключение повторного совершения ими преступных деяний.

В ИТК РСФСР 1933 г. подчеркивалось, что при отбывании подростками наказаний необходимо изучать и оценивать социальную опасность преступника, обстоятельства правонарушения и т.п. Это поможет выявлению наиболее эффективных методов исправления. Первостепенное значение при этом придавалось учебно-воспитательному комплексу, состоявшему из общеобразовательного и профессионально-технического обучения, внеучебной общественной и индивидуальной воспитательной работы.

Однако на практике часто деятельность пенитенциарной системы по исправлению несовершеннолетних осужденных в исследуемый период сводилась в основном к усвоению подростками необходимого объема знаний и профессиональных навыков, правил и норм поведения в обществе, а также формированию привычек следовать им.

Совет Народных Комиссаров отмечал, что участие несовершеннолетних осужденных в собственном перевоспитании через систему самоуправления, исправление производственным трудом, обязательным обучением с применением наглядности, организация и проведение культурно-эстетических мероприятий вовлекут подростков в процесс самообразования, будут способствовать их честной трудовой жизни после освобождения.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что в предвоенный период меры уголовно-судебного воздействия в отношении несовершеннолетних были усилены. Это выражалось в следующем:

- до 14 лет понижился возраст наступления уголовной ответственности за преступления, не перечисленные в Законе от 7 апреля 1935 г.;

- отменено установившееся в судебно-следственной практике положение об исключении уголовной ответственности подростков с 12 лет в случае совершения ими по неосторожности перечисленных в Законе от 7 апреля 1935 г. преступлений;

- введена уголовная ответственность несовершеннолетних за действия, которые могут вызвать крушение поезда, за нарушение учащимися ремесленных и железно-

¹ УК РСФСР. 8-е изд. М., 1936. С. 71.

² См. об этом: ИТК РСФСР. М., 1933. Ст. 16.

дорожных училищ, школ ФЗУ дисциплины или самовольный уход из них.

Оценивая государственную политику в этот период, следует подчеркнуть, что большинство колоний находилось в очень тяжелом положении из-за перебоев в снабжении продовольствием и вещевым имуществом. Основные базы поставщиков, расположенные на территории, занятой противником, и прифронтовой полосе, прекратили свое существование.

В последующем (в апреле 1953 г.) отдел детских колоний, детские колонии и приемники-распределители были переданы в ведение Минюста СССР, а позднее включены в ГУЛАГ Минюста СССР. В этот период руководство учебно-воспитательной работой, производственным обучением, организацией режима и комплектованием детских колоний, а также работой приемников было возложено на специально созданное в ГУЛАГ Управление детских колоний.

Важным мероприятием того времени, направленным на исправление несовершеннолетних правонарушителей, стало создание детских трудовых воспитательных колоний (ДТВК). Постановлением СНК СССР «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» от 15 июня 1943 г. НКВД СССР было предложено в дополнение к колониям, предназначенным только для несовершеннолетних осужденных, организовать трудовые воспитательные колонии для беспризорных детей, неоднократно замеченных в мелком хулиганстве. Порядок направления и сроки пребывания воспитанников в этих учреждениях были предусмотрены Инструкцией НКВД, НКЮ и Прокуратуры СССР от 21 июня 1943 г. Указанные учреждения являлись воспитательными заведениями закрытого типа, в которые направлялись дети и подростки в возрасте от 11 до 17 лет, совершившие малозначительные преступления, в отношении которых судебными или следственными организациями было признано нецелесообразным применение уголовного наказания.

Так, в 1943 г. было создано 13 ДТВК с общим количеством осужденных подростков 7 тыс. человек в возрасте от 12 до 16 лет.

В период Великой Отечественной войны был проведен еще ряд мероприятий, направ-

ленных на совершенствование исправительной работы с несовершеннолетними преступниками, их трудоустройство, а также на создание новых и реорганизацию существовавших специальных детских учреждений. Постановление СНК СССР «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников ТК НКВД СССР, детских домов, а также оставшихся без родителей» от 26 июня 1943 г. устанавливало, что наркоматы просвещения союзных республик и НКВД СССР должны направлять на учебу и работу воспитанников детских домов, трудовых колоний, приемников-распределителей, оставшихся без родителей, по разверстке комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР.

В послевоенные годы законодательство и иные нормативные акты, касающиеся вопросов исправления несовершеннолетних осужденных, отражали тенденцию дифференцирования форм борьбы с правонарушениями подростков в зависимости от степени их опасности.

Так, в 1947 г. был принят ряд мер по реорганизации режима отбывания наказаний: акцент делался на то, что основная задача колоний для несовершеннолетних – обеспечение перевоспитания осужденных. Восстановился не просто довоенный порядок содержания подростков, но и вводились некоторые элементы прогрессивной системы отбывания наказаний, что для того времени имело немаловажное значение.

Семнадцатого февраля 1948 г. было издано Постановление Пленума Верховного суда СССР о применении к несовершеннолетним Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» от 4 июня 1947 г. Нередко встречались случаи воровства в подростковом возрасте, вызываемые не корыстными потребностями, а скорее, выступавшие в форме детского озорства. В связи с этим Пленум указал, что в случае совершения подростком в возрасте 12–16 лет хищения незначительных размеров суды должны ставить на обсуждение вопрос о прекращении дела и ориентироваться на применение к нему мер воспитательного воздействия. При этом в приговоре или определении суд указывал, что осуществление повседневного надзора за поведением и

воспитанием осужденного подростка возлагается на органы народного образования, опеки или на родителей.

Улучшению работы по исправлению несовершеннолетних способствовали также приказ Генерального прокурора СССР «Об усилении прокурорского надзора по делам несовершеннолетних» от 14 июля 1956 г. и изданные в его развитие методические указания, в которых отражались возросшие требования к содержанию процесса перевоспитания осужденных подростков. Прокурорским работникам указывалось на необходимость строго дифференцированного подхода к оценке правонарушений несовершеннолетних и при этом рекомендовалось не ослаблять борьбу с наиболее опасными преступлениями: умышленными убийствами, разбоями, насилием, злостными хулиганствами, – и в то же время *не привлекать несовершеннолетних к уголовной ответственности за незначительные преступления*. Одновременно рекомендовалось также обращать внимание на выяснение *по каждому делу личности подростка, его семейно-бытовых условий, поведения в школе, по месту жительства или работы, отношения к нему родителей*.

Восьмого августа 1956 г. МВД и Прокуратура СССР издали Инструкцию, которая регламентировала порядок направления детей и подростков в места лишения свободы. Она во многом способствовала упорядочению работы колоний, определению их задач и роли в системе воспитательных мер, а также регламентировала школьное обучение, профессиональное образование, труд, политическую и учебно-воспитательную работу, организацию детского коллектива и внутренний режим учреждений. Согласно Инструкции выпуск воспитанников из колоний проводился по постановлению учебно-воспитательного совета, утвержденного МВД РСФСР.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что в рассматриваемый период государством были созданы следующие типы исправительных заведений для несовершеннолетних осужденных:

– *ВТК*, предназначавшиеся для несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы;

– *трудовые колонии строгого режима*, куда направлялись подростки, злостно нарушавшие режим или совершавшие преступления в местах лишения свободы.

Господствовавшие в 1936–1957 гг. командно-административные методы руководства исправительной системой неоднократно приводили к принятию необдуманных или научно необоснованных решений, игнорировавших предшествующий опыт. В результате значительно осложнялась обстановка в местах лишения свободы и наносился непоправимый ущерб организации процесса исправления несовершеннолетних осужденных. Однако необходимо отметить, что в рассматриваемый период была создана стройная система учреждений, предназначенных для исправления несовершеннолетних правонарушителей. Образование такой системы сделало руководство этими заведениями более оперативным, обеспечило условия для непосредственного контакта с заключенными преступниками, а также повысило ответственность за состояние дел в учреждениях, позволило правильное организовывать процесс исправления и перевоспитания малолетних преступников.

В колониях начали функционировать учебно-производственные мастерские, профессионально-технические училища, средние общеобразовательные школы, создавались необходимые условия для проведения политико-воспитательной, культурно-массовой и физкультурно-спортивной работы.

Однако нельзя не отметить, что многие законодательные и правоприменительные акты того периода носили карательный характер в отношении подростков, совершивших противоправные деяния (в частности, Закон от 7 апреля 1935 г.).

Изучение существовавших в пенитенциарных учреждениях Советской России условий и средств исправления несовершеннолетних осужденных заслуживает серьезного внимания, т.к. в этот исторический период имелись прогрессивные идеи, однако реализовать их на практике не всегда удавалось. Это было связано с тем, что политика государства носила карательный характер, исправление в ВТК часто строилось без учета характеристики объекта воздействия.

Т.В. Мартынова,
старший преподаватель кафедры
юридических дисциплин
Краснодарского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

РАЗВИТИЕ ТЮРЕМНОЙ СИСТЕМЫ КУБАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Начиная с последней четверти XVIII в. тюремное заключение играет значительную роль в осуществлении карательной политики Российского государства.

К концу 1860-х гг. в Кубанской области действовали следующие тюремные заведения: в Екатеринодаре – войсковой острог и городская тюрьма при полицейском участке; в Ейске, Майкопе и Темрюке – городские полицейские тюрьмы; при бригадных и полковых штабах имелись гауптвахты, в станицах – помещения для заключения мелких правонарушителей при станичных правлениях; в пяти станицах – войсковые тюрьмы. Общий надзор за тюремной системой осуществлял начальник Кубанской области. Дела по хозяйственному управлению и нравственному воспитанию находились в ведении Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета.

Войсковые тюрьмы содержались в основном за счет Кубанского казачьего войска, городские финансировались из городских сумм, станичные – из средств местных обществ. Содержание арестантов в тюрьмах обеспечивало соответствующее ведомство (государственная казна, Кубанское войско или военное ведомство)¹. Директорам Екатеринодарского войскового тюремного комитета вменялось платить ежегодно пожертвования согласно Уставу содержания под стражей. Так, в течение ноября 1867 г. поступило пожертвований на сумму 125 руб. серебром². Часть денег в пользу содержащихся под стражей поступала из «соборных кружек», учрежденных при станичных Приходских церквях Кубанского войска³. Кроме того, принимались приношения от населения для арестантов и часовни при Екатеринодарском войсковом

остроге: «... от генерал-майора Борзика – образ Божьей матери, хорунжего Вигини-вестского – кадильница металлическая...»⁴.

Приказом по военному ведомству от 6 августа 1870 г. определялось, что главнокомандующий Кавказской армией в соответствии с местными условиями должен избрать пункты, где необходимо открыть войсковые тюрьмы. Их список вместе с предполагаемыми штатами служителей предписывалось представить на рассмотрение военного министра. Приказом по Кавказскому военному округу разрешалось учредить с 1 января 1871 г. войсковые тюрьмы в станицах Полтавской, Ладожской, Прочноокопской, Уманской, Отрадной, Лабинской и Баталпашинской (в этих станицах, кроме двух последних, тюрьмы имелись и раньше). В эти тюрьмы следовало перевести заключенных из ряда упраздненных бригадных и полковых гауптвахт. При каждой тюрьме образовывалась стража из 2 урядников и 50 казаков. Двадцать пятого февраля 1871 г. во все вновь учреждаемые войсковые тюрьмы были назначены смотрители. В марте 1874 г. Военный совет утвердил решение об открытии войсковой тюрьмы в станице Крымской. Вместимость тюрем составляла от 15 чел. в Баталпашинской до 240 чел. – в Екатеринодарской (после постройки новой тюрьмы).

В последующие годы ряд войсковых тюрем упраздняется: в начале 1880-х гг. – Полтавская, в 1885 г. – Прочноокопская, затем Уманская и Отрадненская, в 1893 г. – Крымская. Еще в 1877 г. войсковая тюрьма из станицы Ладожской была переведена в станицу Усть-Лабинскую: здесь для тюрьмы в 1880 г. построили специальное здание на 100 арестантов. В середине 1880-х гг. открылась Армавирская войсковая тюрьма. Необходимость в тюремных помещениях привела к созданию в 1889 г. Новороссийской городской тюрьмы.

Вместе с ростом численности населения Кубанской области увеличилось и число заключенных. Особенно быстро этот процесс шел в первой половине 1870-х гг.: в 1871 г. в тюрьмах Кубанской области насчитывалось 455 арестантов, в 1872 г. – 711, в 1873 г. – 983, в 1874 г. – уже 1075 (цифры даются на начало года). В следую-

¹ См.: ГУ Краевой государственный архив, ф. 461, оп. 1, д. 4.

² См.: там же.

³ См.: там же. Д. 7.

⁴ ГУ Краевой государственный архив, ф. 461, оп. 1, д. 4.

щие два десятилетия количество заключенных уже не росло так быстро и не превышало обычно 1500 чел.

О положении дел в тюрьмах Кубани свидетельствует переписка начальника Кубанской области с Главным управлением наместника Кавказского по поводу циркуляра МВД от 16 февраля 1874 г. № 21. Данный документ предписывал следующий порядок содержания заключенных: постоянно запертые двери камер, проветривание камер дважды в день во избежание болезней, выведение арестантов на прогулки по разрядам. Начальник Кубанской области ходатайствовал о приостановлении действия документа до устройства тюрем, «вполне соответствующих своему назначению, т.к. имеющиеся тюрьмы были переполнены, а здания не вполне приспособлены под тюремные нужды». Интересно, что ходатайство отклонили на том основании, что «недостатки тюрем в Кубанской области... составляют явление общее во всей империи»¹.

Главной тюрьмой Кубани считался Екатеринодарский войсковой острог (Екатеринодарская войсковая тюрьма). К 1868 г. здесь действовали три отделения. В так называемом старом остроге, построенном еще в начале XIX в., имелось две арестантских камеры и камера для содержания заключенных из числа дворян и офицеров. Семь камер насчитывало новое отделение. В связи с обращением вице-президента Войскового тюремного комитета наказного атамана Кубанского казачьего войска графа Ф.Н. Сумарокова-Эльстон в Екатеринодарское духовное правление с просьбой «... обратить внимание на исправление нравственности содержащихся в Екатеринодарском войсковом остроге...» здесь же была приспособлена одна из камер «... для постоянных занятий христианскими требами». Исполнение пастырских обязанностей было возложено на соборного священника В. Белякова.

В рапорте казначея Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета купца М. Калашникова, посетившего Главную войсковую тюрьму в январе 1868 г., описаны условия содержания заключенных в остроге и перечислены жалобы арестан-

тов: дурная пища, смотритель не выдает теплой одежды заключенным, им не разрешают пользоваться баней, мало отпускается дров на отопление камер. Многие жалобы Калашников счел обоснованными².

В войсковом остроге содержались арестанты-казаки и лица гражданские, осужденные за более или менее серьезные преступления. «Маловажные» арестанты из гражданских лиц содержались в Екатеринодарской городской тюрьме. Сюда же переводили заключенных из острога в случае переполнения последнего. Размещалась она в здании городского полицейского управления, арендуемого у частного лица. В рапорте Екатеринодарского полицмейстера отмечалось: «... помещение, занимаемое городской тюрьмой по несоразмерному числу арестантов, крайне не соответствует в гигиеническом отношении».

Все возраставшее количество заключенных поставило вопрос о строительстве в Екатеринодаре нового тюремного здания. В 1868 г. был объявлен торг на подряд на его сооружение «из жженого кирпича, по утвержденным Его Императорским Высочеством Главнокомандующим Кавказскою армией проектам и сметам, суммою на 281,828 руб. 233/4 коп.». Постройку планировалось осуществить за четыре года и закончить к 15 октября 1871 г. При проектировании тюрьмы учитывался опыт европейских тюрем. Однако по разным причинам сооружение тюремного замка затянулось. В 1874 г. строительство возглавил областной архитектор В.А. Филиппов. Под его руководством 26 июня 1876 г. Екатеринодарская войсковая тюрьма была открыта. Находилась она в 5 верстах от города. К началу 1880-х гг. в ней насчитывалось семь отделений, в том числе два двухэтажных корпуса для содержания арестантов: первый – корпус общих арестантских палат из 27 комнат, второй – для одиночных заключенных на 60 камер, для женщин-заключенных предназначался кирпичный одноэтажный флигель. На территории тюрьмы располагались здание для размещения служащих, баня, прачечная. Имелся также лазарет на 8 мест для оказания предварительной медицинской помощи.

¹ Комарова Л.В. Исторические предпосылки становления и развития системы исполнения наказаний в царской России: Лекция. Краснодар, 2003.

² См.: ГУ Краевой государственный архив, ф. 461, оп. 1, д. 6.

В большинстве же кубанских тюрем ситуация оставляла желать лучшего. Так, в Майкопе к 1874 г. имелось три тюремных помещения: полковая гауптвахта, городская полицейская тюрьма и вольнонаемный дом, приспособленный к заключению срочных арестантов. Общая их вместимость составляла 50 чел., содержалось же в 2,4 раза больше – 122 чел.; санитарная обстановка здесь была весьма тяжелой, т.к. городское управление отказывало заключенным в праве пользоваться городской баней, а при тюрьмах не имелось бани, способной пропустить такое количество арестантов. Учрежденная в 1862 г. Ейская городская тюрьма была рассчитана на 30 чел., постепенно же число арестантов выросло до 130–140 чел., не считая заключенных, переводимых сюда из Уманской войсковой тюрьмы на время сессий окружного суда. Приходилось арендовать дополнительное помещение, но и оно переполнялось.

Особенно тяжелое положение в 1870-х гг. сложилось в Прочноокопской войсковой тюрьме. В отчете о состоянии Кубанской области за 1880 г. ее состояние охарактеризовано так: «Здание... совершенно ветхое, из сырцового кирпича. По кубическому содержанию воздуха оно устроено на 31 че-

ловека, а бывает до 150 человек и весьма редко менее 70. Увеличивающаяся сырость и душливая атмосфера вызывают настоятельную потребность в постройке нового здания...». В таком состоянии тюрьма существовала еще 5 лет и в конце 1885 г. «по совершенной ветхости здания» ее закрыли, а арестантов временно отправили в Усть-Лабинскую и в Отраденскую войсковые и Армавирскую сельскую тюрьмы.

Кардинальных изменений не произошло и к моменту перехода тюремной системы в ведение Министерства юстиции. «Из существующих тюремных зданий можно признать удовлетворительными только Екатеринодарскую, Армавирскую и Усть-Лабинскую, остальные же по непригодности и тесноте помещений не удовлетворяют своему назначению... в них содержится арестантов в два и три раза более против нормы, а в Баталпашинской тюрьме – иногда в девять и десять раз», – говорилось в отчете начальника области за 1895 г. К этому времени войсковые тюрьмы Кубани уже были переданы в гражданское ведомство. Осуществить безвозмездную передачу тюрем со всем их имуществом в казну предлагалось до 1 января 1895 г.

О.А. Машкина,
*старший преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин
Кузбасского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат филологических наук, доцент*

ОБРАЗЫ СОТРУДНИКОВ НКВД И МОТИВ «ВЛАСТИ» В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ М. ПРИШВИНА)

Одним из главных событий первой пятилетки стало строительство Беломоро-Балтийского водного пути, вызвавшее не только отклик у политиков и историков, но и ставшее темой многих литературных обзоров, очерков, романов и т.д. Следуя партийной установке, подчеркивая ее значимость и оправдывая затраченные средства и человеческие усилия, группа писателей во главе с М. Горьким в 1934 г. выпустила в свет книгу «Беломоро-Балтийский

канал им. Сталина», которая впоследствии была уничтожена и изъята из всех библиотек из-за того, что многие авторы были репрессированы.

Строительство Беломоро-Балтийского канала в угоду советской идеологии расценивалось авторами как «одна из наиболее блестящих побед коллективно организованной энергии людей над стихиями природы севера»¹. Одновременно «это отлично удавшийся опыт массового превращения бывших врагов пролетариата-диктатора... в квалифицированных сотрудников рабочего класса»². Не забыли авторы упомянуть и имя М.М. Пришвина, правда, в довольно двойственном контексте: «В одном купе

¹ Беломоро-Балтийский канал им. Сталина. М.: ОГИЗ, 1994. С. 12.

² Там же.

человек в длинной серой шинели внимательно читает книгу Пришвина»¹. Не совсем понятно, для чего это было нужно: то ли для того, чтобы подчеркнуть культурный уровень «людей в серых шинелях», то ли, чтобы сделать акцент на неблагонадежности М.М. Пришвина, который не принял участия в создании книги. Скорее всего, в подтексте подразумевалось и то, и другое.

Интересен сам факт посещения М.М. Пришвиным строительства Беломоро-Балтийского канала. Дело в том, что он поехал туда не с группой писателей, а индивидуально. Результатом поездки стал очерк для «коллективной» книги, который был отвергнут редакцией по неизвестным, но вполне понятным причинам. Он был опубликован позднее в сборнике «Отцы и дети» (1937 г.). Этой теме был посвящен и роман всей жизни М. Пришвина.

Роман «Осударева дорога» можно толковать как раздумье над «великим сталинским планом преобразования природы», частью которого были каналы и грандиозные котлованы. М.М. Пришвин хотел осмыслить это, чтобы избежать забвения, и тем самым предвосхитил восклицание А. Солженицына (по поводу Беломорканала): «Боже! На дне какого канала утопить нам *это* (курсив наш. – О.М.) прошлое?!»².

«Новые» люди («начальники», «имеющий власть» – в подтексте сотрудники НКВД) преследуют цель запереть падун. На борьбу с падуном, бесцельно расточающим свою энергию, сила власти собирает множество людей, тратящих свои силы и энергию для выполнения чьей-то воли. Эти люди («каналоармейцы») сравниваются с брызгами и каплями, которые проходят через «падун», падают и исчезают, сливаясь в общем потоке. «Они проходят бесцельной очередью и так же исчезают потом, как брызги водопада»³. Как брызги, и люди, попавшие на канал, вовлечены в этот процесс насильно, не по собственной воле, а по необходимости. Рядовые строители канала связаны с падуном, с во-

дой общей темой «движения – падения». «Начальница» Уланова «падение» однозначно связывает с утратой нравственности: «Было странно Улановой, что эти люди в своем падении, теряя образ человеческий, сами называли себя леопардами, медвежатниками..., как будто вся природа была явлением падения чего-то великого, что называется у нас человеком»⁴. Другой герой, «начальник» Сутулов, считает этот процесс вполне нормальным: «... оно теперь так и пойдет: тысяча за тысячей, и повалится к нам человек, как вода в падуне»⁵. Этими героями принимается насильственное вовлечение в поток капель-людей: человек, чтобы преодолеть это, должен преодолеть себя, как Зуек (от обиды выйти к неоскорбленному состоянию души). Автор связывает процесс «падения» с темой «власти». Возникает возможность сопоставления: «падуна», естественно-го властителя воды, с «имеющим власть», который обладает силой вершить судьбы тысяч людей. Писатель размышляет о власти, создающей падун из людей. Человек, словно вода в падуне, «падает», «разбивается», «выпадает», «проходит через пороги», чтобы слиться в потоке общего труда.

Именно при исследовании темы «власти» в художественной манере писателя проявились отголоски идей символистов. В «Осударевой дороге» приводится историческая параллель между современностью (30-е гг. XX в.) и эпохой Петра I, которую В. Соловьев характеризует как «эпоху преобразований»⁶, а его дело «самым полезным и необходимым». Философ оправдывает Петра потому, что он «был недостаточно человек», он «был похож на великанов мифических»⁷. В. Соловьев видит положительное начало его деятельности в том, что «жестокое преследование раскольников... прекращены Петром, который объявил, что «над совестью людей властен один Христос»⁸. М.М. Пришвин в романе исследует именно эту историческую ситуацию.

⁴ Пришвин М.М. Указ. соч. С. 62.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Соловьев В. Несколько слов в защиту Петра Великого // Соловьев В. Литературная критика. М., 1990. С. 331.

⁷ Там же. С. 337.

⁸ Там же. С. 340.

¹ Беломоро-Балтийский канал им. Сталина. С. 247.

² Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 6. С. 102.

³ Пришвин М.М. Осударева дорога // Собр. соч.: В 8 т. М., 1984. Т. 8. С. 61.

Если В. Соловьев оправдывает дело Петра высшей необходимостью, интересами государства, то М.М. Пришвин не может снять трагический мотив. «Осударева дорога» для него – это, прежде всего, место гибели людей («Что тут народа легло!»), «место священного народного труда». Именно в петровскую эпоху возникает в сознании народа образ «Осударевой дороги». М.М. Пришвин показывает начало и конец Выгореции, связанный с усилением диктаторского начала в системе государственной власти.

В стройной системе устоявшихся образов, мотивов, понятий никак не определялось место темы «власти», не представлялось возможным включить ее в какие-либо этические границы. Именно попытка дать мифологическое толкование этого понятия привела писателя к философскому осмыслению темы «власти». М.М. Пришвин понимал, что когда речь идет о деле новом, необычном, то появляется потребность изложить его суть в категориях, исключающих привычные ассоциации, требующих особой символики. Это происходит, когда этический и мифологический аспекты объединяются в новой индивидуальной надфабульной идее. Наиболее полно такую трансформацию темы «власти» отражает текст «Осударевой дороги». События, изображаемые в романе, еще раз доказывают, что «движение может идти не только от хаоса к космосу, но и от космоса к хаосу»¹. В ткани художественного текста это просматривается особенно явно, когда «хаос» и «космос» становятся понятиями синонимичными, т.к. «новые» люди – «носители прогресса» – вносят в привычный «космос» староверов хаотическое, разрушительное начало. Действия современных «начальников» внешне повторяют и продолжают «дело Петра» (Беломоро-Балтийский канал проходит по осударевой дороге). Таким образом, у автора появляется возможность дать оценку современности через петровскую эпоху. Он выбирает одно и то же место действия – пространство, но разные временные эпохи, разделенные веками. Тем самым как бы предпринимается попытка

сравнения: кто же гуманней – Петр или современные строители? Это позволяет писателю сказать в прошедшем времени о том, что происходит в настоящем.

Функцию символа в произведении выполняют и другие образы, связанные с темой «власти», – это образы «начальников» (Сутулов и Уланова). Сутулов – пример персонажа, у которого не только отсутствует предыстория, но и по отношению к которому писатель совершенно не применяет прием интроспекции (т.е. авторской проверки субъективного мира героя). В романе отсутствует всякий намек на его прошлую жизнь, чего не скажешь об Улановой. Сутулов сообщает о себе лишь то, что он выходец из старообрядческой среды («Я сам... вышел из старообрядцев»²). Сутулов соотносится с мифологическим царем Соломоном (так его называет Сергей Мироныч)³. Такое сравнение обостряет ощущение противоречивости характера этого героя. С одной стороны, в древней мифологии Соломон – это мудрый царь-строитель⁴, а с другой – «Соломон... разрывался между послушанием Богу и грехом»⁵. Сравнение с царем Соломоном возвышает героя, но судьба библейского персонажа является как бы предупреждением современному строителю: «Возгордившийся своею властью над духами Соломон был наказан»⁶. В мифологии речь идет о различных категориях природных духов: земли, воздуха, воды, леса, гор и т.д. В романе Сутулов является покорителем лишь трех: леса, скал, воды.

Различные мифологические источники повествуют о роли царицы Савской в жизни и судьбе царя Соломона. М.М. Пришвин не отступает от сложившейся традиции. Место царицы Савской в романе занимает М. Уланова – соратница в «государственном деле», а впоследствии и спутница жизни Сутулова. Этот образ вызывает различные ассоциации: Мария – Марья Моревна – царица Савская. Аналогия персонажей романа с библейскими ге-

¹ Большой путеводитель по Библии. М., 1993. С. 223.

² Пришвин М.М. Указ. соч. С. 39.

³ См.: там же.

⁴ См.: Большой путеводитель по Библии. С. 407.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 112.

роями позволяет автору подчеркнуть их противоречивость и прояснить их духовную, нравственную состоятельность по отношению к законам бытия. Кроме того, имена героев всегда несут особую смысловую нагрузку, являются выражением иного пласта повествования, определяют внутреннюю сущность персонажей, зависят от общего замысла и раскрываются в процессе анализа произведения. Символическая наполненность имен пришвинских персонажей позволяет обратиться к теории символистского романа. С точки зрения исследователя, «в произведениях русских символистов иноязычные имена обычно указывают на связь образов с мифологическими и неомифологическими текстами различных национальных культурных традиций (контекст). Благодаря соотносительности таких художественных произведений с мифологическими традициями возникает эффект символистского значения»¹.

Для «производственных» романов той эпохи (1930–40-е гг.) характерным было обращение к всеобъемлющему и закономерному значению власти, что подчеркивалось обязательным наличием среди ее представителей мужчины и женщины, «которые лишь суть два полюса власти, мужское и женское в ней начало»². Считается, что мужское начало связано с той стихией, которая умеет лишь покорять и повелевать, а любить и сострадать – это участь женщины. К проблеме «женщина и власть» М.М. Пришвин обращается в своих *Дневниках*. Женское начало как категория социокультурная проходит в его творчестве эволюцию, имманентную самому художнику. В период увлечения символизмом у писателя формируется образ женщины будущего, которая «мать, сестра, невеста, в сердце рядового, в его смятенной, смущенной душе рождается образ Прекрасной Дамы»³. Затем эта тема углубляется, и речь идет уже о существовании особой власти женщины и об осмыслении «женственности» вообще. В сознании художника происходит ломка

сложившихся стереотипов, подразумевающих под «женственным» «робкое, покорное существо», тогда как сущность женщины – «непокорность, господство и властолюбие»⁴. Суть его Марьи Моревны заключается именно в этом. Она пленяет своей красотой, дающей ей власть над другими, т.к. «высшая власть на земле – красота». По мнению М.М. Пришвина, «женщина – это носительница глубокого, стихийно-личностного начала, а мужчина – общественного – логического (прямой)»⁵. В «Осударевой дороге» он попытался соединить эти два начала в органическом единстве, которого требовала сама жизнь, поэтому деловое сотрудничество героев (Сутулов и Уланова) переходит в «родовой союз». Соответственно с классификацией писателя: «Есть два основных фактора человеческих союзов: пол (родовой союз) и смерть (духовный союз). Чтобы образовалась духовная связь, нужно умереть для пола, рода, собственности. И если хочешь проповедовать коммуны, то нужно Христа проповедовать»⁶.

Идею власти в широком смысле писатель рассматривает с нравственных, этических позиций. Власть, основанная на подчинении и деформации, кажется ему силой проявления «греха» и «самообмана»: «Вопят о необходимости власти, и в то же время никто не хочет ей добровольно подчиняться. Нет, власти не хотят, палки хотят для ближнего, а для себя хотят власти, чтобы властвовать. Властвующие ищут властных, а эти ищут властвующих»⁷. Причем ломается, разрушается не только личность «подчиняемая», но и «подчиняющая» тоже. В *Дневниках* писатель решает эту проблему диалектически, создает свою «теорию власти», собственную классификацию по основным признакам. Он считает, что по своей природе власть делится на две разновидности. Во-первых, это власть «от личности», т.е. свободная, добровольная, доверительная; во-вторых, – власть, основанная на «захвате», требующая подчинительных отношений. Последняя является властью государственной тирании, «бюро-

¹ Галанов Б. Валентин Катаев. Размышления о мастере и диалог с ним. М., 1989. С. 149.

² Скорино Л. Писатель и его время. Жизнь и творчество В.П. Катаева. М., 1965. С. 336.

³ Пришвин М.М. Указ. соч. С. 66.

⁴ Пришвин М.М. Указ. соч. С. 77.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ Там же. С. 121.

кратической механизации». Иллюстрация к этой теории представлена в «Осударевой дороге». Сущность власти пытается постигнуть главный герой – ребенок Зук. Люди, представляющие для него авторитет (Сергей Мироныч, Марья Мироновна и «Марья Моревна»), объяснить этого не могут. Подчиняясь своему детскому воображению, он пытается самостоятельно разгадать эту загадку. Сначала воплощением власти кажется ему «прекрасный начальник Сутулов» с петличками и пистолетом (главными атрибутами власти). Его ребенок принимает за образец и пытается подражать, но этот путь приводит героя к лжи и обману (случай с завалом). Ребенок интуитивно чувствует, что власть Сутулова не праведна, что для обладания ей нужно отказаться от себя, потерять «птичку-душку». Он становится свидетелем того, как в критические моменты власть переходит к бродяге Куприянычу, спасающему людей. В такие моменты Куприяныч оказывается выше «самого» Сутулова, а как это происходит, понять пока ребенок не может.

Так, интерпретация темы «власти» в романе меняется и переходит из понятия социально-идеологического уровня в понятие нравственно-философского уровня. Это бесконечное варьирование мотива «власти» на сравнительно коротком пространстве дискурса сообщает ему характер навязчивой идеи, идеи универсальной и абсолютной, т.к. она не имеет отношения ни к кому, в частности, и имеет отношение ко всем.

Это впечатление усиливается сравнением Сутулова с «термометром Реомюра», которому «ни тепло, ни холодно» в слепом исполнении чьей-то воли. Художник пытается выяснить причины проявления таких «реомюров»: «Молодостью, невежеством при коротенькой политической натаске объясняется возникновение такого множества негодяев среди партийцев»¹. У него возникает сомнение по поводу «новых» людей, носителей идей «новой» эпохи, для которых родственными оказываются понятия «созидание» и «завоевание», «сотворение» и «покорение» и др.² Одновременно с

этим автор «Осударевой дороги» понимает, что все они лишь «маленькие винтики» в системе «бюрократической механизации», что над ними есть нечто, способное привести их в действие. Сила эта – «государственное принуждение», охватившее личность «кащеевой цепью» (страх перед властью)³. М.М. Пришвин связывает это с общенациональным кризисом, когда система государственной власти опирается на искусственно созданный социальный миф. Таким образом, семантическое поле темы «власти» (как и многих других у М.М. Пришвина) строится по принципу «секвенции» – повторение одного и того же мотива на различных стадиях обобщения. Тема и идея «власти» демонстрируют характерный для мифологического сознания способ объяснения мира и раскрывают неизбежно возникающую при таком способе социальную демагогию, скрывающую стремление желаемое выдавать за действительное.

Если попытаться обобщить основные контуры процессов, происходящих в литературном процессе середины XX в., то представится общая закономерность. Во главе всех строек века, описанных писателями-«профессионалами», стоят «новые» люди, «призванные партией и народом», в подтексте читаем – в основном сотрудники правоохранительных органов. Именно они и оказались под прицелом оценочной ситуации, когда трудно прийти к однозначному выводу. Пытаясь передать чисто внешние, формальные моменты в героях своих произведений, многие писатели (даже узкосоциологизированных, компромиссных взглядов) впадали в крайность и уходили от истинной сути в их изображении, часто не учитывая того, что сотрудники НКВД не всегда являлись палачами, вернее, «палачами поневоле», что для многих из них служба в системе оборачивалась сломанным характером, жизнью, судьбой, драмой земного существования. Слепая вера в торжество высшей идеи часто приводила к ортодоксальным перегибам, и они сами оказывались в самом горниле социальной мясорубки.

¹ Пришвин М.М. Указ. соч. С. 66.

² См.: там же. С. 211.

³ См.: Пришвин М.М. Указ. соч. С. 227.

И.Н. Федотова,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук

**КОМИТЕТЫ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО
О ТЮРЬМАХ: ЗАДАЧИ, СОСТАВ,
ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ
ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.)**

История российской тюремной благотворительности ведет отсчет с 1819 г., когда в нашей стране по примеру западноевропейских государств было создано Общество попечительное о тюрьмах¹. Оно стало первой в России филантропической организацией, учрежденной в целях оказания помощи заключенным. Центральные управленческие структуры Общества располагались в Петербурге, а на местах действовали губернские и уездные попечительные о тюрьмах комитеты. Общество просуществовало вплоть до революции 1917 г., т.е. в течение целого столетия. Приходится, однако, признать, что деятельность Общества до сих пор не привлекала к себе пристального внимания исследователей. Иными словами, этот сюжет истории отечественной уголовно-исполнительной системы пока остается малоизвестным.

Автор настоящей публикации поставил перед собой цель изучить текущую работу попечительных о тюрьмах комитетов на местном уровне в масштабе одной губернии. Нижняя хронологическая граница исследования определяется временем создания этих комитетов, а верхней границей служит 1851 г., когда в соответствии с новым Уставом Общества оно превратилось из частной благотворительной организации в государственное учреждение, т.е. приобрело другой статус².

Использованные автором источники можно объединить в две группы. Это нормативные акты и делопроизводственная документация. Из нормативных актов представляют интерес указ императора

Александра I об учреждении Общества попечительного о тюрьмах, подписанный в 1819 г., и утвержденные одновременно с указом Правила, которыми Общество руководствовалось в своей работе. Делопроизводственная документация относится к числу неопубликованных источников и содержится в фондах Государственного архива Владимирской области. Данный материал включает годовые отчеты губернского и уездных комитетов, списки их личного состава, протоколы заседаний комитетов, переписку губернского комитета с президентом Общества попечительного о тюрьмах и с уездными комитетами, а также рапорты, которые составлялись членами комитетов либо тюремной администрацией по поводу управления местами лишения свободы.

Согласно Правилам Общества попечительного о тюрьмах в его задачу должно было входить решение таких вопросов, как разделение заключенных по половозрастному признаку и по характеру совершенных преступлений и размещение разных категорий отдельно друг от друга; нравственное исправление осужденных; их трудоустройство; надзор за соблюдением внутреннего распорядка в местах лишения свободы и применение взысканий по отношению к нарушителям дисциплины³.

Обозначенная компетенция уже сама по себе шире того, на что может рассчитывать благотворительное учреждение. Тем более примечательно, что вскоре после образования Общества государственная власть стала поручать ему все новые и новые функции. Сначала в ведение Общества были переданы казенные деньги, выделяемые на отопление и освещение тюрем, а затем – и средства, ассигнуемые на продовольствие, одежду и лечение заключенных⁴. Таким образом, филантропическая организация приобрела весьма значительный объем полномочий, на осуществление которых ей предоставлялись деньги из казны. Это позволяет говорить о том, что роль, отведенная российскому Обществу попечительному о тюрьмах, изначально расходилась с традиционным пониманием благотвори-

¹ См.: Печников А.П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. М., 2004. С. 242.

² См.: там же. С. 244.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 36. № 27895.

⁴ См.: Печников А.П. Указ. соч. С. 242.

тельности. Занятую правительством позицию легко объяснить, если учесть невысокий уровень, на котором к тому моменту находилось тюремное дело. С помощью Общества власти предполагали упорядочить управление местами лишения свободы и урегулировать хозяйственные проблемы, накопившиеся в уголовно-исполнительной системе.

Учреждение Общества, как уже было отмечено, состоялось в 1819 г. Что же касается его местных структур, то они появились далеко не сразу. Процесс их складывания растянулся на несколько десятилетий. По поводу Владимирского губернского попечительного комитета следует сказать, что вопрос о его создании был поставлен в письме президента Общества князя В.С. Трубецкого, направленном губернатору И.Э. Куруте в феврале 1831 г.¹ Губернская администрация не отказывалась содействовать формированию комитета, но и не спешила заняться этим вплотную. Потребовалось целых два года на то, чтобы определить состав будущего органа, так что к тому времени, когда от всех кандидатов в члены комитета было получено принципиальное согласие, глава губернии уже успел смениться. Новый губернатор С.С. Ланской представил князю В.С. Трубецкому список членов комитета на утверждение. В соответствии с Правилами Общества президент обратился с ходатайством к императору, и, наконец, в марте 1833 г. Николай I подписал распоряжение об учреждении Владимирского губернского попечительного о тюрьмах комитета в предложенном составе².

Щепетильность, которую правящие круги проявляли в отношении состава попечительных комитетов, вполне понятна. Во-первых, речь шла об органах, предназначенных для работы в местах лишения свободы, а во-вторых, эти органы получали в свое распоряжение казенные деньги. Так что государственная власть в лице императора должна была иметь гарантии благонадежности со стороны комитетов.

¹ См.: Государственный архив Владимирской области (ГАВО), ф. 90, оп. 10, д. 1, л. 2–5.

² См.: там же, л. 18–23, 32–33, 38–39, 49–50, 52–70; д. 2, л. 8–11.

Владимирский губернский попечительный комитет собрался на свое первое заседание 6 сентября 1833 г. В его состав вошел 31 человек, из которых 20 относились к дворянству, 6 – к духовенству, 5 – к купечеству. Список членов комитета показывает, что эти люди представляли верхушку провинциального общества. Среди дворян, включенных в комитет, были вице-губернатор, председатели палат уголовного и гражданского судов, губернский прокурор, губернский предводитель дворянства и другие влиятельные представители «благородного» сословия. Из числа священнослужителей в комитет входили епископ Владимирский и Суздальский и настоятели нескольких монастырей. Возглавляли комитет два вице-президента: губернатор С.С. Ланской и епископ Владимирский и Суздальский Парфений³.

Членство в попечительном комитете предполагало, что люди будут не только безвозмездно трудиться в этой организации, но и делать ежегодные взносы в ее фонд. Размер отчислений каждый член комитета определял для себя самостоятельно. Наиболее значительными оказались взносы обоих вице-президентов (по 50 руб.) и купца второй гильдии Баранова (100 руб.)⁴.

В делопроизводственной документации губернского комитета сохранились ежегодные списки его членов, дающие вполне отчетливое представление о том, каким был состав комитета на протяжении рассматриваемого периода. Анализ этих материалов свидетельствует, что вплоть до 1851 г. социальный облик губернского попечительного комитета в сущности не изменился. Хотя конкретных кадровых замен насчитывалось много, но на соотношение сил в комитете они не влияли. Комитет по-прежнему был организацией, объединявшей представителей дворянства, духовенства и купечества при явном преобладании первого. Следует также отметить преемственность между губернаторами на посту вице-президента комитета. С.С. Ланского, который стал вице-президентом комитета в момент его создания, впоследствии сменил

³ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 2, л. 13–14, 36.

⁴ См.: там же, д. 25, л. 13–14.

сначала И.Э. Курута, а затем П.М. Донауров. В обоих случаях действующий губернатор назначался вице-президентом, как принято говорить, по должности¹.

Если формирование губернского попечительного комитета заняло в общей сложности два с половиной года, то на уездном уровне дело шло еще медленнее. К 1838 г. во Владимирской губернии было только три уездных попечительных о тюрьмах комитета: Шуйский, Муромский и Александровский. Точное время их создания по имеющимся документам установить не удалось. В 1841 г. президент Общества лично обратился к членам Владимирского губернского комитета с просьбой ускорить организацию уездных комитетов. Губернский комитет воспользовался помощью со стороны уездных дворянских собраний. При содействии предводителей дворянства в 1841–1842 гг. в губернии появились четыре новых уездных попечительных комитета (Переславский, Покровский, Ковровский, Юрьевский), а в 1843–1844 гг. – еще три (Суздальский, Вязниковский и Судогодский). На этом процесс образования уездных попечительных комитетов приостановился, так что к 1851 г. их насчитывалось десять. В двух уездах – Гороховецком и Меленковском – в течение первой половины XIX в. уездные попечительные о тюрьмах комитеты так и не были созданы².

В составе уездных комитетов насчитывалось от 8 до 26 человек. В основном это были дворяне, причем, как правило, из числа чиновников: городничий, уездный капитан-исправник, уездный судья, уездный стряпчий и т.д. Наряду с чиновничеством в попечительный комитет традиционно входил глава дворянского самоуправления – уездный предводитель. Местное духовенство представляли настоятели монастырей и приходские священники. В каждом из уездных попечительных комитетов было несколько купцов второй или третьей гильдии. В роли руководителя комитета выступи-

пал либо городничий, либо уездный предводитель дворянства³.

Таким образом, можно сказать, что уездные попечительные комитеты воспроизводили в миниатюре облик губернского комитета. Это вполне естественно, поскольку состав уездных комитетов контролировала верховная власть. Любое кадровое назначение в уездный попечительный комитет утверждалось лично государем императором. Надзор был нацелен на то, чтобы к работе в попечительных комитетах привлекались представители только привилегированных сословий и чтобы ведущие позиции в этих органах принадлежали дворянству⁴.

Приступая к анализу практической деятельности попечительных комитетов, в первую очередь следует очертить круг исправительных учреждений, подведомственных этим органам. В 1833 г. члены вновь образованного губернского попечительного комитета поставили перед собой задачу благоустроить все места лишения свободы, находившиеся в губернском городе Владимире, как-то: губернский тюремный замок, смирительный и работный дома, арестантские при городской полиции и при земском суде. Это вполне соответствовало Правилам Общества попечительного о тюрьмах, где указывалось, что его полномочия распространяются на все исправительные учреждения гражданского ведомства. Из числа членов губернского комитета была сформирована комиссия, которой поручили выяснить, в каком состоянии находятся места заключения. Проведя проверку, комиссия констатировала, что в губернском тюремном замке обстановка – относительно благополучная, чего нельзя сказать о других учреждениях. Например, в смирительном доме арестантов даже не кормили; вместо этого ежедневно каждому из них выдавалось по 11 копеек на покупку продовольствия. Фактически заключенные голодали, поскольку при существовавших в то время ценах на продукты питания этих денег было совершенно не-

¹ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 36, л. 61; д. 47, л. 12–12 об.; д. 56, л. 14–15; д. 79, л. 6–7.

² См.: там же, д. 36, л. 52; д. 53, л. 41 об., 57–57 об.; д. 54, л. 1; д. 56, л. 2; д. 61, л. 2; д. 79, л. 64–72.

³ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 45, л. 21, 36; д. 47, л. 5, 8; д. 53, л. 38; д. 54, л. 44–44 об., 50–51, 69; д. 79, л. 64–72.

⁴ См.: там же, д. 36, л. 52; д. 47, л. 4, 6–6 об., 7; д. 53, л. 57 об.

достаточно. Еще хуже обстояло дело в арестантских при полиции. Помимо острой нехватки продовольствия, комиссия отметила и то, что эти места заключения до крайности переполнены, из-за чего мужчины и женщины содержатся в одних и тех же помещениях¹.

Трезво оценив объем предполагаемой работы, члены комитета определили, какие проблемы им не под силу, и решили сосредоточиться на вопросах, связанных с губернским тюремным замком. Тем самым комитет произвольно сузил свою компетенцию, уклонившись от благоустройства всех остальных мест лишения свободы во Владимире. Уездные комитеты, как свидетельствует их делопроизводственная документация, последовали примеру губернского и ограничились наблюдением за ситуацией в тюрьмах уездных городов².

К числу первоочередных задач комитетов относилось создание условий для раздельного размещения разных категорий заключенных. Губернский комитет мог считать эту задачу уже выполненной, поскольку к 1833 г., когда состоялось учреждение комитета, в губернском тюремном замке женщины содержались отдельно от мужчин, несовершеннолетние — отдельно от взрослых; арестантов разграничивали также по тяжести совершенных преступлений. Этот порядок размещения заключенных соблюдался и в дальнейшем³. Впрочем, некоторый вклад в решение проблемы раздельного содержания члены комитета все же внесли. Они предложили размещать отдельно женщин и мужчин в арестантских при полиции. Город Владимир делился на три полицейские части, и теперь в одной из них съезжий дом стал предназначаться для задержанных женщин, а в двух других частях — для мужчин. Никаких дополнительных помещений при этом построено не было⁴.

Что же касается уездных комитетов, то они так и не сумели обеспечить раздельного содержания разных групп арестантов.

Об этом свидетельствуют, в частности, «Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России», изданные Министерством внутренних дел в 1865 г. Составители «Материалов» указали, что в уездных тюрьмах Владимирской губернии «убийца, грабитель и обыкновенный вор, подсудимый и следственный содержатся вместе, в одной камере; результатом является полное, стороннее изучение арестантами способов совершать всевозможные преступления; и, наконец, арестант, часто человек еще мало испорченный и даже не преступник, просидев несколько времени в тюрьме, выходит на свободу с богатым запасом острожных познаний»⁵. От нехватки помещений в уездных тюрьмах больше всего страдали пересыльные арестанты. Нередко их приходилось размещать в коридорах, банях, сараях и других нежилых помещениях, а то и прямо на дворе⁶.

Разумеется, без помощи государства попечительные комитеты были не в состоянии полностью решить вопрос об обеспечении заключенных жилой площадью. Требовались крупные вложения в строительство новых тюремных зданий, а поскольку государственная власть об этом мало заботилась, то тюрьмы по-прежнему оставались переполненными. Однако обращает на себя внимание и то, что комитеты даже не предпринимали попыток снять остроту проблемы. Из сумм, поступавших в качестве членских взносов и от других благотворителей, не производилось отчислений на строительство помещений, предназначенных для содержания заключенных.

Сложившиеся условия мешали не только разграничению разных категорий осужденных, но и их трудоустройству. Организовать мастерские было негде, так что круг занятий арестантов ограничивался в основном уборкой камер и тюремных дворов. Кроме того, заключенные готовили пищу, шили для себя одежду и обувь. К середине XIX в. ни в одной из тюрем губернии так и не было налажено производство, которое бы приносило доходы исправительным учреждениям и са-

¹ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 2, л. 36 об.; д. 6, л. 1–2.

² См.: там же, д. 25, л. 6 об.

³ См.: там же, д. 15, л. 9; д. 25, л. 2–2 об.; д. 53, л. 55 об.

⁴ См.: там же, д. 15, л. 12.

⁵ Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России. СПб., 1865. С. 51.

⁶ См.: ГАВО, ф. 40, оп. 1, д. 15203, л. 8–20.

мим арестантам¹. Иными словами, еще одна из важнейших задач попечительных комитетов осталась нерешенной.

Как уже отмечалось, правительство передало в распоряжение попечительных комитетов казенные деньги, выделяемые на питание заключенных, их лечение и обеспечение одеждой. Рассмотрим вопрос о расходовании этих средств. К 1833 г. арестантов в тюрьмах Владимирской губернии кормили два раза в день. Ежедневно им полагалось по 2,5 фунта хлеба, что составляет примерно 1 кг. В рацион входили также щи, каши и картофель. Мясо выдавалось только в праздничные дни. Отчеты о деятельности губернского и уездных комитетов показывают, что вплоть до начала 50-х гг. XIX в. продовольственное снабжение заключенных не изменилось. Из года в год набор продуктов оставался по-прежнему скудным. Некоторое улучшение наблюдалось лишь в губернском тюремном замке, на территории которого появился небольшой огород, обрабатываемый силами осужденных. За счет этого в летнее время тюрьма обеспечивала себя свежими овощами. Следует, однако, оговориться, что подсобное хозяйство было устроено администрацией без всякого содействия со стороны губернского попечительного комитета, а уездные комитеты примером губернской тюрьмы не воспользовались. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что комитеты видели свою задачу в том, чтобы закупить продовольствие на деньги, полученные от государства. Тратить на эти нужды свои собственные средства комитеты не стремились, таким образом, они выполняли не благотворительную, а чисто техническую функцию².

Похожим образом обстояло дело со снабжением арестантов одеждой и обувью. Денег, выделяемых из казны, было совершенно недостаточно, поэтому подавляющее большинство заключенных страдали от нехватки одежды, а многие не имели даже сменного нательного белья. В дополнение к казенным средствам комитеты принимали в

качестве пожертвований ткань, которая затем передавалась в тюрьмы с тем, чтобы заключенные сами шили для себя одежду. Такие пожертвования были эпизодическими и не давали возможности существенно улучшить положение. Например, в отчете губернского попечительного комитета за 1845 г. указано, что в губернском тюремном замке заключенными сшито одежды и белья на 50 чел. Этого хватило бы только для каждого седьмого из тех арестантов, кто содержался в тюрьме на постоянной основе, не говоря уже о тысячах пересыльных, которые испытывали еще более острую нужду в одежде и обуви³.

Попечительные комитеты заведовали также медицинским обслуживанием заключенных. К началу 30-х гг. XIX в. во Владимирской губернии существовала всего лишь одна больница для арестантов. Она действовала при губернском тюремном замке и располагалась в двух камерах, где можно было разместить до десяти человек. Штатных медиков в тюрьме не было, так что приходилось приглашать врачей из уездной больницы. В 1834 г. губернский попечительный комитет решил, что целесообразнее отказаться от государственных средств, ассигнуемых на лечение арестантов, нежели заниматься этим хлопотным делом. Заключенных, нуждавшихся в медицинской помощи, стали направлять в больницу приказа общественного призрения. Несмотря на то, что их лечение оплачивалось из казны, вскоре приказ предпочел не обслуживать заключенных, т.к. количество пациентов, поступавших из тюрьмы, превышало возможности больницы. Больничные палаты в губернском тюремном замке были восстановлены. Что же касается уездных попечительных комитетов, то они вовсе не организовали медицинского обслуживания арестантов. Из подведомственных комитетам тюрем заключенных привозили на лечение в местные градские больницы⁴.

³ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 3, л. 13 об.–15, 22–23, 31 об.–32; д. 25, л. 3 об.–4; д. 63, л. 7, 13; д. 98, л. 45 об.

⁴ См.: там же, д. 9, л. 15–15 об.; д. 15, л. 11 об.; д. 25, л. 4 об.–5 об.; д. 36, л. 8 об.–9 об., 53 об.–54; д. 61, л. 5–5 об.

¹ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 15, л. 10 об.; д. 25, л. 4–4 об.; д. 36, л. 9 об.–10, 53 об.; д. 61, л. 3 об.–4.

² См.: там же, д. 15, л. 11; д. 36, л. 32–33, 53; д. 53, л. 11; д. 61, л. 4 об.; д. 98, л. 46.

Одной из основополагающих задач комитетов, согласно Правилам Общества попечительного о тюрьмах, являлось нравственное исправление осужденных. На практике воспитательная работа комитетов свелась к тому, что по их требованию администрация тюрем обязывала заключенных посещать по воскресным и праздничным дням богослужения, которые вели приглашенные священнослужители. Кроме того, тюремное начальство следило за тем, чтобы арестанты регулярно исповедовались и причащались, а в положенное время соблюдали пост. Заключенным предписывалось ежедневно молиться и читать Священное Писание, а также другие книги духовного содержания. При этом члены попечительных комитетов не проявляли беспокойства по поводу того, что условия содержания арестантов ни в коей мере не отвечают христианской идее милосердия и человеколюбия¹. По справедливому замечанию М.Н. Гернета, «создавалось совершенно нелепое положение: нравственное воздействие должно было оказываться на людей, сидевших в тюрьме на шейных цепях... с кандалами, колодками и рогатками», в рваной одежде и полуголодных².

У исследователя, изучающего деятельность попечительных комитетов, неизбежно возникает вопрос о том, были ли эти органы в состоянии изменить к лучшему ситуацию в тюрьмах, иначе говоря, каковы были финансовые возможности комитетов. Делопроизводственные материалы показывают, что комитеты не страдали от нехватки средств. Источниками поступления денег были членские взносы, пожертвования от других благотворителей, т.е. от тех, кто не входил в состав комитетов, а также собранная в пользу арестантов милостыня. Самым солидным капиталом располагал губернский попечительный комитет. Уже через три месяца после своего образования он имел почти 5 тыс. руб., спустя еще год – 9 тыс., а к концу 1830-х гг. – более 11 тыс. Это значительные средства, если учесть, что в то время пуд ржаного хлеба стоил во Владимире 1 руб. 60 коп. Капитал уездных

комитетов был скромнее (не более 1 тыс. руб.), но все же и их материальное положение можно считать вполне устойчивым.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что расходы попечительных комитетов оказывались невелики. Комитеты оплачивали прибавку к жалованью чиновников тюремной администрации и тратили небольшие суммы на приобретение для заключенных готовой одежды или швейных материалов, а также на мелкий ремонт тюремных зданий. Все остальные деньги поступали в банки под проценты³. Благосостояние комитетов, таким образом, почти не отражалось на условиях содержания заключенных. Избранный комитетами способ использования средств будет понятен, если принять в расчет социальный состав этих органов. В комитеты входили представители чиновничества, духовенства и купечества, т.е. люди, которые, во-первых, не разбирались в тюремном деле, а во-вторых, в силу своей занятости не уделяли должного внимания благотворительной деятельности. Они предпочитали размещать капитал комитетов в банках, т.к. это было гораздо легче, нежели вкладывать деньги в благоустройство исправительных учреждений и контролировать такого рода вложения.

Подводя итоги, приходится констатировать, что попечительные комитеты Владимирской губернии не оправдали своего названия. Никакой существенной помощи заключенным они не оказывали. Безрезультатность работы комитетов, как уже было отмечено, напрямую связана с отсутствием заинтересованности у членов этих организаций. Судя по всему, те, кто вступал в попечительные комитеты, делали это в основном из соображений престижа, а не ради облегчения участи арестантов. Такое положение вещей вполне закономерно, поскольку комитеты создавались не по инициативе общественности, а по решению самодержавной государственной власти, которой было чуждо представление о правах личности вообще и правах людей, лишенных свободы, в особенности.

¹ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 25, л. 2; д. 36, л. 36 об.–37, 52–53; д. 61, л. 3–3 об.; д. 98, л. 47–47 об.

² Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1960. Т. 1. С. 141.

³ См.: ГАВО, ф. 90, оп. 10, д. 3, л. 18 об., 31; д. 25, л. 8–9, 15–15 об.; д. 36, л. 32–33, 39–42, 44–45, 48, 55–56; д. 53, л. 18–18 об., 21–22, 27–28, 36–37; д. 56, л. 7; д. 61, л. 6–7; д. 79, л. 2–5; д. 98, л. 54–55.

А.И. Челышев,
старший преподаватель кафедры
юридических дисциплин
Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

В истории становления отечественной криминалистики можно выделить несколько периодов, каждый из которых отличается уровнем ее развития, своими частными задачами и особенностями правового обеспечения. Изучение истории криминалистики позволяет глубже понять ее истоки, социальную функцию и тенденции развития.

Современная наука выделяет следующие основные этапы, определяющие развитие отечественной российской криминалистики:

1) до октября 1917 г. – возникновение и первый опыт использования криминалистических приемов и средств в уголовном процессе дореволюционной России;

2) 1917–30-е гг. – накопление эмпирического материала;

3) 1940–50-е гг. – формирование частных криминалистических теорий;

4) 1960–80-е гг. – формирование и развитие общей теории и методологии криминалистики;

5) 1990-е гг. – разработка и внедрение новых технологий в изменившихся социальных и экономических условиях в стране, дальнейшее совершенствование общей и частных криминалистических теорий¹.

Кратко охарактеризуем указанные исторические периоды отечественной криминалистики.

В России, как и в других европейских странах, отдельные приемы ведения следствия, распознавания подложных документов, сличения подписей и почерков, проведения допросов, очных ставок, осмотров и других следственных действий, содержащие начальные криминалистические знания, известны издавна. Однако лишь после судебной реформы 1864 г., покончившей с теорией формальных доказательств, появляется научный интерес к анализу и систематизации методов собирания и использо-

вания косвенных доказательств. В этот период такого рода рекомендации содержались главным образом в трудах процессуалистов. Так, в работе А.А. Квачевского «Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г.» были рассмотрены некоторые способы совершения преступлений, показаны свойственные им следы, способствующие розыску преступника; даны рекомендации о порядке составления протоколов, упаковке вещественных доказательств, поиске и приемах собирания различных улик.

Определенную роль в развитии и использовании криминалистических знаний в русском судопроизводстве сыграли широко известная работа Л.Е. Владимирова «Учение об уголовных доказательствах» (1910 г.), книга О.Н. Трегубова «Основы уголовной техники» (1915 г.).

Распространению же истинно криминалистических знаний в конце XIX – начале XX вв. способствовали переведенные и опубликованные в России труды зарубежных криминалистов Г. Гросса, Р.-А. Рейсе, А. Вайнгардта², оказавшие значительное влияние на русских ученых. Так, например, работа В.И. Лебедева «Искусство раскрытия преступлений. Дактилоскопия» (1912 г.) фактически является отражением концепции Г. Гросса и других западноевропейских криминалистов по данному вопросу.

Велика роль в становлении отечественной криминалистики Е.Ф. Буринского (1849–1912), которого по праву считают родоначальником криминалистической фотографии в области исследования документов. Его монография «Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею» (1903 г.) выходит далеко за рамки названия и практически является первым оригинальным научным трудом по криминалистике в России. В ней не только излагаются разработанные методы исследования документов, но и сформулирована концепция судебной экспертизы вообще, ее использования в уголовном и гражданском судопроизводстве. Заслугой Е.Ф. Бурин-

¹ Периодизация истории криминалистики с 1917 по 1980 г. предложена проф. Р.С. Белкиным.

² См.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей. СПб., 1898; Рейсе Р.-А. Научная техника расследования преступлений. СПб., 1912; Вайнгардт А. Уголовная тактика. СПб., 1910.

ского является также создание первого научного экспертного учреждения в России – судебно-фотографической лаборатории при С.-Петербургском окружном суде (1899 г.), на базе которой впоследствии была создана правительственная судебно-фотографическая лаборатория при прокуроре С.-Петербургской судебной палаты (1893 г.), а в 1912 г. открыт первый кабинет научно-судебной экспертизы. Подобные кабинеты в России были созданы в 1914 г. накануне Первой мировой войны в Москве, Киеве, Одессе и сыграли важную роль в области разработки и внедрения криминалистических знаний в уголовном процессе.

Однако в целом следует признать, что в дооктябрьский период криминалистика в России находилась в зачаточном состоянии, применение научных методов в расследовании преступлений носило эпизодический характер, криминалистическая литература была весьма скудна.

Второй период – 1917–30-е гг. – характеризуется накоплением эмпирического материала, на базе которого фактически создавалась отечественная криминалистическая наука, вырабатывалась и совершенствовалась практика экспертных криминалистических учреждений, первоначально преимущественно в органах НКВД. Именно на практической работе в органах НКВД выросли такие ученые-криминалисты, как И.Н. Якимов, С.М. Потапов, Н.С. Бокариус, П.С. Семеновский, В.И. Громов, опубликовавшие первые работы по криминалистике в 1920-е гг.¹ Их труды, хотя и испытывали на себе влияние западноевропейских криминалистов (Рейсса, Шнейкerta, Гейндля, Аннушата и др.), фактически были первыми учебниками и практическими руководствами по криминалистике для работников дознания и следствия.

В рассматриваемый период начинается формирование экспертных криминалисти-

ческих учреждений, которые накапливали богатый эмпирический материал, послуживший базой для первых научных криминалистических обобщений и практических руководств, предназначенных работникам правоохранительных органов. Большое не только практическое, но и теоретическое значение имели опубликованные в 1935 г. книги «Осмотр» И.Н. Якимова и в 1938 г. «Руководство по осмотру места преступления» Б.М. Комаринпа и Б.И. Шевченко. С середины 30-х гг. XX столетия преподавание криминалистики было введено во всех советских юридических институтах, на юридических факультетах университетов, в специальных учебных заведениях НКВД. Возникла острая потребность в учебниках криминалистики. Первый отечественный учебник, авторами которого были С.М. Потапов, И.Н. Якимов, В.И. Громов и др., был издан в 1935–1936 гг. в двух книгах. В отличие от ранее изданных (например, учебник И.Н. Якимова «Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике»), в нем были предприняты попытки разработки отдельных теоретических проблем: сущность криминалистики, ее структура, связь с естественными науками, вопросы планирования расследования.

В 1938 г. было осуществлено еще одно издание учебника криминалистики для вузов (тех же авторов), а в 1940 г. вышел первый учебник для юридических школ Б.М. Шавера и А.И. Винберга. Изданные учебники отражали достигнутый к тому времени уровень развития криминалистической науки в советской стране, поскольку живая связь с зарубежными криминалистическими центрами была прервана.

Начиная с 1940 г., отмечается довольно интенсивное развитие отечественной криминалистики. Этому способствовали опубликованная в 1938 г. статья Б.М. Шавера «Предмет и метод советской криминалистики»², а также статья С.М. Потапова «Принципы криминалистической идентификации»³, положившие начало формированию теоретических основ криминалистики и одной из ее важнейших теорий.

Начавшаяся Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) приостановила фун-

¹ См.: Якимов И.Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924; *его же*. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925; Потапов С.М. Судебная фотография. М., 1926; Семеновский П.С. Дактилоскопия как метод регистрации. М., 1923; Бокариус Н.С. Справочный альбом по словесному портрету. М., 1924; Громов В.И. Дознание и предварительное следствие (Теория и техника расследования преступлений). М., 1925; *его же*. Методика расследования преступлений. М., 1929.

² См.: Соц. законность. 1938. № 6.

³ См.: Сов. государство и право. 1940. № 1.

даментальные научные исследования проблем криминалистики, но экспертная научно-исследовательская работа по отдельным частным вопросам практического значения продолжалась весьма успешно.

С середины 1940-х гг., по окончании войны, в отечественной криминалистике продолжился процесс формирования ее теоретических основ, сопровождавшийся развитием представлений о предмете, системе и природе криминалистики. Одновременно происходит формирование частных криминалистических теорий и учений. Закладываются методологические основы криминалистики, система криминалистики и ее методы, разрабатываются проблемы криминалистической трасологии, баллистики, фотографии и технического исследования документов, судебного почерковедения и криминалистической регистрации. Именно в этот период проходили дискуссии о предмете криминалистики (1955 г.), разрабатывалась концепция криминалистической идентификации (С.М. Потапов, 1946 г., В.Я. Колдин, 1957 г.), были опубликованы оригинальные работы: Б.И. Шевченко «Научные основы современной трасологии» (1947 г.), Б.М. Комаринца «Криминалистическая идентификация огнестрельного оружия по стреляным гильзам» (1945 г.), С.М. Потапова «Судебная фотография» (1948 г.), Н.А. Селиванова «Судебно-оперативная фотография» (1955 г.), В.Ф. Орловой «Основы идентификации личности по почерку» (1952 г.) и др.

Велись активные изыскания и в области технико-криминалистического исследования документов. В 1949 г. была опубликована работа Н.В. Терзиева и А.А. Эйсмана «Введение в криминалистическое исследование документов» в двух частях. В первой книге, автором которой был Н.В. Терзиев, были рассмотрены в историческом аспекте вопросы исследования письменных документов в России и за рубежом, впервые введен автором термин «техническая экспертиза документов», охарактеризованы предмет и система криминалистического исследования документов, методика осмотра документов. В книге, подготовленной А.А. Эйсманом, описаны технические средства, приемы и методы, используемые при технико-криминалистическом исследовании документов. Последующие работы

А.А. Эйсмана в этом направлении обогатили криминалистику электронно-оптическими методами усиления контраста и преобразования невидимого инфракрасного изображения в видимое с помощью электронно-оптического прибора.

С середины 1950-х гг. активно разрабатывалось учение о версии и планировании расследования (А.Н. Васильев, С.А. Голунский, Н.А. Якубович, Г.Н. Мудьюгин), продолжившееся в последующий период (1960–70-е гг.).

Вопросы тактики следственного эксперимента исследовались в работах Л.Е. Ароцкера (1951 г.), Н.И. Гуковской (1958 г.), Р.С. Белкина (1959 г.). Много статей, отдельных монографических и диссертационных работ были посвящены вопросам тактики допроса, пик которых однако пришелся на последующий период (1960–70-е гг.).

В этот период, начиная с середины 60-х гг. XX в., в криминалистике получило развитие исследование общетеоретических проблем науки, было положено начало формированию ее нового раздела – «Теоретические и методологические основы». Вновь внимание ученых было привлечено к проблеме предмета криминалистики в свете требований и достижений научно-технического прогресса исходя из необходимости объединения в цельную теорию сформировавшихся к этому времени и продолжающих формироваться частных теорий.

Наиболее значительными в этом плане были фундаментальные монографические работы С.П. Митричева «Теоретические основы советской криминалистики» (1965 г.), Р.С. Белкина и А.И. Винберга «Криминалистика и доказывание» (1969 г.), цикл работ В.Я. Колдина, посвященных проблеме идентификации и ее роли в судебном доказывании (1969, 1978 гг.), Н.А. Селиванова, В.Г. Танасевича, А.А. Эйсмана, Н.А. Якубович «Советская криминалистика. Теоретические проблемы» (1978 г.), А.Н. Васильева и Н.П. Яблокова «Предмет, система и теоретические основы криминалистики» (1984 г.), Р.С. Белкина – 3-томный труд «Курс криминалистики» (1977, 1978, 1979, 1997 гг.), его же работы, посвященные проблемам теории криминалистики (1986, 1987 и 1988 гг.), и многие другие.

На основе общей теории сформировались новые направления криминалистики: учение о способах совершения преступлений и сокращения следов (Г.Г. Зуйков, И.М. Лузгин,

В.П. Лавров), о криминалистической характеристике преступлений (Р.С. Белкин, В.А. Образцов, Н.А. Селиванов, Н.П. Яблоков).

В этот период (конец 1960–70-е гг.) после многолетнего перерыва началась интенсивная разработка вопросов использования данных психологии в расследовании преступлений. Так, была опубликована монография А.Р. Ратинова «Судебная психология для следователей» (1967 г.), вышли работы А.В. Дулова, В.А. Васильева и др.

Е.С. Щеглова,
помощник судьи
Ивановского областного суда

СОСТЯЗАТЕЛЬНАЯ И СЛЕДСТВЕННАЯ МОДЕЛИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В УЧЕНИИ И.Я. Фойницкого

Судебная реформа в Российской Федерации выступает одним из главных направлений правовой реформы в целом. Общеизвестным является тот факт, что независимый суд – это неотъемлемый элемент механизма демократического правового государства, единственный орган, осуществляющий правосудие как по уголовным, так и по гражданским делам посредством соответствующего вида судопроизводства.

Еще в начале осуществления судебной реформы состязательность судопроизводства была обозначена как концептуальная проблема организации и осуществления правосудия.

Законодательное закрепление состязательности как основы судопроизводства в Конституции Российской Федерации, а затем в Уголовно-процессуальном и Гражданско-процессуальном кодексах РФ положило начало новым теоретическим спорам о расширении состязательных начал и их практической реализации в современной России.

С нашей точки зрения значительным потенциалом для разрешения этих споров обладает исторический опыт правовых дискуссий конца XIX – начала XX в., относительно небольшого, но весьма плодотворного отрезка времени, когда впервые в истории Российского государства был наиболее полно и последовательно проведен в

Для данного этапа развития криминалистики, помимо разработки вопросов общетеоретического и методологического характера, свойственно также исследование и формирование общетеоретических положений таких разделов криминалистики, как криминалистическая техника, криминалистическая тактика и криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений и их подразделов (отраслей).

жизнь состязательный процесс в гражданском и уголовном судопроизводстве.

Показательно, что как и в период великих реформ конца XIX в., так и в настоящее время потребность в реформировании форм судопроизводства в России возникла после значительных социально-экономических преобразований, когда произошел переход к качественно иной системе общественных отношений. В этой связи можно утверждать, что проведение исторических параллелей и использование опыта прошлого окажет неоценимую помощь современному законодателю в решении задач нынешней судебной реформы.

Судебная реформа 1864 г., сопровождавшаяся принятием Уставов уголовного и гражданского судопроизводства, вызвала значительный интерес ученых-процессуалистов к проблемам соотношения состязательной и следственной форм процесса.

Данная проблематика нашла отражение в трудах виднейших дореволюционных правоведов: Е.В. Васьковского, С.И. Викторского, А.Х. Гольмстена, Е.А. Нефедьева, С.В. Познышева, Н.Н. Розина, В.А. Рязановского, И.Я. Фойницкого, Т.М. Яблочкова и др.

В рамках настоящей статьи характеризуются теоретические представления И.Я. Фойницкого о розыском (следственном) и состязательном порядках процесса. При этом за основу взят известный «Курс уголовного судопроизводства» И.Я. Фойницкого. В данной работе излагаются вопросы, касающиеся судопроизводства, со значительным уклоном в область государственного права. При этом, как справедливо отмечает современный ученый А.В. Смирнов, «раздел о судебной деятельности мог бы

сделать честь любому курсу по теории судопроизводства»¹.

Примечательно, что в рамках работы, посвященной уголовному судопроизводству, И.Я. Фойницкий определяет основные черты состязательной и следственной форм судопроизводства как правовых конструкций, которые применимы и в уголовном, и в гражданском, и в административном процессах.

Прежде всего, ученый вносит ясность в терминологию, применяемую для разграничения различных порядков разбирательства дела, отдавая предпочтение термину «состязательный процесс» как для гражданского, так и для уголовного процесса, который, по мнению автора, «гораздо точнее и правильнее указывает на необходимость сторон, взаимное отношение между ними и к суду и порядок судебного разбирательства»², полагая, что введение в уголовном процессе дополнительного термина «обвинительный процесс»³ в качестве противоположности «порядку следственному или розыскному» не отражает сути данного правового явления.

При применении термина «состязательный процесс» в уголовно-процессуальной науке И.Я. Фойницкий подразумевает ту оговорку, что «здесь состязание происходит по началу публичному, в процессе гражданского – по началу частному...»⁴, отвергая при этом возможность отождествления следственного порядка с публичным началом процесса.

Исходной точкой научных рассуждений автора о порядках процесса розыскного и состязательного является убеждение в том, что «в чистом виде действительности неизвестен ни розыскной, ни состязательный порядок, так как всякий положительный процесс складывается из институтов того и другого типа»⁵.

В своей работе И.Я. Фойницкий определил те внутренние органические признаки розыскной и состязательной форм судопроизводства, которые и сегодня применя-

ются при определении данных понятий.

В первую очередь речь идет о характерных признаках состязательного порядка, к которым ученый относил «наличность в процессе сторон, стоящих отдельно от суда и пользующихся правами участия в деле, равноправность сторон, освобождение суда от процессуальных функций сторон»⁶. В этой связи особенно позитивно оценивалось им достижение судебной реформы 1864 г., выразившееся в изъятии у суда обвинительных функций как несовместимых с призыванием суда – нейтрального арбитра в споре сторон в процессе⁷.

В ходе рассмотрения вопроса о роли суда при построении процесса по состязательной модели, когда суд приступает к делу лишь по обвинению органа, уполномоченного государством, остается в пределах этого обвинения в отношении конкретного лица, будучи заключенным в рамки требований, предъявляемых сторонами, не имея права выходить за них, естественно, затрагивается вопрос и об активности суда в установлении истины по делу.

В данном вопросе И.Я. Фойницкий признает право и даже обязанность суда занимать в деле активную позицию с целью полного разъяснения себе дела, полагая, что «состязательность процесса не лишает суд права и обязанности давать ответ, соответствующий объективной, действительной или материальной истине, и отнюдь не требует, чтобы он довольствовался истиной формальной, как ее понимают и устанавливают стороны»⁸. Ученый идет еще дальше, указывая, что стремление к материальной истине имеет место и в гражданском состязательном процессе, т.к. «всякий суд властен стремиться к разъяснению себе дела в его настоящем виде»⁹.

Положительную оценку выдающегося теоретика уголовного процесса получила также попытка Уголовного отделения судебной комиссии при Государственной канцелярии ввести состязательность и в предварительное следствие, отклоненная в

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 591.

² Там же. Т. 1. С. 60.

³ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 15.

⁴ Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 1. С. 60.

⁵ Там же. С. 61.

⁶ Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 1. С. 63–64.

⁷ См.: там же. С. 66–67.

⁸ Там же. С. 64.

⁹ Там же. С. 61.

итоге Государственным Советом при утверждении Устава уголовного судопроизводства 1864 г. По мнению И.Я. Фойницкого, сохранение в российском уголовном процессе в стадии предварительного следствия весьма заметного розыскного элемента характеризует весь процесс как смешанный, близкий к французскому типу¹.

Обращаясь к проблемам розыскного порядка процесса, ученый характеризует его через выделение недостатков, ярко выражая свое предпочтение процессу состязательному.

Первой характеристикой такого процесса указывается «смещение функций суда и обвинения»², причем суд также берет на себя и бремя сбора доказательств, не только уличающих, но и оправдывающих обвиняемого, что, по мнению автора, неизбежно приводит к неправильному отправлению правосудия судьей, который не может быть беспристрастным по объективным причинам.

Розыскная форма также предполагает отсутствие сторон как самостоятельных участников уголовного процесса, действующих отдельно от суда. Указанный признак данной модели судопроизводства неизбежно приводит к игнорированию прав личности и употреблению жестоких мер для служения отвлеченным благам правосудия³.

И.Я. Фойницкий связывал усиление следственного порядка с ростом политического угнетения личности и лишь торжество принципа личной свободы рассматривал как естественный ограничитель следственного начала.

Развивая свою теоретическую концепцию необходимости применения состязательной модели уголовного процесса, ученый дает подробнейший анализ современным ему положительным процессуальным

порядкам различных стран, прежде всего Франции, Австрии, Германии, Англии и России, подвергая их теоретически обоснованной критике.

Как показал исторический опыт, развитие уголовного процесса в этих странах в результате судебных реформ, проведенных в XX в., в конечном счете отвечало тем идеям, поборником которых выступал И.Я. Фойницкий: строгого разделения властей, независимости судей, расширения состязательности и четкого размежевания процессуальных функций, защиты прав и законных интересов личности, прежде всего в уголовном судопроизводстве.

В современных правовых системах состязательная модель построения процесса «играет роль эталона, своего рода критерия демократичности, цивилизованности и справедливости судопроизводства»⁴, и мы не можем не отметить той огромной роли, которую сыграло научное наследие И.Я. Фойницкого в формировании этой идеи.

Современные шаги российской судебной реформы, направленные на расширение состязательного начала во всех сферах судопроизводства, дают основание согласиться с мнением А.В. Смирнова, что «в этот переломный момент труд И.Я. Фойницкого, одухотворенный одной идеей – «сделать русский суд более могущественным в укреплении начал социальной правды и справедливости», может сделаться бесценной находкой для современного российского законодателя»⁵ и правоприменителя.

Таким образом, именно правовое наследие И.Я. Фойницкого может явиться своего рода связующим звеном между нынешними преобразованиями и великой судебной реформой 1864 г., идеалы которой он всегда отстаивал и развивал.

¹ См.: *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. Т. 1. С. 68–69.

² Там же. С. 61.

³ См.: там же. С. 62–63.

⁴ *Смирнов А.В.* Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 18.

⁵ *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. Т. 2. С. 597.

Ю.М. Абидова,

соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Важным вопросом определения сущности муниципальной собственности в России является вопрос об особенностях ее правового регулирования. При этом правовое регулирование следует определять как специфическое, целенаправленное, результативное, отличающееся по форме и по содержанию действие права, осуществляемое при помощи системы специальных юридических средств.

Система нормативных правовых актов, регулирующих муниципальную собственность в Российской Федерации, состоит из трех звеньев: 1) федеральные нормативные акты; 2) акты субъектов Федерации; 3) акты органов местного самоуправления.

В целом трехуровневая система построена по принципу верховенства правовых актов более высокого уровня, однако только по вопросам, входящим в исключительную компетенцию соответствующего уровня власти, либо по вопросам совместного ведения разных уровней власти. В остальных случаях уполномоченные органы соответствующего уровня власти осуществляют собственное правовое регулирование.

Фундаментом правового регулирования муниципальной собственности в России является Европейская хартия местного самоуправления, которая отводит отдельную статью финансовым ресурсам местного самоуправления. Несмотря на то, что, на наш взгляд, правильнее употреблять термин «экономическая основа» или «экономические ресурсы», а не «финансовые», те принципы, которые устанавливает Хартия в области регулирования данной сферы местного самоуправления, очень важны и значимы:

1. Органы местного самоуправления имеют право в рамках национальной экономической политики на обладание достаточными собственными финансовыми ресурсами, ко-

торыми они могут свободно распоряжаться при осуществлении своих полномочий.

2. Финансовые ресурсы органов местного самоуправления должны быть соразмерны полномочиям, предоставленным им Конституцией или законом.

3. По меньшей мере часть финансовых ресурсов органов местного самоуправления должна пополняться за счет местных сборов и налогов, ставки которых органы местного самоуправления вправе определять в пределах, установленных законом.

4. Финансовые системы, на которых основываются ресурсы местных органов самоуправления, должны быть достаточно разнообразными и гибкими, с тем чтобы следовать, насколько это практически возможно, за реальным изменением издержек, возникающих при осуществлении местными органами своих полномочий.

5. Защита более слабых в финансовом отношении органов местного самоуправления требует ввода процедур финансового выравнивания или эквивалентных мер, направленных на корректировку последствий неравномерного распределения возможных источников финансирования, а также лежащих на этих органах расходов. Такие процедуры или меры не должны ограничивать свободу выбора органов местного самоуправления в пределах их собственной компетенции.

6. Порядок предоставления перераспределяемых ресурсов необходимо должным образом согласовывать с органами местного самоуправления.

7. Предоставляемые местным органам самоуправления субсидии, по возможности, не должны предназначаться для финансирования конкретных проектов. Предоставление субсидий не должно наносить ущерба основополагающему принципу свободного выбора органами местного самоуправления политики в сфере их собственной компетенции.

8. Для финансирования инвестиций органы местного самоуправления должны в соответствии с законом иметь доступ к национальному рынку капиталов¹.

¹ См.: Европейская хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 г. Ст. 9.

Таким образом, становление муниципальной собственности в стране к началу 90-х гг. XX в. было предопределено нормами Европейской хартии местного самоуправления, подписанной Россией¹.

Перечисленные выше положения данного международного документа необходимо рассматривать как общие принципы, определяющие экономическую политику государства по отношению к органам местного уровня власти. Исходя из нормы Конституции РФ, закрепляющей приоритет норм международного права², принимать законы, регулирующие экономическую деятельность органов местного самоуправления, следует в соответствии с положениями международного договора.

Основы формирования и управления муниципальной собственностью закреплены в Конституции РФ посредством, во-первых, признания муниципальной формы собственности наравне с частной и государственной; во-вторых, перечисления основных принципов местного самоуправления, прежде всего самостоятельности, в том числе и экономической; в-третьих, провозглашения муниципальной собственности экономической основой местного самоуправления; в-четвертых, определения полномочий населения муниципального образования и органов местного самоуправления в сфере управления муниципальной собственностью.

Одним из основных нормативных правовых актов, осуществляющих правовое регулирование муниципальной собственности в России, является Гражданский кодекс РФ. Кодекс дублирует положение Конституции РФ о том, что в Российской Федерации наравне с другими формами признается муниципальная форма собственности, т.е. собственность, принадлежащая городским и сельским поселениям и иным муниципальным образованиям³. Кодекс классифицирует виды муниципальной собственности в зависимости от субъекта, которому принадлежит право собственности: собственность города, собственность поселка, села и т.д.,

иных юридических лиц, основанных на муниципальной собственности⁴.

Кодекс определяет, что муниципальной собственностью является имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям⁵.

Гражданский кодекс РФ определяет, что от имени муниципального образования права собственника осуществляют органы местного самоуправления и органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов⁶.

Важное значение в регулировании экономической основы местного самоуправления играет Бюджетный кодекс РФ, который осуществляет финансовое регулирование, устанавливает общие принципы бюджетного законодательства РФ, правовые основы функционирования бюджетной системы РФ, правовое положение субъектов бюджетных правоотношений, порядок регулирования межбюджетных отношений, определяет основы бюджетного процесса в РФ, основания и виды ответственности за нарушение бюджетного законодательства РФ⁷.

Определяя структуру бюджетного законодательства, Кодекс относит нормативные правовые акты органов местного самоуправления, принятые в соответствии с ним и в пределах своей компетенции, к бюджетному законодательству наряду с законодательными актами РФ и ее субъектов.

Закрепляя трехуровневую структуру бюджетной системы РФ, третьим уровнем которой являются местные бюджеты, Кодекс определяет муниципальный бюджет как форму образования и расходования денежных средств, предназначенных для обеспечения задач и функций, отнесенных к предметам ведения местного самоуправления.

К предметам ведения органов местного самоуправления в области регулирования бюджетных правоотношений Бюджетный кодекс РФ относит определение порядка направления в местные бюджеты доходов от использования муниципальной собст-

¹ См.: О ратификации Европейской хартии местного самоуправления: Федер. закон от 11.04.1998 № 55-ФЗ.

² См.: Конституция РФ от 12.12.1993. Ст. 15. П. 4.

³ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ч. I. Ст. 212. П. 1.

⁴ См.: ГК РФ. Ч. I. Ст. 212. П. 2.

⁵ См.: там же. Ст. 215. П. 1.

⁶ См.: там же. П. 2.

⁷ См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ.

венности, местных налогов и сборов, иных доходов местных бюджетов.

Правовое регулирование экономической основы местного самоуправления осуществляется и Налоговым кодексом РФ¹. Кодекс устанавливает виды налогов и сборов, взимаемых на территории Российской Федерации, к которым наравне с федеральными и региональными относятся местные налоги.

Определяя основные начала установления местных налогов и сборов, Кодекс закрепляет, что местные налоги и сборы вводятся нормативными правовыми актами, принятыми представительными органами местного самоуправления в пределах, установленных Кодексом.

Закрепляя трехуровневую налоговую систему, Кодекс устанавливает обязательность уплаты на территории соответствующих муниципальных образований налогов и сборов, вводимых в действие в соответствии с Налоговым кодексом РФ и нормативными правовыми актами представительных органов местного самоуправления.

Впервые Кодексом устанавливаются элементы налогообложения, которые при введении местного налога определяют представительные органы местного самоуправления. Такими элементами являются: налоговые льготы, налоговые ставки в пределах, установленных Налоговым кодексом РФ, порядок и сроки уплаты налога, а также формы отчетности по местному налогу.

С 1 января 2006 г. в некоторых регионах России вступил в действие Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», назначение которого состоит в коренном реформировании системы местного самоуправления. Отдельная глава данного закона посвящена экономической основе местного самоуправления, в рамках которой определено детальное регулирование муниципальной собственности.

Правовое регулирование муниципальной собственности в России осуществляется и другими нормативными правовыми актами. К ним относятся: федеральные законы «О финансовых основах местного самоуправ-

ления в Российской Федерации» от 25.09.1997 № 126-ФЗ, «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 № 184-ФЗ, «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21.12.2001 № 178-ФЗ, «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 № 161-ФЗ, «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ, Указы Президента РФ «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» от 29.01.1992 № 66, «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации» от 22.12.1993 № 2265, «Об утверждении основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации» от 15.10.1999 № 1370 и др.

При изучении муниципальной собственности важно знать, как осуществляется правовое регулирование данного института на региональном уровне.

Роль региональной политики в сфере местного самоуправления была подчеркнута в «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации», утвержденных Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г. В данных Положениях отмечается, что «путем взаимосогласованных действий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в регионе обеспечивается комплексное решение вопросов обслуживания населения и достижение тем самым политической и социальной стабильности»².

В нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации вопросы местного самоуправления регулируются более полно и детально. Достаточно типичным в этом отношении является Закон «О местном самоуправлении во Владимирской области»³, который можно привести в качестве примера организации, управления и деятельности местных властей в системе муниципальных об-

¹ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 1 от 31.07.1998 № 146-ФЗ; ч. 2 от 05.08.2000 № 117-ФЗ.

² Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2756.

³ См.: О местном самоуправлении во Владимирской области: Закон Владимирской области.

разований. В данном законодательном акте нашли отражение многие вопросы, связанные с проблемами правового регулирования экономических отношений местного самоуправления, а именно: состав муниципальной собственности; порядок расположения и управления объектами муниципальной собственности; принципы взаимоотношений органов местного самоуправления с предприятиями, учреждениями и организациями, не входящими в состав муниципальной собственности; права органов местного самоуправления на координацию хозяйственной деятельности на подведомственной территории; материально-техническое обеспечение органов местного самоуправления и муниципальных предприятий и организаций; участие органов местного самоуправления во внешнеэкономических связях.

Основной пакет нормативных правовых актов о муниципальной собственности до-

полняет ряд муниципальных правовых актов, более подробно регулирующих отношения, связанные с муниципальной собственностью.

В систему муниципальных правовых актов входят: 1) устав муниципального образования; 2) правовые акты, принятые на местном референдуме (сходе граждан), нормативные и иные правовые акты представительного органа муниципального образования; 3) правовые акты главы муниципального образования, постановления и распоряжения главы местной администрации, иных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, предусмотренных уставом муниципального образования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовое регулирование муниципальной собственности в России носит трансотраслевой характер.

Л.С. Аладьина,
*доцент кафедры административной
деятельности и административного права
ОВД ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Уголовно-исполнительная политика является одним из важнейших направлений общегосударственной политики. Политика государства определяет главные направления, задачи и содержание государственной деятельности во всех сферах социальной, экономической и правовой жизни общества. Основной формой выражения государственной политики является право. Право — не единственное средство выражения и закрепления политики, поскольку политика шире по своему объему и выражается также в моральных формах воздействия на общество, которые также служат задаче ее закрепления¹.

¹ См.: Рябинин А.А. Исправительно-трудовое (уголовно-исполнительное) право Российской Федерации. М., 1995. С. 7.

Одним из главных направлений государственной политики является политика в сфере борьбы с преступностью, которая выражает задачи, принципы, стратегию, основные направления, формы и методы контроля государства над преступностью. Политика в сфере борьбы с преступностью направляет деятельность государства по профилактике преступлений и иных правонарушений, предупреждению их совершения, своевременному пресечению, реализации ответственности лиц, совершивших преступления, исполнению наказаний в отношении осужденных и достижению его целей². Политика государства в области борьбы с преступностью условно подразделяется на политику в сфере профилактики преступности, уголовную (уголовно-правовую) политику, политику в сфере исполнения наказаний (уголовно-исполнительную). Данные направления тесно взаимосвязаны и исходят из единой цели, принципов и стратегии политики борьбы с преступностью, обусловленной общегосударственной политикой в целом. В.А. Феллов в качестве политики в сфере борьбы

² См.: Уголовно-исполнительное право / Под ред. проф. И.В. Шмарова. М., 1996. С. 1–2.

с преступностью выделяет правоохранительную политику, которая «определяет основные направления деятельности правоохранительных органов и иных государственных органов, общественных объединений по охране прав граждан, субъектов общественных отношений от преступных посягательств, по предупреждению, пресечению преступлений, привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших уголовные деяния»¹. В виде составных частей правоохранительной политики им выделяются уголовная, уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная политика. Уголовная политика «устанавливает задачи по охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и конституционного строя от преступных посягательств, определяет основные принципы уголовной ответственности, виды наказаний за совершение преступлений»². Уголовно-процессуальная политика «определяет задачи, формы раскрытия преступлений, изобличения виновных, судебного разбирательства по установлению вины и назначению вида уголовного наказания лицу, совершившему преступление»³. Уголовно-исполнительная политика «определяет основные направления деятельности государственных органов, общественных объединений в области исполнения уголовных наказаний, разрабатывает цели, задачи, принципы, общие положения порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, основные средства исправления осужденных»⁴.

Наиболее тесная связь существует между уголовно-правовой политикой и политикой в сфере исполнения наказаний (уголовно-исполнительной политикой): во-первых, уголовно-исполнительная политика выделилась из уголовной политики. Во-вторых, юристами определяется лидирующая роль уголовно-правовой политики в комплексе направлений борьбы с преступностью, т.к. «именно она определяет, а затем на законодательном уровне отражает уголовно-правовые меры воздействия на

преступность»⁵. В отличие от уголовно-правовой политики уголовно-исполнительная политика имеет более узкое, специальное содержание: она определяет цели, принципы, формы и методы деятельности государства в процессе исполнения мер уголовно-правового воздействия, достижения целей исправления осужденных, предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Вместе с тем уголовно-исполнительная политика оказывает влияние на уголовную политику, что прежде всего относится к определению системы наказаний и отдельных его видов, практике назначения наказаний. По оценке исследователей, «в конечном итоге политика в рассматриваемой сфере влияет на политику в области борьбы с преступностью в целом, в частности, на принятие решений по профилактике рецидивной преступности, адаптации лиц, отбывших наказание, и оказание им помощи»⁶.

Общим основанием политики является социальная политика, которая формирует условия жизни людей, их привычки, взгляды, нравы и ценностные ориентации, в том числе те, которые способствуют преодолению преступности. В этой связи представляется немаловажным вопрос о соотношении социальной и уголовной политики государства. Среди отечественных исследователей нет единого мнения по этому вопросу. Н.И. Загородников полагал, что уголовная политика является частью социальной политики, подразумевая под уголовной политикой политику в области борьбы с преступностью, т.к. она «предполагает использование при проведении этой единой политики равных по юридической природе средств борьбы с преступностью»⁷. Схожей точки зрения придерживался И.В. Шмаров, который считал, что все направления государственной политики, в том числе политика в сфере борьбы с преступностью, исходят из общей цели социальной полити-

¹ *Фефелов В.А.* Уголовно-исполнительное право России. Общая часть. Рязань, 1998. С. 52.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 52–53.

⁵ Уголовно-исполнительное право Российской Федерации / Ф.С. Бражник, А.И. Муранов, А.А. Толкаченко. М., 1999. С. 5.

⁶ Уголовно-исполнительное право / Под ред. проф. И.В. Шмарова. С. 2.

⁷ *Загородников Н.И.* Советская уголовная политика и ее отражение в деятельности ОВД. М., 1979. С. 12.

ки¹. Данный принцип закреплён в ст. 7 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Иного мнения придерживался Н.А. Стручков, который считал, что содержание уголовной политики ограничивается сферой борьбы с преступностью. «Что касается других, кроме преступлений, негативных социальных явлений, то борьбу с ними предусматривает социальная политика. В сферу уголовной политики они (например, тунеядство, бродяжничество, попрошайничество, алкоголизм, наркомания, проституция) попадают постольку, поскольку непосредственно представляют собой почву преступлений»². Считаем возможным полагать, что социальная политика и политика в сфере борьбы с преступностью, в том числе уголовная и уголовно-исполнительная, тесно взаимосвязаны и определяются едиными целями общегосударственной политики.

Дискуссионной представляется проблема карательной политики государства. Очевидно, что сам термин «карательная политика» связан с изначальными целями политики в области исполнения наказаний – кара и устрашение, зафиксированными ещё в Соборном уложении 1649 г.: «... чтобы на то смотря иным неповадно было так делати...»³. Дореволюционные юристы, как правило, не разграничивали карательную, тюремную и пенитенциарную политику, подразумевая при употреблении данных терминов политику в сфере исполнения наказаний. Профессор И.Я. Фойницкий выделял три задачи карательной (уголовно-исполнительной) политики государства: во-первых, справедливость наказания, т.к. «тюрьма должна прежде всего убедить своих узников в справедливости наказания в том, что государство карает их не из мес-

ти, не из злобы, а по тяжкой необходимости, и что меры его рассчитаны на благие результаты как для общества, так и для каждого отдельного узника»⁴; во-вторых, исправительная и воспитательная, для чего «необходимо действовать заодно с человеческой природой, а не против нее»⁵; в-третьих, превентивная, т.е. внешнее предупреждение преступления, «которое, в отличие от исправления или внутреннего предупреждения, возлагает на карательную политику государства обязанность устранить по возможности все те условия, которые по освобождении заключенных могут наталкивать их на новые преступления»⁶. Следует отметить, что при употреблении терминов «карательная политика», «тюремная политика» и «пенитенциарная политика» дореволюционные исследователи не дают их четкого определения.

Термин «карательная политика», как правило, редко использовался специалистами исправительно-трудового права советского периода, а также исследователями уголовно-исполнительной политики Российской Федерации, что объясняет отсутствие четкого единого определения. В последнее время проблема карательной политики, ее соотношение с политикой в сфере борьбы с преступностью и, в частности, с уголовно-исполнительной политикой, все чаще поднимается теоретиками и практиками пенитенциарной системы⁷. Анализ проблемы карательной политики государства позволяет выявить принципиально различные подходы отечественных исследователей к данному вопросу. М.Г. Детков рассматривает карательную политику как часть общей государственной политики, как одно из важнейших ее направлений. Им определяется содержание карательной политики, которое составляет «система идей, принципов и воззрений государства в лице его высших органов, определяющих мето-

¹ См.: Уголовно-исполнительное право / Под ред. проф. И.В. Шмарова. С. 1.

² Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. М., 1984. С. 8.

³ Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1985. Т. 3: Акты земских соборов. Гл. III. Ст. 9; Гл. VI. Ст. 4; Гл. X. Ст. 20 и др.

⁴ Фойницкий С.В. Русская карательная система // На досуге: Сб. юрид. ст. и исследований с 1870 г.: В 2 т. СПб., 1900. Т. 2. С. 21.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: Карательная политика России на рубеже веков: Материалы Всерос. межведомств. науч.-практ. конф. 29 марта 2001 г., Владимир / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2002.

ды, средства и формы защиты господствующих государственных и общественных отношений, объявляющих преступными деяния, наносящие ущерб этим отношениям, формулирующих стратегию и тактику обеспечения государственного и общественного порядка»¹. М.Г. Детков выделяет три основные функции карательной политики, реализация которых обеспечивает реальную защиту прав и свобод личности: функцию профилактики, функцию защиты, функцию насилия. В соответствии с этим наказание является неперенным элементом карательной политики государства, материальным ее выражением посредством закона. В целом определение и характеристика карательной политики, данные М.Г. Детковым, в своей основе соответствуют определению политики в сфере борьбы с преступностью с акцентом на уголовно-исполнительную политику². Таким образом, в соответствии с данным определением, политику борьбы с преступностью, в том числе уголовно-исполнительную, следует относить к карательной политике.

Иной позиции придерживается В.С. Устинов, по мнению которого, «карательная политика представляет часть уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики»³. В соответствии с концепцией В.С. Устинова карательная политика заключается «не в сфере криминализации и декриминализации деяний, а в области уголовных наказаний и их исполнения. От политики в сфере криминализации во многом зависит и карательная политика»⁴.

Совершенно иной подход к данной проблеме выявляется в работе А.А. Рябина, который под термином «карательная политика» подразумевает «особую сферу политики, объединяющую установки по поводу борьбы с преступностью» в первые годы советской власти, чему соответствовало название «карательный» отдела НКЮ РСФСР, ведавшего вопросами исполнения наказа-

ний⁵. По мнению А.А. Рябина, такая терминология не отражала содержания и задачи деятельности государства и его органов в области борьбы с преступностью, т.к. исправительно-трудовое законодательство содержало не только карательные нормы, но и исправительные. В данном случае определение политики в области борьбы с преступностью как карательной исходит из целей и задач государства в данной сфере (карательной, либо исправительной, гуманной), а не как одно из направлений общегосударственной политики («карательная политика») в отличие от позиций М.Г. Деткова и В.С. Устинова.

Таким образом, выявляется два подхода к определению карательной политики: в широком значении под «карательной политикой» исследователями подразумевается одно из направлений государственной политики, включающее основные элементы государственной политики борьбы с преступностью. В узком значении карательная политика определяет характер проводимой государством политической линии, которая реализуется в том числе при исполнении наказаний. С нашей точки зрения, уголовно-исполнительная политика непременно несет в себе карательный аспект в отношении осужденных, однако не ограничивается этим, т.к. перед уголовно-исполнительными учреждениями стоит более широкий круг задач, включающий в себя исправление и дальнейшую адаптацию лиц, лишенных свободы, превенцию преступности и т.д. Если исходить из определения карательной политики в широком значении, то уголовно-исполнительная политика так же, как и уголовная, является ее составной частью. В узком значении «карательная политика» – одна из характеристик уголовно-исполнительной политики, наряду с определениями «исправительная», «гуманная» и др. Данное значение представляется важным при анализе уголовно-исполнительной политики на разных исторических этапах, поскольку ее характер и основные направления зависят от целей и задач государства в тот или иной период исторического развития, реализующихся в формах и методах борьбы с преступностью.

¹ Детков М.Г. Тюрмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 5.

² См.: там же. С. 5.

³ Устинов В.С. Карательная политика в уголовном и уголовно-исполнительном праве // Карательная политика России на рубеже веков. С. 21.

⁴ Там же.

⁵ См.: Рябинин А.А. Указ соч. С. 9.

О.С. Амосова,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ОБРАЗОВАНИЕ И РОСТ МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В Московской Руси мещанами назывались «черные градские люди», т.е. горожане, занимавшие низшее место в иерархии городских жителей (мелкие торговцы, ремесленники, поденщики) и в большей степени известные как посадские.

В XIV–XVII вв. под мещанами понимались жители городов Западной и Южной Руси, входивших в состав Польско-Литовского государства, с XVII в. – жители смоленских городов. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ) уже в первых своих томах содержит указы, определяющие правовое положение мещан. Например, в т. I ПСЗ первого издания можно найти именной Указ князя Алексея Михайловича «О запрещении мещанам закладывать дворы свои, построенные в Мещанской слободе», датированный 19 марта 1649 г.

Согласно манифесту от 17 марта 1775 г. мещанами являлись все городские обыватели, которые, не владея капиталом в 500 руб., не могли быть записаны в купечество. Городовое положение 1785 г. называет мещанами вообще всех представителей третьего сословия («среднего рода людей или мещан название есть следствие трудолюбия или добронравия, чем и приобрели отличное состояние»¹), именуя посадскими тех городских обывателей, которые не принадлежат ни к именитому гражданству, ни к купечеству, ни к цехам, а «кормятся» в городе промыслом, рукоделием или работой. Позднейшее законодательство присвоило наименованию мещан исключительно этому последнему, «нижнему разряду городских обывателей», почти совершенно отказавшись от термина «посадские». В отличие от купцов и цеховых мещане представляют собой сословие в узком смысле, т.к. принадлежность к мещанству была наследственной и не обусловлена соблюдени-

ем каких-либо правил. В отличие от купцов 1–3-й гильдий мещане платили подушную подать и подлежали рекрутской повинности, были ограничены в свободе передвижения и до 1863 г. подвергались телесным наказаниям. В 1725 г. размер подушной подати с мещан был установлен в размере 1 руб. 20 коп. В 1810 г. размер подушной подати вырос до 5 руб. а в 1812 г. – до 8 руб. Дополнительно к подушному сбору согласно Указам 1816 и 1818 гг. с мещан взималось еще сначала по 25, а затем по 30 коп. на устройство водных и сухопутных путей сообщения. В 1839 г. при переводе на серебро подушная подать с мещан в Европейской России была установлена в 2 руб. 38 коп., а в Сибири – 2 руб. 29 коп.

Денежные сборы этим не ограничивались, потому что к государственным присоединялись так называемые общественные сборы. Проведенные через приговор мещанского общества, они приобретали обязательное значение. Иногда местные платежи были велики. Например, с мещан Углича в 1783 г. трижды собирали по 20 % с суммы, уплачиваемой по объявленным капиталам, т.е. в этом случае местный сбор равнялся 3/5 государственной подати. За этот же год с каждой податной души мещан этого города в порядке местных сборов взималось по 1 руб. 48 коп. Мещане несли также натуральную повинность, к которой относилась и постоянная, т.е. обязательство принимать у себя в домах на постой солдат и офицеров из воинских частей, располагавшихся в той или иной местности. Прием постояльцев для мещанина означал не только отведение ему помещения, но и обслуживание этого постояльца, особенно когда приходилось иметь дело с офицером-дворянином. Нерегламентированность постоянной повинности вела к тому, что она с наибольшей тяжестью ложилась на менее защищенное мещанское сословие. В 1824 г. мещане Подольской губернии обращались с жалобой в Государственный совет, что при распределении войск на постой власти не считаются с бедностью мещан и располагают войска более всего в городах и местечках губернии, занимают дома мещан, а также заставляют их отстраивать, освещать и отапливать бесплат-

¹ Городовое положение. Спб., 1795.

но каменные здания, в которых также вставляли на постой солдаты и офицеры. В то же время, если лагеря располагались на помещичьей земле, то ее владельцы получали за это вознаграждение из земских сборов.

Положение мещан не было лучше и по рекрутской повинности. Известно, что купечество после 1775 г. получило освобождение от поставки рекрутов, а затем вскоре было освобождено и от уплаты рекрутских денег¹. Мещане же до самого конца существования рекрутской повинности несли на себе ее тяжесть.

Мещане подчинялись дисциплинарной власти мещанских обществ, имеющих право на принудительное выселение в Сибирь порочных своих членов. Прежде постановления приговора о выселении порочных и развратных мещан в Сибирь мещанские общества применяли к ним до трех раз согласно мирским приговорам исправительные меры, а именно отдачу в разные работы, казенные, городские и частные (в первый раз – на срок от 1 до 2 мес., во второй – от 2 до 4 мес., в третий – от 4 до 6 мес.).

В 1866 г. мещане Европейской России были освобождены от подушной подати, взамен которой был введен налог на недвижимое имущество в городах, посадах и местечках. Позже этот налог был распространен и на Сибирь и перестал иметь характер специального мещанского налога.

Как уже было отмечено, мещане каждого города, посада или местечка образовывали особое мещанское общество. Согласно общему правилу управление данным обществом принадлежало мещанскому старосте и его помощникам. Все они избирались на трехгодичный срок и утверждались губернатором. С разрешения последнего мещанские общества городов, в которых было введено Городовое положение, могли учреждать для заведывания делами общества мещанские управы. Состав управ законом не определялся. Обязанности мещанских старост или управ заключались в попечении о всех сословных делах; ведении списка мещан; выдаче видов на жительства; раскладке с общественного согласия и сборе всех платежей, лежащих на

сословии. Общественные сборы на удовлетворение частных нужд мещанского общества могли вводиться лишь на основании общественных приговоров. В городах Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерний избирались для составления общественных приговоров на 3 года мещанские депутаты, по одному от каждых 5 мещанских дворов, а в гг. Нижнем Новгороде и Пензе – по одному от 5–10 дворов. Все должности по мещанскому самоуправлению были безвозмездны. В гг. Москве, Санкт-Петербурге и Одессе мещане имели ту же общественную организацию, что и купцы, а именно собрания выборных, сословных старшин и сословные управы.

Мещанское состояние сообщалось рождением, браком (если жена не имела прав высшего состояния), усыновлением; приобреталось оно припискою к какому-либо мещанскому обществу. По общему правилу приписка совершалась не иначе, как по приемному приговору мещанского общества. При этом лица, уже принадлежащие к какому-нибудь крестьянскому или мещанскому обществу, должны были предоставить и увольнительный приговор от прежнего своего общества. Без согласия мещанских обществ могли к ним приписываться во всех городах, кроме столиц, Царского Села, Гатчины, Павловска, Ораниенбаума, Петергофа, Стрельны и Кронштадта, лица, не принадлежащие ни к какому состоянию и поэтому обязанные «избрать род жизни» (например, незаконнорожденные, питомцы воспитательных домов, дети канцелярских служителей). Для приписки этих лиц к мещанскому обществу требовалось только одобрение 6 благонадежных граждан-домохозяев и согласие мещанской управы. Последняя, однако, могла отказать в своем согласии лишь тому из вышеуказанных лиц, кто был опорочен судом или «имел явный и доверие нарушающий порок всем известный, хотя судим не был, пока оправдается». Были города, к мещанским обществам которых могли приписываться все без исключения лица без приемных приговоров: Владикавказ, Кокбекты, Копал, Петровск, Сергиополь, Сухум, Чита.

Семейный уклад и быт мещан во многом отличался от строя крестьянской семьи. Дети

¹ См.: Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 44.

мещан, даже став взрослыми, не всегда могли отделиться: они были привязаны к месту жительства, своему сословию, семье и профессии и поэтому часто должны были следовать семейным традициям. Средние размеры семей горожан значительно различались по сословиям. Как правило, мещанские семьи насчитывали 4–5 чел., в то время как семьи дворян и чиновников – 3–4 чел., купцов – 5–6 чел., духовенства – 6–8 чел. Возраст вступления в брак и разница в возрасте супругов в среде мещан были значительно ниже, чем среди купечества, дворянства, военных. Мещане вступали в брак рано, с 14–15 лет. По данным метрических книг, во второй половине XVIII в. средняя разница в возрасте женихов и невест составляла у купцов 7–10 лет, дворян и чиновников – 6–8 лет, военных – 6–7 лет, духовенства – 5–6 лет, а мещан – 3–4 года. Межсословные браки не являлись редкостью. Мещане чаще всего роднились с купечеством и проживавшими в городах крестьянами. В семьях горожан долгое время были господствующими патриархально-авторитарные отношения. В среде мещан глава семьи управлял всем домом, всеми членами семьи и домочадцами. Его приказания должны были выполняться беспрекословно, к непослушным и провинившимся применялись наказания, в том числе и физические¹.

Грамотность среди горожан в первой половине XIX в. из-за недостатка образовательных средств была распространена мало, даже высшие торговопромышленные слои, правящие группы, «излюбленные выборные, общественные должностные лица» были тогда людьми невежественными². Еще ниже стояла по своему образовательному и культурно-бытовому уровню городская мещанская масса. Уже ввиду существования основного промысла, определявшего всю ее бытовую обстановку, она не могла стоять сколько-нибудь выше обычного сельского уровня. Мещанство получало начальное образование в основном в народных училищах, понемногу проникая в

гимназии, высшие технические учебные заведения и университеты, пополняя ряды разночинной интеллигенции. В культурно-бытовом отношении мещане были близки к крестьянству, особенно в маленьких городах: сохраняли те же верования в силы природы и приметы, те же обряды, в основном носили традиционный народный костюм. В то же время на мещан оказывало влияние общение с дворянством, разночинцами, чиновничеством, купечеством. Так, мещане, особенно в своей «верхушке», перенимали некоторые детали домашнего обихода, костюма, манер, разговорной речи последних, хотя обычно в искаженном виде.

Вместе с тем изучение исторического материала показывает, что жизнь рядовых горожан, мещанства вовсе не была «темным царством», обитатели которого знали лишь каторжный труд, классовую борьбу и беспросветное пьянство. Мещане участвовали в общественной жизни своего города. Представители этого сословия часто избирались членами городских дум и управ. В небольших сибирских городах мещане обычно составляли большинство в органах городского самоуправления, активно участвуя в жизни города.

В наиболее крупных городах общественная жизнь мещан была связана с деятельностью мещанских обществ. Например, активно действовало мещанское общество в г. Тобольске. Оно владело совместно с купеческим обществом каменным домом, в котором помещались сословные управления, и имело общественных капиталов более 7 тыс. руб. Мещанское общество г. Омска в 1901 г. насчитывало 3225 плательщиков общественных сборов, каждый из которых в пользу общества вносил ежегодно от 50 коп. до 10 руб., общая сумма годового сбора составляла свыше 3 тыс. руб. Из этой суммы общество расходовало 180 руб. на содержание сиротского суда, 350 руб. – на содержание благотворительных и учебных заведений, 150 руб. – на пособия престарелым, убогим и неимущим. В г. Тобольске существовала мещанская богадельня, в которой в середине XVIII в. содержались 10 престарелых мужчин и 7 женщин; ежегодно на ее содержание отпускатось 325 руб.

¹ См.: *Богоявленский С.К.* Научное наследие. М., 1980.

² См.: *Шрейдер Г.И.* Город и Городовое положение 1870 г. // *История России в 19 в.*: В 6 т. Спб., 1908–1909. Т. 4.

Мещанское общество в г. Томске в конце 1880-х гг. насчитывало около 25 тыс. чел., при этом значительная часть из них проживала вне города, поскольку городская управа ежегодно выдавала мещанам около 3 тыс. паспортов. Около половины членов общества были ссыльными или их детьми. Для того чтобы быть причисленным к мещанскому обществу, необходимо было подать в мещанскую управу или лично мещанскому старосте прошение с приложением паспорта, свидетельства об отбывании воинской повинности, удостоверения от местных мещан-домовладельцев с ручательством, что он исправный плательщик повинностей, удостоверения о неподсудности и метрические выписки на всех членов семьи. С каждого вступающего в мещанское общество города брали, «смотря по состоятельности», единовременно «добровольных пожертвований» на богадельню от 10 до 50 руб., а затем ежегодно с каждого человека по 5 коп. Мещанское общество г. Томска владело крупной недвижимостью: несколькими каменными домами, каменными лавками, 4 корпусами деревянных лавок, зданием богадельни – общей стоимостью более 100 тыс. руб. Это имущество сдавалось в аренду и приносило ежегодно до 10 тыс. руб. дохода, совокупные же доходы общества превышали 20 тыс. руб. В г. Томске богадельня мещанского общества была основана в 1861 г. В нее принимались только томские мещане православной веры, «бедные, безродные, хорошего поведения». В 1888 г. на призрении состояли 14 мужчин и 33 женщины. В доме, принадлежавшем томскому мещанскому обществу, был открыт ночлежный приют. Он состоял из мужского и женского отделений «с нарами для сна и столовой». В приют принимались, за исключением пьяных, лица всех званий и сословий без предъявления документов. Время пребывания в приюте – с 4 часов вечера до 8 утра, в течение ночи никто не выпускался. Плата за вход составляла 5 коп. Каждый ночлежник получал вечером чашку щей с полуфунтом мяса и фунт хлеба, а утром – кружку чая и также фунт хлеба¹.

¹ См.: Гончаров Ю.М. Мещанское сословие Западной Сибири // Преподавание истории в школе. 2002. № 4.

Современники неоднократно отмечали щедрость мещан к подаяниям сирым, убогим и ссыльным: «В Тюмени, например, пожертвования в праздники Рождества и Пасхи были столь велики, сыты и обильны, что этапные арестанты платили смотрителю деньги, чтобы на эти дни не выпускал их дальше, а дал бы возможность поесть шанег, яиц, кислого молока»².

К числу традиционных мещанских ценностей, составлявших основу менталитета средних городских слоев, можно отнести личную ответственность, чувство долга в семейной жизни, уважение к труду, почитание старших, религиозность. Мещане ценили труд не только как источник средств к существованию, но и как возможность помочь своим близким, соседям. Усыновление сирот, раздача милостыни были обычными в мещанской среде. Широко употреблявшееся ранее выражение «мещанский стиль» характеризовало комплекс эстетических воззрений, присущих основной массе мещанства. «Мещанский стиль», выделенный и описанный в художественной литературе XIX – начала XX в., являлся закономерным этапом в культурном развитии русского народа. Сам мещанин не только не стеснялся своего сословия, но даже гордился им. В целом по уровню духовной и материальной культуры мещане стояли на ступень выше крестьян, хотя разрыв был вполне преодолимым.

Средоточием личных интересов мещанина был его дом – обычно деревянный, на каменном фундаменте, с небольшим двором и огородом. Такой дом иногда делился между наследниками, по частям сдавался внаем, но строился в основном на одну большую семью. Мещанам принадлежала большая часть городских недвижимых имуществ, т.к. владение собственным домом было одним из условий причисления к мещанству. Дома мещан и их обстановка отличались в зависимости от благосостояния хозяев.

Врач Е. Анучин в 1860-х гг. подсчитал, что средняя продолжительность жизни мещанина больше, чем у других сословий, – 23,44 года, в то время как среди чиновников – 20,35; казаков – 20,76; крестьян – 17,25. Он так объяснял это: «Жизнь мещанина находится в более благоприятных условиях, чем члена другого сословия. Сред-

² Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. С. 9.

няя жизнь мещанина более, и доживает он до глубокой старости гораздо чаще, чем чиновник или крестьянин. Мещане цивилизованнее крестьян, реже их обращаются к знахарям и имеют более возможности прибегнуть к помощи медика. Оттого и смертность между детьми их гораздо слабее смертности крестьянских детей. Для лучшего объяснения всего этого обратимся к образу жизни мещанина. Он по большей части торговец, ремесленник или же работник. За исключением некоторых ремесел, занятия мещан требуют по большей части постоянного движения на воздухе. Это составляет, по нашему мнению, главнейшую причину цветущих лиц торгующего сословия. Наконец, и купец, и ремесленник, имея умеренные потребности, скорее в состоянии удовлетворить их и по роду своих занятий более обеспечены от случайностей. В то время как перо не обеспечивает канцеляриста, всякое ремесло доставляет верный кусок хлеба»¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на постепенную утрату сословиями в пореформенное время своих специфических привилегий, на активно протекавшие в обществе процессы образования классов буржуазного общества, сословные традиции оказывались весьма живучими. Мещанство продолжало сохранять свою собственную субкультуру, чему способствовала живучесть традиций в жизни мещанской семьи. Мещанство, являясь самым массовым городским слоем, являлось и главным носителем городского образа жизни. К числу специфических черт мещанства можно отнести особенности формирования сословия (приписка людей разных состояний), постоянную «прописку» значительной доли мещан в сельской местности, слабую их занятость в сфере ремесла и промышленности.

Мещанство являлось одним из наиболее массовых сословий Российской империи, уступавшим в численности только крестьянству.

Одним из наиболее характерных явлений развития России являлся процесс значительного роста численности городского населения, особенно в пореформенную эпоху. В.И. Ленин в «Развитии капитализ-

ма в России», приводя основные данные о росте городов в 1863–1897 гг., писал: «...громадный рост крупных индустриальных центров, и образование целого ряда новых центров есть один из характернейших симптомов пореформенной эпохи»².

При изучении процессов формирования городского населения России большой интерес представляют показатели распределения городского населения по сословиям. Сводные и вместе с тем подробные сведения о распределении городского населения России по сословиям в начале XIX в. были опубликованы К. Германом³. На основании этих данных городское население России в 1811 г. распределялось по сословиям следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Сословие	Численность населения	
	тыс. чел.	%
Дворянство	112,2	4,2
Духовенство	53,2	2,0
Купцы	201,2	7,4
Мещане	949,9	35,1
Военные	176,3	6,5
Служители	195,3	7,2
Прочие звания	101,7	37,6
Всего	2705,8	100,0

Данные о составе дореформенного городского населения недостаточны и отражают только его сословный состав. Однако даже эти односторонние материалы позволяют сделать вывод о чрезвычайной не только сословной, но и профессиональной однородности главной массы тогдашнего городского населения, об отсутствии в его среде той дифференциации, которая составляет такую важную особенность города. Из 4 млн 727 тыс. 619 чел. городского населения тогда насчитывалось 2 млн 344 тыс. 599 мещан, т.е. почти 50 %; купцы составляли 4,5 % населения, почетные граждане – 0,15 %, дворяне и чиновники – 5,5 %, духовенство – 1,4 %. Если особо выделить Петербургскую, Московскую и Херсонскую губернии, включающие в себя такие крупные городские центры, как Петербург, Москва и Одесса, то получится следующая картина: в общем в городах Пе-

² Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 493.

³ См.: Герман К. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи: В 2 ч. Спб., 1819. Ч. 1. С. 303–304.

¹ Анучин Е. Средняя жизнь и долговечность. Тобольск, 1864. С. 326–327.

тербургской губернии мещан было менее 9 %, Московской – 21 %, Херсонской – немного более 30 %, и, наконец, на территории остальной части России – от 66 до 91 %, причем население уездных и заштатных городов и посадов было почти всецело мещанским. Эти цифры говорят о том, какую значительную роль играли в жизни дореформенных городов мещане. В целом мещанам принадлежало тогда, за исключением немногих крупных центров, от 70 до 90 % всех городских домов (значит, почти все они жили в своих собственных домах); главным занятием мещан, даже во многих губернских городах, было хлебопашество. Таким образом, основная масса городского населения жила в условиях, дававших каждому возможность собственными силами и средствами удовлетворять свои важнейшие жизненные потребности; следовательно, не могло быть почвы для дифференциации, а значит, и для той разнородности населения, которая так существенно отличает город от деревни.

В 1840 г. городское население России по сословиям распределялось следующим образом (табл. 2)¹.

Таблица 2

Сословие	Численность населения	
	тыс. чел.	%
Дворяне и чиновники	246,5	5,0
Духовенство	53,2	1,1
Почетные граждане	4,8	0,1
Купцы	219,4	4,5
Мещане и посадские люди	2284,2	46,8
Прочие звания	2078,9	42,5
Всего	4887,0	100,0

Из данных таблицы видно, как увеличилась численность мещан с 1811 по 1840 г. Однако эти данные далеко не полные. В целом по стране осталась нераспределенной более точно по сословиям весьма большая часть городского населения – 42,5 %.

В работе А. Бушена «Наличное население империи за 1858 год» к городским сословиям (почетным гражданам, купцам, мещанам, цеховым, рабочим людям и др.) было отнесено 3051,6 тыс. чел., или 54,7 %. Автор, отметив в общей численности городского населения не менее 1128,9 тыс. чел., или 20,2 %, из

сельских сословий, объяснял этот факт быстрым развитием и увеличением городских промыслов, требующих все большего и большего числа работников².

Материалы первой Всеобщей переписи населения 1897 г. дают сплошные данные о распределении всего городского населения России по сословиям (табл. 3)³.

Таблица 3

Сословие	Численность населения	
	тыс. чел.	%
Дворяне	1048,6	6,2
Духовенство	166,0	1,0
Почетные граждане	183,9	1,1
Купцы	225,6	1,3
Мещане	7449,6	44,3
Крестьяне	6526,1	38,8
Войсковые казаки	171,9	1,0
«Инородцы»	619,1	3,7
Лица, не указавшие сословие	191,1	1,1
Иностранные подданные	247,3	1,5
Всего	16828,9	100,0

В данной таблице указана численность только тех мещан, которые непосредственно проживали в российских городах. Всеобщая перепись населения 1897 г. учитывала количество мещан, проживающих не только в городах Российской империи, но и в сельской местности, а также в Финляндии, Бухаре, Привислянских губерниях, на Кавказе, в Сибири, Средней Азии, а также русских подданных в Хиве и мещан, находящихся в заграничии на военных судах⁴. Таким образом, общая численность мещан возросла с 7449,6 тыс. чел. до 13391,6 тыс. Что касается распределения городского населения по сословиям и полу, то относительно сословия мещан можно привести следующие цифры: мещан-мужчин насчитывалось 3612,9 тыс. чел., а женщин – 3836,4 тыс.; на 1 тыс. мужчин в 1897 г. приходилось 1062 женщины.

Таким образом, мы рассмотрели образование и рост мещанского сословия Российской империи.

² См.: Бушен А. Наличное население империи за 1858 год // Стат. табл. Рос. империи, издаваемые Центр. стат. комитетом. СПб., 1863. Вып. 2. С. 276–291.

³ См.: Рашин А.Г. Указ. соч.

⁴ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1905.

¹ См.: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956.

С.В. Бажанов,
*начальник кафедры уголовно-
процессуального права ВЮИ ФСИИ России*
доктор юридических наук, профессор
О.А. Морохова,
доцент кафедры иностранных языков
ВЮИ ФСИИ России
кандидат педагогических наук

ЮРИСЛИНГВИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Процессы взаимопроникновения различных научных дисциплин привели к интенсивным исследованиям на стыке лингвистики и юриспруденции. В настоящее время накоплен определенный опыт в области юрислингвистики, который позволяет выделить ряд теоретических и прикладных аспектов, требующих дальнейшего изучения и систематизации.

К юрислингвистической проблематике можно отнести ряд междисциплинарных аспектов:

- проблемы толкования юридических текстов;
- вопросы юридической терминологии;
- правильность речи юристов;
- культура общения с клиентами;
- проблемы «чистоты языка», загрязнения его бранными словами;
- роль языка как орудия убеждения и манипулирование языком как объектами, так и субъектами судопроизводства.

Для лингвистов интерес к проблемам юрислингвистики – это попытка преодолеть издавна сложившееся предубеждение о вторичности функциональных аспектов языка, хотя общеизвестно, что язык является одним из центральных механизмов жизнедеятельности общества. Лингвистов может интересовать право в двух аспектах – юридические тексты (письменные и устные) как материал для лингвистического исследования и общефилологические рекомендации по созданию этих текстов. С точки зрения юрислингвистики – это несколько «отдаленный» срез юридических текстов, который для лингвистики, разумеется, – основной. Однако если бы взаимодействие двух наук ограничивалось только этим противопоставлением, то о юрислингвистике как особой области науки не было бы оснований говорить. Второй же аспект

представляет настоящий юрислингвистический интерес, поскольку предполагается, что «глубина преобразований русского языка дает основания рассматривать *«его функциональную юридическую разновидность как самостоятельную подсистему»*¹. Коротко можно сформулировать задачу этого направления следующим образом: необходимо выяснить, как ведет себя объект лингвистики в специфической сфере социального бытия – в правовом пространстве; какие стороны и качества языка наиболее «эксплуатируются» при этом; какие его аспекты высвечиваются в законодательной деятельности и судебной практике; что должно способствовать более глубокому проникновению в онтологическую и функциональную сущность объекта лингвистики.

Представляется, что юридический язык – это феномен, который требует полной, всесторонней аттестации как своеобразной семиотической системы. Наиболее полно общенаучный подстиль юридического языка изучен в методике преподавания русского языка как иностранного². Феномен юридического языка заключается в том, что его функционирование касается нескольких функциональных разновидностей: это язык науки, это подстиль официально-делового языка, юридический язык также представлен и в публицистическом стиле. Юридический подстиль используется для оформления правовых отношений (в законодательстве и правоприменении). В этом случае он используется в различных коммуникативных ролях:

- законодатель – юридические и физические лица;
- следователь – подследственный – свидетель; следователь – суд;

¹ Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 1999. С. 21.

² См.: Балкина Н.В., Новикова М.Л. Учебное пособие по русскому языку: научный стиль речи: В 2 ч. М., 2004–2005; Баранова С.Е., Полянская В.И. Русский язык в учебно-профессиональной сфере: юридический профиль. М., 2002; Панова М.Н. О специфике языка государственного управления // Профессионально-педагогические традиции в преподавании русского языка как иностранного. Язык-речь-специальность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Мотинские чтения» / Под ред. С.А. Хаврониной, Т.М. Балыхиной. М., 2005. Ч. I. С. 322–328.

– обвинитель – защитник – свидетель – судья – присяжные заседатели; судья – подсудимый.

Юридический подстиль реализуется в различных письменных жанрах:

– законодательных актах (закон, указ, инструкция, устав, кодекс, ГОСТ);

– процессуальных актах (протокол, постановление, обвинительное заключение, приговор).

Юридический язык используется в устных жанрах, как то: судебная речь адвоката и прокурора, допрос, прения сторон.

В ситуациях служебного общения (в том числе в публичных выступлениях) возможно взаимодействие юридического языка с разговорной речью и использование профессионального жаргона.

Формирование полноценной коммуникативной компетенции будущих специалистов невозможно без учета реальной речевой практики. Поэтому важно учитывать специфику функционирования юридического языка в средствах массовой информации.

Для юристов больше, чем для многих других профессий (медиков, математиков, спортсменов, производственников и т.д.), важны широкие лингвистические знания и речевые умения, поскольку их деятельность, как признают сами юристы, во многом зависит от *понимания ими многих языковых сторон и от умения этим пользоваться*. Другими словами, правоведы должны быть осведомлены о системно-языковых и функциональных свойствах естественного языка как субстрата языка юридического, и эти знания должны входить в *лингвоюридическую компетенцию правоведов*.

Значимость лингвистических проблем для юристов объясняется рядом причин. Во-первых, юрист – это одна из социальных ролей человека, которая предполагает определенное *речевое перевоплощение и существенное изменение языка-стиля общения*. «Речевое поведение юристов определяется *профессиональным мышлением*, и в каждом тексте, созданном следователем... так или иначе отражается предметный, операционный и метаязыковой план их *профессиональной рече-мыслительной деятельности*»¹. Роль юри-

ста позволяет ему действовать в определенном поле, но, кроме того, и задает, в свою очередь, *определенные ограничения*, такие как, например, *рассмотрение события только с точки зрения фактов, а не в его реальной полноте, стремление к объективности оценок и специфический язык*. В частности, «даже самые неординарные с моральной точки зрения события и факты юрист должен описать в нейтральных выражениях, не оказывая эмоционального давления и не раскрывая своей юридической оценки»². Речевое поведение неюристов основано главным образом на субъективных представлениях о праве и действии правовых предписаний. Речь непрофессионалов подвержена значительным ситуативным влияниям.

Во-вторых, на естественном национальном языке ведется состязание обвинителя и защитника, на нем сообщают факты участники процесса, наконец, на нем происходит все речевое поведение этих участников: оскорбления, обманы и прочие речевые действия могут сделать простых граждан истцами и ответчиками. Таким образом, для юристов особый интерес представляет *коммуникативно-речевой аспект языка*, а именно прагматический, поскольку *язык является средством воздействия на психику и поведение других людей*, нередко средством манипуляции. Поэтому юристы должны быть компетентны в вопросах, какие свойства языка позволяют это делать, как использовать эти свойства и как раскрывать *способы речевого манипулирования* другими людьми. Правоведы признают огромную роль языка как орудия убеждения, как способа воздействия на общество в целом и на отдельную личность, в частности: убеждение подследственного в целесообразности признания, суггестивное воздействие на суд, конкретно суд присяжных. Существует большое количество работ, посвященных языку судебных речей, авторами которых являются филологи, логики, психологи и сами юристы³.

² Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика–2: русский язык в естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000. С. 73.

³ См. напр: Ивакина Н.И. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). М., 2002; Сергеев П. Искусство речи на суде. 3-е изд. Тула, 2000; Юридическая риторика: В помощь будущему юристу. Челябинск, 2000.

¹ Губаева Т.В. Прагматика речевого общения в правовой сфере // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. Пермь, 1994. С. 268.

В-третьих, язык попадает в поле зрения юристов постольку, поскольку на естественном национальном языке пишутся законы и подзаконные (ведомственные) нормативные правовые акты, дается юридическая оценка действий и деяний, выносятся постановления и приговоры. Можно назвать этот подход к языку орудийным: *язык – орудие юридической деятельности* во всех ее проявлениях. И поэтому юристов должен интересовать вопрос о характере и качестве этого «орудия», а именно: в какой степени язык соответствует предъявляемым ему требованиям, какие стороны языка способствуют выполнению им нужных функций, а какие создают помехи, и следовательно, как использовать первое и как нейтрализовать второе.

Юридический язык имеет ряд отличительных черт. В нем много терминов, имеющих особое юридическое значение, например: кодекс, контрабанда, алиби, мотивы преступления, мера пресечения, конфискация, иммунитет, кассация, клевета, опознание, освидетельствование, оскорбление, отвод. Например, клевета – порочащая кого-что-н. ложь¹ и клевета – преступление, состоящее в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (ст. 129 УК РФ); контрабанда – тайный беспрошленный провоз товаров через границу² и контрабанда – преступление в сфере таможенного дела, заключающееся в перемещении в крупном размере через таможенную границу РФ товаров или иных предметов, совершенное помимо или с сокрытием таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации... (ст. 188 УК РФ).

В качестве терминов используются некоторые общеразговорные слова: *хранение, чек, штраф, случай, события, клад, попрошайничество, оговор, неустойка*; устаревшие: *деяние, сокрытие, водворение*; существительные и глаголы, характерные для книжного стиля: *изъять, изъятие, водворить*, для официального стиля: *подлежать, взыскание, отбыть*; существитель-

ные, не характерные для общего употребления: *недонесение, приискание, осужденный*. Большинство многозначных слов обозначает особые юридические понятия: *привод* – принудительное доставление кого-либо в органы расследования и суда; *склонить* – заставить совершить преступление; *погашение* – прекращение срока судимости; *эпизод* – часть преступных действий. Наряду со словосочетаниями-терминами, которые используются в повседневном общении (например, *государственная дума, глава правительства, генеральный прокурор, правоохранительные органы, организованная преступность, суд присяжных*), в юридическом языке употребляются словосочетания, не встречающиеся за пределами правовой сферы общения: *организатор преступления, осужденные к лишению свободы, совершение преступления, отбывать наказание, обвинительное заключение, правовая семья, преступная самонадеянность* и др.

Характеризуя лексический состав языка для специальных целей, исследователи чаще говорят об «элиминации эмоционально-экспрессивных индивидуальных элементов» (Ю.С. Степанов) и об «отказе от употребления экспрессивной, стилистически маркированной лексики» (С.Д. Шелов). Однако с этой точки зрения юридический язык представляет собой исключение. В этом функциональном языке выделяются термины оценочного характера (юрид.: оценочные понятия), которые используются как в нормативных официально-деловых документах, так и в судебных речах. В терминах оценочного характера содержится потенциальная оценочность за счет входящих в них слов оценочного значения: злостное хулиганство, злостное уклонение, строгие условия содержания, облегченные условия отбывания наказания, особая жестокость, грубое нарушение правил, вредные последствия, условия усиленного надзора, колонии усиленного, строгого и особого режимов.

Применительно к наукам уголовно-правового блока сказанное приобретает особое значение, поскольку, во-первых, смежные учебные дисциплины, такие как уголовное право, уголовный процесс, криминалистика и оперативно-розыскная деятельность, оперируя подчас одними и теми же понятиями, вкладывают в их содержание различную смысловую нагрузку. Так,

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 246.

² См.: там же. С. 259.

термин «стадия» в уголовном праве используется при описании динамики совершения умышленного преступления, т.е. речь идет о приготовлении, покушении и исполнении соответствующего деяния; в уголовном процессе — для обозначения отдельных промежутков времени (этапов) уголовно-процессуальной деятельности, для каждого из которых характерны свои отличительные признаки; в криминалистике — при изложении последовательности производства отдельных следственных действий, например, осмотра места происшествия и т.п.

Во-вторых, в законодательствах и соответствующих им теориях уголовно-правового блока достаточно часто используются *устаревшие выражения и морфологические конструкции (анахронизмы)*, которые безмерно засоряют юридические тексты и, не создавая принципиально новых направлений в науке, способствуют активизации абсолютно бесполезных (с практической точки зрения) исследований и сопутствующих им дискуссий (к их числу относится термин «уголовное преследование»).

В дополнение к сказанному можно прокомментировать п. 56 ст. 5 УПК РФ, который специально оговаривает, что уголовное судопроизводство есть досудебное и судебное производство по уголовному делу. Данное предписание закона в теории уголовно-процессуального права интерпретируется по-разному. Например, профессор И.В. Тыричев, отмечая, что уголовный процесс и уголовное судопроизводство не являются деятельностью тождественной, вместе с тем подчеркивает (в том же источнике), что уголовный процесс иначе называется уголовным судопроизводством. При этом он оговаривает, что в учебнике рассматриваемые понятия используются как равнозначные¹.

На уязвимость подобных утверждений обращает внимание профессор П.С. Элькин, когда замечает, что «... в законодательстве и правовой литературе термины «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» употребляются как тождественные... хотя с позиций семантики было бы правильнее именовать судопроизводст-

вом только ту часть уголовного процесса, которая связана с уголовно-процессуальной деятельностью и правоотношениями, складывающимися в суде»².

По сути, выражение «уголовное судопроизводство» пришло из XIX в., когда в свете Уставов уголовного судопроизводства 1864 г. досудебное и судебное производство по уголовным делам осуществлялись в рамках единой судебной системы. В настоящее же время, даже несмотря на то, что рассматриваемый термин активно используется в УПК РФ, его следует расценивать в качестве анахронизма.

Термин «преступник» наиболее чаще употребляется в теории криминалистики и, по мнению Ю.Д. Блувштейна, может быть истолкован, как минимум, четырьмя способами: 1) преступником является всякое лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, вне зависимости от того, был ли факт совершения преступления данным лицом установлен уполномоченным на то государственным органом; 2) преступником является лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, если факт совершения преступления данным лицом установлен уполномоченным на то государственным органом; 3) преступником является лицо, привлеченное к уголовной ответственности; 4) преступником является осужденный³.

В уголовно-процессуальной и криминалистической науках используются более «обтекаемые» формулировки: «виновный», «лицо, совершившее преступление» и т.д., также являющиеся небыстречными.

Наконец, ст. 6 УПК РФ определяет, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2, ч. 1). Часть 2 этой же статьи развивает указанные предписания следующим образом: «Уголовное (читай «преступное» — *авт.*) преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и *отказ от уголовного преследования не-*

² Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М., 1976. С. 233.

³ См.: Блувштейн Ю.Д. Криминология и математика. М., 1974. С. 53.

¹ См.: Уголовный процесс: Учеб. для вузов / Под общ. ред. П.А. Лупинской. М., 1995. С. 8.

виновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Часть 1 ст. 14 УПК РФ «Презумпция невиновности» гласит, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Сопоставительный анализ ст. 6 и 14 УПК РФ позволяет сделать вполне «правомерный» вывод о том, что отказ в стадии предвари-

тельного расследования от уголовного преследования любого обвиняемого, считающегося невиновным до приговора суда, вполне отвечает назначению уголовного судопроизводства.

В настоящей статье сделана попытка привлечь внимание к проблемам юрислингвистики и раскрыть некоторые противоречивые аспекты юридической терминологии. Авторы полагают, что изучение перечисленных в статье явлений – важная задача междисциплинарных исследований на стыке лингвистики и юриспруденции.

А.В. Баринов,

*заместитель начальника кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ЗАКАЗА ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД В СВЕТЕ НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Одной из проблем современного гражданского права является проблема правового регулирования отношений по поставкам товаров, выполнению работ, предоставлению услуг для нужд публично-правовых образований по государственным или муниципальным контрактам. Данная проблема обусловлена тем, что правовое регулирование отношений по заключению государственных контрактов осуществляется целым рядом нормативных правовых актов, причем различной отраслевой принадлежности (гражданским и бюджетным законодательством). Однако даже в рамках гражданско-правового регулирования не сложилось единого понимания правовых подходов, которые должны обеспечить экономическую эффективность государственных закупок. Высокая значимость государственных закупок обусловлена, прежде всего, их особой целевой направленностью, поскольку они нужны для удовлетворения потребностей государства, обеспечения его жизнедеятельности, выполнения государством своих функций. Поэтому данная проблема не оставалась без внимания в со-

временной научной литературе¹. Выводы авторов в целом сводились к необходимости принятия специального закона, регулирующего поставки для государственных нужд, вместо разрозненного массива нормативных правовых актов. Тем более для российского законодательства, в том числе и дореволюционного, традиционно характерно наличие специальных актов².

Принятый 8 июля 2005 г. и вступивший в силу с 1 января 2006 г. ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (далее – Закон)³, однако, не стал таким комплексным законодательным актом, но, безусловно, является большим шагом вперед по формированию законодательства, регулирующего договорные

¹ См.: *Андреева Л.В.* Правовые проблемы обеспечения государственных нужд // Государство и право. 1999. № 8; *Суханов Е.А.* Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам // Вестн. ВАС РФ. 2001. № 3; *Романец Ю.В.* Участие в гражданском договоре субъектов, основанных на государственной и муниципальной собственности // Законодательство. 2001. № 1; *Демин А.* Государственные контракты (публично-правовой аспект) // Хозяйство и право. 1997. № 8; *Белов В.А.* Правовое регулирование размещения заказа // Право и экономика. 2005. № 2.

² В дореволюционном гражданском законодательстве такие отношения регулировались Положением о казенных подрядах и поставках, принятым в 1870 г. и впоследствии неоднократно изменявшимся и дополнявшимся. (См.: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: В 2 ч. М., 2000. С. 657–668; *Шершеневич Г.Ф.* Русское гражданское право. Тула, 2001. С. 485.)

³ СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3105.

отношения с участием публично-правовых образований.

Прежде всего Закон направлен на решение задач систематизации законодательства в сфере государственных и муниципальных закупок, обеспечения прозрачности закупочного механизма, стимулирования добросовестной конкуренции, рационального расходования денежных средств, устранения возможностей злоупотреблений и коррупции путем четкой регламентации процедур размещения заказов. Необходимо также отметить, что при разработке данного Закона был использован и международный опыт, т.к. ряд положений Закона построен на основе рекомендаций, содержащихся в Типовом законе ЮНСИТРАЛ о закупках товаров (работ) и услуг¹, разработанных Комиссией ООН по праву международной торговли.

Новый Закон регулирует отношения, связанные с размещением заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд. Он пришел на смену ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд»² от 6 мая 1999 г. № 97-ФЗ.

Даже из названия данных законов видна принципиальная разница в правовых подходах по регулированию отношений по размещению заказов для государственных нужд. Так, ранее действовавший ФЗ от 6 мая 1999 г. определял порядок размещения заказов только для государственных нужд и причем только путем проведения конкурса. Возможность же размещать заказы иным путем, в частности, запросом котировок и осуществлением закупок у единственного поставщика, определялась в Положении об организации закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд³. Новый же Закон закрепляет единый поряд-

док размещения заказов как для государственных нужд (двух уровней – федеральных и региональных), так и для муниципальных. В нем собраны и конкретизированы все способы, с помощью которых может осуществляться размещение таких заказов. Более того, данный Закон имеет массу нововведений, которые принципиально отличают его от предыдущего и направлены в первую очередь на реализацию целей, поставленных в п. 1 ст. 1 Закона. Рассмотрим сущность этих новелл и особенности процесса правового регулирования, связанные с принятием нового Закона.

Так, Закон в первую очередь определяет систему законодательства о размещении заказов и ее иерархию. Помимо этого, данную систему также определяют некоторые положения ГК РФ, Бюджетного кодекса (БК) РФ и иных федеральных законов. Причем Закон имеет приоритет над другими нормативными правовыми актами, содержащими нормы о размещении заказов. Кроме того, остается неопределенность в соотношении норм гражданского и бюджетного законодательства. Более того, при внесении изменений в ГК РФ и БК РФ, связанных с принятием Закона⁴, нормы гражданско-правового характера были включены в БК РФ (п. 2 ст. 72). Правовое регулирование в сфере размещения заказов также может осуществлять и федеральный орган исполнительной власти, который уполномочен принимать соответствующие нормативные правовые акты⁵.

В новом Законе четко определены стороны отношений по размещению заказа для государственных и муниципальных нужд. Со стороны публично-правовых образова-

¹ Текст Типового закона приводится по официальной публикации ООН (Нью-Йорк, 1995 г.) в справочной правовой системе «Гарант-максимум».

² См.: СЗ РФ. 1999. № 19. Ст. 2302.

³ Данное Положение утверждено Указом Президента РФ «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд» от 8 апр. 1997 г. № 305. (СЗ РФ. 1997. № 15. Ст. 1756.)

⁴ См.: О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»: ФЗ от 2 февр. 2006 г. // СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 636.

⁵ В настоящее время такое нормативно-правовое регулирование осуществляет Министерство экономического развития и торговли РФ. (См.: Вопросы Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 7 апр. 2004 г. № 187 // СЗ РФ. 2004. № 15. Ст. 1480.)

ний в соответствии со ст. 4 Закона выступают государственные и муниципальные заказчики, которыми могут быть соответственно органы государственной власти РФ или органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, а также уполномоченные указанными органами получатели бюджетных средств. Причем такие уполномоченные органы могут осуществлять все функции заказчиков, за исключением подписания государственных или муниципальных контрактов. Кроме того, Закон дает право заказчику или уполномоченному органу привлечь на основе договора специализированную организацию для осуществления функций по размещению заказа путем проведения торгов и иных связанных с обеспечением проведения торгов функций, за исключением тех из них, которые Законом отнесены к компетенции заказчика (п. 1 ст. 6). Исходя из норм Закона, такой договор должен носить характер договора поручения.

В отличие от ФЗ от 6 мая 1999 г., в котором устанавливались ограничения к участникам конкурса, в новом Законе контрагентом заказчика может быть любое юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала или любое физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель. Причем, исходя из буквального толкования ст. 8 Закона, участником размещения может быть и физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем. В этом случае возникает вопрос: какой заказ может размещаться у такого гражданина и каким образом он его сможет выполнить?

Исходя из принципов международного частного права, Закон дает возможность стать участником таких отношений и иностранным лицам, предоставляя национальный режим в отношении товаров, произведенных в иностранных государствах; работ, услуг, выполняемых, оказываемых иностранными лицами. Однако предоставление такого режима ограничивается принципом взаимности, т.е. такой режим предоставляется иностранным лицам тех государств, в которых аналогичный режим установлен в отношении товаров российского

происхождения; работ, услуг, выполняемых, оказываемых российскими лицами.

Кроме того, в Законе специально установлены преимущества для **учреждений уголовно-исполнительной системы** и организаций инвалидов в случае их участия в размещении заказов (ст. 14). Так, при размещении заказов путем проведения конкурсов заказчик, уполномоченный орган в случаях, предусмотренных Правительством РФ, вправе предоставлять преимущества указанным лицам в отношении предлагаемой цены контракта в размере до 15 % (п. 12 ч. 4 ст. 21). Преимущества также устанавливаются и при проведении аукциона (ч. 3 ст. 37). При размещении заказов путем проведения торгов Закон также обязывает государственных заказчиков размещать их у субъектов малого предпринимательства в размере 15 % от общего объема поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг (п. 1 ст. 15). Однако иных правил, стимулирующих участие субъектов малого предпринимательства в государственных закупках, новый Закон не установил, поэтому можно согласиться с Л. Андреевой, что «эффективность выбранного законодателем решения проблемы привлечения субъектов малого предпринимательства к государственным закупкам вызывает сомнение»¹.

В Законе достаточно четко определены требования к участникам при размещении заказов путем проведения торгов и условия допуска их к участию в торгах. Причем несомненным достоинством Закона является то, что проверка соответствия участников размещения заказа установленным требованиям за отдельным исключением должна проводиться заказчиком, уполномоченным органом или комиссией по проведению торгов. При этом такие лица не вправе возлагать на участников обязанность подтверждать соответствие данным требованиям.

С целью защиты от недобросовестных контрагентов при размещении заказов федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере размещения заказов, обязан вести реестр недобросовестных поставщи-

---

¹ Андреева Л. Новое в законодательстве о государственных и муниципальных закупках // Хозяйство и право. 2006. № 1. С. 47.

ков. В него включаются сведения об участниках, уклонившихся от заключения государственного или муниципального контракта, а также о поставщиках, с которыми государственные или муниципальные контракты расторгнуты в связи с существенным нарушением ими таких контрактов. Такой реестр должен быть размещен на официальном сайте РФ и быть доступен для ознакомления любым лицам. Это положение, несомненно, повысит ответственность частных лиц, участвующих в размещении заказов и в последующем исполнении государственного контракта.

В Законе впервые определено понятие размещения заказов, под которым понимаются действия заказчиков, уполномоченных органов по определению поставщиков (исполнителей, подрядчиков) в целях заключения с ними государственных или муниципальных контрактов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг (ст. 5). До этого в ГК РФ и иных законах данное понятие не раскрывалось, а только связывалось с обязанностью государственного заказчика заключить государственный контракт с поставщиком, принявшим заказ (п. 1 ст. 527). Поэтому юридическая природа размещения заказа была не ясна. Теперь же размещение заказа можно рассматривать как своего рода преддоговорные отношения между заказчиками, уполномоченными органами и лицами, выступающими с предложением об исполнении заказа (участниками), цель которых сводится к выявлению по определенным правилам конкретного участника, с которым и будет заключен государственный контракт. Поэтому заказ считается размещенным со дня заключения государственного или муниципального контракта (ч. 4 ст. 9). Такой контракт по определению Закона является договором, заключенным заказчиком от имени РФ, субъекта РФ или муниципального образования в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд (п. 1 ст. 9). В свою очередь, государственный и муниципальный контракт должен быть занесен в соответствующий реестр государственных или муниципальных контрактов, заключенных по итогам размещения заказов, которые обязаны вести уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, орган испол-

нительной власти субъекта РФ, орган местного самоуправления. Причем сведения, содержащиеся в реестрах контрактов, должны быть доступны для ознакомления на официальном сайте соответствующего органа, за исключением контрактов, связанных с государственной тайной. Эта новелла Закона направлена на обеспечение не только государственного, но и общественного контроля над размещением госзаказов.

Помимо процесса размещения заказа Закон также частично определяет условия отказа заказчика от заключения государственного контракта, а также условия изменения и расторжения договора. В частности, Закон дает право заказчику при исполнении контракта в одностороннем порядке изменить объем всех предусмотренных контрактом работ, услуг не более чем на 5 % такого объема и соответственно изменить цену контракта пропорционально объему указанных дополнительных работ, услуг, но не более чем на 5 % такой цены.

Наиболее важными положениями нового Закона являются установление и подробная правовая регламентация способов размещения заказов.

В соответствии с п. 1 ст. 10 Закона размещение заказа может осуществляться следующими способами:

- 1) путем проведения торгов в форме конкурса, аукциона, в том числе аукциона в электронной форме;
- 2) без проведения торгов (путем запроса котировок; размещения у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика), на товарных биржах).

Причем Закон при размещении заказа отдает предпочтение торгам, т.к. как только таким способом возможно обеспечить заключение договора на оптимальных условиях, и прежде всего в отношении цены¹, что очень важно при расходовании бюджетных средств. Без проведения торгов размещение заказа может проводиться только в случаях, специально указанных в Законе. Что касается основных способов размещения заказов, то коротко их суть сводится к следующему.

---

¹ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. М., 2000. Кн. 1: Общие положения. С. 221.

Под конкурсом понимаются торги, победителем которых признается лицо, которое предложило лучшие условия исполнения государственного или муниципального контракта и заявке которого (на участие в конкурсе) специально созданной конкурсной комиссией присвоен первый номер. По смыслу Закона конкурсы должны проводиться преимущественно тогда, когда необходимо закупить технически сложные товары, поэтому Закон требует, чтобы в конкурсной документации устанавливались требования к качеству, техническим и функциональным характеристикам, безопасности и иные показатели, связанные с определением соответствия поставляемого товара, выполненных работ, оказываемых услуг потребностям заказчика (ч. 2 ст. 22).

Аукцион является новым способом, применяемым при размещении заказов. Под аукционом на право заключить государственный или муниципальный контракт понимаются торги, победителем которых признается лицо, предложившее наиболее низкую цену государственного или муниципального контракта. Таким образом, аукцион проводится путем снижения начальной цены контракта, указанной в извещении о проведении открытого аукциона, на «шаг аукциона», который устанавливается в размере 5 % от начальной цены контракта.

Размещение заказов путем проведения аукциона может проводиться на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, перечень которых будет установлен Правительством РФ, для которых есть функционирующий рынок и сравнивать которые можно только по их ценам. Иным образом размещать заказы на такие товары, работы, услуги Законом не допускается.

Торги в форме конкурса и аукциона могут быть открытыми или закрытыми. Причем закрытые торги могут проводиться только в случае размещения заказа на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг, сведения о которых составляют государственную тайну.

В условиях развития современных информационных технологий Закон дает возможность проведения открытого аукциона в электронной форме на специальном сайте в Интернете, что является несомненным достоинством этого акта. Такой аукцион может проводиться только в случае, если начальная

цена государственного или муниципального контракта не превышает 500 тыс. руб.

При проведении аукциона в электронной форме «шаг аукциона» не устанавливается, а определение победителя имеет свои особенности. Аукцион считается оконченным, если в течение одного часа с момента размещения на сайте в Интернете последнего предложения о цене контракта не поступило ни одного предложения с более низкой ценой контракта. Если в нескольких предложениях указана одинаковая наиболее низкая цена, победителем признается участник аукциона, предложение которого поступило ранее других. Надо отметить, что данный способ размещения заказа является наиболее интересным и предпочтительным, т.к. позволяет с минимальными затратами средств и времени заключить государственный контракт. Как будет реализован данный способ на практике, покажет время.

Размещению заказа путем проведения конкурса и аукциона посвящена треть норм нового Закона (гл. 2 и 3 соответственно), которые по содержанию оказались самыми громоздкими и трудновоспринимаемыми. Сравнительный анализ этих глав указывает на идентичный порядок проведения данных форм торгов. Более того, ряд норм этих глав сформулирован практически одинаково, что значительно увеличило объем Закона по сравнению с предшествующим и является отрицательным моментом в целом неплохого законодательного акта.

Размещение заказа путем запроса котировок осуществляется посредством размещения на официальном сайте для неограниченного круга лиц информации о потребностях в товарах, работах, услугах для государственных или муниципальных нужд и извещения о проведении запроса котировок. Победителем же признается участник, предложивший наиболее низкую цену контракта.

Таким способом размещение заказа возможно только в случае, если производство товаров, выполнение работ, оказание услуг осуществляются не по конкретным заявкам заказчика и для них есть функционирующий рынок при условии, что цена государственного или муниципального контракта не превышает 250 тыс. руб. либо аукцион признан несостоявшимся и начальная цена государственного или муниципального контракта не превышает 250 тыс. руб.

Специальным образом регулируется в Законе размещение заказа путем запроса котировок в целях оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера. Особенность такого размещения состоит в том, что заказчик, уполномоченный орган проводят предварительный отбор участников, которые могут в возможно короткий срок без предварительной оплаты и (или) с отсрочкой платежа осуществить поставки необходимых товаров, выполнение работ, оказание услуг. По результатам предварительного отбора составляется перечень таких участников, который подлежит ежегодному обновлению. В дальнейшем при возникновении указанных выше обстоятельств заказчик направляет запрос котировок без ограничения цены государственного или муниципального контракта всем участникам размещения заказа с использованием любых средств связи, которые могут осуществить необходимые поставки. После чего котировочная комиссия в специальном порядке определяет победителя, с которым и заключается государственный контракт.

Анализ норм гл. 4 и 5 Закона, регулирующих процедуру размещения заказа путем запроса котировок, и сопоставление их с нормами гл. 3 Закона о размещении заказа путем проведения аукциона позволяют сделать вывод, что по порядку проведения размещения заказа путем запроса котировок тождественно размещению заказа путем проведения аукциона в электронной форме. Разница проявляется лишь в цене размещаемого заказа. Таким образом, по своей правовой природе размещение заказа путем проведения запроса котировок представляет собой не что иное, как размещение заказа в форме торгов, хотя законодатель почему-то считает по-другому. На правовое сходство проведения конкурса, аукциона и запроса котировок указывает и то, что решение о победителе принимает специально созданная комиссия: конкурсная, аукционная и котировочная (ст. 7).

Размещение заказа у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) состоит в том, что заказчик предлагает заключить государственный или муниципальный контракт только с одним поставщиком (исполнителем, подрядчиком). Для данного спосо-

ба Закон приводит исчерпывающий перечень случаев его применения в целях недопущения необоснованного заключения договора без проведения торгов. Стоит отметить, что заказчики в случаях, предусмотренных Правительством РФ, обязаны размещать заказ таким способом, чтобы производство товаров, выполнение работ, оказание услуг могли осуществлять **учреждения уголовно-исполнительной системы**.

Размещение заказа таким способом в одних случаях следует рассматривать как заключение договора в общем порядке (направление оферты – получение акцепта), а в других – как заключение договора в обязательном порядке ввиду того, что контрагент не может отказаться от его заключения. Несмотря на одну статью Закона, посвященную этому способу размещения заказа, процесс заключения государственного контракта при таком способе размещения заказа регулируется также гл. 28 и ст. 527, 528, 529, 765 ГК РФ, поэтому трудно согласиться с Л. Андреевой, считающей, что такой способ размещения заказа нельзя рассматривать в качестве самостоятельного способа заключения договора¹.

Если для государственных или муниципальных нужд необходима поставка биржевых товаров на сумму, превышающую 5 млн руб., то размещение заказов может осуществляться на товарных биржах. Порядок размещения таких заказов должен быть установлен Правительством РФ. Особенности же заключения государственного или муниципального контракта в ходе биржевых торгов определяются ГК РФ и Законом РФ «О товарных биржах и биржевой торговле» от 20 февраля 1992 г. № 2383-1². Нужно отметить, что заключение сделок на товарных биржах осуществляется путем проведения торгов непосредственно самими биржами. Поэтому размещение заказа на товарных биржах следует отнести к способу заключения договора на торгах, хотя в Законе этот способ к таковому не относится.

Таким образом, размещение заказа на поставку товара, выполнение работ и оказание

¹ См.: Андреева Л. Новое в законодательстве о государственных и муниципальных закупках. С. 51.

² См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 18. Ст. 961; № 34. Ст. 1966; 1993. № 22. Ст. 790; СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2379; 2002. № 12. Ст. 1093; 2004. № 27. Ст. 2711.

услуг с юридической точки зрения можно рассматривать как специальный порядок заключения гражданско-правового договора (государственного контракта) путем проведения торгов в форме конкурса, аукциона, запроса котировок и торгов на товарной бирже или без проведения торгов при заключении контракта с единственным поставщиком в общем или обязательном порядке.

В целом вступивший в силу Закон о размещении заказов для государственных и муниципальных нужд направлен на создание

прозрачной системы государственных закупок и совершенствование механизма исполнения государственных контрактов. Несмотря на ряд недостатков этого Закона, которые еще проявятся в правоприменительной практике, огромным шагом вперед является введение электронной системы размещения заказов, которая позволит ускорить и оптимизировать процесс удовлетворения государственных потребностей, а значит, повысить эффективность участия публично-правовых образований в хозяйственном обороте.

А.Н. Баринова,

*методист кафедры экономических и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОДРОСТКАМИ И ЮНОШАМИ НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВА

Среди многих проблем, стоящих сегодня перед российским государством, важной является проблема употребления психоактивных веществ (ПАВ) как глобальная угроза здоровью населения страны и национальной безопасности. Согласно данным Госкомстата России, в нашей стране сегодня насчитывается 6 млн наркоманов¹.

В последние годы практически во всех регионах Российской Федерации ситуация, связанная со злоупотреблением наркотическими средствами и их незаконным оборотом, имеет тенденцию к ухудшению.

Ситуация осложняется тем, что в настоящее время на первый план выходит употребление синтетических препаратов с высокой наркотической активностью (героин, амфетамины). При этом подростки и юноши в силу незавершенности возрастного психического и личностного развития быстрее, чем взрослые, попадают в болезненную зависимость от наркотиков. К синтетическим наркотикам не подходит слово «попробовать», т.к. привыкание происходит мгновенно.

Молодежь юношеского возраста выступает своего рода «транслятором» наркотической субкультуры и облегченного отноше-

ния к наркотикам. Существует определенная «возрастная волна» (преимущественно со стороны юношей) в трансляции «нового» отношения к наркотикам, особенно в среде девушек. Это своеобразный вызов со стороны особой молодежной наркотической субкультуры, которая базируется и в учреждениях культурно-развлекательной сферы (дискотеки, клубы и др.), и в образовательных учреждениях. Данная субкультура пропагандирует следующие ценности:

- наркотики бывают «серьезные» и «несерьезные», «легкие»;
- наркотики делают человека «свободным»;
- наркотики помогают решать жизненные проблемы;
- наркотики могут и должны быть легализованы.

Определенный негативный вклад в формирование этих ценностей, обуславливающих так называемое разрушающее поведение, вносят средства массовой информации, рассчитанные на молодежную аудиторию.

На наш взгляд, как следствие этих публикаций выступает убежденность более 80 % несовершеннолетних, употребляющих эпизодически или постоянно наркотические вещества, в своих возможностях прекратить прием наркотиков при личном желании, «волевым усилием», хотя свыше 70 % уже пробовали отказаться, но продолжают злоупотреблять наркотическими средствами.

Согласно последним исследованиям возрастная градация лиц, состоящих на наркологическом учете, выглядит следующим образом:

- с 14 до 18 лет – 35 %;
- с 18 до 25 лет – 44 %;

¹ См.: Россия в цифрах. М., 2005. С. 139.

– с 25 до 35 лет – 21 %¹.

В подростковой и юношеской среде распространена достаточно полная информация о видах наркотических средств и эффектах их действия. Эта осведомленность сочетается с пассивным отношением к приему наркотических средств среди сверстников по двору, по классу. Такая пассивность, усугубленная относительной несложностью приобретения и доступностью ПАВ, их включенностью в досуговый образ жизни, и придает угрожающий характер наркогенной ситуации.

Вопрос профилактики употребления ПАВ подростками и юношами – сложная проблема, включающая в себя медицинский, психологический, педагогический и юридический аспекты.

При высоком уровне развития подростково-юношеской наркотической зависимости в поведении наркомана отмечается болезненная зависимость от наркотических веществ. Наркотизация ведет к различным социальным отклонениям, которые нередко связаны с уголовно наказуемыми деяниями.

Связь наркомании и преступности определяется противоправными действиями. Условно можно разделить преступления, связанные с наркотиками и наркоманией, на две группы:

1) преступления, связанные собственно с наркотиками, когда к ответственности привлекаются лица, непосредственно занимающиеся незаконным оборотом наркотиков;

2) преступления, совершенные на почве наркомании, когда к уголовной ответственности привлекаются лица, зависимые от наркотиков или потребляющие их:

– совершившие правонарушения с целью завладения наркотиками или средствами для их приобретения;

– совершившие правонарушения в состоянии наркотического опьянения².

Значительную трудность в профилактике и преодолении наркотизации молодежи создает отсутствие достаточной правовой базы для борьбы с употреблением ПАВ. Интересен опыт зарубежных стран, например, Нигерии. Импорт наркотиков из этой страны занимает значительную долю всего

российского наркорынка. Срок наказания за производство, сбыт, распространение наркотиков здесь составляет от 15 до 25 лет, вплоть до пожизненного заключения³.

Согласно Уголовному кодексу РФ строго караются незаконное приобретение, изготовление, хранение, перевозка и сбыт наркотических веществ, а также склонение других к их употреблению. У молодежи отсутствуют сведения о том, какие вещества законом признаются наркотиками, а какие к ним не относятся. Другими словами, подростки и юноши не знают, за что следует нести уголовную ответственность. Эту ответственность несут лица с шестнадцатилетнего возраста.

Мы можем сформулировать основные принципы профилактики употребления ПАВ подростками и юношами с правовой точки зрения.

Строгая согласованность всех звеньев профилактической работы: администрации образовательных заведений, педагогов, семьи, медиков, работников правоохранительных органов и т.д.

1. Повышение уровня знаний учащихся об уголовно-правовых мерах борьбы с наркоманией и токсикоманией.

2. Подготовка специальных работников в органах внутренних дел по предупреждению подростковой и молодежной наркомании.

3. Выделение в отчетности органов внутренних дел, судов, прокуратуры сведений о распространенности наркомании среди учащейся молодежи, разработка комплексных профилактических мероприятий.

4. Выявление и разоблачение лиц, занимающихся вовлечением и распространением наркотических веществ среди учащейся молодежи.

5. Необходима социальная стратегия предупреждения правонарушений, включающая выявление групп риска, анализ кризисных ситуаций в молодежной среде и предложения по социально приемлемым способам решения этих ситуаций.

Проведенные нами исследования показывают, что подростки и юноши не знают: с каких лет по российскому законодательству возможно привлечение лица к ответственности за немедицинское хранение, потребление, распространение наркотиков; как

¹ См.: Россия в цифрах. М., 2005. С. 139.

² См.: Лукьянчиков Н.Ф. и др. Наркологические заболевания: медико-социальные и правовые аспекты, диагностика и организация профилактической работы. Владимир, 2002. С. 26–27.

³ См.: Фортova Л.К. Педагогические основы профилактики алкоголизма и наркомании среди детей и подростков: Моногр. Владимир, 2002. С. 126.

влияет состояние наркотического опьянения на наказание за совершенное преступление; какая ответственность предусмотрена за вовлечение несовершеннолетнего в незаконное потребление, хранение, распространение наркотических веществ.

Таким образом, предотвращение первичного обращения подростков и юношей к

В.В. Богатырев,

*заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент*

ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Человеческая цивилизация вступила в новый этап своего развития, характеризующийся осознанием взаимосвязанности, взаимозависимости народов, стран, структур, институтов, общественных движений, людей, каждого человека в рамках единого живого организма планеты Земля. В современной науке этот этап получил название «глобализация». На эту тему написано уже сравнительно большое количество научных трудов¹, раскрывающих и анализирующих проблемы, с которыми столкнулось человечество. Э. Гор в своей книге, характеризуя состояние современного мира, пишет, что «цивилизация способна уничтожить самое себя»². В рамках противостояния современным угрозам явно просматривается необходимость создания новой парадигмы развития человечества, которая на сегодняшний день создается в новой отрасли знаний – глобалистике.

Составной частью данной отрасли является правовая глобалистика, основной задачей которой является поиск способов и методов формирования единой, глобальной правовой системы. Так, В.В. Лазарев отмечает, что «с некоторого времени обнаруживается тенденция к интеграции права. Формирование

ПАВ должно основываться на развитии возможностей человека, на овладении молодыми людьми адекватными средствами решения возникающих проблем, на получении ими правовых знаний. Профилактика употребления ПАВ подростками должна носить опережающий характер.

европейского права и появление элементов мирового права замечено и практикой, и теорией»³. Однако, как показала практика, на пути процесса объединения правовых семей и международного права в единую нормативную систему стоит проблема интеграции национальных правовых менталитетов в единое целое.

Определим сначала такое новое явление, как глобализация в праве.

В настоящее время глобализация понимается как процесс «становления единого мира – целостного и по своим общим контурам, и по внутренней взаимосвязанности своих взаимопроникающих компонентов»⁴. Становление единого мира и его компонентов невозможно, в принципе, без универсального регулятора отношений между ними – права. Последнее – закономерный элемент человеческой цивилизации, и поэтому идея заката права в глобальном мире не имеет под собой оснований. Стоит еще отметить, что именно правоведы одни из первых столкнулись с необходимостью создания глобальных механизмов регуляции при появлении первых глобальных проблем, таких как мировые войны, освоение мирового пространства и т.д.

Глобализация предполагает увеличение «прозрачности» границ между различными национальными, экономическими и политическими системами, что, в свою очередь, связано с необходимостью выработки более или менее общих норм поведения политических, экономических субъектов, использования общих «правил игры» на мировом рынке. Вследствие этого национальные правовые системы интернационализи-

¹ См.: Хозин Г.С. Глобальные проблемы человечества. М., 1980; Чумакова А.Н. Философия глобальных проблем. М., 1994; Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000; Тураев В.А. Глобальные вызовы человечеству. М., 2002. и др.

² Гор Э. Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух. М., 1993. С. 13.

³ Лазарев В.В. Поиск права // Журн. рос. права. 2004. № 7. С. 4.

⁴ Ильин М.В. Политические аспекты глобализации // Труды Фонда Горбачева. М., 2001. Т. 7. С. 140.

руются, происходит их сближение, унификация ряда отраслей и институтов права и законодательства. В целом интернационализация права происходит путем рецепции и правовой аккультурации, сближения (конвергенции) правовых систем, унификации и стандартизации права.

Глобализация права в основном происходит на уровне более крупных правовых образований – правовых семей, в которых явно прослеживается процесс стирания граней между различными типами правовых систем, основывающихся на общности типов культур и цивилизаций. Происходит то, что можно назвать стандартизацией или мутацией правовых систем и правового образа народов, населяющих разные страны и континенты. Это особенно заметно на уровне европейского континента. Расширение числа государств Европейского союза и Совета Европы унифицирует правовое развитие стран, входящих в эти сообщества.

Однако процессы глобализации в праве, о которых мы говорили выше, довольно серьезно отстают от темпов глобализации всей мировой социальной системы, в частности, от темпов глобализации в экономике. Это связано прежде всего с тем, что духовная сфера наиболее сложно модернизируется. Отставание в сфере регулирования общественных отношений дает возможность некоторым нечистоплотным участникам международного общения координировать и направлять процесс глобализации в выгодное им русло. Данная тенденция вызывает негодование и отторжение самой идеи глобализации и выражается в движении антиглобалистов¹. Однако процесс глобализации – явление объективное, которое заложено перманентно в эволюционный путь человечества, и противостоять ему, в принципе, невозможно. Можно сказать, что движение антиглобалистов, по своей сути, является движением за альтернативную глобализацию.

Ведущими в сегодняшнем процессе глобализации являются западные страны, поэтому процесс глобализации права проходит более интенсивно в правовых семьях западной традиции права, в так называемом отдифференцированном праве, которое, по

своей сути, является позитивным и довольно сложно осуществляется в «неотдифференцированном» праве правовых семей Востока². При этом явно прослеживается кризис как в праве, так и во всей духовной сфере западных цивилизаций, но данное явление не имеет места в восточных цивилизациях. Если пристальней рассмотреть глубинные причины этих процессов, то можно сделать вывод, что фундаментом и основной причиной данных процессов является состояние их правового менталитета.

Исследованием менталитета занимаются представители разных наук: историки, психологи, социологи, лингвисты и т.д. О менталитете писали античные историки (Геродот, Тацит, Плиний). Широкое исследование данного понятия осуществлялось и в XVIII в. (Ш. Монтескье, К. Линней, Ж. Бюффон и др.)³. В русской науке на рубеже XIX и XX вв. исследованием национального характера занимались Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Г.П. Федотов. К современным отечественным исследователям данного феномена можно отнести Р. Бистрицкаса и Р. Кочюнаса⁴, Л.Я. Гозмана и А.М. Эткин-да⁵, В.Е. Кагана⁶, Б.И. Кочубея⁷ и др.

Одним из первых российских ученых, рассматривавших менталитет применительно к правовой сфере, стал В.Н. Синюков⁸. Изучением данного явления также занимались: Р.С. Байниязов⁹, Д.В. Меняйло¹⁰, Г.Д. Гриценко¹¹ и т.д. Однако в современной

² См.: *Гриценко Г.Д.* Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополье, 2003.

³ См.: *Дубов И.Г.* Феномен менталитета: психологический анализ // *Вопросы психологии*. 1993. № 5. С. 23.

⁴ См.: *Бистрицкас Р., Кочюнас Р.* Homo soveticus или Homo sapiens? Несколько штрихов к психологическому портрету // *Радуга*. 1989. № 5. С. 78–82.

⁵ См.: *Гозман Л.Я., Эткин А.М.* Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории // *Вопр. философии*. 1991. № 3. С. 164–172.

⁶ См.: *Каган В.Е.* Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание // *Вопр. психологии*. 1992. № 1–2. С. 14–21.

⁷ См.: *Кочубей Б.И.* Жить в обществе и быть свободным // *Знамя*. 1991. № 10. С. 180–202.

⁸ См.: *Синюков В.Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994.

⁹ См.: *Байниязов Р.С.* Правосознание и российский менталитет // *Правоведение*. 2000. № 2. С. 31–40.

¹⁰ См.: *Меняйло Д.В.* Правовой менталитет: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.

¹¹ См.: *Гриценко Г.Д.* Указ. соч.

¹ См.: *Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения»* / Под ред. А.В. Бузгина. М., 2003.

отечественной правовой науке теории правового менталитета пока не создано, были осуществлены только первые шаги в исследовании данного явления.

Эти шаги проявились прежде всего в разработке основных признаков и характерных черт правового менталитета. К ним были отнесены: бинарность; исторически складывающееся культурологическое своеобразие; консервативный, устойчивый, статичный характер; типичность представлений, оценивания, реагирования; коллективный характер; его политико-правовая природа. Было определено, что менталитет обращен к прошлому, настоящему и будущему, и при этом включает в себя как негативные, так и позитивные проявления.

Было также установлено, что правовой менталитет является глубинным, малоизменяемым слоем подсознания, носящим основополагающий и определяющий для юридического мировоззрения, правового мышления и правового сознания характер¹.

С учетом различных точек зрения можно сформулировать краткое определение правового менталитета, под которым мы понимаем исторически сложившиеся, специфические, наиболее типичные и устойчивые для определенной социальной и национальной общности системы мировоззренческих представлений, оценивания и реагирования на прошлые, настоящие и будущие общественные отношения.

При всей сложности и противоречивости содержания менталитета, в том числе и правового, в юридической науке выделяются следующие его уровни:

- ментальность цивилизационного порядка, которая, как правило, носит интерэтнический характер и связана со становлением единых социокультурных универсалий в процессе тесного исторического развития;
- ментальность государственно оформленных общностей;
- ментальность этнических образований.

Если рассматривать уровень ментальности цивилизационного порядка, то она фактически соответствует имеющейся классификации существующих правовых семей. В связи с этим, по нашему мнению, можно

предложить следующую классификацию правовых менталитетов, которая совпадает с классификацией цивилизаций А.Дж. Тойнби²:

- славянский;
- англосаксонский;
- романо-германский;
- мусульманский;
- индусский;
- дальневосточный и т.д.

Важным достижением в рассматриваемой сфере являются исследования, которые были проведены с целью определения структуры правового менталитета. На наш взгляд, оптимальную структуру предложил Д.В. Меняйло. Он считает, что структура правового менталитета представлена совокупностью осознанных и неосознанных правовых представлений, стереотипов, ценностно-правовых ориентаций, правовых аттитюидов и установок определенных социальных общностей в сфере политико-правовой повседневности³.

Опираясь на вышеизложенное, мы можем выделить основные черты правового менталитета, к которым относятся: устойчивость и инерционность, сложность, длительность и трудность изменения. Правовая ментальность образует некий правовой «эфир» социума, попав в который человек невольно заражается его внутренней энергией, входит в это особое правоментальное духовное пространство (в котором есть прошлое, настоящее и будущее), усваивает ментальные установки, стереотипы, привычки, модели поведения и т.д.

Анализируя направления научных исследований, проведенных в сфере правового менталитета, можно отметить, что они в основном нацелены на теоретическое осмысление данного феномена, но совершенно не затрагивают вопросы соотношения правовых менталитетов и выработки механизмов их интеграции. На сегодняшний день уже очевидны трудности, ожидающие исследователей на этом пути. Кроме высокой трудоемкости проводимых работ им придется столкнуться с большим числом пока еще не решенных фундаментальных проблем, что не только будет мешать правильной интерпретации полученных знаний, но и обусловит невозможность создания методических рекомендаций в сфере интеграции менталитетов.

¹ См.: Меняйло Д.В. Указ. соч.

² См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.

³ См.: Меняйло Д.В. Указ. соч.

К числу таких проблем следует отнести, по нашему мнению, выявление реальных иерархий правовых ценностей, которые лежат в основе правового регулирования Востока и Запада. При этом насущным остается вопрос об объективном критерии отбора понятий, которыми эти ценности обозначаются.

Не менее сложной проблемой остается нерешенность вопроса социальных стереотипов в отношении права и соотношения правовых и моральных норм в менталитетах Востока и Запада.

Особое место занимает изучение неосознанных элементов правового менталитета. Юридическая психология мало продвинулась в этом вопросе, и до сих пор выявление неосознаваемой основы существующих ценностных структур или национальных стереотипов поведения ведется в

рамках психоаналитических традиций, единственной надеждой которых является удачливость интуиции исследователя¹.

Необходимость изучения правового менталитета является насущной проблемой всего человечества. Объединение усилий в решении общих проблем в области права позволит создать систему устойчивого развития всего общества, что даст нашей цивилизации возможность выжить в складывающихся условиях глобального хаоса. Однако человечество находится только в начале поиска путей модернизации права, необходимого для решения глобальных проблем. Остается надеяться, что возникшая потребность даст, наконец, толчок столь необходимым масштабным исследованиям правового менталитета в рамках формирующейся правовой глобалистики.

М.А. Василенко,

адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России

АКТУАЛЬНОСТЬ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В 1970–80-е гг. для России была характерна следующая брачная модель: ранние браки, сексуальный дебют молодых и быстрое рождение первенца. Семья в действительности являлась полноценной ячейкой общества и выполняла все присущие ей социальные функции, а именно:

1. Репродуктивная (биологическое воспроизводство населения).

2. Воспитательная (социализация молодого поколения, поддержание культурного воспроизводства общества).

3. Хозяйственно-бытовая (поддержание физического здоровья членов общества, уход за детьми).

4. Функция первичного социального контроля (моральная регламентация поведения членов семьи в различных сферах жизнедеятельности, регламентация ответственности и обязательств в отношении между супругами, родителями и детьми, представителями старшего и среднего поколения).

5. Функция духовного общения (развитие личности членов семьи).

6. Социально-статусная функция (воспроизводство социальной структуры, представление определенного социального статуса членами семьи).

7. Досуговая (организация рационального досуга, социальный контроль).

8. Эмоциональная (эмоциональная стабилизация индивидов и их психологическая терапия)².

Однако уже в 1990-е гг. ситуация начала меняться.

Изучив данные крупнейшего демографического исследования, проведенного независимым Институтом социальной политики при поддержке Европейской экономической комиссии ООН³, мы пришли к следующим выводам.

Популярность зарегистрированного брака среди молодежи быстро падает. Если из поколения, родившегося до 1960-х гг., лишь 20 % пар начинали совместную жизнь без ее регистрации в загсе, то современные молодые пары уже в 50 % случаев начинают сожительство без оформления отношений. В этом вопросе Россия движется от модели, близкой к американской и достаточно традиционной для многих развитых стран, к нетрадицион-

¹ См.: Дубов И.Г. Указ. соч. С. 45.

² См.: Российская социологическая энциклопедия. М., 1990

³ См.: Лит. газ. 2006. 25–31 янв. № 2–3. С. 1, 4.

ному шведскому образцу, для которой характерно более или менее продолжительное совместное проживание партнеров до брака.

В результате количество людей, особенно мужчин, «не состоящих в браке», с каждым годом увеличивается. К тому же сожительствующие пары нередко сохраняют свое «нелегальное» положение до солидного возраста.

Что касается прочности сожительства, то установлен следующий факт: к пятому году совместного проживания около 60 % пар регистрируют свои отношения в загсе, однако к десятому году совместной жизни распадаются более 25 % неформальных браков.

Каковы же причины такой позиции, как «хорошее дело браком не назовут»?

Во-первых, материальная обеспеченность замужних и незамужних женщин все меньше зависит от формального брачного статуса. В результате финансовой эмансипации крушение брака или невступление в него не так болезненно сказывается на женском быте.

Во-вторых, во многом преодолен страх перед одиночеством с психологической точки зрения. По данным демографического исследования, к тридцати годам около 90 % мужчин и женщин имели как минимум одного постоянного партнера (как официального, так и неофициального), с которым прожили вместе не менее трех месяцев. А среди двадцатилетних опыт партнерства был у почти 40 % девушек и 20 % юношей.

Необходимо заметить, что для людей старше 30 лет проблема одиночества продолжает оставаться актуальной, причем в большей степени для женщин, чем для мужчин. И с возрастом угроза одиночества для женщины усиливается, особенно если эта женщина является матерью-одиночкой. Основная причина такого положения дел – наличие на руках ребенка, которого она

воспитывает одна. Хотя отношение к матерям-одиночкам становится все более лояльным в обществе, психологические барьеры на пути брака с женщиной, имеющей ребенка, у многих мужчин пока остаются.

Самое серьезное последствие отказа от регистрации брака в загсе – рождение внебрачных детей. Известно, что в 2004 г. вне брака родился каждый третий российский ребенок, а всего 400 тыс. детей! Хотя это общемировая тенденция, негативные последствия этого явления в России более резко выражены, чем на западе.

Кроме того, еще больше настораживает тот факт, что в России рождаемость в семьях с неоформленным браком в три раза ниже, чем в официальных брачных союзах. Если современная тенденция будет прогрессировать, в недалеком будущем население нашей страны вымрет.

Подводя итог вышесказанному, стоит заметить: а не приведет ли желание «свободно» жить к демографической катастрофе или резкому росту и без того огромного количества беспризорных детей?

Мы считаем, что государство должно как можно скорее принять адекватные сложившейся ситуации меры. Необходимо внести изменения в существующую социальную политику, принять нормативные правовые акты, направленные на реальную поддержку молодых семей (брак которых официально зарегистрирован), оказание помощи многодетным семьям, брошенным и беспризорным детям.

Кроме того, немаловажную роль в этом вопросе может сыграть церковь. Она должна стать ближе к народу, брать на себя более широкий круг социальных функций, осуществлять пропаганду крепкой семьи, а также способствовать духовно-нравственному подъему населения.

Р.Б. Головкин,
начальник кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Защита частной жизни со стороны государства выражается преимущественно в ак-

тивном юридическом противодействии лишь нарушению права на ее неприкосновенность. Моральное и иное социальное противодействие в данном случае носит в основном индивидуальный характер и связано с правосознанием правоприменителя¹. Более выраженное морально-правовое воз-

¹ См. об этом: *Головкин Р.Б.* Правовое и моральное регулирование частной жизни: свойства, стороны, охрана и защита: Моногр. Владимир, 2005.

действие имеет общественная форма защиты, которая реализуется во многих областях общественных отношений¹, в том числе и в сфере частной жизни.

Общественная форма защиты частной жизни – это порядок применения способов защиты (мер защиты и мер ответственности) объединениями граждан, как имеющими статус юридического лица, так и не имеющими такового и не наделенными государственно-властными полномочиями².

Негосударственная (общественная) форма защиты охватывает своим действием не только внешнюю границу частной жизни (ее неприкосновенность), препятствуя проникновению в нее кого-либо, но и внутреннее ее пространство (семейные отношения, брак, секс, любовь, религию, дружбу и т.д.). Следовательно, предположительно, объем защиты в данном случае возрастает, а регулирование приобретает комплексные свойства выраженного морально-правового воздействия.

Вопрос о сущности общественной формы защиты частной жизни и ее видах не получил должной научной оценки и все еще остается открытым в силу его «молодости» и «текучести». История и современность отечественной действительности свидетельствуют, что деятельность общественных объединений и отдельных граждан по защите прав человека и гражданина получила собирательное название «правозащитное движение»³. Его условно можно разделить на две «ветви», два «течения». Первое «течение» – это спонтанно сформировавшаяся деятельность отдельных лиц и общественных объединений по защите нарушенных прав. Оно представляет собой стихийный противовес деятельности государства, автономный от последнего. По мнению сторонников данного «течения», любое государство по определению является естественным источником ограничений и нарушений прав человека, а значит, объектом работы правозащитников. Преследование частных лиц, нарушающих права, – это работа государства, а преследование госу-

дарства, не защитившего эти права, – работа правозащитников⁴.

Рассматриваемое «течение» общественной защиты зародилось скорее как реакция общества на так называемую хрущевскую оттепель конца 50-х гг. XX в., когда у людей появилась возможность говорить больше и открыто, чем при Сталине, начался процесс реабилитации политзаключенных. При хрущевской оттепели возникло так называемое неоленинское движение под лозунгом: «Назад, к ленинским нормам партийной жизни!». Основатели данного движения считали, что Сталиным было искажено правильное развитие страны, а вот ленинский курс являлся самым верным. Политическая позиция неоленинцев была очень демократична. Из известного ленинского постулата «демократия не может быть неограниченной» представители данного направления правозащиты выводили следующее: демократия и права человека нужны, но не для всех. Отсюда правом на демократию должны обладать только рабочие.

По мнению председателя Международного фонда защиты от дискриминации, за соблюдение конституционных прав и основных свобод человека, правозащитное движение исторически было основано на инакомыслии по отношению к государственной идеологии, носило диссидентский характер. Когда тот строй рухнул, а в России установилась якобы демократия (хотя демократией это можно назвать с натяжкой), неожиданных свобод стало так много, что люди не выдержали, они не были к этому готовы. Правозащитное движение, выполнив старые диссидентские функции, уже не способно продолжать их выполнять в тех же формах, а менять стратегию или не может, или не хочет, сполна почувствовав вкус получаемых грантов. Поэтому сегодня следует бороться не с тоталитарным государством, имевшим единую идеологию, а с отдельными властными группами, региональными наместниками, различными ведомствами и каждым чиновником в отдельности⁵.

Автономное правозащитное движение, как и всякий социальный процесс, неоднородно,

¹ См.: Болгова В.В. Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 129.

² См. подробнее об этом: Головкин Р.Б. Указ соч. С. 268–279.

³ Современная ситуация вокруг правозащитного движения // Гражданское общество сегодня. М., 2003–2004. С. 451–502.

⁴ См.: Смирнов А. Развитие правозащитного движения в России // Правозащитник. 2001. № 1. С. 35–36.

⁵ См.: Саркисов И. Государство и правозащитники должны стать партнерами в борьбе с беззаконием // Правозащитник. 2000. № 4. С. 7.

на «гребне» последней оттепели возникло большое количество подобных организаций. Рассмотрим лишь две самые известные.

Московская Хельсинкская группа. Эта старейшая правозащитная организация была восстановлена в 1989 г. Она сформировала основы современного автономного правозащитного движения. Самыми заметными стартовыми ее проектами были такие, как первая в истории СССР правозащитная конференция, серия просветительских семинаров, Центр по правам человека, Общественная приемная, «Правозащитная сеть» и т.д.

На данную группу ориентировались очень многие новые правозащитные организации, а в ней, как и в любом общественном предприятии, были и негативные процессы, определившие уже тогда будущие проблемы развития всего правозащитного движения. Вместе с тем любая ошибка, неточность сразу же перенимались новыми правозащитниками как образец необходимого стиля и образа действий¹.

Сегодня весьма популярен *Международный фонд защиты от дискриминации, за соблюдение конституционных прав и основных свобод человека*. Он создан в июле 1998 г. по рекомендации Совета Европы для формирования в России института общественного контроля над законностью деятельности правоохранительных органов². Основными целями и задачами Фонда являются: обеспечение защиты конституционных прав и основных свобод граждан и пресечение любой дискриминации, которой может подвергнуться человек, пребывающий на территории Российской Федерации, или граждане Российской Федерации, находящиеся на территориях сопредельных с Российской Федерацией независимых государств.

Фонд – это Международный союз общественных объединений, в состав которого входит восемь организаций, в частности, Фонд социально-экономических интеллектуальных программ, «Боевое братство» (воины-«афганцы») и др., т.е. не только декларирующие права человека, но и пытающиеся сделать что-то позитивное.

На примере двух вышеобозначенных автономных организаций можно заключить,

что их деятельность не просто подзаконна, она морально обоснована. Как показывает анализ деятельности правозащитных организаций во Владимирской области, их представители, осуществляя защиту прав человека, достаточно часто руководствуются эмоциями, основанными на общечеловеческих, групповых и личных оценках (добрый – злой, справедливый – несправедливый)³. Иными словами, индивидуальная, групповая и общественная мораль – вот первооснова, «первотолчок» защиты прав человека, осуществляемый данными организациями.

По-видимому, в силу существенной моральной урегулированности правозащиты область ее действия почти безгранична, защищаются любые права, в том числе и право на обособленность частной жизни, на любовь, секс, веру, семейные отношения и т.д. Данный вывод подтверждается позицией одного из известных руководителей правозащитного движения И. Саркисова. Он утверждает, что какова бы ни была суть жалобы человека, который пришел, позвонил, написал им, они обязательно примут меры⁴. В частности, в результате работы филиала организации, возглавляемой И. Саркисовым, в Тульской области уволили четырех милиционеров за незаконное прослушивание⁵.

Второе «течение» правозащитного движения – это объединения, создаваемые при органах государственной власти. Наиболее известными являются различные органы, образованные при Президенте⁶ и главах субъектов Федерации⁷. Например, во Владимирской об-

³ Анализ деятельности правозащитных организаций и правозащитников осуществлялся Управлением общественных связей и средств массовой информации администрации Владимирской области за 1999–2004 гг. при участии автора.

⁴ См.: Саркисов И. Указ. соч. С. 9.

⁵ См.: там же.

⁶ См., напр.: О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 13.06.1996 № 864; Об утверждении Положения о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18.10.1996 № 1457; О внесении изменений и дополнений в Положение о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 18.10.1996 № 1457, и об утверждении состава Комиссии: Указ Президента РФ от 10.09.2001 № 1120 и др.

⁷ См.: Об общественной Комиссии по правам человека при Губернаторе Владимирской области: Указ Губернатора Владимирской области от 10.06.2002 № 18.

¹ Более подробно см.: Смирнов А. Указ. соч. С. 34–38.

² Фонд зарегистрирован в Минюсте России 29 июля 1998 г. (№ 3564).

ласти с 1998 г. действует общественная Комиссия по правам человека при губернаторе Владимирской области, образованная с целью усиления гарантий соблюдения прав граждан и осуществления общественного контроля над соблюдением прав и свобод граждан Владимирской области (далее – Комиссия).

Комиссия осуществляет деятельность на общественных началах в соответствии с основными задачами, свои рекомендации вырабатывает независимо от органов государственной власти.

В процессе работы данного правозащитного органа организуются и проводятся семинары, посвященные правозащитным проблемам, в том числе и защите частной жизни¹, тиражируется печатная продукция (в том числе материалы конференций, симпозиумов, семинаров), освещающая вопросы реализации и защиты прав человека, способствующая повышению уровня правосознания граждан, ознакомлению населения с действующим законодательством Российской Федерации и Владимирской области в сфере обеспечения прав и свобод человека².

При участии Комиссии во Владимирской области созданы консультативно-экспертные, рабочие комиссии и группы для изучения положения дел в области прав и свобод человека, выработки заключений и рекомендаций Комиссии, а также осуществления экспертизы жалоб отдельных граждан или групп граждан, направляемых в Европейский Суд по правам человека, с точки зрения строгого соответствия критериям приемлемости и стандартам Совета Европы. Кроме того, созданы общественно-юридические консультации для оказания правовой помощи социально незащищенным слоям населения. Информация о частной жизни лиц, предоставленная Комиссии гражданином или группой граждан, сохраняется в тайне.

Комиссия осуществляет свою деятельность в тесном взаимодействии с другими правозащитными организациями и иными органами, созданными в федеральных округах и субъектах РФ в целях защиты прав

и свобод человека и гражданина, с депутатами областного и местных представительных органов. При этом решения Комиссии имеют рекомендательный характер³. Отсюда можно сделать вывод, что решения – это моральные императивы: они могут учитываться, а могут не учитываться субъектами, к которым обращены.

По поручению губернатора области рекомендации и заключения Комиссии с целью ознакомления могут направляться в Комиссию по правам человека при Президенте РФ, уполномоченному по правам человека в РФ, в российские и международные правозащитные организации, органы государственной власти, органы местного самоуправления Владимирской области⁴. Данная норма Положения о Комиссии свидетельствует о широком распространении моральных предписаний, направленных на защиту прав человека вообще и частной жизни в особенности. Другие правозащитные организации (автономные), относящиеся к первому «течению», не обладают подобной возможностью фактически творить моральные предписания, распространяемые на широкий круг субъектов, их решения казуистичны и ситуативны.

При этом деятельность Комиссии по защите частной жизни менее эффективна, чем деятельность автономных правозащитных организаций. За время существования Комиссии по правам человека при губернаторе Владимирской области обращений, заявлений и жалоб, так или иначе касающихся сферы частной жизни, было рассмотрено сравнительно немного (всего двенадцать⁵). Данное обстоятельство, на наш взгляд, обусловлено преимущественно рядом субъективных факторов, которые можно объединить в две группы. К первой группе относится некоторая инертность членов комиссии. Думается, инертность в рассматриваемом случае неизбежна, т.к. Комиссия создана при высшем должност-

¹ В 2003 г. проводилась конференция, посвященная достойной жизни человека, в 2005 г. – по защите частной жизни.

² За время работы Комиссии издано более 100 сборников и учебных пособий.

³ См.: Положение о Комиссии по правам человека при Губернаторе Владимирской области, утв. Указом губернатора Владимирской области от 10.06.2002 № 18. П. 8.

⁴ См.: там же. П. 9.

⁵ При анализе данного направления деятельности Комиссии учитывались все дела, которые затрагивали хотя бы одну из сторон внутреннего пространства частной жизни.

ном лице области, фактически губернатор определяет направления ее работы. Вторая группа субъективных факторов включает слабую информированность граждан о правозащитном движении. По данным социологического исследования, посвященного частной жизни и ее защите, из 100 опрошенных лишь 2 чел. четко назвали указанную Комиссию как орган, куда можно обращаться в случае нарушений, связанных с частной жизнью. При этом 100 % участвовавших в опросе считают правозащитные организации формой защиты частной жизни¹.

В настоящее время деятельность комиссий при главах регионов подвергается реформам. Их необходимость вызвана, с одной стороны, тем, что термин «правозащитное движение» стал нарицательным и, по мнению многих граждан, имеет негативную окраску, с другой стороны, расширился круг задач, стоящих перед комиссиями.

Реформирование началось с Указа Президента РФ от 06.11.2004 № 1417, в соответствии с которым в целях совершенствования государственной политики в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также содействия развитию институтов гражданского общества, постановлено преобразовать Комиссию по правам человека при Президенте Российской Федерации в Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека (далее – Совет).

Данный орган является консультативным, образованным в целях оказания содействия главе государства в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, информирования Президента РФ о положении дел в этой области, содействия развитию институтов гражданского общества, подготовки предложений главе государства по вопросам, входящим в компетенцию Совета.

Решения Совета носят рекомендательный характер. Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и их должностные лица, получившие реко-

мендации Совета, в установленные сроки рассматривают их и уведомляют Совет о принятых решениях. В необходимых случаях информация о рекомендациях Совета доводится до сведения Президента РФ².

Согласно Положению о Совете, круг его задач несколько расширился, но существенно не изменился, следовательно, целью изменений следует назвать, прежде всего, терминологию. Вместе с тем при общем расширении, а точнее, укрупнении задач, сохранилась норма, ограничивающая защиту данным органом частной жизни. Согласно п. 5 Положения установлено, что Совет не рассматривает обращения по личным вопросам, в том числе связанным с имущественными, жилищными и трудовыми спорами, а также с жалобами на решения судов, органов следствия и дознания³. Остается лишь надеяться, что реформируемые региональные комиссии не продублируют данную норму. В противном случае возможности общественной защиты частной жизни сократятся, а доверие граждан к данному органу, и так невысокое, еще больше снизится.

Таким образом, сегодня общественная защита частной жизни имеет сложную, многопрофильную, порой противоречивую, совокупность. Объединение указанной формы защиты частной жизни в две группы достаточно условно и основано на принципах формирования данных объединений и особенностях регулирования их деятельности.

Итак, автономные правозащитные организации в своей деятельности по защите частной жизни руководствуются правом, моралью и иными социальными нормами, принимаемые ими решения ненормативны, казуистичны и индивидуально-ситуативны. Высокий эмоциональный накал некоторых решений, а также скандал, связанный с причастностью этих организаций к деятельности зарубежных спецслужб⁴, фактически дискредитируют данную форму защиты.

---

² См.: Положение о Совете по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека: Утв. Указом Президента РФ от 06.11.2004 № 1417.

³ См.: там же.

⁴ См. об этом: *Борисов Т.* Шпионский роман с камнем // Рос. газ. 2006. 24 янв.

---

¹ См. об этом: *Головкин Р.Б.* Морально-правовое регулирование частной жизни в современной России: Моногр. Владимир, 2004.

В свою очередь, правозащитные организации, которые создаются при органах государства, так же, как и первые, в своей деятельности по защите частной жизни руководствуются правом, моралью и иными социальными нормами, однако их решения носят социально-нормативный характер. Высокая степень зависимости данных органов от государства снижает их активность в области

В.А. Грунина,

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России

ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ НЕТРАДИЦИОННЫХ ПОДХОДОВ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Юридическая наука как относительно самостоятельный компонент общественно-научного знания имеет свой специфический предмет.

Предмет науки – это философское понятие, употребляемое для обозначения системы законов материального и духовного мира, изучаемых наукой в целом либо ее отдельными отраслями. По отношению к предмету науки предмет правоведения вообще и общей теории права, в частности, представляет собой особенное понятие, которое удерживает в себе все сущностные признаки родового понятия, и таким образом является определенной совокупностью, системой закономерностей¹.

Вопросы предмета, более того, методологии теории права и государства, давно являются объектом научных исследований. Попытки применения новых нетрадиционных подходов к проблемам предмета и методологии теории государства и права объясняют наличие по данной теме значительного количества научных публикаций².

---

¹ См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2 т. М., 2004. Т. 1: Элементный состав. С. 43.

² См.: Добронравов И.С. Синергетика: становление нелинейного мышления. Киев, 1990; Иванов В.Г. Синергетическая природа социальных модернизаций. Тверь, 1995; Князев А.А. Восемь лекций по синергетике. Саратов, 1996; Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика – теория самоорганизации. Идеи, методы, перспективы. М., 1983; Наумкин А. Синергетика. М., 1996; Хакен Г. Синергетика (иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах). М., 1985 и др.

защиты частной жизни, что тоже дискредитирует данные организации в целом.

Следовательно, общественная форма защиты, несмотря на урегулированность ее и правом, и иными социальными нормами (отсюда возможность широкого охвата всей сферы частной жизни), пока не отвечает задаче обеспечения ее защиты на должном уровне.

Среди них особенно отмечают работы А.Б. Венгерова³.

В своих работах он пытался опровергнуть распространенную точку зрения относительно того, что всеми социальными процессами возможно и необходимо управлять, поскольку в обществе наличествуют и такие процессы, которые благополучно протекают на основе саморегуляции и менее всего нуждаются во внешнем управляющем воздействии. Теория государства и права, как любая другая наука, должна изучать не только закономерности, но и случайности, поскольку в реальной жизни наряду с первыми действуют и вторые. Соответственно методология теории государства и права должна дополняться синергетикой – наукой о самоорганизующихся, случайных процессах⁴. Такой подход А.Б. Венгеров широко использует в своем учебнике по общей теории права.

Каково же практическое значение синергетики и к каким выводам можно прийти, применяя этот метод в некоторых вопросах общей теории права?

Рассмотрим поставленные вопросы на примере использования данного метода А.Б. Венгеровым при описании прогностической функции общей теории права.

Правовые прогнозы, пишет он, должны быть ориентированы и на ростки будущего, которые уже внедряются в жизнь. Уже

---

³ См., напр.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учеб. для вузов. М., 1998. С. 26–27.

⁴ См.: Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право // Сов. государство и право. 1986. № 10; Синергетика и политика // Обществ. науки и современность. 1993. № 4; Синергетика и политика // Власть силы, сила власти: Сб. науч. тр. МГЮА. М., 1996. С. 42–60.

свершившийся факт, что в общепланетарных масштабах происходит становление информационной инфраструктуры человечества (Интернет, спутниковая связь как решающие факторы воздействия на общество и т.д.). Появился новый институт – свобода массовой информации. Возникает и антипод свободы в средствах массовой информации – злоупотребление свободой массовой информации, например разжигание национальной розни, вражды и т.п.

В этой связи, отмечает А.Б. Венгеров, рождаются информационные споры о праве доступа к информации, ее достоверности и объективности, о публичной аферте, споры по поводу защиты в средствах массовой информации нравственных интересов детства и юношества, политического плюрализма и др. Эти споры имеют специфическое содержание, в отличие от трудовых и имущественных, хотя иногда и взаимосвязаны друг с другом (например споры о защите чести и достоинства, об эфирной собственности).

Далее, реализуя прогностическую функцию общей теории права, А.Б. Венгеров предложил следующий прогноз: «Поскольку появляются специфические информационные споры (между журналистами и властью, гражданами и журналистами), постольку должна появиться и адекватная этим спорам процедура их разрешения (информационное судопроизводство), а отсюда недалеко уже и до появления новой отрасли права – информационного права. Словом, от признания информационных отношений к информационным спорам, от них к информационному производству, а от него к информационному праву – таким может быть один из современных правовых прогнозов»¹.

Таким образом, А.Б. Венгеров предсказал две самостоятельные отрасли права.

Согласно учению о системе права (объективно существующее внутреннее строение, «структура» права) информационное право для того, чтобы претендовать на самостоятельность, должно иметь свой предмет и метод правового регулирования. Следовательно, являясь самостоятельной отраслью права, оно будет относиться к системе материальных отраслей права. В свою очередь, так называемое информационное судопроизводст-

во, в перспективе – самостоятельная отрасль (информационно-процессуальное право), должно располагаться в системе процессуальных отраслей права. Впрочем, информационно-процессуальные нормы могут и не выделяться в самостоятельную отрасль права, а поглощаться информационным правом (например, административно-процессуальные нормы действуют и применяются в административном производстве при отсутствии административно-процессуального права как самостоятельной отрасли, вероятно, по причине упрощенной процедуры).

И тем не менее не имеет существенного значения, выделены процедурные нормы права в самостоятельную отрасль права или нет, важно то, что они являются производными от соответствующих материальных отраслей (норм) права. Все процессуальные (процедурные) отрасли права производны от материальных.

Если определенные общественные отношения не урегулированы конкретными нормами материального права и к ним невозможно применить аналогию закона или аналогию права, то признание и создание автономных процессуальных норм права, не имеющих в своем основании материальных правоотношений, бессмысленно. Об этом свидетельствует юридическая практика. Следовательно, теория не только оторвана от практики, но и несовместима с ней.

Вот почему нелогично (с точки зрения юридической техники и практики) в развитии нормотворческого процесса прогнозировать появление процессуальных (процедурных) норм права прежде материальных и тем более создавать первые раньше последних².

Возвращаясь к прогнозу А.Б. Венгерова, следует, безусловно, согласиться с ним в том, что под информационную инфраструктуру всей цивилизации и отдельных сообществ будет подводиться мощная законодательная база, в том числе получит развитие и международно-правовое регулирование.

Выделение информационного права в новую отрасль целесообразно, главным образом, по причине унификации законодательства. Однако практически на основании юридической техники реализовать эту идею очень сложно.

¹ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1996. С. 36.

² См.: Ячменев Ю.В. Нетрадиционные подходы в общей теории права: Крит. анализ: [Рецензия] // Правоведение. 2002. № 1 (240). С. 237–239.

Трудность состоит в том, что информация как объект правоотношения имеет комплексный характер, поэтому она существует в различных отраслях права.

Например, в ст. 128 ГК РФ информация выделена в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, а в ст. 139 ГК РФ определен предмет данного объекта – служебная и коммерческая тайна. Также действуют специальные федеральные законы «О государственной тайне», «Об информации, информатизации и защите информации...», дополняющие уголовное, гражданское и административное законодательство.

Таким образом, все возникающие специфические информационные споры рассматриваются в рамках гражданско-процессуального или арбитражно-процессуального права, реже в уголовно-процессуальном или административно-процессуальном порядке.

Информационно-правовые проблемы являются сферой правовых прогнозов: что устоит, что не получит социальной поддержки, каково влияние этих процессов на общественную жизнь, на правовую систему и систему права.

Таким образом, комплексные нормы права охватывают несколько областей жизнедеятельности общества, т.е. имеют множество связанных между собой предметов регулирования.

Комплексные нормы, по своей сути, являются межотраслевыми и занимают про-

межоточное место в системе права. Выделять совокупность таких норм в самостоятельную отрасль права на основе теории системы права весьма затруднительно.

Именно по этой причине среди ученых-правоведов нет единого мнения о том, являются ли самостоятельными отраслями права предпринимательское, коммерческое, торговое, банковское, хозяйственное право и др. На наш взгляд, анализ вопросов, регулируемых совокупностью названных норм права, позволяет вычленить очертания их предмета правового регулирования, который наводит на мысль, что это всего лишь синонимический ряд одной отрасли – гражданского права. Причем синонимический ряд, находящийся на разных уровнях системы права: уровень подотрасли права (предпринимательское, обязательственное, договорное, семейное, жилищное право), уровень правового института (коммерческое, торговое право, институт наследования в семейном праве).

В заключение следует отметить, что современная юридическая наука не может и дальше оставаться в стороне от такого сравнительно нового научного направления, как синергетика. В настоящей статье сделана попытка представить некоторые идеи синергетики, сформулированные Г. Хакеном и некоторыми другими учеными, при описании прогностической функции общей теории права.

А.И. Гудков,
*старший преподаватель кафедры
юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

Законность (принципы законности) в условиях реформирования России

Принципы законности – это идеи, идеалы, которыми должны руководствоваться граждане, организации как критериями своих поступков в сфере отношений, урегулированных правом.

Принципы в качестве исходных начал определяют содержание и место законности в общественной жизни, практической

деятельности всех субъектов права, т.е. граждан, организаций и государства.

Необходимо отметить следующие принципы законности: верховенство законов, равенство перед законом, единство законности, гарантированность прав и свобод личности, принцип неотвратимости наказания за нарушения законности и др. Рассмотрим их подробнее.

Важнейшим условием упрочения законности выступает *идея верховенства закона* – основополагающего признака правового государства.

Характерно, что в ч. 1 ст. 15 Конституции РФ говорится следующее: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ. Законы и иные

правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ». «Указы и распоряжения Президента РФ, — отмечается в ст. 90 Основного Закона, — не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам».

Из этого следует, что верховенство закона проявляется прежде всего в соответствии подзаконных актов закону. Конкретнее принцип верховенства закона проявляется в следующем: во-первых, требование точного и неуклонного соблюдения законов всеми, кому они адресованы; во-вторых, требование соблюдать иерархию законов, иных нормативных актов (конституционный закон обладает высшей юридической силой); в-третьих, имеется в виду непререкаемость закона, т.е. требование того, чтобы никто не мог отменить закон, кроме органа, который его принял; в-четвертых, должны существовать эффективные формы контроля над исполнением требований закона и в право-творчестве, и в реализации права.

Верховенство (главенство, примат) закона — понятие сложное, включающее не только названные выше, но и иные составляющие. Над кем и чем должен главенствовать закон? В первую очередь — над государством и его мощным аппаратом воздействия на личность. Таким образом, государство не использует право как орудие власти, а само подчиняется этому праву. Государственная власть должна быть связана правом, подчиняться требованиям законности.

Закон, обладая высшей юридической силой, не должен обесцениваться посредством «разъясняющих и конкретизирующих» инструкций.

Реальность в России в настоящее время такова, что закон не всегда является первым и основным при разрешении различных вопросов текущей жизни, нередко как бы растворяется в массиве подзаконных актов. В конечном счете, если в процессе реализации применения права судья или иное должностное лицо сталкивается с ситуацией, когда подзаконный акт противоречит закону, то он должен отдать предпочтение закону и на его основе вынести соответствующее решение.

Принцип равенства перед законом предполагает, что перед законом все должны быть равны; у всех должна быть равная обязанность соблюдать требования юриди-

ческих норм; все в равной степени должны нести ответственность перед законом в случае его нарушения. Этот принцип обосновывал еще Цицерон, утверждая, что «под действие закона должны подпадать все»¹.

Стержневым моментом этого принципа является то, что никакое должностное, социальное, имущественное положение, прошлые заслуги, принадлежность к той или иной национальности, партии и т.д. не освобождают от соблюдения законов.

В целом можно заключить, что в рамках этого принципа необходимо претворять в жизнь заключенную в праве идею справедливости, давать гарантии личности в ее защите от злоупотреблений со стороны других субъектов, в том числе представителей власти.

Принцип единства законности в свое время получил достаточное обоснование в юридической литературе. В дореформенный (доперестроечный) период сама законность использовалась как средство жесткой централизации. В этих условиях принцип единства законности служил укреплению административно-командной системы.

Очевидно, что в настоящее время политико-правовая ситуация изменилась. Свидетельством этого служат многие процессы общественной жизни, в том числе приватизация крупных промышленных предприятий, возрастание роли регионов в принятии принципиально важных государственных решений и др.

В настоящее время проблема единства законности приобрела значительную политическую остроту в связи с несогласием многих регионов с тем, что нередко имеет место неоправданное командование из центра, а также в связи с продолжающейся тенденцией утверждения субъектами Федерации своих суверенных прав. При этом остается принципиально важной теоретическая сторона вопроса. Если видеть в законности особый правовой режим, основанный на точном и неуклонном проведении требований норм права в жизнь, то с учетом этого законность должна быть единой во всей Федерации в целом и в каждом регионе в отдельности.

Единство законности связано с компетенцией центра в лице его законодательных и исполнительных органов и компетенцией регионов (республик, краев, областей) в

---

¹ Цицерон. Диалоги о государстве. О законах. М., 1966. С. 139.

лице соответствующих органов. «Требования законности, — отмечает проф. В.В. Лазарев, — едины к центральным органам, обязанным соблюдать не только законы общества, но и законы отдельных частей, и к органам республик, которые призваны следовать не только собственным законам, но и законам Федерации»¹.

Следовательно, единство законности опирается на единообразное понимание законов и подзаконных актов на всей территории страны и во всех областях жизни. Кроме того, единство законности не исключает определенной независимости местных органов власти, основывающейся на местных условиях.

Все дело в том, чтобы при учете местных особенностей не допускались отступления от общего для всех законодательства. Своеобразие местных условий не должно использоваться для обхода закона или его нарушения. Для РФ это приобретает важное значение, поскольку все более дают о себе знать сепаратистские тенденции.

Можно выделить следующие основные структурные элементы принципа единства законности:

- установление единообразного понимания законов и законности, их толкования и применения;
- соблюдение единых, установленных для всей России нормативных актов, требование их неуклонного исполнения всеми субъектами на ее территории;
- единство юридической основы законности, в качестве которой выступает право, его нормы, о чем свидетельствуют положения ряда нормативных актов РФ.

Как отмечалось выше, единство законности следует связывать с компетенцией федеральной власти в лице ее органов и компетенцией субъектов Федерации, осуществляемой соответствующими органами власти.

Рассмотрим **принцип гарантированности прав и свобод личности**. Россия, провозгласив построение демократического правового государства, утверждает права и свободы человека, его честь и достоинство, рассматривает личность как высшую социальную ценность. Показательна в этом

плане гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ (ст. 17–64).

Вместе с тем нельзя забывать о грубейших нарушениях прав личности, которые были допущены в отдельные периоды Советского государства. В течение десятилетий данная сфера общественных отношений была арендой ожесточенной политико-психологической борьбы и международной конфронтации.

В связи с изменением политико-правовой ситуации в России такое противостояние преодолено. Вместе с тем значимость рассматриваемого принципа остается высокой. В основу построения демократического правового государства положены тезисы о приоритете общечеловеческих ценностей.

Между правами человека и законностью существует теснейшая взаимосвязь. Она состоит в том, что вне законности, без законности права и свободы гражданина не могут быть реализованы. Законность служит их важнейшей гарантией, условием эффективности, реальности. С другой стороны, сами права и свободы, их наличие и осуществление являются показателями состояния законности.

Охарактеризуем **принцип неотвратимости наказания за нарушения законности**. В этимологическом значении неотвратимость — это свойство, означающее неминуемость, неизбежность наступления вслед за событием того или иного следствия. Принцип неотвратимости наказания за совершенное правонарушение характеризует юридическую природу законности, определяется деятельностью специальных государственных органов по ее осуществлению. При этом уполномоченные органы должны применять меры принуждения в строго индивидуальном порядке на основании фактических доказательств в соответствии с требованиями закона.

Конечно, применение наказания к нарушителю не единственный способ обеспечения законности, и даже не определяющий. Однако следует помнить, что неотвратимость ответственности играет в этом значительную роль. Санкции закона должны работать.

Принцип неотвратимости наказания делает законность важным инструментом воздействия на общественные отношения, сознание и мотивы поведения людей. Он призван способствовать демократическим преобразованиям, укреплению дисциплины и организо-

¹ Лазарев В.В. Законность и правопорядок // Общая теория права / Под ред. проф. А.С. Пиголкина. М., 1995. С. 260.

ванности, формированию государства, осуществляющего постоянный контроль над неуклонным соблюдением законов.

Итак, **законность** в широком смысле — принцип точного и повсеместного исполнения всеми органами государства, должностными лицами и гражданами требова-

ний закона и иных нормативно-правовых актов, основанных на законе. Законность — это важнейшее проявление демократии, поскольку власть народа реализуется в установлении и надлежащем исполнении законов и иных правовых актов.

А.Р. Дашков,

*доцент кафедры уголовного права
и криминалистики ЛОВД
станции Москва-Белорусская*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ОПЕРАТИВНЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ОБЭП НА ЭТАПЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Подразумевая процессуальные (правовые) формы взаимодействия следователей и, в частности, оперативных уполномоченных ОБЭП, УПК РФ в п. 4 ч. 2 ст. 38 указывает, что следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и в порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, исполнении постановлений о задержании, приводе, аресте, производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении.

Однако в теории уголовно-процессуального права, равно как и в теории ОРД, выделяют также организационные формы взаимодействия названных субъектов, имея в виду их совместные выезды на осмотры мест происшествий в составе следственно-оперативных групп, согласованное планирование следственных действий и оперативно-розыскных мер, взаимный обмен информацией и прочее.

Первоначальным моментом, с которого начинается взаимодействие, признается этап постановки вопроса о реализации в форме возбуждения уголовного дела подготовленных оперативными уполномоченными ОБЭП оперативных материалов. На это указывает УПК РФ: взаимодействие следователя и органов дознания может иметь место лишь по **расследуемым** уголовным делам.

Однако на практике потребность в совместной деятельности следователей и оперативных уполномоченных ОБЭП может возникнуть гораздо раньше, а именно с момента поступления подтвержденной на оперативном уровне первичной информации о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении.

Целесообразность такого подхода обусловлена тем, что, по данным проведенного автором пилотажного исследования, около 20–30 % сотрудников управлений (отделов) БЭП МВД РФ не имеют высшего юридического образования (имея высшее неюридическое). Обусловлено это тем, что работа указанных подразделений строится по отраслевому принципу, сохранившемуся со времен БХСС. Именно поэтому определенная часть оперативных уполномоченных ОБЭП, особенно начинающих, недостаточно грамотно разбирается в таких вопросах, как следственная или судебная перспектива (материалов) уголовного дела, возбуждаемого следователем. Усугубляется данное обстоятельство текучестью кадров, имеющей место в рассматриваемых оперативных подразделениях.

Актуальной проблемой является и отсутствие четких критериев готовности оперативных материалов к легализации в форме возбуждения уголовного дела. Это приводит к многочисленным конфликтам между следователями, просчитывающими так называемую судебную перспективу возбуждаемых уголовных дел, и оперативными уполномоченными ОБЭП, отчитывающимися за количество возбужденных на основании представленных ими материалов уголовных дел.

В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно проводить консультирование следователями оперативных уполномоченных ОБЭП в плане определения хода и направлений формирования оперативных материалов для их совместной подготовки к реализации.

На наш взгляд, данный перспективный подход актуализирует вопросы, подлежащие более детальному регулированию в законе и в подзаконных нормативных правовых актах: может ли оперативный уполномоченный ОБЭП знакомить следователя с оперативной информацией и если да, то в каких пределах; на каком этапе и по чьей инициативе, как максимально использовать оперативные материалы в уголовном судо-

Ю.В. Ерохина,
*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ»

Российское общество, находящееся в состоянии глубоких изменений (реформы, структурная перестройка, ликвидация и создание новых институтов и т.д.), характеризуется значительным усилением напряженности, обострением всякого рода противоречий, возникновением многочисленных конфликтных очагов в самых различных областях государственной и общественной жизни.

Отечественная наука уделяла незначительное внимание анализу закономерностей возникновения, протекания и разрешения конфликтов в условиях переходного периода. Между тем среди этих закономерностей большую значимость имеют теоретико-правовые и социологические аспекты.

Необходимо построение и развитие научной концепции, обобщающей названные факторы, – юридической конфликтологии. Эта задача, решение которой поможет оптимизировать остроконфликтные процессы и заложить основу для последующего развития демократических процессов, актуальна и важна.

В юридической конфликтологии базовым является понятие юридического конфликта. Необходимо определиться со значением этого термина, для того чтобы в дальнейшем разработать меры предотвращения, устранения и разрешения рассматриваемого явления.

производстве и вместе с тем избежать субъективизма в их оценке следователем; каким образом избежать утечки оперативной информации и некоторые другие.

Представляется, что научный анализ перечисленных вопросов и их последующая законодательная доработка будут способствовать повышению эффективности расследования преступлений.

Представляется целесообразным обратиться к этимологии слова «конфликт». Существует мнение, что данное слово произошло от латинского *conflictus* – столкновение¹.

Словарные толкования термина «конфликт» не отличаются особыми противоречиями. Однако они не вносят ясности в вопрос о том, что же собственно представляет собой конфликт и каковы сферы возможного применения одноименного термина. В связи с этим особый интерес представляют зарубежные исследования.

Научное определение термина «конфликт» неоднозначно в мировой литературе. Не вдаваясь в подробный анализ различного понимания конфликта, отметим, что согласно мнению одних западных конфликтологов конфликт существует уже в том случае, когда налицо противоречие, противоположность, несовместимость (Р. Дарендорф, Дж. Бернард, К. Боулдинг, Л. Крисберг и др.)². Для других он возникает в тех ситуациях, когда несовместимость предполагает противоборствующие типы поведения (Л. Козер, М. Крозье и др.)³. Третьи за основу берут лишь поведенческий аспект рассматриваемого процесса (Э. Гидденс, М. Дойч и др.)⁴.

Не останавливаясь на критике данных направлений в определении категории конфликта, отметим, что противоречия,

¹ См.: Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М., 2003. С. 318.

² См., напр.: Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. Л.Ю. Панфиной. М., 2002.

³ См., напр.: Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М., 2000.

⁴ Подробнее см.: Юридическая конфликтология / Отв. ред. акад. В.Н. Кудрявцев. М., 1995.

противоположности, несовместимости — это необходимые, но недостаточные условия конфликта. Только когда начинается взаимодействие субъектов, и не простое взаимодействие, а в форме борьбы, столкновения (противоборства), только тогда противоречия и противоположности превращаются в конфликт.

Таким образом, обобщив представленные точки зрения, конфликт можно определить как противоборство двух или нескольких субъектов, обусловленное противоположностью (несовместимостью) их интересов. Именно *противоборство* сторон, т.е. когда обе стороны (для конфликта необходимы по меньшей мере две стороны) совершают определенные действия, направленные друг против друга (обоюдонаправленные действия), которые следует понимать как конфликт. И здесь важно отличать их от односторонних действий, которые хотя и могут носить насильственный, агрессивный или какой-либо иной неприемлемый для другой стороны характер, но не всегда перерастают в противоборство.

Итак, определившись с тем, какие явления и процессы должен включать в себя любой конфликт, перейдем к юридической характеристике данной категории. К разряду юридических конфликтов можно отнести конфликт, который возникает в общественных отношениях, регулируемых правом либо подлежащих правовому регулированию (образно назовем их юридическими отношениями). Конфликтное же юридическое отношение — это юридическое отношение между сторонами с противоречивыми (противоположными) интересами. Укажем, что сам юридический конфликт включает в себя конфликтное юридическое отношение и конфликтные действия сторон (противоборство). С одной стороны, юридический конфликт возникает в собственно правовой сфере, он сугубо нормативен. С другой стороны, юридический аспект может «присутствовать» в других социальных конфликтах (межнациональных, экономических, политических, экологических, семейных и иных). И если к юридическим

конфликтам относить только те, которые непосредственно возникают и протекают в правовой сфере (так называемые юридические конфликты в чистом виде), то произойдет неоправданное ограничение сферы исследования.

Термин «юридический конфликт» еще не устоялся в юридической научной литературе, поэтому мы предлагаем свою точку зрения по данному вопросу.

Юридический конфликт можно определить как противоборство сторон — государств и их органов, общественных объединений, граждан — с целью противоправного изменения статуса и юридического состояния субъектов права. Конфликт может возникать в собственно юридической сфере, когда в его эпицентре находятся государственно-правовые явления. Это подрыв и ослабление государственной власти, целостности государства, отчуждение граждан от государственных институтов, отступления от конституции, принципов правовой системы, массовые нарушения законодательства. Юридические конфликты непосредственно сопрягаются с правовым режимом.

Юридический конфликт со своими признаками фиксируется в конституции и законодательстве в виде:

- «особых юридических состояний»;
- конфликтной ситуации;
- запрета на нарушение конституционных принципов устройства государства;
- средств преодоления конфликтов;
- особо опасных составов преступлений — государственных¹.

Это можно проследить на примере российских законов о безопасности, обороне, чрезвычайном положении, государственной границе, федеральных органах государственной безопасности, внутренних войсках, милиции, Уголовного кодекса РФ. Нормы международного права не признают конфликт как нормальное юридическое состояние и его осуждают. В них содержится механизм согласованного преодоления конфликтных ситуаций. Особенно это относится к угрозе войны, агрессии.

---

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Публичное право: Учеб. М., 1995. С. 253.

Юридический конфликт не одномерное явление, выражающееся в одномоментном столкновении «права – сущего», «права – должного». Это сложное явление со своими подвижными элементами. Причем каждое из них выступает в двух аспектах: как часть нормативно-правовой системы и правопорядка и как элемент деформирующейся правовой системы и юридической деятельности. Во втором случае их нужно тщательно анализировать в тех последовательностях и связях, которые присущи развивающемуся юридическому противоречию. В качестве важного элемента юридического конфликта выделим прежде всего различия в правопонимании как базовые для формирования массового правового сознания.

Обострившийся спор между пониманием права как выражения общечеловеческих ценностей и как «писаного права» (т.е. закрепленного в нормах законов и иных актов) приобрел очевидную практическую значимость. Сторонники гуманитарной трактовки сеют недоверие к любой нормативной системе, законам и законности, давая повод каждому определять меру отношения к нормам. Видя коллизию между «писаными нормами» и демократическими правовыми принципами, мы обращаем внимание на возможности ее преодоления путем признания нормативных правовых актов оспоримыми, дефектными, неконституционными и незаконными, наконец, путем проведения референдума. Разные правовые взгляды, отражающие неодинаковый уровень правосознания и правовой культуры людей, служат первопричиной будущих юридических конфликтов. Правовой нигилизм¹, искажение смысла норм, неверное понимание иерархии нормативных правовых актов, произвольный выбор отдельных норм, предпочтение им целесообразности – таков диапазон взглядов подобного рода. Отсюда различные правовые установки: «не соблюдать», «избегать», «нарушать», «ждать»,

«провоцировать» отход от права, «не исполнять»².

Формируются негативные правовые мотивы, побуждающие к сужению зоны правомерного поведения. За этим следуют, естественно, нарушения законности, выражающиеся в издании нормативных правовых актов с нарушением их иерархии, нарушениях компетенции субъектов, противоправных действиях и бездействии, препятствиях законной деятельности, внеправовом образовании организаций, произвольном изменении статуса субъектов права. Их можно считать вторичными причинами юридических конфликтов. Выявившиеся конфликты переходят далее в стадию юридического спора, когда можно рассчитывать на успех путем договоренности и соглашений, посредством приостановления и отмены незаконных актов, проведения судебных разбирательств. Окончательное решение может вести либо к восстановлению прежнего юридического состояния, либо к формированию нового. Однако в реальности конфликт не всегда угасает.

Юридический конфликт может быть причиной, а затем составной частью другого конфликта – межнационального, экономического и т.д., выступать сначала как повод, а потом в качестве элемента более общей конфликтной ситуации. Вычленение юридического конфликта на первой фазе, при зарождении общего конфликта, и на последующих этапах очень важно. Иными словами, необходимо всеми средствами переводить общий конфликт с его «размытыми гранями» в юридический конфликт с присущими ему легальными средствами и процедурами. Сделать это, конечно, довольно трудно, но предвидеть и вовремя устранить собственно правовые противоречия (внутри правовой системы), не давать им возможности разрастания в зоне других конфликтов и использовать правовые средства для урегулирования любого конфликта – задача крайне важная в современный период.

¹ См.: Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8.

² См.: Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 255.

Ю.А. Зедина,
*соискатель кафедры уголовно-
процессуального права ВЮИ ФСИН России*

**ПРАВОМОЧИЕ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ИНТЕРЕСОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА,
ВЫСТУПАЮЩЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В КАЧЕСТВЕ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА**

Словарь русского языка термин «представитель» определяет следующим образом: 1. Лицо, которое представляет чьи-нибудь интересы, выражает чьи-нибудь взгляды; 2. Человек, представляющий в своем лице какой-нибудь разряд, группу людей или какую-нибудь область деятельности, выразитель чьих-нибудь интересов¹.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в своей правовой материи использует термины «законный представитель» и «представитель», что отражает законное и договорное исполнение доверительных полномочий.

Законное представительство, определенное в п. 12 ст. 5 УПК РФ, основывается преимущественно на родственных отношениях и обусловлено необходимостью защиты прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых или потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы. К их числу закон относит: родителей, усыновителей, опекунов или попечителей перечисленных несовершеннолетних участников уголовного процесса, представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства (в ред. Федерального закона от 04.07.2003 № 92-ФЗ).

Договорное представительство основывается, например, на соглашении (гражданско-правовом договоре) между доверителем и адвокатом (ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002). Представительство в уголовном процессе есть совершение от имени и по поручению доверителя процессу-

альных действий представителем (поверенным). Представитель участника уголовного процесса, имеющего признаваемый законом интерес в уголовном деле, реализует процессуальные права доверителя в интересах последнего. При этом все юридические последствия действий представителя ложатся непосредственно на доверителя².

Представители потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца пользуются всеми правами представляемой стороны, за исключением тех прав, которые неотделимы от личности доверителя (право давать показания, объяснения).

Перечисленные участники уголовного процесса могут иметь неограниченное число представителей, в то время как законный представитель по общему правилу может быть допущен лишь один.

В части, касающейся юридического лица, признанного в установленном законом порядке гражданским истцом, представителями в уголовном деле могут выступать адвокаты и «...иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации представлять его интересы» (ч. 1 ст. 45 УПК РФ).

Статья 48 ГК РФ «Понятие юридического лица» гласит: «1. Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Юридические лица должны иметь самостоятельный баланс или смету.

2. В связи с участием в образовании имущества юридического лица его учредители (участники) могут иметь обязательственные права в отношении этого юридического лица либо вещные права на его имущество.

К юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют обязательственные права, относятся хозяйственные товарищества и общества, производственные и потребительские кооперативы.

К юридическим лицам, на имущество которых учредители имеют право собст-

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. Около 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М., 1984. С. 502.

² См.: Уголовный процесс России: Учеб. / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Серебров; науч. ред. В.Т. Томин. М., 2003. С. 123.

венности или иное вещное право, относятся государственные и муниципальные унитарные предприятия, а также финансируемые собственником учреждения (в ред. Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ).

3. К юридическим лицам, в отношении которых их учредители (участники) не имеют имущественных прав, относятся общественные и религиозные организации (объединения), благотворительные и иные фонды, объединения юридических лиц (ассоциации и союзы)».

Статья 182 ГК РФ «Представительство» констатирует: «1. Сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого.

Полномочие может также явствовать из обстановки, в которой действует представитель (продавец в розничной торговле, кассир и т.п.).

2. Не являются представителями лица, действующие хотя и в чужих интересах, но от собственного имени (коммерческие посредники, конкурсные управляющие при банкротстве, душеприказчики при наследовании и т.п.), а также лица, уполномоченные на вступление в переговоры относительно возможных в будущем сделок.

А.В. Красильщиков,

соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РФ

Важнейшей предпосылкой и одновременно фактором формирования политической системы демократического типа является наличие развитого гражданского общества. Вопросы, связанные с формированием и функционированием системы гражданского общества, не теряют своей актуальности в настоящее время, несмотря на большое количество монографической и другой специальной литературы, посвященной данным проблемам. Одним из важ-

3. Представитель не может совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично. Он не может также совершать такие сделки в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случаев коммерческого представительства.

4. Не допускается совершение через представителя сделки, которая по своему характеру может быть совершена только лично, а равно других сделок, указанных в законе».

В настоящее время в качестве представителя юридического лица в принципе может выступать любой гражданин, отвечающий установленным законом требованиям (право-) дееспособности.

Однако особенности сферы уголовно-процессуального регулирования, по сути, ограничивают свободу усмотрения юридических лиц на бесконтрольную передачу их полномочий в уголовном процессе широкому кругу поверенных.

Считаем, что ст. 72 УПК РФ «Обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика» предусматривает лишь процессуальный (правовой) аспект проблемы, в то время как тактико-криминалистические составляющие остаются на усмотрение субъектов расследования.

ных аспектов этих вопросов является выяснение места и роли экономических организаций в системе формирующегося гражданского общества России.

Прежде всего необходимо обозначить наше понимание довольно сложной категории «гражданское общество». Данное общество мы определяем как человеческую общность на определенной стадии развития, которая включает в себя добровольно сформировавшиеся негосударственные структуры в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизнедеятельности общества; совокупность негосударственных — экономических, политических, социальных, духовных, религиозных, нравственных, семейных, национальных и др. — отношений; сферу самопроявления свободных индивидов

и добровольно сформированных организаций и ассоциаций граждан, огражденных законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации их деятельности со стороны органов государственной власти¹.

Опираясь на данное определение, мы можем сформулировать характерные признаки гражданского общества, к которым относятся следующие:

а) равенство всех форм собственности, свобода использования своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, функционирование негосударственных экономических структур;

б) гражданское общество – это такое социальное пространство, в котором граждане взаимодействуют относительно свободно, без непосредственного вмешательства государства через различные социальные институты;

в) признание и защита прав и свобод человека и гражданина негосударственными способами; самозащита политическими средствами, моральными установками, религиозными нормами при создании социальных условий и т.д.;

г) член гражданского общества называется гражданином, чем подчеркивается свобода личности, ее независимость, демократичность государства данного общества. При советском режиме понятие «гражданин» употреблялось как нарицательное, оно применялось в основном к тем, кто подвергался уголовному преследованию, а при обращении к человеку использовалась дефиниция «товарищ» как принадлежность к классу, стоящему у власти, коммунистической идеологии;

д) гражданское общество – это самоуправляемое общество, в котором развивается местное самоуправление; его граждане также участвуют в управлении через политические партии, общественные объединения, негосударственные экономические структуры. Самоуправляемая система гражданского общества способна выработать механизм ограничения и контроля над деятельностью государства².

При этом необходимо помнить, что деятельность гражданского общества опреде-

ляется во многом его структурой, под которой понимается внутреннее строение общества, отражающее многообразие и взаимодействие его составляющих, обеспечивающее целостность и динамизм развития. В современной юридической литературе структуру гражданского общества, во-первых, определяют как совокупность субъектов, представляющих негосударственную сферу жизнедеятельности. К ним относятся такие социальные институты, как:

а) политические партии;

б) общественные объединения;

в) предприниматели и другие негосударственные экономические структуры;

г) органы местного самоуправления;

д) религиозные организации;

е) негосударственные образовательные и культурные учреждения, научные ассоциации, спортивные организации;

ж) средства массовой информации;

з) семья.

Во-вторых, поскольку гражданское общество представляет собой совокупность негосударственных общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности, то структура данного общества состоит из различных видов общественных отношений: политических, экономических, местного самоуправления, религиозных, социальных, информационных, семейных³.

В экономической сфере структурными элементами гражданского общества являются негосударственные предприятия: кооперативы, арендные коллективы, товарищества, акционерные общества, ассоциации, корпорации и другие добровольные объединения граждан в области хозяйственной деятельности, создаваемые ими по собственной инициативе⁴.

Существует точка зрения, что экономические организации не являются элементами гражданского общества, и в этой связи исследователи в основном указывают на коммерческие организации, при этом утверждая, что последние являются только частью рынка. Данная точка зрения, на наш взгляд, не совсем верна. Стоит напомнить, что гражданское общество может быть

¹ См.: Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология: Учеб. М., 2002. С. 481.

² См.: Бобылев А.И. Некоторые политико-правовые аспекты развития предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Право и политика. 2001. № 3. С. 41.

³ См.: Сырямкина Е.Г. Российский социально-политический контекст становления гражданского общества (философский анализ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2004.

⁴ См.: там же.

свободно только при наличии экономической независимости от государства.

Первичной ячейкой гражданского общества является экономически независимый, владеющий частной собственностью человек. В развитом демократическом обществе собственники как представители крупного бизнеса немногочисленны, наибольшим является средний класс. Для подавляющего большинства собственников основой получения доходов и средством обеспечения жизни их семей является частная собственность, и поэтому все их усилия направлены на сохранение собственности, создание оптимальных условий ее использования.

Частная собственность, будучи наиболее развитым институтом демократического общества, является одной из главных причин возникновения и функционирования гражданского общества, превращения его в мощнейшую самоорганизующуюся общественную структуру. Именно частная собственность во всем многообразии ее конкретных форм делает существование гражданского общества необходимым.

Человек в нашем сегодняшнем понимании – это не просто биологический организм, существующий обособленно, а гражданин, живущий в обществе совместно с другими людьми и постоянно с ними взаимодействующий. «Без сотрудничества с другими людьми невозможно добиться процветания, и нашим уделом в противном случае было бы жалкое существование на грани выживания. Мы стремимся объединить свои усилия с усилиями других людей не только для достижения практических целей – производить больше продуктов питания, обмениваться товарами, разрабатывать новые технологии, – но и потому, что ощущаем глубокую потребность в единении, в любви, дружбе и общности. Объединения, образуемые нами с другими людьми, и составляют то, что мы называем гражданским обществом. Такие объединения весьма разнообразны: семьи, церкви, школы, клубы, братства, кондоминиумы, объединения по месту жительства и множество видов коммерческих обществ: партнерства, корпорации, профсоюзы и профессиональные ассоциации. Все эти объединения так или иначе удовлетворяют человеческие потребности. В широком смысле гражданское общество можно определить как совокуп-

ность всех естественных и добровольных объединений в обществе. Некоторые политики проводят различие между коммерческими и некоммерческими организациями, утверждая, что коммерческие фирмы являются частью рынка, а не гражданского общества; однако я следую традиции, согласно которой подлинное различие между объединениями состоит в том, что одни из них принудительные (государство), а другие – естественные, или добровольные (все остальные). Создается ли конкретное объединение для получения прибыли или для достижения какой-либо другой цели, ключевой признак – добровольность нашего участия в нем. Объединения в рамках гражданского общества создаются для достижения определенных целей, однако само гражданское общество не имеет никакой цели; оно является непреднамеренным, спонтанно возникающим результатом всех этих имеющих цель объединений»¹. «Концепция гражданского общества в любом толковании включает в себя все организации и объединения, стоящие вне государственных структур. В политологии они именуются объединениями по интересам»².

В Конституции РФ закрепляется деятельность ряда социальных институтов, которые являются, по сути, элементами гражданского общества и должны функционировать за рамками государства и быть независимыми от него. Так, в соответствии со ст. 12 Конституции РФ местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Не входят в государственную структуру политические партии, общественные объединения (ст. 13); отделены от государства религиозные объединения (ст. 14); ст. 43 устанавливает возможность развивать различные формы образования, в том числе и негосударственные; гарантируется свобода массовой информации (ст. 29) и развитие негосударственных средств массовой информации. Каждый в Российском государстве имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для

¹ Боуз Д. Либертарианство: История. Принципы, политика: Пер. с англ. / Под ред. А. Куряева. М.; Челябинск, 2004. Гл. 7.

² Литвин В. Гражданское общество: мифы и реальность // Факты и комментарии. 2002. 29 янв.

предпринимательской и иной, не запрещенной законом, экономической деятельности (ст. 34). Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что Конституция РФ закрепляет наличие в современной российской экономике негосударственного сектора, который должен обеспечить независимость гражданского общества.

Однако на современном этапе формирования гражданского общества в России ряд вышеуказанных социальных институтов является независимым от государства только на бумаге. Местное самоуправление, политические партии и объединения ассоциируются у граждан с органами государственной власти. Действительно, рядовому гражданину трудно найти разницу между функциями администрации области и города, в котором он живет, для него оба этих объекта являются органами государственной власти. Часто данные заблуждения не далеки от истины, т.к. органы местного са-

моуправления в большинстве случаев являются зависимыми в финансовом отношении от субъектов РФ, а руководители данных органов являются ставленниками «сверху». Политические партии и объединения, не имеющие сильной финансовой поддержки, просто не могут взойти на политический олимп, а имеющие такую поддержку часто выполняют не свою предвыборную программу, а лоббируют интересы тех, кто их финансово поддержал.

Реально быть независимыми от государства могут только те социальные институты, которые свободны экономически, а они представлены в основном негосударственным сектором экономики, включающим в себя многочисленные экономические организации. Таким образом, можно сделать вывод, что экономические организации не только являются элементом гражданского общества, но и представляют собой его основу и фундамент.

Л.В. Лазарева,
доцент кафедры уголовно-процессуального права ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИДЕИ И НОВЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕАЛИИ

Эффективность использования достижений науки и техники в расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел зависит от учета современных научных возможностей и различных факторов, обусловленных реалиями следственной и судейской работы. Большую роль при этом играет степень соответствия установленной процессуальной формы требованиям практики.

На протяжении многих лет основным носителем специальных знаний оставался эксперт. Однако с принятием нового УПК РФ традиционные представления изменились. Сейчас наряду с экспертом специальными знаниями обладает еще один участник уголовного процесса – специалист. Безусловно, данные новации законодателя можно назвать прогрессивными. В то же время целый ряд проблем, связанных с участием специалиста в доказывании, остался

нерешенным и требует своего урегулирования. Обозначим лишь некоторые из них.

Одной из важнейших проблем реформирования уголовно-процессуального законодательства в области доказательственного права является совершенствование правового регулирования деятельности специалиста в доказывании по уголовному делу.

Важнейшим стимулом для развития форм участия специалиста в уголовном процессе стало провозглашение в Конституции РФ принципа состязательности: необходимо было найти приемлемые формы для привлечения сведущих лиц сторонами, на практике активно обращающимися в экспертные учреждения за помощью в отстаивании своих интересов по уголовным делам. Придание участию специалиста в процессе доказывания надлежащей процессуальной формы должно способствовать обеспечению претворения и реализации принципа состязательности в уголовном процессе России.

Участие специалиста в доказывании определяется рядом обстоятельств. Во-первых, его деятельность связана с использованием специальных знаний и носит двусторонний характер (специалист может привлекаться сторонами для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональ-

ную компетенцию); во-вторых, результаты этой деятельности служат источником доказательств (заключение и показания специалиста); в-третьих, он не назван в качестве субъекта доказывания. Одним из дискуссионных в теории доказательственного права продолжает оставаться вопрос о признании специалиста наряду с другими участниками процесса доказывания его субъектом. В самом общем виде субъектами доказывания можно считать лиц, участвующих в этом процессе. Однако такое определение не дает представления об их роли в установлении истины, их правах и обязанностях в области работы с доказательствами.

Общепризнано, что к субъектам доказывания относятся органы и лица, играющие в доказывании не разовую или эпизодическую, а постоянную, длительную роль. Это лица, осуществляющие сбор, проверку и оценку доказательств и ответственные за него, а также имеющие право на активное и продолжительное участие в процессе доказывания для отстаивания своих или представляемых интересов, охраняемых законом¹. Субъектами этой деятельности являются дознаватель, следователь, прокурор и суд, для которых доказывание не только право, но и обязанность. Поскольку права и обязанности субъектов доказывания общеизвестны и широко освещены в юридической литературе², представляется целесообразным рассмотреть лишь некоторые спорные вопросы, относящиеся к компетенции специалиста.

Традиционно принято считать, что специалист играет в доказывании вспомогательную или эпизодическую роль, не обладая при этом собственным процессуальным интересом. Будучи привлеченным к процессу доказывания, неся в той или иной форме ответственность за результаты своего содействия, он является субъектом, привлекаемым к доказыванию. До принятия нового УПК РФ деятельность специалиста в процессе доказывания ограничивалась лишь оказанием содействия органам следствия и суду в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств и применении технических средств. В такой трактовке спе-

циалист — это всего лишь технический помощник. В настоящее время такой подход уже не отвечает потребностям практики и представляется устаревшим. В подтверждение сказанного свидетельствует следующее.

Действующий УПК РФ, а точнее поправки, внесенные в него Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ, значительно повысили значимость в процессе доказывания специалиста. Прежде всего, они связаны с возможностью использования в доказывании показаний и заключения специалиста. Благодаря этому были расширены формы и возможности использования данных естественных, технических и других наук в уголовном процессе, особенно в стадии предварительного расследования. Однако поправки, вносимые в законы, нередко лишены системного характера и создают почву для различного рода противоречий. Не удалось избежать этих ошибок и уголовно-процессуальному законодательству. Так, поправки и дополнения в УПК РФ, изменившие положение специалиста, оказались на практике непонятными вследствие их необычности и несоответствия традиционным представлениям.

В ч. 1 ст. 58 УПК РФ речь идет о такой функции специалиста, как «разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию», т.е. разъяснение возможностей использования специальных знаний в расследовании преступлений. Такой специалист, в том числе и приглашенный защитником и фактически выступающий на стороне защиты, может внести заметный вклад в процесс доказывания, особенно в проверку и оценку доказательств. В адвокатской практике получение от специалистов письменных консультаций становится достаточно распространенной формой использования специальных знаний. Такие разъяснения специалиста могут быть даны как в устной, так и в письменной форме. В первом случае они фиксируются в протоколе соответствующего следственного действия, в котором участвовал специалист. Во втором оформляются в виде нового источника доказательств — заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Данный шаг законодателя представляется весьма актуальным, особенно в условиях усиления состязательности сторон и объективизации процесса доказывания. Из приведенного выше текста следует бес-

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. М., 1973. С. 494.

² См., напр.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: В 2 т. М., 1970. Т. 1.

спорный вывод: новое уголовно-процессуальное законодательство закрепило научно-консультационную форму участия специалиста в уголовном судопроизводстве, придав ей процессуально-правовой статус.

Несмотря на то, что в научной литературе давно обсуждается вопрос о возможностях и формах применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве, говорить о едином мнении пока рано. Взгляды ученых по данному вопросу сильно расходятся¹.

На специфическую форму использования специальных знаний обращает внимание А.А. Эксархопуло². Речь идет об исследовании материалов уголовного дела. Эта форма как сфера применения специальных знаний до недавнего времени не обсуждалась в теории. Общеизвестно, что специалист в отличие от эксперта не проводит исследований материальных объектов. В таком случае можно предположить, что законодатель, упоминая об исследованиях, рассматривает уголовное дело не как материальный объект со всеми прошитыми документами и вещественными доказательствами, а как документальное отображение выполненной работы. В этом смысле материалы уголовного дела представляют практический интерес для тех участников уголовного процесса, которые имеют в деле свой правовой интерес, прежде всего, подозреваемый, обвиняемый и защитник. Особое значение исследование материалов уголовного дела имеет для защитника, который представляет интересы своего подзащитного.

С этой целью защитник может привлечь специалиста, обладающего юридическими знаниями в какой-либо отрасли права или криминалистической науки, для разъяснения действий следователя по конкретному уголовному делу. Например, для анализа протоколов следственных действий, в ходе которых использовались специальные знания, и др. Специалист может обратить внимание защитника на ошибки в обнаружении, изъятии и фиксации объектов, ставших

впоследствии вещественными доказательствами. Эти ошибки могут быть связаны с неправильным применением технико-криминалистических средств и методов собирания следов. В этом случае такие разъяснения специалиста, оформленные в виде заключения, будут носить оценочный характер. Следовательно, как это ни парадоксально, такой специалист становится субъектом проверки и оценки доказательств. Тем не менее многие авторы высказываются против признания специалиста субъектом доказывания. В то же время состязательный процесс предполагает, что в доказывании не может быть малозначительных фигур.

Как было отмечено выше, поскольку участие специалиста в доказывании по действующему уголовно-процессуальному законодательству может выражаться в различных формах: исследование материалов уголовного дела, применение технических средств, дача консультаций, – и облекать в форму доказательств (заключение и показания специалиста), то, по нашему мнению, специалист должен причисляться к субъектам этого процесса.

Не столько теоретически, сколько практически важным является проведение предварительного исследования. Мы категорически не согласны с позицией отдельных ученых, предлагающих дополнить ч. 3 ст. 86 УПК РФ нормой о признании справки предварительного исследования объектов специалистом иным доказательством³. Подобные предложения высказывались и ранее. Так, С.И. Зернов указывает, что «через вновь введенное в число доказательств «заключение специалиста» могут быть легализованы, получить законное признание так называемые «предварительные исследования», справки о которых получили столь широкое распространение в практике проверки заявлений и сообщений о преступлениях»⁴.

Высказанные предложения вызывают принципиальные возражения. Неприемле-

¹ См.: Сорокотягин И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992; Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000.

² См.: Эксархопуло А.А. Материалы уголовного дела как объект применения специальных знаний // Вестн. криминалистики. 2004. № 4. С. 16–23.

³ См.: Гришина Б.П., Саушкин С.А. Проблемные вопросы совершенствования правового регулирования производства следственных действий с участием специалиста // Рос. следователь. 2005. № 8. С. 16–19.

⁴ Зернов С.И. Заключение специалиста как новый вид судебных доказательств // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: Материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф. по криминалистике и судебной экспертизе. М., 2004.

мость этой позиции обусловлена рядом соображений: 1) предварительные исследования остаются за рамками уголовного процесса, т.е. осуществляются в непроцессуальной форме; 2) сведения, полученные в результате этих исследований, носят ориентирующий характер; 3) результаты привлечения специалиста в непроцессуальной форме могут быть включены в процесс доказывания только предусмотренными законом средствами, т.е. через следственные или процессуальные действия.

В то же время предварительные исследования играют определенную роль при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, в выборе направления расследования, выявления источников доказательств и т.п. Однако мы твердо убеждены, что никакие предварительные исследования не могут заменить судебную экспертизу. Поэтому выход из ситуации мы видим только в проведении судебной экспертизы, и если нужно, то и до возбуждения уголовного дела.

Надуманной также представляется проблема истребования справок специалиста, их легализации и внедрения в процесс доказывания.

Предложенное названными авторами нововведение, касающееся процессуальной судьбы справок, информационных писем, письменных консультаций и разъяснений специалиста, на наш взгляд, крайне неудачно. Такая постановка вопроса не только не устранил проблемы последующей правовой регламентации дачи специалистом заключения, но и создаст новые. Так как неясно, чем будет отличаться такая письменная консультация специалиста от его заключения или показаний. Заключение специалиста уже сейчас представляет собой письменную консультацию по вопросам, входящим в его компетенцию, представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Мы считаем, что решение этой проблемы лежит не в появлении новых доказательств, а в законодательном разграничении по целям, форме и содержанию заключения и показаний специалиста.

Большого внимания заслуживают вопросы, требующие разъяснений специалиста, связанные с назначением судебной экспертизы и оценкой заключения эксперта.

Сегодня следователь, суд и защитник не имеют полного представления о возможно-

стях судебной экспертизы и экспертных методик. В этом случае специалист может оказать помощь в определении вида судебной экспертизы, кандидатуры эксперта и места проведения экспертизы.

При даче консультации специалист может помочь сформулировать вопросы, выносимые на разрешение судебной экспертизы, или откорректировать вопросы, уже сформулированные следователем. Кроме того, специалист может обратить внимание следователя на такие вопросы, ответы на которые не принесут новой доказательственной информации или вообще не требующие экспертного исследования. Необходимая информация может быть получена путем истребования соответствующих документов.

Специалист может указать на вопросы, которые невозможно разрешить с помощью проведения экспертизы. Например, не разработана экспертная методика исследования данного объекта, или на современном этапе развития науки и техники данные вопросы пока неразрешимы. В этом случае назначенная экспертиза не принесет желаемых результатов, но может затянуть сроки расследования уголовного дела.

При проведении экспертизы эксперту могут понадобиться дополнительные материалы уголовного дела. На это обстоятельство специалист может указать уже при даче консультации и уточнить, какие именно материалы ему будут нужны (например протоколы осмотра вещественных доказательств).

Следователь может обратиться за консультацией к специалисту для оценки заключения эксперта. Оценке следователя подлежат не только выводы эксперта, но и научная обоснованность экспертной методики, правомерность ее применения в конкретном случае, методы, использованные при производстве экспертизы, и др. Эти вопросы представляются трудноразрешимыми, поскольку следователь не обладает соответствующими специальными знаниями. В этом неопределимую помощь может оказать специалист путем дачи заключения.

Заключение специалиста – это новый вид доказательств, который пока еще не имеет длительной практики применения в процессе доказывания по уголовным делам. Несмотря на это, в специальной литературе уже ставится вопрос о необходимости получения заключения специалиста до возбуждения уго-

ловного дела¹. Данное предложение еще можно было бы обсуждать, если бы у заключения специалиста и неотложных следственных действий были общие цели проведения. Неотложность осмотра места происшествия обусловлена необходимостью закрепления следов преступления. В цели заключения специалиста не входит обнаружение следов преступления, это только вывод лица, обладающего необходимыми специальными знаниями. Заключение специалиста – это всего лишь письменное суждение, а суждение является формой мышления в логике, представляющей собой сочетание понятий, из которых одно определяется и раскрывается через другое, т.е. суждение – чисто мыслительный, умозрительный процесс. Таким образом, специалист составляет свое суждение на основании специальных знаний, а не получает новых данных в результате проведения каких-либо исследований. Например, специалист-химик может сообщить о химических свойствах того или иного вещества, о технологии его получения и т.п.

Вышеназванные предложения рассматриваются авторами как еще один способ придать доказательственное значение всякого рода исследованиям, проводимым до возбуждения уголовного дела. Однако получение заключения специалиста до возбуждения уголовного дела не всегда будет способствовать установлению признаков

состава преступления и закреплению следов преступления. На наш взгляд, единственно возможным решением должно стать проведение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Закон мог бы содержать исчерпывающий перечень ситуаций, когда экспертиза могла бы проводиться до возбуждения уголовного дела. Несмотря на то, что подобные предложения высказывались учеными еще до принятия нового УПК РФ, сейчас согласно п. 4 ст. 146 УПК РФ судебная экспертиза может быть только назначена, но не проведена.

Из вышесказанного можно заключить, что рассмотренные изменения и дополнения УПК РФ следует приветствовать, поскольку они обусловлены практическими потребностями и заметно расширяют рамки использования специальных знаний в уголовном процессе. Вместе с тем вопросы правового регулирования участия специалиста в доказывании имеют серьезные пробелы и недостатки и требуют своего дальнейшего решения. Совершенствование же деятельности специалиста в уголовном судопроизводстве, избавление ее от тех недостатков, о которых много и справедливо говорится, возможно и необходимо за счет усиления состязательных начал, расширения полномочий специалиста в процессе доказывания, правового регулирования получения доказательств – заключения и показаний специалиста.

Д.Е. Любишкин,
*преподаватель кафедры уголовно-
процессуального права ВЮИ ФСИН России*

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА КАК УСЛОВИЕ ПОЗИТИВНОГО ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБВИНЯЕМОГО

Проводимая в РФ судебная реформа ставит одной из своих целей обеспечение доступа граждан к правосудию, существенной гарантией чего является оптимизация форм разрешения криминальных конфликтов участниками уголовного процесса.

Особый порядок судебного разбирательства допускает посредством применения упрощенной формы судебного разбирательства вынесение обвинительного приговора обвиняемому, если участниками уголовного процесса соблюдены условия первой и второй очередей, предусмотренных ст. 314–316 УПК РФ². Невозможно рассмотрение дела в особом порядке, если обвиняемый отказывается погасить заявленный гражданский иск. В «обмен» на сотрудничество с органами уголовного преследования закон предусматривает снижение размера наказания обвиняемому, нивелирует взыскание процессуальных издержек.

¹ См.: Гришина Е.П. Совершенствование нормативно-правового регулирования вопросов участия специалиста в уголовном судопроизводстве России // Рос. следователь. 2005. № 10. С. 11–13.

² См.: Александров А. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Государство и право. 2003. № 12. С. 49–51.

Вместе с тем указанных положительных последствий для стимулирования позитивного посткриминального поведения обвиняемого явно недостаточно. Нельзя забывать, «... что факт позитивного посткриминального поведения обвиняемого в ходе предварительного расследования чаще всего является первым шагом на пути его исправления, закладывает у него основы нравственного перелома, меняя психологию обвиняемого (подсудимого) в положительную сторону...»¹. Обвиняемый, согласившись с предъявленным обвинением и обязательно признав вину, вправе рассчитывать на определенное снисхождение. Признание вины и согласие с предъявленным обвинением становится отправной точкой для упрощения уголовного судопроизводства по делам, рассматриваемым в особом порядке, уже на стадии предварительного расследования и создания дополнительных стимулирующих условий, поощряющих положительное посткриминальное поведение обвиняемого. Немедленное разъяснение обвиняемому всех положительных последствий расследования и рассмотрения дела в упрощенном порядке неминуемо вызовет позитивное отношение виновного к сотрудничеству с органами предварительного расследования. Выражением этого могут быть изобличение соучастников преступления, помощь в выявлении доказательств, добровольная выдача похищенного, возмещение ущерба, причиненного преступлением.

С целью реализации вышеуказанных положений необходим комплекс следственных действий, основанных на признании вины обвиняемым. Данный комплекс представляет собой алгоритм конкретных следственных действий, предусмотренных УПК РФ, направленных на обоснование вины доказательствами. В рамках действующего законодательства это можно выразить в следующем виде: рапорт / явка с повинной → допрос → осмотр места происшествия → проверка показаний на месте → выемка. Учитывая то, что особый порядок судебного разбирательства не возможен без признания гражданского иска в полном объеме, следователь обязан также принять меры к его обеспечению².

¹ Рыбалов К.А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 31.

² См.: Гуляев А.П., Туленков П.М., Усков В.М. Обеспечение следователем возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. М., 1978. С. 31.

При этом рекомендуется привлекать к участию в этих следственных действиях обвиняемого, его защитника, назначение которого является обязательным, и непременно получать у них согласие на проведение расследования в перспективе рассмотрения уголовного дела в рамках гл. 40 УПК РФ.

Например, Правила Верховного суда США о доказательствах 1883 г. определяют так называемое признание факта (formal admission). В соответствии с данным документом искомый факт не требует доказывания и считается безусловно установленным в следующих случаях:

- если факт, утвержденный в суде одной стороной, подтверждается другой;
- если имеется полученный через судью положительный досудебный ответ одной из сторон на вопрос о признании факта;
- если имеется полученное судьей не позднее чем за 9 суток перед рассмотрением дела письменное уведомление стороны о так называемом ограниченном признании факта³.

Согласно ст. 10 Закона о правосудии 1967 г. в Англии при рассмотрении уголовных дел, в том числе и в порядке суммарного производства, допускается возможность формального признания факта по всем основаниям, известным английскому доказательственному праву⁴.

В соответствии с российским законодательством следователь, осуществляя процесс доказывания, на досудебном этапе предполагает виновность лица в конкретном преступлении. Основываясь на признании вины подсудимым, суд убеждается, что тот давно готов к сотрудничеству и взаимодействует с органами правосудия, согласен с упрощением и ускорением производства по делу, предлагаемыми условиями наказания. Суд выносит приговор, не затрачивая времени на оценку доказательств. Таким образом, существенное ускорение производства в особом порядке произойдет не за счет переложения бремени, а за счет конкретизации оценки доказательств одним субъектом процесса, т.е. следователем, и это не будет влиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора.

³ См.: Spenser J.P. Le preuve en droit anglais // *Revue du droit penal compare*. 1992. № 3–4.

⁴ См.: Боботов С.В., Чистяков Н.Ф. Суд присяжных: история и современность. М., 1992. С. 22.

На наш взгляд, в действующее законодательство РФ (в ч. 1 ст. 58 УК РФ и ч. 1 ст. 128 УИК РФ) следует внести поощрительные нормы, касающиеся такого положительного стимула для обвиняемого, как отбывание на-

И.В. Малышева,

адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ

Человеческая деятельность, наряду с объективными обстоятельствами, отношениями с явлениями и другими видами деятельности, включает и элемент субъективности. Плоды человеческой деятельности оказывают влияние не только на отдельные процессы; они могут изменять общественные отношения внутри группы людей, отдельной организации, а порой и всего государства.

Результаты правотворчества непосредственно направлены на изменение общественных отношений. Назначение правотворчества как особой разновидности юридической деятельности заключается в преобразовании, переводе требований экономических и иных общественных отношений на уровень нормативно-обобщенных велений¹. Детерминация правотворческой деятельности – это разновидность деятельности детерминации, а именно детерминации юридической деятельности. Для рассмотрения особенностей детерминации правотворческой деятельности необходимо раскрыть само понятие детерминации.

Детерминизм (от лат. *determine* – отграничивать, определять границы) – это философское учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. В соответствии с данным учением для всякого явления существуют причины, при наличии которых оно с необходимостью имеет место². Часто детерминацию характеризуют как причинно-следственную

казания (в случае назначения его к отбытию реально) не в колонии общего или строгого режима, а в колонии-поселении. Данные нормы, несомненно, будут способствовать сотрудничеству обвиняемого со следователем.

зависимость явлений действительности. Однако, на наш взгляд, это не совсем так, поскольку термин «детерминация» раскрывается через понятие «определяемость», что гораздо шире, чем просто причинно-следственные отношения.

Детерминация непосредственно связана с мыслительным процессом человека: осознанием причин и следствий происходящих процессов и событий, последствий этих процессов и событий, своей роли в происходящем. Человек может действовать и бессознательно, но это не относится к процессу творчества, а тем более правотворчества, т.к. «под творчеством подразумевается не только деятельность, но также мышление, личность, результат мышления и деятельности творческого субъекта»³. Правотворческая деятельность не может проходить на интуитивном уровне, для создания нормы права нужны не только выявление и обоснование причин и необходимости данной нормы; законодатель должен иметь четкое и правильное представление о тех явлениях и процессах, для регулирования которых он создает норму. Все это включается в понятие детерминации.

В зависимости от времени детерминации события и времени наступления события А.А. Ивин различает: *одновременную детерминацию* – в случае совпадения момента детерминации с моментом происхождения события; *преддетерминацию* – когда время детерминации предшествует времени наступления события; *постдетерминацию* (телеологическую, или целевую) – когда момент детерминации наступает позднее момента, в который происходит детерминированное событие⁴.

³ Венгеренко Н.А. Закономерности развития творческих начал социализма // Проблема закона в общественных науках / Под ред. П.А. Рачкова, В.С. Манешина. М., 1989. С. 30.

⁴ См.: Ивин А.А. О логическом анализе принципов детерминизма // Вопросы философии. 1969. № 10. С. 85.

¹ См.: Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. С. 83.

² См.: Большая советская энциклопедия. М., 1972. С. 145–146.

В правотворчестве все виды временной детерминации имеют место. При создании правовой нормы чаще всего мысль законодателя движется от определенного количества конкретных жизненных ситуаций к обобщенной социальной ситуации, ситуации-модели. На основе обобщения он избирает способ и средства ее урегулирования и выражает свою волю относительно того, как следует поступать субъектам правоотношений. Это выражается в юридической конструкции – правовой норме. Процесс создания нормы права схематически выглядит следующим образом: социальная ситуация – политическая воля законодателя – государственно-властное предписание, выраженное в форме юридической нормы¹. При анализе данной схемы может возникнуть ощущение, что правотворческий процесс определяется преддетерминацией – когда ситуация, явление или процесс предшествуют осознанию необходимости правового регулирования, или одновременной детерминацией – если норма возникает именно тогда, когда общественные отношения «созрели» для правового урегулирования. Тем не менее, наряду с тем, что правовая норма может регулировать отношения, уже существующие, но регулируемые другими, не правовыми, нормами, или изменять порядок действия в конкретных ситуациях, она может быть направлена и на урегулирование еще не существующих отношений, но для которых уже имеются предпосылки.

Как уже было отмечено, долгое время центральным понятием детерминизма являлась причинность – такая связь явлений, при которой одно явление (причина) при вполне определенных условиях с необходимостью порождает, производит другое явление (следствие). Все формы реальных взаимосвязей явлений действительности в конечном счете складываются на основе всеобщей действующей причинности, так называемой каузальной детерминации – определяемости событий их причинами или следствиями².

Каузальная (причинно-следственная) детерминация и в настоящее время занимает лидирующее положение и в правотворчестве.

Как правило, нормативный правовой акт является следствием, помогающим урегулировать общественные отношения нормами права, или причиной, изменяющей правовые или иные общественные отношения. Если бы этим ограничивался процесс создания норм права, то эта деятельность не вызывала бы вопросов и не привлекала бы особого внимания ученых. Большое количество публикаций и исследовательских работ в области правотворчества лишь подчеркивает проблемность этого процесса.

Любая деятельность человека – процесс более сложный, чем существующие природные и производственные, технические процессы. На результат человеческой деятельности влияют многие факторы. Для объяснения наличия или отсутствия результативности человеческой деятельности, исправления ошибок, определения ответственности недостаточно выявления причин, необходим более глубокий анализ.

Несмотря на то, что основой детерминизма является признание закономерного характера общественной жизни, законы общества не предопределяют многообразия деятельности каждого отдельного индивида. В общественной жизни постоянно складываются различные возможности, осуществление которых во многом зависит от сознательной деятельности людей. Детерминизм не отрицает свободы, а напротив, предполагает способность человека к выбору мотивов и целей деятельности³.

Современный детерминизм предполагает наличие разнообразных объективно существующих форм взаимосвязи явлений, многие из которых выражаются в виде соотношений, не имеющих непосредственно причинного характера, т.е. прямого производства одного другим. Особенно важными в современной науке оказываются вероятностные отношения. Не все явления социальной жизни, деятельности и сознания человека имеют причинно-следственные отношения, это определяется объективной природой случайности и вероятностью некоторых событий.

Эта форма детерминации, назовем ее *вероятностной детерминацией*, практически не изучена. Она связана с непредсказуемостью некоторых событий, случайностью яв-

¹ См.: Головкин Р.Б., Мамчун В.В., Пожарский Д.В. Теория государства и права: Метод. разработки / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2003. С. 155.

² См.: Философия: энцикл. сл. / Под ред. А.А. Ивина. М., 2004. С. 227.

³ См.: Словарь философских терминов / Науч. ред. проф. В.Г. Кузнецова. М., 2004. С. 135.

лений природы и общественной жизни. Говоря о человеческой деятельности, следует отметить, что она сама порой характеризуется как вероятностная, т.е. не всегда возможно предугадать ее результат, особенно это касается творческой деятельности. Процесс правотворчества направлен на конструирование юридических моделей социальной организации и содержит значительный творчески-познавательный, интеллектуальный и оценочный потенциал. Предметно-преобразующий, творческий, конструктивный характер несколько недооценивается, упрощается, когда правотворчество сводится только к нормативно-оценочному отражению существующих в обществе «объективных социальных норм». Но правотворчество – особый вид коллективного творчества, новизна которого, по словам Т.Е. Зябловой, является относительной, в отличие от художественного творчества, т.к. оно должно основываться на науке права, но не отождествляться с ней¹.

Важно отметить, что, во-первых, в процессе правотворческой деятельности не происходит адекватного, буквального отражения действительности (как и при любой форме социального отражения). Существующие общественные отношения являются отражением классовых, национальных, групповых установок и потребностей, оценок и ориентаций государственного интереса; и, во-вторых, правотворческие органы стараются моделировать правовые нормы, чтобы они проецировались не только на настоящее, но и на будущее, выполняя в данном случае функцию опережающего отражения².

О.В. Маркина,

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин ВЮИ ФСИН России кандидат исторических наук

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Любой национальный конфликт – настоящая трагедия для общества. Кажется,

¹ См.: Зяблова Т.Е. Социальные основы законотворчества в современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. С. 61–66.

² См.: Карташов В.Н. Указ. соч. С. 83–84.

К сказанному следует добавить, что сами общественные отношения, особенно в современном российском нестабильном обществе, характеризуются непредсказуемостью и стихийностью. Это усложняет процесс правотворчества и является одной из причин огромного количества изменений и поправок к нормативным правовым актам.

Говоря о вероятностной детерминации деятельности человека, нужно подчеркнуть, что принятие решений в условиях непредсказуемости может повлечь не только позитивный, но и негативный результат. Поэтому процесс создания норм права тесно связан с процессом их реализации, т.к. отрицательный результат в правотворчестве может привести к негативным реакциям со стороны общества, объединений. Законодатель не может не заботиться об этом, ведь правовое регулирование отношений направлено на создание стабильности и порядка в обществе.

Таким образом, детерминация любой человеческой деятельности, юридической деятельности, в частности, правотворческой, имеет огромное значение. Она раскрывает суть деятельности, охватывая содержание и процессы, причины, условия и факторы, мотивы и цели этой деятельности; при чем необходимо изучать разные формы детерминации, не ограничиваясь лишь причинно-следственной. Следовательно, детерминация носит не формальный, а содержательный, сущностный характер. Правотворчество – процесс сложный, многофакторный, он требует детального изучения.

что он неизбежен, и каждая из конфликтующих сторон может утверждать, что защищает свои неотъемлемые права. Кто защищает исторические права, а кто нарушает целостность территории – убедительные аргументы. Ответы на эти вопросы часто зависят от того, какой исторический период принимать к рассмотрению. Это также зависит от того, какие притеснения терпела та или другая сторона в прошлом, какое определение дается нации или этнической группе, от религиозных убеждений и потребности группы в новой идентификации.

Так как в конце XX в. развитие настоящего демократических обществ

только началось, борьба за определение легитимной демократической группы, которая решением большинства может добиваться суверенитета, в ближайшем будущем может только обостриться.

Сравнение этнической ситуации в России с ситуациями в других западноевропейских странах, которые также сталкиваются с новыми национальными или религиозными конфликтами (например, Северная Ирландия с ее противостоянием католиков и протестантов или Испания в отношении баскских сепаратистов), выявляет одно важное различие. Исторически этим западным странам не пришлось пройти через коммунистическую диктатуру, как это произошло в России. Это обстоятельство обуславливает особенности национальных конфликтов, вспыхивающих на территории бывшего Советского Союза.

Фактически коммунизм во многих отношениях подготовил национальные конфликты. Во-первых, коммунистическое «государство» не было государством в политологическом понимании. Это было параста-государство, то есть общество, руководимое партией. Государственные структуры были только «фасадами». Так, границы, автономные регионы, районы или области, этнические государства, нации и другие меньшинства, провозглашаемые коммунистическими конституциями, должны были служить в качестве алиби для определенных национальных интересов. Но они не исполняли никакой реальной функции.

С отрицанием коммунистической идеи эти прежние границы, автономные регионы, республики и т.д. приобрели совершенно иное значение. Теперь они стали территориальными областями для проживающих там граждан и должны определяться демократическим большинством. Они стали символом нового суверенитета, легитимности и власти нации большинства, для которой эти регионы или границы создавались в качестве фасадов. А те, кто не принадлежит к большинству, то есть меньшинства, считаются изгоями, диссидентами и чем-то несуществующим, как те, кто в коммунистический период не входил в партию. Таким образом, даже самая совершенная правовая защита меньшинства не компенсирует недостаток легитимности национального государства для тех его жителей, которые не принадлежат к нации большинства.

Так как в прежнем социалистическом обществе коммунистическая идеология признавала только коллективные ценности, эти ценности теперь перешли к новому «законодательному» ценностям, а именно к нации большинства. Как при коммунистическом правлении все некоммунисты были диссидентами или даже изгоями социума, члены новых меньшинств стали новыми изгоями, новыми гражданами второго сорта, новыми диссидентами, отвергаемыми нацией большинства.

Очевидно, что в такой обстановке будут развиваться национальные конфликты. Они считаются фундаментальными. От их результата зависят уровень жизни и существование в обществе, а в некоторых случаях даже жизнь или смерть индивидуума. Так, новые изгои, новые меньшинства всеми способами борются против нового порядка легитимности, установленного нацией большинства.

Следовательно, важнейший вопрос, который встает перед современной политической наукой, – можно ли искать универсальные средства и механизмы для решения национальных конфликтов?

Каждая этническая ситуация уникальна и требует индивидуального решения. Поэтому модели других стран не могут быть успешно применены в других условиях. Это, несомненно, справедливо, если стремиться копировать конституционные институты как таковые. Однако конституционный опыт и процедуры, выработанные в свободной и демократической среде, позволяют нам понять, какие принципы будут приемлемы для людей, какие принципы они отвергнут и какие решения и процедуры принятия решения могут иметь успех, судя по опыту существующих многонациональных государств.

Почти не требует доказательств тот факт, что никто не должен иметь полномочий на решение вопросов, за которые он не может нести ответственности. Однако правительство и законодательные органы часто принимают решения по вопросам, за которые они не могут отвечать в полной мере, потому что не имеют о них исчерпывающего представления. Им не приходится приводить в исполнение и испытывать на себе последствия принятых ими мер.

Государства должны служить своим гражданам. Такая основополагающая концепция основана на философии Локка, со-

гласно которой государственный суверенитет ограничен свободой личности, никакая государственная власть не может нарушить человеческое достоинство, государства управляются гражданами, а не наоборот.

Наиболее важным фактором в процессе гуманизации государства и особенно бюрократии, безусловно, является децентрализация. Государственный служащий муниципалитета подотчетен не центральному правительству, а местным властям, избранным гражданами данной территории.

Поэтому такие государственные служащие уделяют больше внимания решению местных вопросов. Поскольку большинство проблем меньшинств, связанных с язы-

ком или религией, всегда отличаются высочайшим уровнем сложности, их нельзя решить общим абстрактным постановлением на каком-то одном бюрократическом уровне, такие решения необходимо адаптировать к конкретной ситуации каждого местного муниципалитета. Таким образом, члены меньшинств оказываются в лучшей ситуации, потому что государственные служащие и местные власти учитывают их специфические проблемы, которые выходят за рамки общих абстрактных правил.

Через автономию местных органов власти государство обретает человеческое лицо и может решать специфические проблемы гуманным образом.

М.В. Морозов,

начальник кафедры криминалистики

ВЮИ ФСИН России

кандидат социологических наук, доцент

Е.А. Киреева

преподаватель кафедры уголовно-

процессуального права ВЮИ ФСИН России

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ КАК ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Основные направления деятельности суда присяжных как социального института весьма многообразны. Если у обычного федерального или мирового суда основная задача – это выполнение правосудной деятельности, то суд с участием присяжных заседателей – это судебный институт, который состоит из представителей общества и значительно влияет на общество. Поэтому суд с участием присяжных заседателей как орган социальной власти выполняет сразу несколько функций, причем значимость некоторых второстепенных для федерального суда функций у суда присяжных ставится на первое место. Основная функция суда – это **правосудная деятельность**. Однако в отличие от суда общей юрисдикции суд присяжных только решает вопрос о признании лица виновным в совершении преступления, но не решает вопроса о назначении ему наказания. Причем суд присяжных считается судом социально справедливым. Вместе с судом присяжных в России возродилась и

надежда на справедливый, компетентный и контролируемый обществом суд¹.

Суд присяжных как институт социальной власти выполняет ряд значимых социальных функций. Во-первых, это **функция социального контроля**, которая предполагает механизм социальной регуляции поведения людей и поддержания общественного порядка. Социальный контроль по определению включает в себя совокупность материальных и символических ресурсов, которыми располагает общество для поддержания конформного поведения своих членов в рамках предписанных норм и санкций². Эту функцию можно также определить как функцию обеспечения правопорядка в государстве и обществе. В любом государстве, даже в демократическом, неизбежны столкновения интересов граждан, социальных групп и государства, в том числе по пониманию права. Само по себе принятие законов не может предотвратить всех конфликтов по его реализации, обеспечить соблюдение права и обеспечить правопорядок³. Суд присяжных как любой независимый судебный орган защищает права и свободы людей, утверждает законность и справедливость. Причем в отличие от судов общей юрисдикции поддержание

¹ См.: Радутная Н.В. Суд присяжных (исторические, социальные и правовые аспекты). М., 1991. С. 38.

² См.: Григоренко О.Н. Суд присяжных в культурной традиции России. Ростов н/Д, 2003. С. 14.

³ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2001. С. 633.

правопорядка в суде присяжных осуществляется именно социальной властью, т.к. именно суд присяжных является, по сути, судом народа. Эта функция непосредственно связана с политикой, поскольку от политической жизни внутри общества и государства зависит характер несоответствия права и интересов личности. Таким образом, суд присяжных вмешивается в политическую жизнь государства.

Во-вторых, **правосоздательная, или правотворческая, функция.** Суд присяжных как социальный институт согласует интересы социальных субъектов на правовой основе. Кроме того, в суде присяжных согласуются интересы социального общества, от лица которого выступают присяжные и государство. Присяжные посредством своего участия в суде выражают те мнения, каким должно быть государство и устройство в нем права. Таким образом, вынося те или иные вердикты, присяжные занимают активную позицию в правотворчестве. Решения коллегии присяжных в виде обвинительных или оправдательных вердиктов могут влиять на законодательную власть. Чрезмерное количество обвинительных или оправдательных решений коллегии присяжных могут сигнализировать о необходимости изменения ряда законодательных актов, в том числе и УК РФ, в сторону смягчения или отягчения санкций или даже изменения и исключения подобных составов преступлений. Кроме того, под действием процессов с участием суда присяжных могут изменяться и другие законы России, в том числе и те, которые определяют само судопроизводство с участием присяжных заседателей, например, с момента принятия УПК РФ только в гл. 42 «Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей» внесено 11 изменений и дополнений.

В-третьих, **обучающая функция.** Институт присяжных заседателей выступает как своеобразный «ликбез» для общества, учитывая, что большинство граждан России юридически безграмотны, не знают своих процессуальных прав и обязанностей в сфере права. В ходе судебных заседаний, которые могут продолжаться не

один день, присяжные как граждане на примере участников процесса как со стороны обвинения, так и защиты входят в их роли. Таким образом, присяжные знакомятся не только с уголовным законом, но и со своими процессуальными правами, изложенными в УПК РФ и Конституции РФ. «Действительные присяжные несут с собой знание о правосудии и законе, о юристах, стоящих на законе, о юристах, стоящих на страже законности и правопорядка. О преступлениях и преступниках, которым они дали оценку, которых они осудили или оправдали»¹.

Еще в дореволюционной России обучающая функция суда присяжных ставилась на первое место. Первоначально правительство не вводило образовательного ценза для присяжных (введен только в 1887 г.), грамотным должен был быть только старшина присяжных. Несомненно, что граждане России, бывшие крепостные крестьяне, рабочие в основном были неграмотными. Были случаи, когда в некоторых сельских губерниях коллегии присяжных распускались полностью ввиду того, что там не было ни одного грамотного гражданина. Приобретая в ходе судебного заседания какие-либо юридические навыки и опыт, бывшие присяжные уносили их с собой, возвращаясь после процессов в свое привычное социальное окружение и привнося в него «проверенные собственным своим участием в деле, выводы свои и впечатления из суда». Эти рассказы присяжных крестьян «вносят в необразованную неразвитую среду односельчан целую массу знаний, знакомят с теми порядками и приемами суда, которые для многих из них оставались темными, непонятными и неизвестными»². Присяжные-крестьяне неизменно пользовались почетом и уважением у своих односельчан, статус судьи от общества, приобретенный опыт и знания в качестве присяжного порой служили достаточными основаниями для избрания бывших присяжных в местные волостные старосты.

¹ Жидких А.И. Механизм формирования суда присяжных как социального института. Барнаул, 2001. С. 85.

² Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России. М., 1881. С. 26.

Таким образом, участие в одном судебном процессе и приобретенные присяжными даже минимальные юридические знания помогали в дальнейшем присяжным приобрести свое место в обществе. Сравнивая обучающую функцию современного суда присяжных с дореволюционным, можно сказать, что и в том, и в другом случае эта функция выполнялась, но ввиду отмены суда присяжных в России конца XIX в. времени было недостаточно, чтобы все население России впитало в себя правовую культуру.

В-четвертых, **воспитательная функция**. Суд присяжных как социальный институт формирует социально активную личность, ответственную за принимаемые решения и поступки, тем более что от решения присяжного зависит судьба человека. Участием в коллегии присяжных люди выражают свою озабоченность проблемами в обществе, таким образом, социальные и правовые проблемы, раскрытые в ходе судебного заседания приобретают большую актуальность. «Это одно из самых эффективных средств воспитания народа, – писал Алексис де Токвиль, – которыми располагает общество. Суд присяжных учит каждого человека отвечать за свои действия, а без этой мужественной позиции невозможно воспитать политической порядочности»¹.

В России правовой нигилизм сложился в течение многих веков. Население России долгое время было полностью оторвано от осуществления правосудия, управления государством и т.д. Сначала абсолютная монархия (при которой вся власть сосредоточивались в руках одного человека – монарха) вообще не предполагала участия подавляющего большинства населения в выработке общественных правил поведения, которыми, оно, население, должно было руководствоваться. Затем, при социализме, несмотря на то, что по законодательству население страны должно и могло было принимать участие в законодательной и законоисполнительной деятельности государства, политическая власть была в руках ограниченной части населения, а обыкно-

венный гражданин был исполнителем закона, спущенного на него «сверху», в принятии которого он не принимал участия. Конечно, нельзя сравнивать правовую культуру населения дореволюционной России с правовой культурой наших современников. Однако долгое время в России существовал государственный строй, близкий к абсолютной монархии в смысле тоталитаризма и бесправия граждан. Законы и основные гражданские права, которые существовали на бумаге, не реализовывались в жизни и не защищались государством. Таким образом, правовой нигилизм, присущий населению дореволюционной страны, мирно перешел, не успев искорениться, в правовой нигилизм советского гражданина.

Поэтому суд присяжных как самая демократичная форма судостроительства призвана искоренить правовой нигилизм путем массового привлечения населения страны к осуществлению полномочий правосудия и близкого знакомства с законом и правом России.

Суд присяжных как орган социальной власти формирует определенные социальные нормы, правовые статусы и социальные роли, направленные на формирование социально активной личности с гуманным правосознанием. Такие личности являются «кирпичиком» в строительстве правового государства. Кроме того, бывшие присяжные заседатели изменяют свою жизненную правовую позицию, активно влияют на свое окружение в обществе. Непосредственное участие в судебном разбирательстве в роли присяжных трансформирует некоторым образом потребности, интересы, ценностные ориентации и установки граждан, что приводит, в свою очередь, к изменению и поведенческих программ индивидов, и их окружения².

В том, насколько вердикт будет соответствовать истинной цене совершенного подсудимым, отражаются индивидуальность и состояние правовой культуры общества, правосознание людей. Участвуя в правосудии, они будут осознавать ответственность при принятии решения о дальнейшей судьбе человека.

---

¹ Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М., 1992. С. 212.

---

² См.: Жидких А.И. Указ. соч. С. 84.

А.М. Мурашкин,
*преподаватель кафедры гражданско-
правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России*

ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЕ СУБАБОНЕНТА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Изменение экономических условий функционирования энергетической системы страны потребовало принципиально нового подхода в правовом регулировании этого вопроса. Федеральный закон «Об электроэнергетике», принятый в марте 2003 г., направлен на упорядочение отношений в области производства, передачи, распределения, сбыта и потребления энергии.

Стремясь принципиально по-новому урегулировать общественные отношения в этой сфере, Закон вместе с тем поставил новые вопросы. Прежде всего это несоответствие основных терминов, используемых в законе и ГК РФ.

Так, субъектами розничных рынков электроэнергии в соответствии со ст. 3 ФЗ «Об электроэнергетике» являются потребители электрической энергии, энергосбытовые организации, гарантирующие поставщики, территориальные сетевые организации, осуществляющие услуги по передаче электрической энергии, субъекты оперативно-диспетчерского управления, производители электрической энергии.

В соответствии с ГК РФ субъектами отношений, связанных с розничной продажей энергии, являются энергоснабжающая организация, абоненты и субабоненты.

Как видно, законодатель отказался от разделения субъектов в зависимости от последовательности расположения энергетических объектов в цепочке прохождения электроэнергии.

Соответственно возникает вопрос, как соотносятся указанные понятия и какова роль норм ГК РФ, посвященных регулированию отношений энергоснабжения.

Кроме этого, не решена проблема, существовавшая и до принятия Закона. Это вопрос обеспечения прав и законных интересов субабонента.

После перехода от системы полного государственного регулирования энергетики к системе, основанной на договорных отношениях, у субабонента возникли сле-

дующие правовые проблемы. Так, при обращении субабонента к абоненту с предложением заключить договор последний отказывался, ссылаясь на то, что он не является энергоснабжающей организацией и заключение договора для него не является обязательным; энергоснабжающая организация отказывалась от предложения заключить прямой договор энергоснабжения непосредственно с субабонентом, поскольку отсутствовала возможность непосредственного присоединения.

В том случае, если у субабонента отсутствует другая возможность обеспечить потребность в электроэнергии в силу расположения его энергопринимающих устройств возможно разрешить данную ситуацию в судебном порядке, ссылаясь либо на ст. 5 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности» от 22.03.1991 № 948-1, согласно которой хозяйствующему субъекту, занимающему доминирующее положение, запрещаются действия, ограничивающие конкуренцию и ущемляющие интересы других лиц, например, необоснованный отказ от заключения договора, либо на ст. 426 ГК РФ.

Однако судебная практика понуждения абонента к заключению договора с субабонентом противоречива, поскольку из норм действующего законодательства явно не следует, можно ли рассматривать абонента по отношению к субабоненту энергоснабжающей организацией. На наш взгляд, положения абз. 1 п. 1 ст. 426 ГК РФ относят данный договор к разряду публичных, а значит, энергоснабжающая организация должна быть коммерческой организацией и по характеру своей деятельности обязана заключать договор с любым обратившимся к ней лицом. Абонент таковым не является и, следовательно, не может быть энергоснабжающей организацией.

Даже, если суд примет решение в пользу субабонента, ссылаясь на антимонопольное законодательство, то возникает вопрос, какой договор должен быть заключен между абонентом и субабонентом, поскольку, как указывалось выше, договор энергоснабжения между ними не может быть заключен в силу несоответствия требованиям по субъективному составу.

Также возникает вопрос, как обеспечить интересы субабонента в получении электроэнергии на принадлежащее ему энергопринимающее устройство.

Так, Н. Мельников предлагает следующий путь решения данного вопроса: нормативное закрепление обязанности заключать один из двух видов договоров абонента с субабонентом:

1) договор энергоснабжения, предусматривающий «перепродажу» субабоненту электрической энергии, приобретенной абонентом у энергоснабжающей организации либо у иных лиц;

2) договор на оказание услуг по передаче электрической энергии, приобретенной субабонентом у энергоснабжающей организации либо у иных лиц, по сетям абонента¹.

Причем данный автор отдает предпочтение второму варианту решения указанной проблемы, поскольку он в большей степени отвечает существу складывающихся между ними отношений, а также концепции построения отношений на различных рынках электроэнергии, закрепленной в ФЗ «Об электроэнергетике».

В свою очередь, А. Жанэ указывает на то, что субабонентный договор по своей юридической конструкции не отличается от договора, заключаемого между энергоснабжающей организацией и абонентом².

Мы разделяем данную точку зрения, поскольку характер действий энергоснабжающей организации по передаче энергии на энергопринимающее устройство абонента принципиально не отличается от действий абонента в отношении с субабонентом. Исходя из этого мы предлагаем исключить договор энергоснабжения из перечня, указанного в п. 1 ст. 426 ГК РФ. Таким образом, количество субъектов, способных выступать в качестве энергоснабжающей организации при наличии технической возможности заключить договор энергоснабжения, будет увеличено. Тем самым появляется возможность применения правил, регулирующих отношения между электроснабжающей организацией и

абонентом, к отношениям между абонентом и субабонентом.

Обратим внимание на роль норм ГК РФ, посвященных договору энергоснабжения. Так, ст. 589 ГК РФ была дополнена п. 4, согласно которому к отношениям по договору снабжения электрической энергией применяются указанные правила о договоре электроснабжения, если законом или иными правовыми актами не установлено иное. Это правило коренным образом изменило роль договора энергоснабжения в системе норм, регулирующих отношения, связанные с передачей и потреблением электроэнергии.

Для всех видов договоров, предусмотренных ФЗ «Об электроэнергетике», которыми оформляются отношения по реализации электрической энергии на оптовом и розничных рынках, а также для договора энергоснабжения общим является то обстоятельство, что их объект – энергия. Это позволяет говорить о некоем общем договоре, охватывающем все виды договоров, предметом которого являются действия сторон по реализации (потреблению) электроэнергии, и выступающем к последним родовым понятием. Видимо, это и имел в виду законодатель, когда Федеральным законом от 26 марта 2003 г. № 37-ФЗ в п. 4 ст. 539 ГК РФ было внесено дополнение³.

На наш взгляд, законодатель стремится придать нормам, регулирующим договор энергоснабжения, характер общих норм по отношению к нормам, содержащимся в ФЗ «Об электроэнергетике».

Таким образом, можно сделать вывод, что предлагаемые изменения действующего законодательства с учетом изменений, внесенных законодателем, позволят расширить сферу применения норм § 6 гл. 30 ГК РФ, а также использовать их в качестве общих норм для регулирования большинства общественных отношений, связанных с приобретением (реализацией) электрической энергии, в случае, если эти отношения не регулируются специальными нормами ФЗ «Об электроэнергетике».

¹ См.: Мельников Н. Договор с субабонентом // ЮРИСТ. 2003. № 45.

² См.: ЮРИСТ. 2003. № 2.

³ См.: Витрянский В. Договор энергоснабжения и структура договорных связей по реализации и приобретению электроэнергии // Хозяйство и право. 2005. № 3. С. 44.

В.Л. Некишев,
заместитель начальника кафедры
гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат философских наук, доцент
А.В. Некишев,
адъюнкт кафедры управления ОВД
в особых условиях
Академии управления МВД России

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ТЕРРОРИЗМУ

Сегодня терроризм превратился в одну из самых опасных по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям общественно-политических и моральных проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие. Характерной чертой современного терроризма является то, что террористические группировки в растущих масштабах включают в высокорентабельный преступный бизнес: торговлю наркотиками, оружием, контрафактной продукцией, порнографией, вымогательство и похищения людей с целью получения выкупа. Возрастает многообразие террористической деятельности, которая все больше увязывается с национальными, религиозными, этническими конфликтами, сепаратистскими и освободительными движениями.

Среди всех проявлений терроризма у современных исследователей наибольшую обеспокоенность вызывает так называемый технологический терроризм. Он как противоправное использование или угроза использования современных технологий, обладающих высоким потенциалом поражающего фактора, стал реальной угрозой современного общества¹.

---

¹ См. об этом: *Киреев М.П., Морозов В.М.* Организация борьбы с терроризмом в современной России: Моногр. / ВЮИ Минюста России. Владимир, 2004. С. 53; *Петрищев В.Е.* Защита объектов террористических посягательств и проблемы информационного противоборства // *Организованный терроризм и организованная преступность*. М., 2002. С. 33–36; *Глебов Ю.И.* Ядерный терроризм: аспекты, типология, профилактика // *Терроризм: современные аспекты*. М., 1999. С. 77–84; *Степанов О.А.* Проблемы борьбы с терроризмом в сфере высоких технологий // *Россия, XXI век – антитеррор*. М., 2000. С. 159; *Латина М.А.* Экологический терроризм: понятие и борьба с ним // *Похищение, захват, исчезновение – преступления террористического характера*. М., 2002. С. 91 и др.

Эффективное противодействие технологическому терроризму возможно лишь в условиях полного и достаточно четкого нормативного регулирования.

В РФ созданы правовые и организационные основы противодействия терроризму, эти проблемы уже достаточно давно находятся в сфере внимания исследователей-юристов, подготовлено немало солидных разработок доктринального характера². Вместе с тем с учетом особой актуальности проблем борьбы с технологическим терроризмом представляется целесообразным и продуктивным выделение тех нормативных правовых актов и отдельных норм, которые целенаправленно регулируют решение проблем предупреждения акций технологического терроризма.

Необходимо сразу же отметить, что правовое регулирование противодействия технологическому терроризму имеет свои особенности в сравнении с терроризмом вообще – в традиционном понимании этого явления. Комплексное решение проблем предупреждения террористических акций рассматриваемой категории требует реализации большего числа норм, относящихся к различным отраслям права (конституционного, уголовного, административного, гражданского, экологического и др.). Это связано с рядом обстоятельств.

Во-первых, технологический терроризм в силу масштабности и тяжести последствий, особенностей избираемых целей преступных посягательств включает в круг своих акций интересы большого числа субъектов. В процессе преступных действий затрагиваются интересы граждан (физических лиц), крупных организаций и предприятий, а также административно-территориальных единиц – небольших населенных пунктов, городских мегаполисов и целых регионов. Как следствие, в ходе проведения контртеррористических операций и мероприятий по ликвидации последствий акций технологического терроризма складывающиеся правоотношения характеризуются чрезвычайной сложностью, и в действие вступает большое количество самых разнообразных правовых норм запретительного, регулятивного, специального и

---

² См., напр., исследования Б.В. Емельянова, М.П. Киреева, А.К. Комиссарова, Е.А. Петрищева и др.

иною характера. Уже на этом этапе часто выявляются пробелы законодательства, конкуренция норм и правовые коллизии.

Во-вторых, необходимо иметь в виду, что частью правовой базы предупреждения технологического терроризма выступает действенный механизм защиты пострадавших, в частности, возмещения им материального и морального ущерба, а это, в свою очередь, предполагает реализацию комплекса гражданских, административных и соответствующих им процессуальных установлений. Важнейшим компонентом этой базы также является совокупность норм федерального, регионального и ведомственного законодательства, регулирующих функционирование системы безопасности высокорисковых объектов.

В-третьих, с учетом сопряженности технологического терроризма с чрезвычайными ситуациями техногенного характера существенный объем правового поля по его предупреждению составляет ряд нормативных правовых актов, относящихся к системе так называемого чрезвычайного законодательства.

Комплекс соответствующих правовых норм может быть классифицирован как по вертикали (федеральное, региональное законодательство и акты органов местного самоуправления), так и по горизонтали (нормы, относящиеся к различным отраслям права).

Широкий спектр различных аспектов регулирования противодействия технологическому терроризму представлен в международной нормативно-правовой базе.

Так, Конвенция «О физической защите ядерного материала» от 26 октября 1979 г. обратила внимание на следующие проблемы в сфере разработки и использования ядерных технологий:

- предотвращение потенциальной опасности в результате незаконного захвата и использования ядерного материала;

- необходимость принятия соответствующих эффективных мер, предусматривающих предотвращение и выявление таких правонарушений и наказание за них;

- необходимость международного сотрудничества в целях разработки в соответствии с национальным законодательством каждого государства-участника и с настоящей Конвенцией эффективных мер по физической защите ядерного материала;

- обеспечение безопасного перемещения ядерного материала;

- важность физической защиты ядерного материала при его использовании, хранении и перевозке внутри страны;

- признание важности эффективной защиты ядерного материала, используемого для военных целей¹.

В ч. 3 ст. 1 международной конвенции «О борьбе с бомбовым терроризмом» от 15 декабря 1997 г. было конкретизировано понятие «взрывное или иное смертоносное устройство», под которым стало пониматься оружие или устройство, предназначенное или способное причинить смерть, серьезное увечье или существенный материальный ущерб посредством высвобождения, рассеивания или воздействия токсических химических веществ, биологических агентов или токсинов или же аналогичных веществ либо радиации или радиоактивного материала².

В Договоре о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г. уже содержится определение такого понятия, как «технологический терроризм», под которым понимается использование или угроза использования ядерного, радиологического, химического или бактериологического (биологического) оружия или его компонентов, патогенных микроорганизмов, радиоактивных и других вредных для здоровья людей веществ, включая захват, выведение из строя и разрушение ядерных, химических или иных объектов повышенной технологической и экологической опасности, систем жизнеобеспечения городов и иных населенных пунктов, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений органами власти, для достижения политических, корыстных или любых иных целей, а также попытка совершения одного из вышеперечисленных преступлений в тех же целях, осуществление руководства, финансирование или участие в качестве подстрекателя, сообщника или пособника лица, которое совершает или пытается совершить такое преступление³. Это была первая попытка на международном

¹ См.: Борьба с терроризмом и его финансированием: междунар. и рос. правовые акты и док. / Сост. и науч. систематизация: д-р юрид. наук, проф. Р.А. Журавлев, канд. юрид. наук О.Е. Ноянова. М., 2005. С. 234.

² См.: там же. С. 52.

³ См.: там же. С. 454.

уровне закрепить законодательно дефиницию технологического терроризма и присущих ему качественных характеристик.

Также в указанном Договоре впервые вводится определение понятия «объект повышенной технологической и экологической опасности» – это предприятия, сооружения, установки и другие объекты, выведение из строя которых может привести к гибели людей, причинению ущерба здоровью населения, загрязнению окружающей среды либо дестабилизации положения в конкретном регионе или конкретном государстве в целом.

Особое внимание в международных актах уделяется проблеме координации взаимодействия в области обмена информацией по вопросам ядерной, химической и биологической (бактериологической) террористическим угрозам¹.

В Рекомендациях «Групп восьми» по противодействию терроризму (встреча министров иностранных дел «Групп восьми»), принятых в Уистлере (Британская Колумбия) 12–13 июня 2002 г., были выработаны основные направления совместной работы по предотвращению и применению химического, биологического, радиологического и ядерного оружия для совершения террористических нападений².

В Заявлении лидеров АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического совета) по борьбе с терроризмом от 27 октября 2002 г. значительное место было уделено проблемам обеспечения компьютерной безопасности³.

В Резолюции Совета Безопасности ООН от 20 января 2003 г. № 1456 обращается внимание на необходимость усиления контроля над ядерными, химическими, биологическими и другими потенциально смертоносными материалами в связи с возрастающей угрозой доступа террористов к этим материалам и их использования в преступных целях⁴.

Модельный Закон СНГ «О борьбе с терроризмом», принятый на 23-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи

государств-участников СНГ (Постановление от 17 апреля 2004 г. № 23-5), не содержит понятия «технологический терроризм», однако ряд важнейших характеристик последнего обозначен в дефиниции террористической акции. Под ней понимается «непосредственное совершение преступления террористического характера в форме взрыва, поджога, применения или угрозы применения ядерных взрывных устройств, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, отравляющих, сильнодействующих ядовитых веществ; уничтожения, повреждения, захвата транспортных средств и других объектов; посяательства на жизнь государственного или общественного деятеля, представителя национальных, этнических, религиозных или иных групп населения; захвата заложников, похищения человека; создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем инициирования условий для возникновения аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности; распространения террористических угроз в любой форме; иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий»⁵.

Анализ приведенного перечня показывает, что более половины из перечисленных в нем деяний связаны с использованием опасных веществ либо выражены в форме посятельств на объекты транспортного комплекса, а в более широком контексте – на любые потенциально опасные объекты производственного и иного назначения. Таким образом, при квалификации тех или иных действий в качестве преступлений террористического характера законодатель акцентирует внимание на их техническом и техногенном элементах, к которым соответственно относятся: совокупность специфических орудий и целей преступлений данной категории, а также последствия акций – техногенные аварии и катастрофы. Очевидно, что все эти акции логически охватываются обобщенным понятием «технологический терроризм», хотя сам этот тер-

¹ См., напр.: Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел в борьбе с терроризмом от 8 сент. 2000 г. // Там же. С. 492; Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // Там же. С. 320 и др.

² См.: Борьба с терроризмом и его финансированием. С. 298.

³ См.: там же. С. 315.

⁴ См.: там же. С. 176.

⁵ Борьба с терроризмом и его финансированием. С. 419.

мин законодателем не вводится и никоим образом не толкуется. Вместе с тем использование данной дефиниции в вышеуказанном нормативном правовом акте позволило бы избежать казуального способа изложения юридического материала и чрезмерно громоздких юридических конструкций, например, таких как при определении понятия «террористическая акция» (см. выше).

Все это говорит о том, что мировое сообщество уже во второй половине XX в. осознало необходимость активизации борьбы с таким явлением, как технологический терроризм.

Одним из первых отечественных нормативных актов, посвященных проблемам борьбы с технологическим терроризмом, являлось Постановление Правительства РФ «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» от 5 ноября 1995 г. № 1113, в котором были выработаны мероприятия по выявлению планов, намерений и конкретных действий преступных групп и отдельных лиц по проведению актов технологического терроризма, а также был решен вопрос об участии сил и средств органов ФСБ России в расследовании причин чрезвычайных ситуаций, возможно связанных с актами технологического терроризма.

В УК РФ¹, который выступает стержневым элементом российского законодательства в борьбе с терроризмом, отсутствует понятие технологического терроризма. Однако анализ норм УК РФ позволяет утверждать, что ряд его статей касается преступлений террористического характера, которые логически вписываются в содержание понятия «технологический терроризм».

Важным этапом разработки теории и практики борьбы с терроризмом в целом, и его современных форм особенно, стала Концепция национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в ред. Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24). Особого внимания в данном документе, по нашему мнению, заслуживает факт законодательного признания того, что ослабление научно-технического и технологического потенциала страны, сокращение исследований на стратегически важных направле-

ниях научно-технического развития, отток за рубеж специалистов, а также усиление внешней технологической зависимости, наряду со стремлением террористов получить в свои руки оружие массового поражения и все большим их проникновением в сферу высоких технологий, создают угрозу национальной безопасности России.

Вместе с тем представляется правомерным мнение ряда специалистов, считающих, что в современную редакцию Концепции национальной безопасности РФ 2000 г. прежде всего стоило бы вернуть (естественно, в переработанном виде) положения по ядерному терроризму, которые были в варианте 1997 г.²

Краеугольным камнем системы правового регулирования антитеррористической деятельности в РФ выступает ФЗ «О противодействии терроризму»³ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Этот документ определяет правовые и организационные основы борьбы с терроризмом, основные принципы и понятийный аппарат, а также порядок международного сотрудничества в области борьбы с терроризмом.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. также не содержит понятия «технологический терроризм», однако в ряде статей есть косвенное указание на данный вид терроризма. Так, в ч. 3 ст. 3 данного ФЗ дается определение террористического акта, в котором законодатель в ряду последствий террористического акта указывает экологическую катастрофу, что, в свою очередь, подразумевает использование террористами средств массового поражения. В ч. 6 ст. 11 при введении правового режима контртеррористической операции ФЗ от 6 марта 2006 г. предусмотрено приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, химически и биологически опасные вещества, тем самым предупреждается возможность использования террористами оружия массового поражения.

Однако, на наш взгляд, такой подход не обеспечивает формирование эффективной системы противодействия технологиче-

---

² См.: Независимое военное обозрение от 15 нояб. 2002 г. // http://nvo.ng.ru/concepts/2002-11-15/5_against.html.

³ См.: Рос. газ. 2006. 10 марта.

---

¹ См.: УК РФ. М., 2006.

скому терроризму по ряду причин, среди которых основное место занимает отсутствие определения технологического терроризма и комплекса мер по его предотвращению и пресечению и ликвидации возможных последствий.

Кроме того, дефиниция понятия «технологический терроризм», отражающая современные тенденции развития террористической деятельности, в настоящее время находит свое закрепление как в международно-правовых актах, так и в нормативных правовых актах зарубежных государств. И это еще одно обстоятельство, свидетельствующее о необходимости внесения существенных дополнений и изменений в ФЗ от 6 марта 2006 г.

В последнее время в России был принят целый ряд нормативных правовых актов, в основе которых лежит идея повышения эффективности противодействия технологическому терроризму в различных ее аспектах.

Можно отметить следующие направления этой работы:

1. Совершенствование системы управления антитеррористической деятельностью в целом и особенно той ее части, которая касается использования современных технологий в криминальных целях. Так, Указом Президента РФ «О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом» от 13 сентября 2004 г. № 1167 были внесены предложения по созданию эффективной системы государственного управления в кризисных ситуациях, предусматривающей выработку адекватных мер по предупреждению и предотвращению терроризма в любой форме (применение или угроза применения взрывных устройств (включая ядерные), радиоактивных, химических, биологических, токсических, отравляющих, сильнодействующих, ядовитых веществ, захват заложников и др.), техногенных аварий и катастроф, а также мер по локализации их последствий.

2. Защита высоких технологий и ее продуктов от преступных посягательств¹.

3. Координация деятельности федеральных органов исполнительной власти в сфере обмена информацией об использовании террористическими группами коммуникацион-

ных технологий, а также об угрозе, которую представляет владение террористическими группами оружием массового уничтожения².

4. Повышение эффективности физической защиты объектов, потенциально наиболее подверженных угрозе террористических актов³.

5. Совершенствование законодательства РФ по вопросам обеспечения безопасности стратегических объектов, разрушение которых может повлечь массовую гибель людей, широкомасштабное загрязнение почв, воздушного и водного бассейнов⁴.

Отдельный комплекс проблем нормативного обеспечения противодействия технологическому терроризму составляет регулирование вопросов защиты высокорисковых объектов от посягательств диверсионно-террористического характера. Принципы, на основе которых вырабатывается стратегия антитеррористической и противодиверсионной защиты высокорисковых объектов, определены в Концепции национальной безопасности РФ. Этот акт, в частности, указывает на то, что «необходимы новый подход к организации и ведению гражданской обороны на территории Российской Федерации, качественное совершенствование единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, в том числе даль-

² См.: О мерах по выполнению Резолюции Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сент. 2001 г.: Указ Президента РФ от 10 янв. 2002 г. № 6.

³ См.: О первоочередных задачах по обеспечению безопасности граждан РФ, национальной безопасности РФ в условиях активизации деятельности международного терроризма на территории РФ: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 сент. 2005 г. № 955-IV; О неотложных мерах по противодействию терроризму, законодательных предложениях Совета Федерации Федерального Собрания РФ по обеспечению безопасности граждан РФ и укреплению национальной безопасности РФ: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 29 сент. 2004 г. № 295-СФ; О мерах противодействия терроризму: Постановление Правительства РФ от 15 сент. 1999 г. № 1040.

⁴ См.: О борьбе с международным терроризмом: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 20 сент. 2001 г. № 1865-III ГД; О первоочередных задачах по обеспечению безопасности граждан РФ, национальной безопасности РФ в условиях активизации деятельности международного терроризма на территории РФ: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 сент. 2004 г. № 955-IV ГД.

¹ См.: О мерах по выполнению Резолюции Совета Безопасности ООН 1388 от 15 янв. 2002 г.: Указ Президента РФ от 17 апр. 2002 г. № 393.

нейшая интеграция ее с аналогичными системами иностранных государств».

В РФ действует достаточно сложная система нормативно-правовой регламентации обеспечения безопасности вероятных объектов террористических посягательств.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹ фиксирует ряд составов правонарушений, предупреждение которых в конечном итоге направлено на обеспечение безопасности высокорисковых объектов, а следовательно, на устранение условий совершения акций технологического терроризма. Через реализацию мер ответственности за эти правонарушения осуществляется специальное предупреждение технологического терроризма неспециализированными органами. Так, гл. 9 «Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике» настоящего Кодекса содержит следующие статьи: 9.1 «Нарушение требований промышленной безопасности или условий лицензий на осуществление видов деятельности в области промышленной безопасности опасных производственных объектов»; 9.2 «Нарушение норм и правил безопасности гидротехнических сооружений»; 9.6 «Нарушение правил использования атомной энергии и учета ядерных материалов и радиоактивных веществ»; 9.7 «Повреждение электрических сетей»; 9.10 «Повреждение тепловых сетей, топливопроводов, совершенное по неосторожности»; 9.11 «Нарушение правил пользования топливом и энергией, правил устройства, эксплуатации топливо- и энергопотребляющих установок, тепловых сетей, объектов хранения, содержания, реализации и транспортировки энергоносителей, топлива и продуктов его переработки».

В гл. 11 «Административные правонарушения на транспорте» и гл. 12 «Административные правонарушения в области дорожного движения» настоящего Кодекса закрепляется целый ряд составов административных правонарушений, связанных с посягательствами на безопасность перевозок и стабильное функционирования объектов транспортного комплекса.

Несколько важных с точки зрения предупреждения акций так называемого ра-

диоэлектронного терроризма составов содержатся в гл. 13 «Административные правонарушения в области связи и информации». В частности, ст. 13.3 «Самовольное проектирование, строительство, изготовление, приобретение, установка или эксплуатация радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств» и ст. 13.4 «Нарушение правил проектирования, строительства, установки, регистрации или эксплуатации радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств» направлены на предупреждение возможности несанкционированного воздействия путем высокочастотного излучения на узлы связи, системы управления движением транспорта и иных опасных производств и объектов.

Данный Кодекс определяет и иные составы правонарушений, пресечение которых является составной частью превенции технологического терроризма. В частности, следовало бы назвать ст. 20.4 «Нарушение требований пожарной безопасности», ст. 20.5 «Нарушение требований режима чрезвычайного положения», ст. 20.6. «Невыполнение требований норм и правил по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций», ст. 20.7 «Нарушение правил гражданской обороны», содержащихся в гл. 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность».

Чрезвычайно важные нормы с точки зрения предупреждения терроризма на воздушном транспорте содержит Воздушный кодекс РФ. Статья 84 данного Кодекса определяет порядок обеспечения авиационной безопасности, что, в частности, предусматривает предотвращение доступа посторонних лиц и транспортных средств в контролируемую зону аэропорта или аэродрома; охрану воздушных судов на стоянках в целях исключения возможности проникновения на воздушные суда посторонних лиц; исключение возможности незаконного провоза на воздушном судне оружия, боеприпасов, взрывчатых, радиоактивных, отравляющих, легковоспламеняющихся веществ и других опасных предметов и веществ и введение особых мер предосторожности при разрешении их провоза; проведение предполетного досмотра; реализацию мер противодействия актам незаконного вмешательства в деятельность в области авиации и иных мер, в том числе

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. М., 2005.

осуществляемых с участием правоохранительных органов.

Воздушный кодекс РФ наделяет службы авиационной безопасности правом задерживать для передачи правоохранительным органам лиц, нарушивших требования авиационной безопасности, а также багаж, грузы и почту, содержащие предметы и вещества, запрещенные к воздушным перевозкам, а в случаях, если жизни или здоровью пассажиров, членов экипажа воздушного судна или других граждан угрожает опасность, применять меры в соответствии с законодательством РФ. Сотрудникам служб авиационной безопасности при исполнении служебных обязанностей разрешается ношение и применение служебного оружия в порядке, установленном федеральными законами.

В ст. 85 настоящего Кодекса определены цели, предмет, условия и порядок проведения процедуры предполетного досмотра как важнейшего элемента авиационной безопасности. Комплекс соответствующих мер практически в полном объеме возложен на службы авиационной безопасности, хотя к участию в предполетном досмотре согласно данной статье могут привлекаться сотрудники органов внутренних дел на транспорте. При этом правовой статус сотрудников милиции в процессе предполетного досмотра практически не определен, что порождает многочисленные организационные проблемы, в частности, при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

К числу важных актов административного законодательства, содержащих нормы по обеспечению безопасности высокорисковых объектов, следует отнести ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21 июля 1997 г. № 116. Его нормы закрепляют совокупность превентивных мер по недопущению инцидентов и аварий на объекте, включая те из них, которые были вызваны актами незаконного вмешательства. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. устанавливает обязанности эксплуатирующих организаций и собственников объектов по обеспечению комплексной безопасности последних, в том числе с точки зрения их физической защиты. В частности, на администрации возложены реализация необходимых мер по недопущению проникновения на опасный производственный объ-

ект посторонних лиц, изучение причин возникновения инцидента на опасном производственном объекте и принятие мер по устранению указанных причин и профилактике подобных инцидентов.

В систему правового регулирования обеспечения безопасности технологического терроризма также входит ФЗ «О ведомственной охране» от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ. Он предписывает осуществлять защиту охраняемых объектов от противоправных посягательств, т.е. решать задачи по обеспечению на охраняемых объектах пропускного и внутри-объектового режимов, а также по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений на охраняемых объектах. Органы государственной власти, в ведении которых имеются объекты, требующие обеспечения безопасности, и которым в установленном порядке разрешено иметь ведомственную охрану, создают охранные подразделения, положения о которых утверждаются Правительством РФ. Реализация положений ФЗ от 14 апреля 1999 г., использование сотрудниками ведомственной охраны предоставленных им прав и реализация возложенных на них обязанностей создают необходимые условия для решения задач предупреждения диверсионно-террористических посягательств на объекты науки и промышленности.

Важной составной частью правовой базы борьбы с терроризмом выступает ФКЗ «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 г. Этим актом закреплён и юридически оформлен институт чрезвычайного положения и порядок его реализации, который необходимо рассматривать в качестве эффективного инструмента предупреждения, пресечения и ликвидации последствий террористических акций, особенно технологического характера. Осуществление террористической акции в отношении критически важного для национальной безопасности объекта промышленности, инфраструктуры и жизнеобеспечения (ядерно-, химически-, биологически опасный объект; гидротехническое сооружение и др.) также неизбежно приведет к возникновению чрезвычайной ситуации техногенного характера.

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать несколько выводов. Российская система правового регулирования противодействия техническому терроризму нуждается в существенной модернизации. Проведен-

ный анализ свидетельствует о том, что совокупность соответствующих институтов и норм, позволяющих субъектам антитеррористической деятельности эффективно осуществлять свои функции, в том числе устранять последствия террористических акций, относится к различным отраслям права и законодательства. В связи с этим последние нуждаются в гармонизации и интеграции, поскольку, как было показано выше, в правовом поле, регулирующем данную сферу деятельности, существует немало пробелов и противоречий. Система норм, регулирующих организацию противодействия техническому терроризму, представляет собой своеобразный конгломерат разноуровневых актов, не связанных единой концепцией и также нередко противоречащих друг другу. Ряд из них содержит большое количество отсылочных норм. Так, в ФЗ от 21 июля 1997 г. и 14 апреля 1999 г. имеются ссылки на десятки других нормативных правовых актов.

С.С. Новиков,

*начальник факультета заочного обучения
ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук, доцент*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИЦИИ ООН ПО БОРЬБЕ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ И ПРОСТИТУЦИЕЙ В КОСОВО

Согласно данным различных источников, каждый год тысячи женщин и девушек контрабандным путем ввозятся в государства Европы и вывозятся из них с целью эксплуатации в секс-индустрии.

Контрабанда людей в разных странах и регионах имеет свои особенности, однако существуют и определенные общие модели. Примером таковой может служить ситуация в Косово.

По сообщениям многих неправительственных и международных организаций Косово уже долгое время считается территорией-донором и перевалочным пунктом контрабанды женщин и детей, которых переправляют как в другие страны Балканского региона, так и из них. Политические, социальные и экономические потрясения, в некоторых странах сочетающиеся с присутствием

Итак, необходимо формировать единую правовую и организационную основу противодействия технологическому терроризму. Для этого, на наш взгляд, нужно решить следующие задачи:

- определить в качестве приоритетного направления исследования теоретических проблем борьбы с терроризмом проблему выработки единого подхода к определению сущности понятия технологического терроризма;
- законодательно закрепить понятие технологического терроризма в международных и национальных правовых актах;
- разработать и принять национальную концепцию противодействия технологическому терроризму;
- законодательно закрепить основные функции защиты потенциальных целей террористических посягательств с обязательным определением центрального координирующего органа федерального уровня и разработать механизмы управления этой деятельностью.

большого количества иностранцев, способствовали созданию благоприятных условий, которыми не замедлили воспользоваться преступные элементы. Секретариат Верховного комиссара ООН по правам человека (СВК ООН ПЧ) отметил, что в настоящее время Босния-Герцеговина и Косово превратились в крупные пункты назначения для женщин и девушек – жертв контрабанды из стран Южной и Восточной Европы и СНГ. Так, согласно достоверным источникам, в 1999–2000 гг. во время кризиса в Косово контрабандисты выманивали или похищали молодых женщин и девушек из лагерей беженцев в Албании, а затем продавали их для занятий проституцией в Италию и Великобританию, часть женщин из Косово попадали к контрабандистам и вовлекались в проституцию, когда пытались мигрировать на Запад. Сообщения из Италии, Германии, Бельгии и Великобритании свидетельствуют, что все больше женщин и девушек из сельских районов Косово становятся жертвами контрабандистов.

В настоящее время эксперты Интерпола и Европола отмечают особую популярность данного бизнеса в Сербии, Черногории, Боснии, Косово, Македонии и Албании. Причем резкий скачок активности секс-индустрии от-

мечается именно в Косово. После окончания вооруженного конфликта в данном регионе проблема трафика людей и насильственного вовлечения в проституцию приобрела здесь такую остроту, что руководство международной полиции ООН сочло необходимым создать специализированный отдел для борьбы с этим видом преступлений.

Как известно, международная полиция ООН действует в провинции уже в течение пяти лет. В июне 1999 г. на территорию Косово был введен многонациональный миротворческий воинский контингент (КФОР), тогда же в провинции начала свою работу миссия ООН, под эгидой которой и была образована международная полиция (СИВПОЛ¹). Сегодня в Косово работают представители полицейских ведомств из 49 стран мира.

В сентябре 2000 г. Комиссар СИВПОЛ подписал приказ об учреждении специализированного следственного отдела по борьбе с незаконной миграцией и проституцией ТРИУ², в состав которого вошли 26 сотрудников международной полиции ООН и 21 офицер полицейской службы Косово. В настоящее время руководство этого отдела размещается в Главном штабе международной полиции в Приштине (столице Косово), кроме того, во всех пяти регионах края действуют отделения ТРИУ. В среднем в каждом из таких региональных отделений работают не более 5–6 сотрудников международной полиции.

Главная задача отдела – выявление и привлечение к уголовной ответственности владельцев подпольных борделей (фактически работоторговцев), членов преступных групп, занимающихся поставкой в Косово «живого товара». Однако, несмотря на учреждение ТРИУ, ситуация с секс-работоторговлей в Косово по-прежнему остается крайне сложной по ряду причин. Сотрудники новых подразделений столкнулись с целым комплексом проблем.

Так, согласно официальной статистике данного подразделения, только за период с 2003 по 2005 г. по обвинению в проституции, контрабанде людей было арестовано 169, выдворены из Косово 84 чел., свыше 2000 чел. были поставлены на учет в следственном управлении.

Как показывает практика, трудности начинаются уже на этапе сбора оперативно значимой информации и не оканчиваются даже с вынесением фигуранту обвинительного приговора. Поэтому неудивительно, что результаты работы отдела в Косово не столь впечатляющи, как того хотелось бы.

Специфика функционирования и комплектования всех подразделений международной полиции ООН в Косово накладывает определенные и довольно существенные ограничения на ее возможности. В первую очередь это текучесть кадров. В среднем продолжительность косовской командировки для большинства полицейских не превышает одного года (реже – полутора лет). Разумеется, в течение такого времени можно успешно поработать в патруле или на каких-то административных позициях. Но добиться серьезных успехов в борьбе с организованной преступностью очень сложно, практически невозможно. Складывается парадоксальная ситуация: как только полицейский приобретает ценный практический опыт, находит, наконец, источники информации (если находит), подходит время возвращаться домой.

Такой полицейский конвейер особенно негативно влияет на работу подразделений, непосредственно занимающихся раскрытием и расследованием преступлений. Чтобы успешно раскрыть конкретное преступление, сотрудник прежде всего должен очень хорошо разбираться в обстановке, в местной специфике.

В еще большей степени эти требования актуальны для подразделений, специализирующихся на борьбе с организованными преступными группировками. К таким подразделениям относится и ТРИУ. Профессионалы отдают себе отчет в том, что только отличное знание местных условий, особенностей, характерных для балканской оргпреступности, может привести к успеху в наступательной оперативной работе по выявлению и пресечению сугубо латентных преступлений (трафик людей и насильственное вовлечение в проституцию, в частности). Однако по объективным причинам у большинства сотрудников ТРИУ просто нет возможности по-настоящему вникнуть в суть дела.

Еще одна серьезная проблема, вытекающая из специфики международной полиции ООН, – языковой барьер. Подав-

¹ Civilian Police – гражданская полиция.

² Trafficking and Prostitution Investigation Unit.

ляющее большинство полицейских не могут общаться с местным населением непосредственно: основной язык в Косово – албанский, которым из сотрудников миссии ООН практически никто не владеет. Сербский язык применяется более ограниченно (в основном в сербских анклавах), им также владеет часть местного албанского населения, преимущественно люди старшего возраста. Среди сотрудников международной полиции есть офицеры, говорящие по-сербски, но их очень немного¹.

Поэтому полицейских во время службы постоянно сопровождают переводчики, которых набирают из местных жителей. На результаты работы патруля участие переводчиков не оказывает негативного влияния, в то время как проведение допросов и других следственных действий ввиду отсутствия возможности общаться с местным населением значительно усложняется. Не говоря уже про негласные оперативные мероприятия. Разумеется, трудно ожидать, что какую-то серьезную информацию о совершаемых в крае преступлениях следователь (сотрудник ТРІУ) получит через переводчика. Кроме того, участие переводчиков в работе полиции – это постоянные утечки служебных сведений. Данную проблему (стоящую очень остро) руководство международной полиции предпочитает не предавать огласке из-за пресловутой политкорректности.

Серьезные трудности отдел испытывает с подбором и расстановкой кадров. Очень часто сотрудниками ТРІУ назначаются полицейские, совершенно не имеющие опыта оперативной или следственной работы. Нередко с организованной преступностью здесь начинают бороться бывшие патрульные или инспектора дорожной полиции.

Все перечисленные проблемы так или иначе подрывают ту основу, на которой строится работа ТРІУ, а именно – информационное обеспечение.

Для достижения конкретного результата сотрудникам отдела прежде всего необходимо, пользуясь преимущественно оперативными источниками, собрать информацию о том или ином действующем в Косово сутенере (главаре преступной группы). Затем полученные сведения приобретают

форму доказательств и используются в ходе судебного процесса.

Одним из главных условий вынесения судом обвинительного приговора сутенеру (работоторговцу) являются убедительные свидетельские показания. Разумеется, наиболее ценными свидетелями являются сами женщины – жертвы трафика, которых угрозами и насилием заставили заниматься проституцией. Установить доверительные отношения с потерпевшими тоже непросто. Одна из причин – все тот же языковой барьер. Поскольку большинство жертв трафика говорят по-русски (или по-украински), то очень существенное преимущество получают сотрудники международной полиции, свободно говорящие на русском. Неудивительно, что наиболее весомых результатов в служебной деятельности по линии ТРІУ добивались офицеры украинского и российского контингентов. Кстати, все они имели значительный опыт оперативной работы у себя на родине (уголовный розыск, подразделения по борьбе с оргпреступностью и т.д.). Достаточно привести такой пример. В течение двух месяцев после прихода в региональное отделение ТРІУ (регион Гнильяне) майора российской милиции (в России он занимал должность заместителя начальника районного отдела уголовного розыска) было возбуждено и доведено до суда семь уголовных дел, в то время как за предыдущие девять месяцев сотрудниками отделения было возбуждено всего четыре уголовных дела.

Повседневная деятельность ТРІУ – это главным образом оперативно-поисковые мероприятия по выявлению женщин – гражданок иностранных государств, род занятий которых и само пребывание в Косово вызывают «обоснованные подозрения» полиции. На регулярной основе проводятся рейды в местных барах, ночных клубах, ресторанах и прочих увеселительных заведениях. Поскольку количество сотрудников ТРІУ ограничено, в качестве дополнительных сил к участию в рейдах часто привлекаются полицейские из других подразделений, а также военнослужащие КФОР.

Нередко в ходе проверки того или иного увеселительного заведения оказывается, что среди «официанток», например, нет ни одной местной жительницы – только иностранки. Как правило, такие «работницы» либо вооб-

---

¹ Это в основном представители России, Польши, Болгарии, Украины.

ще не имеют документов, либо предъявляют поддельные. На традиционный вопрос полицейских, каким образом они попали в Косово, девушки обычно отвечают молчанием.

В общем виде объяснения, которые дают задержанные, сводятся к следующему: молодая девушка из восточноевропейской страны, отчаявшись найти нормальную работу у себя дома, решает попытать счастья за границей. О некой «фирме», которая занимается набором персонала для работы в благополучных западных странах, узнает обычно от кого-нибудь из знакомых (нередко через десятые руки) или из сомнительного рекламного объявления. Чаще всего в такой рекламе фигурируют Греция, Италия или Франция. Условия работы выглядят заманчиво – оплата в валюте, комфортабельное жилье, достойный работодатель. Как правило, требуются няни в богатые семьи, официантки, горничные, прочий обслуживающий персонал. От потенциальных кандидаток на трудоустройство не требуют каких-либо профессиональных навыков, владения языком, рекомендаций и т.п. Зато регулярно присутствуют ограничения по возрасту (например, не старше 23 или 25 лет), кроме того, указывается, что надо обладать «привлекательными внешними данными».

Согласно данным, которыми располагает ТРІУ, большинство женщин – жертв международного трафика, составляют уроженки Молдавии. Кроме них в плен к косовским сутенерам попадают жительницы Румынии, Украины, Белоруссии, Болгарии, в меньшей степени – России и некоторых других стран.

Тесно сотрудничающая с ТРІУ международная неправительственная организация ИОМ¹ в одном из своих недавних отчетов приводит следующие цифры: 52 % проституток, выявленных в Косово, – гражданки Молдавии, 23 % – румынки, 13 % – жительницы Украины, 5 % – болгарки, 3 % – гражданки Албании, также 3 % составляют местные жительницы (косовские албанки) и 1 % – россиянки. Разумеется, эти данные нельзя считать в полной мере репрезентативными, т.к. их получили лишь на основе анкетирования нескольких сот женщин (проституток), которым со стороны ИОМ была оказана помощь. Проанализировать все аспекты данной проблемы – насильственной проституции и

трафика людей – очень сложно из-за высокой латентности ее составляющих. Приводимые здесь и ниже статистические данные являются довольно приблизительными, но вместе с тем помогают составить более полное представление о сложившейся ситуации.

О возрасте жертв косовского «секс-бизнеса» можно судить по следующим показателям, имеющимся в распоряжении ТРІУ и ИОМ: подавляющее большинство составляют женщины от 14 до 17 лет – 12,5 %; от 18 до 24 лет – 58,4 %; от 25 до 30 лет – 21,8 %; свыше 30 лет – 7,3 %. Больше половины из них не имеют законченного среднего образования.

Однако мнения экспертов на различные аспекты насильственного вовлечения в проституцию и незаконного трафика людей расходятся. В частности, работники ИОМ считают, что три четверти женщин, оказавшихся в Косово на положении невольниц, не ожидали, что за границей им вместо обещанной легитимной работы будет отведена роль проституток. По мнению же большинства полицейских, работающих по линии ТРІУ, около 70 % косовских невольниц либо заранее знали, либо сознательно допускали, что за границей им предстоит заниматься проституцией. Полной неожиданностью для них оказывается не род занятий, а фактическое рабство, те невыносимые условия, в которых они очутились, доверившись работодателям.

Вместе с тем все специалисты, серьезно занимающиеся данной проблемой, едины в главном – основная причина, по которой девушки из Восточной Европы в массовом порядке связываются с сомнительными «фирмами» и столь же сомнительными «посредниками», – крайняя неустроенность жизни в своей стране, отсутствие возможностей и перспектив. На сотрудниц отделения ИОМ в Косово, например, огромное впечатление произвел рассказ одной из их подопечных – шестнадцатилетней девушки из Молдавии – про то, как она работала на стройке и получала за непосильный физический труд 50 центов в день.

Невыносимое положение большинства девушек, ставших жертвами балканских работорговцев, усугублялось еще и тем, что, начиная самостоятельную жизнь, они не могли рассчитывать на какую-либо поддержку и помощь со стороны своей семьи.

¹ International Organization for Migration – Международная организация по миграции.

Ведь многие из них (согласно статистике ЮМ) росли в неполных или неблагополучных семьях, как правило, многодетных, 25,7 % регулярно подвергались физическому насилию со стороны ближайших родственников. Значительная часть невольниц составляют молодые матери-одиночки (37,6 %), оказавшиеся с малолетними детьми практически без средств к существованию.

Сегодня уже можно говорить о налаженных криминальными структурами маршрутах и способах пересечения границ. Установлено, что в Косово большинство женщин (около 64 %) попадают через Сербию. Транзитными пунктами для них, как правило, становятся города Белград и Нови Сад. Здесь у девушек отбирают паспорта (у кого они были) и выставляют на продажу сутенерам. Цена может варьироваться от 500 до 2500 долларов США. Вместо паспортов им вручают фальшивые документы местного изготовления. Перед продажей девушек нередко избивают и насилуют с целью окончательно сломить их морально, специально инструктируют, чтобы они не смели обращаться в полицию. Сербская полиция часто действует заодно с сутенерами, получая от них солидную мзду за прикрытие.

Освобожденная в Косово сотрудниками ТРГУ семнадцатилетняя гражданка Молдавии рассказывала, что ее продали на настоящем аукционе невольниц, который проходил в помещении какого-то заброшенного склада в Белграде.

Также преступные группы доставляют женщин в Косово через Македонию (22,3 %), Черногорию (примерно 5 %). В меньшей степени используются другие маршруты (Турция, Албания). В Македонии одним из основных перевалочных пунктов для «живого товара» считается местечко Велеста. Работоторговлю в этом регионе контролируют преимущественно группировки, состоящие из этнических албанцев.

Следует особо отметить хорошо налаженное сотрудничество сербских и албанских преступных групп, занимающихся трафиком людей. Несмотря на серьезное противостояние, сложившееся между сербами и албанцами, и недавний межэтнический вооруженный конфликт в Косово, унесший жизни тысяч людей, преступные элементы отлично ладят друг с другом. В частности, «живой товар» косовские сутенеры (албанцы) покупают в основном у сербских работоторговцев.

Поскольку граница Сербии и Косово абсолютно проницаема (работают лишь КПП на основных трассах), преступным группам не составляет большого труда переправлять своих «подопечных» в проблемную провинцию, минуя какой бы то ни было пограничный контроль.

В Косово девушки из Восточной Европы становятся настоящими пленницами ночных клубов и прочих увеселительных заведений, они постоянно находятся под контролем охранников. Девушек часто содержат в помещениях, совершенно не приспособленных для относительно нормального проживания (нет отопления, водоснабжения, необходимой мебели – спят на полу). Они практически полностью лишены возможности получать квалифицированную медицинскую помощь, и это притом, что нередко им приходится обслуживать до десяти клиентов в день. Неудивительно, что многие девушки вскоре заражаются венерическими заболеваниями. Хозяину невыгодно заботиться о своих работницах – проще взять новых, а пришедших в негодность перепродать или просто выгнать. Средняя прибыль, которую одна невольница приносит своему хозяину ежедневно, составляет около 400 евро. Так что свои деньги на «ротацию кадров» сутенеры возмещают в очень короткие сроки.

Большинство подпольных косовских борделей контролируют бывшие члены УЧК (армия освобождения Косово), соответственно получая значительные отчисления. До недавнего времени доходы от подобных заведений (равно как от торговли наркотиками) были для «борцов за независимость Косово» чуть ли не главными источниками финансирования. Об этом не стесняясь заявил в интервью американской компании MSNBC некий Али Ахмети – лидер одной из вооруженных повстанческих групп, действующих на территории Македонии.

УЧК, формально распущенная после ввода в провинцию войск КФОР, остается и сегодня очень серьезной силой в Косово. Большинство местного населения предпочитают не обострять отношения с теми, кто имеет хоть какое-то отношение к этой организации. Кстати, бывший командующий УЧК Хашим Тачи в настоящее время является лидером второй по величине политической партии в Косово (ПДК), членом местно-

го парламента. Также следует отметить, что только в течение четырех месяцев 2006 г. были убиты (вместе с членами своих семей) двое свидетелей, выступавших в суде против бывших командиров УЧК, обвинявшихся в совершении воинских преступлений.

Поэтому неудивительно, что желающих давать показания против сутенеров среди местного населения не находится. Кроме того, многие местные жители относятся к подневольной проституции весьма терпимо. Эксплуатацию невольниц они воспринимают не как серьезное преступление, а как разновидность выгодного бизнеса.

Организованные преступные группировки пытаются оказывать воздействие на международных полицейских. Так, ввиду неоднократных угроз был вынужден сменить место жительства (переехал в дом, охраняемый КФОР) украинский офицер – сотрудник приштинского отделения ТРiU. Ранее в основном именно благодаря усилиям этого офицера удалось закрыть самый известный в Приштине ночной клуб «Майами» и привлечь его владельца к уголовной ответственности за насильственное вовлечение в проституцию.

Имели место случаи, когда косовские сутенеры при поддержке своих покровителей из бывшей УЧК оказывали давление и на судей. Дела о вовлечении в проституцию, как правило, рассматриваются местными судьями. Иностранные судьи и прокуроры, работающие под эгидой миссии ООН, занимаются преимущественно делами о военных и межнациональных преступлениях.

Только произволом судей можно объяснить неоднократно имевшие место случаи, когда, несмотря на достаточные доказательства вины, сутенеры отделывались лишь чисто символическими наказаниями. Способствовала этому и неудовлетворительная до последнего времени законодательная база. Сейчас насильственное вовлечение в проституцию и трафик людей влечет уголовную ответственность в соответствии со специально принятым миссией ООН положением, которое предусматривает за данное преступление наказание в виде лишения свободы от 5 до 20 лет в зависимости от отягчающих обстоятельств¹.

Также по действующему в Косово законодательству женщина освобождается от

ответственности за занятия проституцией, незаконное пересечение границы и использование поддельных документов, если она признается жертвой трафика людей.

Однако, несмотря на меры, предпринимаемые руководством миссии ООН и международной полицией, ситуация с подпольной секс-работоторговлей в Косово остается еще весьма очень сложной.

Как отмечают сотрудники СИБПОЛ, занимающиеся этой проблемой, в Косово полиция имеет дело уже с результатом трафика, т.е. женщин рекрутировали, перемещали через границы, продавали и перепродавали преступные структуры еще далеко за пределами Косово. Косовские сутенеры – это только одно из звеньев хорошо работающего международного преступного конвейера. И для того, чтобы эффективно бороться с трафиком людей и насильственным вовлечением в проституцию, необходимы совместные скоординированные усилия правоохранительных ведомств различных стран. Прежде всего следует налаживать рабочие контакты с полицейскими силами так называемых стран-источников, т.е. тех государств, гражданки которых становятся жертвами трафика (в первую очередь Молдавия, Украина, Румыния и т.д.). Взаимодействие предусматривает прежде всего оперативный обмен информацией, например, когда по данным, полученным в Косово, привлекается к ответственности вербовщик в Молдавии или Болгарии.

Кроме того, необходимо наладить поддержку (охрану) полиции для женщин, выступавших в суде после их возвращения в свою страну. Главная причина отказа от дачи показаний – страх, что преступники смогут расправиться со свидетельницей или с ее близкими непосредственно на родине.

Также следует налаживать более тесные рабочие контакты и с правоохранительными органами стран Западной Европы. Известно, что около 50 % проституток, привезенных в Косово, далее переправляются в Албанию, а оттуда – в Италию и другие западноевропейские страны (в Англию и Францию, в частности). В Италии этот бизнес контролируют преимущественно албанские преступные группировки. По сведениям итальянской полиции, на территории страны «работают» более 50000 проституток из Восточной Европы, а доходы

¹ См.: UNMIK Regulation. 2001. № 4.

гангстеров-сутенеров составляют десятки миллионов долларов в год.

С учетом того, что Косово является одним из самых «тугих узлов» в проблеме международного трафика людей и насильственного вовлечения в проституцию, полицейским ведомствам многих стран еще предстоит выполнить огромный объем скоординированной работы, чтобы развязать или хотя бы ослабить этот узел. С улучшением ситуации в Косово обязательно улучшится ситуация и в регионе в целом. Но пока огромное количество подневольных мигранток все еще попадают в Косово или их переправляют в другие страны через эту проблемную во многих отношениях провинцию бывшей Югославии.

Международное сообщество призывает органы самоуправления Косово и Временную администрацию ООН обеспечить защиту прав женщин, разработав и реализовав Национальный план действий по борьбе с незаконной переправкой женщин. Процесс разработки данного плана начался на конференции, прошедшей в Приштине 20–22 октября 2003 г. В рамках борьбы с этим явлением необходимо:

- принять все возможные меры, включая борьбу с нарушениями социальных и экономических прав женщин и девочек, в результате чего они становятся легкой добычей переправщиков, с целью пресечь их незаконную

переправку как за пределы, так и внутри Косово для занятий вынужденной проституцией;

- обеспечить применение комплексных мер по защите жертв незаконной переправки;

- гарантировать право жертв на восстановление справедливости и возмещение ущерба;

- разработать четкую политику в отношении переправленных женщин и девочек, способствующую полной реализации ими своих прав;

- любых подозреваемых, в том числе сотрудников Временной администрации ООН и КФОР, в сознательном пользовании услугами перемещенных женщин и девочек привлекать к ответственности.

Наряду с этим ООН и НАТО должны принять меры для гарантированного привлечения к ответственности за нарушения прав человека как в отношении переправленных женщин, так и любого представителя военной или гражданской миротворческой миссии. Европейским странам следует обеспечить защиту прав женщин, включая защиту от насилия или нарушения их социальных и экономических прав.

Таким образом, в силу того, что Косово по-прежнему остается одним из центров международного трафика людей и насильственного вовлечения в проституцию, требуется немало усилий всего мирового сообщества, чтобы решить данную проблему.

М.В. Новиков,

*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

СУЩНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕЖИМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Юридическая ответственность, существовавшая в начале своего развития как связь прав и обязанностей государства и правонарушителя, воплощается в фактических действиях сторон по реализации наказания. Следует отметить, что движение правоотношения ответственности может прекратиться на любой из стадий, если в соответствии с нормами, содержащимися в законодательстве, вступает в силу институт освобождения от юридической ответственности.

На определенном этапе развития у юридической ответственности проявляется процессуальный аспект: движение правоотношения ответственности облекается в процессуальную форму. Последняя не образует самостоятельной стадии юридической ответственности, а представляет собой внешнее выражение движения материального охранительного правоотношения ответственности. При этом материальное отношение «как бы отходит на второй план, «просвечивая» сквозь сеть процессуальных отношений, переплетаясь и взаимодействуя с ними»¹.

Развитие материального правоотношения ответственности осуществляется в рамках правоприменительного процесса. «Право-

---

¹ Заднепровская М.В. Осуществление юридической ответственности и социалистическая законность: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 77.

применительный процесс — специфическая деятельность уполномоченных органов государства, общественных организаций, должностных лиц по рассмотрению и разрешению самых различных индивидуальных дел, имеющих юридическое значение. Она заключается в наделении одних субъектов правомочиями, возложении на других субъектов юридических обязанностей, разрешении споров о праве, разбирательстве дел о правонарушениях и соответственно в привлечении к юридической ответственности»¹.

По нашему мнению, целесообразнее правоприменительный процесс представить в виде юрисдикционного и позитивного процессов, где юрисдикционный процесс всецело посвящен выявлению материального правоотношения ответственности. Следовательно, юридический процесс — явление общеправового порядка, содержащее в себе характерные для всех видов юридического процесса черты и структурные элементы.

К числу основных элементов юридического процесса относится процессуальный режим². Это элемент процесса, который отражает атмосферу деятельности всех участников рассматриваемого юридического дела. «Процессуальный режим — сложная синтетическая конструкция, состоящая из принципов, действующих в процессуальной сфере, средств и способов их реализации и реально сложившихся гарантий, отражающих в своей совокупности качественные характеристики правовых форм деятельности органов государства»³. Другими словами, процессуальный режим представляет собой совокупность требований, обеспечивающих обстановку целесообразного благоприятствования процесса.

Сущность процессуального режима заключается в том, что с его помощью создается обстановка всеобщего благоприятствования личности, оказавшейся в условиях соприкосновения с деятельностью органов государства, должностных лиц и общественных организаций, выполняющих государственные функции и обремененных, в

свою очередь, обеспечением целесообразного и наиболее эффективного разбирательства юридического дела.

К числу специфических признаков процессуального режима прежде всего относят его связь с конкретным отраслевым методом и способом правового регулирования, которые и порождают элементы своеобразия в процессе рассмотрения и разрешения юридических дел.

Составным элементом юридического процесса являются процессуальные производства. Под процессуальным производством мы понимаем систему однородных процессуальных норм, регулирующих порядок, формы и способы деятельности соответствующих государственных органов и должностных лиц, направленных на достижение определенного результата.

Каждому виду юридической ответственности, несмотря на совпадающие моменты, присущ особый порядок процессуальных производств. Это учитывает и законодатель, предусматривающий, например, отдельно осуществление производства по административным и дисциплинарным проступкам и т.д. Но вместе с тем процессуальное производство, независимо от характера разбирательства индивидуально-конкретного дела, объединяет в себе три органически взаимосвязанных компонента: процессуальные правоотношения, процессуальное доказывание, процессуальные акты-документы⁴.

Процессуальные правоотношения, с одной стороны, выполняют служебную функцию: развитие, изменение и прекращение процессуальных отношений зависит от развития материального отношения ответственности. Но в то же время следует отметить, что процессуальные отношения, обладая государственно-властным характером, обеспечивают динамику лежащего в их основе материального правоотношения.

Участником процессуального правоотношения, в руках которого сосредоточены государственно-властные полномочия, является не государство в целом, как в материальном правоотношении ответственности, а компетентный государственный орган или должностное лицо. Одна из особенностей процессу-

¹ Теория юридического процесса / Под ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 68.

² См.: Перлов М.Д. Процессуальный режим рассмотрения уголовных дел на пленумах Верховных судов // Советское государство и право. 1972. № 1. С. 101–108.

³ Теория юридического процесса. С. 153.

⁴ См.: Теория юридического процесса. С. 90; Горшенев В.М., Шахов И.Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987. С. 78.

альных отношений состоит в том, что их обоими участниками могут быть субъекты, наделенные государственно-властными полномочиями (например, в уголовном судопроизводстве возникают процессуальные отношения между судом и прокурором, судом первой инстанции и вышестоящим судом). Наряду с такими отношениями существуют также и другие, в субъектном составе которых присутствует один участник, облеченный государственно-властными функциями (например, в гражданском процессе отношения складываются между судом и истцом, судом и ответчиком, судом и третьим лицом).

Деятельность участников процессуального правоотношения является неотъемлемым элементом состава данного правоотношения, характеризующим его содержание. Поэтому мы полагаем, что нет необходимости рассматривать отдельно от самого процессуального правоотношения деятельность его участников.

Процессуальные документы являются итогом как процессуального производства в целом, так и его определенного этапа. Профессор В.К. Бабаев указывает, что реализованный интерес участников правоотношений выражается и закрепляется в разнообразных правоприменительных актах, которые «материализуют» права и юридические обязанности участников правоотношений, придают им «осязаемый» характер¹.

Важной проблемой является выделение стадий юридического процесса, т.е. его пространственно-временных, динамических характеристик. Назначение, содержание и состав процессуальных стадий достаточно успешно изучаются в рамках отраслевых процессуальных наук, в общетеоретическом же плане проблема стадийности юридического процесса мало изучена. По нашему мнению, наиболее успешной была попытка авторского коллектива под руководством профессора В.М. Горшенева рассмотреть процессуальные стадии в общетеоретическом аспекте². Авторы правомерно вычленили два больших уровня стадий юридического процесса: стадии логической последовательности и стадии функционального назначения.

¹ См.: Бабаев В.К. Логико-юридическая природа правоприменительных актов // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1977. С. 19.

² См.: там же. С. 123–140.

Стадии логической последовательности в юридическом процессе основаны на логической последовательности совершения определенных действий при реализации норм права в форме применения. Первая стадия – установление фактических обстоятельств дела, вторая – установление юридической основы дела, третья – решение дела³. Таким образом, стадия логической последовательности – это определенная система мыслительных операций, направленная на правовое разрешение сложившейся ситуации.

Существенная черта процессуальной формы – ее системность. В современной литературе, посвященной методологии юридической науки, системный подход рассматривается в ряду общепринятых методов познания государственно-правовых явлений⁴.

С точки зрения системного подхода недостаточно только выделение элементов юридического процесса. Существенным признаком системности явления выступает взаимосвязь его элементов, необходимая для достижения стоящей перед юридическим процессом цели – материально обусловленного процессуального результата по разрешаемому юридическому делу. Именно стремление к разрешению дела позволяет элементам процесса находится в целесообразной связи друг с другом. Эта связь нам представляется следующим образом. Качественной оболочкой, связывающей элементы того или иного вида юридического процесса, является процессуальный режим. В зависимости от его характера выделяются процессуальные производства, элементами которых являются процессуальные правоотношения, процессуальное доказывание и процессуальные акты-документы. Процессуальные производства объединяют процессуальные стадии. Следует отметить, что некоторые стадии носят характер завершения производства (например, исполнение принятого решения).

³ См.: Лазарев В.В. Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 363.

⁴ См.: Бабаев В.К. Советское право как логическая система. М., 1978. С. 118; Сырых В.М. Метод правовой науки: основные элементы, структура. М., 1980; Герлох А. О методах познания права // Правоведение. 1983. № 1. С. 15–16.

Следовательно, юридический процесс — это система органически взаимосвязанных правовых форм, направленных на достижение материально обусловленного процессуального результата по разрешаемому юридическому делу. Юрисдикционный процесс является одним из видов юридического процесса и направлен на выявление и реализацию материального охранительного правоотношения ответственности. Из данного вывода следует, что в качестве организуемого отношения для юрисдикционного процесса выступает материальное правоохранительное отношение ответственности. Поскольку речь идет о юриди-

И.И. Олейник,

заместитель начальника

*Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России
по учебной и научной работе*

кандидат исторических наук, доцент

Е.Г. Юдин,

начальник Ивановского филиала

ВЮИ ФСИН России

кандидат юридических наук

ЮСТИЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Управление юстицией является одним из элементов государственного управления и в научной литературе обычно относится к его административно-политической сфере¹. Однако до сих пор отсутствует четкое определение юстиции в качестве объекта государственного управления.

Как известно, еще Указ Президента РФ «О мерах по развитию органов юстиции Российской Федерации» от 2 мая 1996 г. обязывал Правительство РФ в 3-месячный срок представить проект ФЗ «Об органах и учреждениях юстиции Российской Федерации»². В соответствии с этим Указом 7 октября 1996 г. Правительство РФ приняло постановление «Об утверждении Концепции реформирования органов и учреждений юстиции Российской Федерации»³. Кон-

ческом процессе, то обязательным является наличие государственно-властного субъекта.

Таким образом, юридическая ответственность развивается и реализуется в рамках материального охранительного правоотношения. Правоотношение ответственности возникает в момент совершения правонарушения и прекращается согласно общему правилу, когда назначенное правонарушителю наказание будет реализовано либо правонарушитель будет освобожден от ответственности и будет представлять собой властеотношение, складывающееся между государством и правонарушителем.

цепция была принята «в целях укрепления системы органов и учреждений юстиции Российской Федерации, повышения их роли и ответственности при реализации правовой политики государства». В ней признавалось, что «в настоящее время статус органов юстиции не имеет четкого нормативного регулирования», в связи с чем необходимо принятие закона «Об органах и учреждениях юстиции Российской Федерации». В плане подготовки проектов федеральных законов на 2000 г., утвержденном распоряжением Правительства РФ от 20 апреля 2000 г. № 572-р, была предусмотрена разработка проекта соответствующего федерального закона. Над ним работали ведущие специалисты Минюста, научные сотрудники Российской правовой академии, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, других научных и практических учреждений. Название подготовленного законопроекта, одобренного коллегией Минюста России 9 октября 2000 г., было сформулировано более широко: «О юстиции», но содержание осталось соответствующим прежнему его наименованию. В ст. 1 законопроекта юстиция определена как «деятельность государственных органов и учреждений, направленная на обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов государства, а также осуществление иных полномочий, направленных на формирование и укрепление в Российской Федерации принципов и институтов правового государст-

¹ См.: Государственное управление: основы теории и организации: Учеб. / Под ред. В.А. Козбаненко. М., 2000. С. 763.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). 1996. № 19. Ст. 2259.

³ СЗ РФ. 1996. № 42. Ст. 4806.

ва»¹. Однако данная дефиниция нуждается в корректировке.

Во-первых, термин «деятельность» отражает лишь функциональную составляющую юстиции и не дает полного представления об этом сложном государственно-правовом явлении.

Во-вторых, понятие «юстиция» не может быть ограничено деятельностью только государственных органов и учреждений и неправомерно исключать из этой сферы частный нотариат, адвокатуру, а также третейские суды, представляющие собой альтернативную государственной форму разрешения споров о праве.

В-третьих, содержательные признаки юстиции в указанном определении позволяют отнести к ней и деятельность судов, которые занимают обособленное место в системе разделения ветвей власти и не являются объектом властного воздействия со стороны каких-либо государственных органов.

В-четвертых, следует отметить отсутствие единого взгляда исследователей на понятие «защита». Согласно одной точке зрения понятие «защита» означает охрану прав и свобод, оборону от посягательств на них, обеспечение безопасности субъекта права, а также оказание юридической помощи². В соответствии с другим подходом защита определяется как форма охраны, направленная на восстановление или признание прав при их нарушении или оспаривании, а термин «охрана» трактуется, в свою очередь, как совокупность всех мер, обеспечивающих реализацию прав³. Например, Т.В. Кондратьева полагает, что деятельность органов юстиции, осуществляющих государственную регистрацию прав на недвижимость, юридических лиц и актов гражданского состояния, не является правозащитной, поскольку защита права представляет институт восстановления нарушенных или оспоренных прав. В связи с этим при определении юстиции за основу она предлагает взять понятие охраны прав, включая в него их выявление, нормативное

закрепление, осуществление, а также защиту в случае нарушения⁴.

Заметим, что четкое разграничение понятий «защита» и «охрана» отсутствует и в законодательных актах. В частности, Конституция РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, а также признает возможность каждого защищать свои права и свободы способами, не запрещенными законом (ст. 45). Вместе с тем в тексте Основного закона наряду с термином «защита» (ст. 2, 45, 46, 55, 61, 71, 72, 133) употребляется и понятие «охрана» прав и свобод (ст. 21, 41, 52, 114). В конечном итоге, по нашему мнению, и защита, и охрана прав составляют содержание правоохранительной деятельности.

В связи с этим принципиальным вопросом является соотношение системы юстиции с правоохранительной системой. В научной литературе встречаются указания на различие органов юстиции и правоохранительных органов⁵. Наряду с этим высказывается мнение, что органы и учреждения юстиции осуществляют правоохранительную деятельность, а значит, могут рассматриваться как правоохранительные⁶. Именно такой подход представляется вполне оправданным. В соответствии с ним система юстиции может рассматриваться как подсистема в структуре более общей правоохранительной системы государства.

Основная ведомственная задача Министерства юстиции состоит в разработке и реализации государственной правовой политики, под которой в современной литературе принято понимать научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования, по

⁴ См.: Кондратьева Т.В. Управление юстицией РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 36.

⁵ См., напр.: Шестаков А.Ф. Правовые основы организации и деятельности органов юстиции в современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2001. С. 106.

⁶ См., напр.: Правоохранительные органы и организации России. Компетенция и полномочия: Учеб. пособие / Под ред. А.П. Гуляева. М., 1999; Чувилов А.А., Чувилов Ан.А. Правоохранительные органы: Учеб. пособие. М., 2000; Судостроительство и правоохранительные органы в Российской Федерации: Учеб. / Под ред. Ю.К. Орлова, В.И. Швецова. М., 2001; Правоохранительные органы: Учеб. / Под ред. О.А. Галустьяна. М., 2002 и др.

¹ Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2000. № 11. С. 8.

² См.: Макарова З.В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // Правоведение. 2000. № 3. С. 219.

³ См.: Ведяхин В.М., Шубина Т.В. Защита прав как правовая категория // Правоведение. 1998. № 1. С. 68.

цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и жизни общества и личности¹.

После того, как Указом Президента Российской Федерации от 10 августа 2000 г. № 1486 на Министерство юстиции были возложены полномочия в сфере обеспечения единства правового пространства России, они стали рассматриваться в качестве специальной контрольной функции органов юстиции. На основе этого было даже высказано предложение о передаче функции общего надзора от Генеральной прокуратуры Минюсту России².

Функции Министерства юстиции реализуются его аппаратом, а также органами и учреждениями, входящими в систему Минюста России. Аппарат управления юстицией – это совокупность государственных органов, осуществляющих функцию управления в сфере юстиции³.

В Положении о Министерстве юстиции Российской Федерации от 13 октября 2004 г.⁴ устанавливается, что центральный аппарат министерства, подведомственные ему федеральные службы и территориальные органы в лице главных управлений Минюста России по федеральному округу призваны осуществлять реализацию государственной политики в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, а также исполнения уголовных наказаний, адвокатуры, нотариата и обеспечения установленного порядка деятельности судов и исполнения судебных актов, обеспечивать единство правового пространства Российской Федерации и т.д.

---

¹ См.: Колесов Ю.И. Правовое пространство России: Участие органов юстиции в обеспечении его единства. М., 2004. С. 168.

² Подробнее см.: Дубровинский Б.М. Органы юстиции: развитие функций, структуры, методов управления // Сов. государство и право. 1978. № 4. С. 99–105.

³ См.: Малько А.В., Шундилов К.В. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право. 2001. № 7. С. 15.

⁴ См.: СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4108.

На определение юстиции как объекта управления значительное воздействие оказывают особенности организации политической власти в конкретно-исторический период, поскольку управление юстицией является целенаправленной деятельностью, реализующей определенные государственно-властные полномочия. Содержанием данной управленческой деятельности являются: 1) определение целей, задач и компетенции органов и учреждений юстиции; 2) разработка и совершенствование их организационной структуры; 3) организационное обеспечение деятельности системы, включающее в себя осуществление взаимодействия и координации органов и учреждений юстиции в процессе выполнения ими возложенных на них задач и функций, а также их правовое и информационное обеспечение; 4) кадровое, материально-техническое и финансовое обеспечение деятельности системы; 5) организация системы учета и контроля над деятельностью системы⁵.

Сегодня юстиция как объект управления интегрирует общественные отношения, связанные: 1) с разработкой и реализацией государственной политики в сфере юстиции; 2) организацией юридической экспертизы законопроектов и систематизацией принятых нормативных правовых актов; 3) обеспечением установленного порядка деятельности судов, исполнением актов правосудия и уголовных наказаний; 4) легализацией статусов и юридических действий граждан и юридических лиц; 5) оказанием юридических услуг.

В целом управление юстицией можно определить как особый вид деятельности специально созданного аппарата по упорядочению структуры определенных органов и учреждений, их развитию и обеспечению эффективного функционирования с целью реализации государственной политики в сфере юстиции. В соответствии с этим изучение управления юстицией предполагает комплексный анализ формирования и правового положения соответствующего аппарата с учетом конкретно-исторических условий развития государственного механизма и правовой политики.

---

⁵ См.: Куликов Г.В. Организационные основы деятельности органов юстиции Российской Федерации в условиях правовой реформы. М., 1997. С. 38.

С.В. Помазан,
*начальник кафедры юридических дисциплин
Краснодарского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук*

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Терроризм во всех его формах и проявлениях по своим масштабам, интенсивности и жестокости превратился сегодня в одну из самых острых и злободневных проблем глобальной значимости. Действительно, большое количество сенсационных сообщений в газетах и по телевидению свидетельствует, что насилие достигло беспрецедентных высот.

Основным объектом террористических посягательств является безопасность гражданского общества, включающая устойчивость и защищенность тех социальных условий, которые необходимы для нормальной жизнедеятельности населения. Следовательно, терроризм создает угрозу не только общественной безопасности, но и безопасности личности, жизни и здоровью людей, а также безопасности государства, способности государственных институтов выполнять свои обязанности перед обществом.

Непрекращающееся нарастание террористической угрозы в мире и на территории Российской Федерации привело к необходимости усиления санкций за терроризм. Так, санкция ч. 1 ст. 205 УК РФ в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 74-ФЗ за данный вид преступлений предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 12 лет (вместо от 5 до 10 лет в предыдущей редакции).

За совершение этого же преступления при наличии квалифицирующих обстоятельств вместо лишения свободы на срок от 8 до 15 лет установлено лишение свободы на срок от 10 до 20 лет.

Еще более кардинальные изменения внесены в санкцию ч. 3 рассматриваемой статьи. Срок лишения свободы увеличен с 10–20 лет до 15–20 лет. Кроме того, в санкцию добавлено пожизненное лишение свободы.

Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 57 УК РФ пожизненное лишение свободы было установлено только как альтернатива смертной казни и могло применяться за совершение особо тяжких пре-

ступлений, посягающих на жизнь, если суд сочтет возможным не применять смертную казнь. Указанный выше Федеральный закон от 21 июля 2004 г. внес изменения в ст. 57 УК РФ. Во-первых, преобразована правовая природа пожизненного лишения свободы. Оно теперь не связывается со смертной казнью и может быть введено в санкцию независимо от того, предусмотрена ли в ней смертная казнь. Во-вторых, данный Закон разрешил применять это наказание не только за совершение преступлений, посягающих на жизнь, но и за преступления против общественной безопасности, к числу которых относится и терроризм.

Исходя из вышеизложенного пожизненное лишение свободы в настоящее время включено в санкции ст. 105, 277, 295, 317 и 357, т.е. во все те статьи, санкции которых предусматривали смертную казнь.

Помимо перечисленных изменений в уголовном законодательстве, ужесточающих наказания за терроризм, в целях совершенствования государственной политики в области обеспечения безопасности Российской Федерации и усиления борьбы с терроризмом 13 сентября 2004 г. вступил в силу Указ Президента РФ «О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом» № 1167. Кроме того, разработан проект Федерального закона «О противодействии терроризму».

Данный проект призван установить правовые и организационные основы противодействия терроризму в Российской Федерации, определить основные направления, формы и методы борьбы с этим преступлением, полномочия органов государственной власти, органов местного самоуправления и общественных объединений в указанной области, а также порядок координации деятельности субъектов, осуществляющих противодействие терроризму. Наряду с перечисленными положениями в проекте Закона приведено наиболее удачное, на наш взгляд, определение терроризма: «...насилие или угроза его применения в отношении физических лиц, уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества либо других материальных объектов, незаконное вмешательство или угроза незаконного вмешательства в информационные ресурсы и информационные системы, а также иные действия, создающие опасность гибели людей, причинения значительного материаль-

ного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий и совершаемые в целях устрашения населения или оказания воздействия на принятие должностными лицами, органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями решений, обеспечивающих удовлетворение социально-политических требований и интересов террористов».

Перечисленные изменения в законодательстве, безусловно, необходимы, но они, как представляется, не совсем адекватны уровню террористической активности в стране.

К недостаткам законодательства сегодня следует отнести несоответствие санкций, которые предусмотрены ст. 205 УК РФ. Поскольку угроза совершения террористических действий не столь опасна, как реальный терроризм, по нашему мнению, целесообразно ограничить только верхний предел санкции ч. 1 ст. 205 УК РФ двенадцатью годами лишения свободы.

Несомненно, если террористические действия повлекли смерть хотя бы одного человека, совершены преступной организацией (преступным сообществом), а равно сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо совершены с применением ядерных материалов, радиоактивных или отравляющих веществ, они более опасны, чем деяния, указанные выше. Поэтому в ч. 3 ст. 205 УК РФ необходимо предусмотреть такие санкции, как лишение свободы от пятнадцати до двадцати лет или пожизненное лишение свободы либо смертная казнь.

Часть третья рассматриваемой статьи содержит указание на наличие неосторожности в отношении смерти человека, но последствия террористических акций наступают не в результате неосторожной вины, а как следствие прямого или косвенного умысла. Поэтому следует согласиться с мнением В.П. Емельянова, что «квалифицировать умышленное причинение вреда факультативным объектам по другим статьям УК по совокупности с терроризмом – значит искусственно создавать идеальную совокупность при наличии органически единого сложного преступления»¹, и исключить из особо квалифицированного состава терроризма упоминание о неосторожной форме вины по отношению к последствиям.

Относительно ответственности за терроризм целесообразно обратить внимание на следующее: особая общественная опасность терроризма заключается в том, что он может привести к гибели многих людей. Вместе с тем, как верно замечает В.В. Мальцев, «самые распространенные и опасные формы терроризма по УК РФ лишь приравняются к убийству при отягчающих обстоятельствах»². Так, убийство из хулиганских побуждений или с целью скрыть другое преступление влечет по УК РФ такое же наказание, как и взрыв жилого дома или пассажирского поезда, повлекший многочисленные жертвы. Такое положение нельзя признать справедливым. Более предпочтительной в этом плане представляется позиция законодательства ряда стран (Великобритании, ФРГ, Франции, Турции), согласно которой терроризм служит основанием для применения специальных законов, а также специальных санкций. В наиболее полном объеме этот подход реализован в Законе США «О борьбе с терроризмом и об эффективности Закона о высшей мере наказания» от 24 апреля 1996 г.

Также следует отметить, что требование дополнительной квалификации умышленно причиненных общественно опасных последствий, заложенное в норме о терроризме, приведет, на наш взгляд, к парадоксальной ситуации: например, если в результате террористического акта убит человек, то в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ наказание за эти преступления, отнесенные к категории особо тяжких, назначается путем частичного или полного сложения, а мера наказания в виде лишения свободы не может превышать 25 лет. Это обстоятельство, по нашему мнению, нельзя считать справедливым. Более того, оно придает половинчатый характер норме, лишает ее реального содержания и адекватности ее санкций настоящей опасности терроризма.

Таким образом, учитывая, что терроризм – одно из немногих преступлений, способных повлечь многочисленные человеческие жертвы, причинить большому количеству людей непоправимые телесные и психические повреждения и травмы, а также привести к разрушению материальных и культурных ценностей, иногда невозполнимых,

¹ Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. Харьков, 1997. С. 152.

² Мальцев В.В. Ответственность за терроризм // Рос. юстиция. 1997. № 11. С. 36.

представляется необходимым включить в санкции ч. 3 ст. 205 УК РФ смертную казнь вплоть до ее отмены в соответствии с международными рекомендациями, тем самым усилив превентивный характер нормы.

А.В. Попов,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат исторических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ПОНЯТИЯ «ВОЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

Понятие «военная интеллигенция» в отечественном интеллигентоведении было и остается одним из наименее разработанных. Отсутствует единство в понимании содержания понятия, оспаривается даже само причисление военных к интеллигенции.

Ряд исследователей считают, что термин «военная интеллигенция» некорректен из-за несоответствия представителей военной профессии требованиям, предъявляемым к интеллигенции. С этим подходом нельзя согласиться, так как его представители или неоправданно сужают объем этого понятия, ограничивая его по политическому признаку, или не замечают единства базовых родовых черт военного отряда интеллигенции, акцентируя его специфику.

Среди тех историков, которые признают существование военной интеллигенции, одним из наиболее дискуссионных вопросов историографии по-прежнему остается вопрос о границах военной интеллигенции: представители каких интеллигентских профессий могут относиться к этой группе?

Ряд исследователей называют военной интеллигенцией представителей «мирных» интеллигентских профессий, работающих в интересах обороны страны. В составе военной интеллигенции видят конструкторов оружия и боевой техники, военных юристов, врачей, педагогов и т.д.

К военной интеллигенции многие относят представителей наиболее массовых офицерских профессий, связанных с решением проблем военного управления (подготовка и воспитание подчиненных, планирование и руководство военными операциями на различном уровне), при условии, что они получили соответствующую подготовку.

В итоге следует отметить, что современное законодательство в сфере противодействия терроризму не отвечает сегодня масштабам существующей угрозы и нуждается в усовершенствовании.

Представители этого подхода вслед за А.Г. Кавтарадзе не считают военными интеллигентами представителей «мирных» интеллигентских профессий, даже если организационно они подчиняются Министерству обороны и носят военный мундир.

И, наконец, к военной интеллигенции могут относить весь офицерский корпус.

В данном вопросе автору наиболее обоснованным представляется мнение А.Г. Кавтарадзе, утверждавшего, что к этой группе логично было бы отнести прежде всего *военных управленцев* (командный и штабной состав офицерского корпуса)¹. Военных инженеров, медиков, музыкантов, преподавателей и т.п. этот исследователь не считал военными интеллигентами. В этом вопросе характеристика А.Г. Кавтарадзе требует уточнения. Бесспорно, что деятельность военного и гражданского медицинского персонала гораздо ближе друг к другу, чем деятельность военного хирурга и, например, командира батареи, несмотря на то, что последние могут принадлежать к одной армии, носить одну форму и даже иметь одно воинское звание. Тем не менее в деятельности этих групп присутствуют черты военной интеллигенции, причем для одних профессий эти черты более ярко выражены (например у военных инженеров), у других – менее (преподаватели военных училищ, музыканты и т.д.). Таким образом, эти группы логично рассматривать в качестве пограничных. В этом случае необходимо ввести понятие «военная интеллигенция» в широком и узком смысле не только по вертикали (по степени соответствия того или иного представителя этой группы идеальному типу военного интеллигента), но и *по горизонтали*. В этом случае военным интеллигентом в узком смысле будет считаться представитель командно-штабных кадров офицерского корпуса армии (для современной России к этой группе относятся и командиры подразделений специального на-

¹ См.: Кавтарадзе А.Г. Некоторые итоги изучения проблемы «Октябрь и военная интеллигенция» // Интеллигенция и революция. М., 1985. С. 153.

значения). Тогда к военной разведке в широком смысле относятся все разведчики, подчиняющиеся военной дисциплине и носящие форму Вооруженных сил РФ и приравненных к ним государственных формирований (ФСБ, ФСК, МВД, Минюст и т.д.).

Вместе с тем согласно логике развития разведыведения нельзя считать военными разведчиками всех офицеров, профессионально занимающихся военной разведкой, предварительно получивших соответствующую подготовку. Для точного определения необходим еще один критерий, активно обсуждающийся в историографии.

Иногда делаются попытки выделить военную разведку в рамках единого офицерского корпуса по *морально-нравственным характеристикам*. К сожалению, несмотря на очевидную привлекательность такого подхода, его итоги нельзя назвать удовлетворительными.

Главная проблема, с которой сталкиваются представители нравственно-этического подхода к разведыведческой проблематике, – недостаточная операциональность этого направления. В ходе конкретного исторического исследования, как правило, чрезвычайно сложно практически использовать определения разведки, в которых доминируют выражения типа «носительница высших духовных ценностей», «совесть нации» и т.п. Поэтому естественно, как отмечает В.Р. Веселов, исследователь разведки «вольнo или невольнo будет выдвигать на первый план социально-профессиональные критерии объекта своего исследования...»¹.

В связи с этим, по мнению автора, военную разведку можно рассматривать как специфическую группу в рамках офицерского корпуса. Для этого необходимо прежде всего определить понятие для обозначения профессионального военного вообще. Учитывая специфику употребления терминологии в современной исторической и социологической науке, кажется более уместным говорить о группе «профессионалов»².

¹ Веселов В.Р. О противоречиях нравственно-этического подхода к истории разведки // Нравственный императив разведки: прошлое, настоящее, будущее: Тез. докл. науч.-теорет. конф. Иваново, 1998. С. 18.

² Отказ автора от традиционного понятия «специалисты» связан с существованием термина «военный специалист» («военспец»), несущего конкретную историческую нагрузку в исторически близкое к изучаемому периоду время.

Понятие «профессионал», появившееся в зарубежной социологии, в последнее время употребляется и в исследованиях отечественных военных историков (А.И. Каменев, И.В. Домнин, Ю.Б. Белов, А.Е. Савинкин, С. Волков). Особое внимание обращается ими на формирование системы корпоративных ценностей. В связи с этим автор считает возможным использовать этот термин для обозначения корпорации профессиональных военных.

В рамках группы военных профессионалов выделяется группа управленцев, профессионально занятая развитием и распространением военной культуры и управлением в сфере обороны, – **военная предразведка**.

В рамках военной предразведки, являющейся формальной группой и обладающей собственным корпоративным мышлением, выделяется группа офицеров, отличающаяся от основной массы прежде всего *своими нравственными качествами*. Вот почему представителей этой группы можно считать **военными разведчиками**.

Вместе с тем совершенно оправданным кажется вопрос А.М. Лушниковой, «...какие качества необходимы, а какие достаточны, каким минимальным набором из них надо обладать, чтобы удостоиться причисления к военной разведке»³. По мнению автора, ответ на этот вопрос возможен, он предполагает полноценное исследование образцов поведения, существовавших в военной среде, и сравнение этих образцов с «моральным кодексом» разведки. Однако для того, чтобы реализовать это исследование, необходимо проанализировать, что такое «разведка», какие качества необходимо рассматривать как родовые, сущностные, а что является временным, ситуативным и не может быть использовано при описании «идеального типа» разведчика.

На основании исследования выявлено, что понятие «военная разведка» может рассматриваться в двух значениях.

Во-первых, «военный разведчик» – это определение одного из *образцов поведения*, присущего группе профессиональных военных.

Во-вторых, это специфическая социальная группа (не совпадающая с формальной

³ Лушников А.М. Военная разведка – методологический подход к содержанию термина // Российская разведка в российской и зарубежной историографии: Тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф.: В 2 т. Иваново, 1995. Т. 1 С. 42–43.

группой офицеров российской армии), для которой характерно следование в своем поведении этому моральному образцу.

Структура ценностей военного интеллигента представляет собой динамически развивающуюся двухуровневую систему, где основанием являются ценности военной прединтеллигенции, воспринимаемые как корпоративные ценности офицерского корпуса, над которыми развиваются интеллигентские ценностные ориентации.

Последние можно представить как ряд сфер, помещенных друг в друга. Значение тех или иных ценностей, составляющих эту сферу, будет тем меньше, чем дальше от центра они находятся. Соответственно с этим строится и идентичность военных интеллигентов: общественные преобразования сравнительно легко изменяют внешнюю поверхность ценностной сферы, однако чем глубже они заходят, тем большее сопротивление встречают. Наконец, полное изменение структуры ценностей, если оно возможно, приводит к потере идентичности.

Ценностным ядром военной интеллигенции выступает ее *патриотизм*, понимаемый как самоотверженное служение обществу. При этом в зависимости от периода группа, с которой идентифицирует себя военный интеллигент, изменяется: от родо-племенного образования (на раннем этапе), через этно-конфессиональную общность – к государственному единству, воспринимаемому как сосредоточение общенародных интересов. Служение обществу выражается в категории «долг», формируя образ объекта служения: как правило, это государство, которое, с одной стороны, воплощает идеальные черты и интересы народа, а с другой – воплощается в армии как символе государственного суверенитета.

Второй уровень ценностной структуры военной интеллигенции составляют товарищеские отношения в референтной группе, включающие в себя как вертикальные (забота–уважение), так и горизонтальные (взаимная поддержка) связи.

В рамках этой группы формируются корпоративные ценности (дисциплина, честь, слава), составляющие третий уровень ценностного ядра. Этот уровень в отличие от первых двух не является непреодолимым препятствием для военного интеллигента.

И, наконец, внешнюю «оболочку» ценностной сферы составляют ценности–средства,

обладающие своей собственной линейной структурой. В соответствии с общепринятым делением военной деятельности эти ценности можно определить (снизу вверх), как:

1. *«Витальные» ценности*, позволяющие военному интеллигенту реализовывать стоящие перед ним задачи (здоровье, семья, доход, богатство и т.д.).

2. *Тактику*, или собственную деятельность военного интеллигента.

3. *Стратегию* – определение его места в ходе сражения и войны в целом.

4. *Политику* – самосознание интеллигента в рамках государственной жизни.

Данная схема позволяет провести демаркационную линию между прединтеллигентом и интеллигентом.

Во-первых, для первого некоторые ценности–средства могут рассматриваться как ценности–цели (например политический строй, форма государства).

Во-вторых, анализ ценностей–средств позволяет раскрыть широту кругозора военного и таким образом выявить возможность видеть в нем интеллигента.

В-третьих, по этой схеме можно определить уровень самоактуализации военного интеллигента: он будет тем выше, чем более зыбкими, изменяемыми будут ему казаться внешние сферы ценностного ядра.

Характерно, что данная сфера ценностей практически не включает в себя религию: являясь формой идеологии, она выступает одним из критериев культурной идентичности, следствием принадлежности к «ближним», на которых распространяются законы и уважение, но не этническое единство¹.

---

¹ Специфика этнического самосознания военной интеллигенции рассматривается нами в соответствии со следующей схемой:

– микро-мы: референтная группа (дружина – полковое офицерское собрание), являющаяся хранителем корпоративного сознания;

– макро-мы: племя-народ-империя – объект долженствования патриотических чувств интеллигента;

– «ближние» – группа, живущая по одним законам, пользующаяся тем же коммуникативным кодом, что и интеллигенция. В качестве такого кода может рассматриваться язык, правила чести и, наконец, религия. Те, кто относится к этой группе, могут считаться врагами, однако по отношению к ним обязательно соблюдение законов войны, правил чести и т.д. Эта группа рассматривается как потенциальные союзники, поэтому военные действия не должны перерасти в тактику выжженной земли;

– «дальние» – группа абсолютных противников, с которыми невозможны переговоры, на которых не действуют правила воинской чести, обман которых – не преступление, а заслуга.

Анализ системы ценностей как единого целого дает возможность сформулировать ответы на «проклятые» вопросы русской интеллигенции применительно к военным:

1. *Интеллигенция и Отечество.*

Как уже указывалось ранее, смысл жизни и деятельности военного интеллигента заключается в защите Отечества от внешнего врага.

2. *Интеллигенция и власть.*

Военная интеллигенция, как правило, поддерживает государство. Однако этого не происходит, если нарушается одно из двух основных условий:

- государство (политика) помогает, а не мешает армии выполнять ее священный долг по защите Родины¹;

- верхи государства не должны своей деятельностью приносить ущерб интересам и чести России.

Если эти требования выполняются – государство устраивает военного интеллигента и он прикладывает все силы для его сохранения. Однако этот вариант является идеальным: на практике верховная власть нередко не выполняет своего предназначения. В связи с этим военный интеллигент должен определить свое отношение к происходящим процессам: делать то, что от него зависит, по улучшению положения на своем месте (забота о подчиненных, с одной стороны, и улучшение военных качеств подразделения – с другой) или искать способы смены верховной власти. Отсюда – две возможные тактики военных интеллигентов по отношению к политике: принципиальная деполитизация армии (аргументированная тем, что вмешательство армии в политическую борьбу является нарушением присяги и чревато гражданской войной) или военный переворот².

3. *Интеллигенция и народ.*

В отличие от светской и особенно революционной интеллигенции, военная ее часть не разделяет народ и государство: идентифицируя себя с Россией, русский военный интеллигент стремился, с одной стороны, делать все возможное для ее величия, а значит, для безопасности народа от внешних вторжений и внутренних неуря-

диц, с другой – заботиться о жизни, здоровье и развитии тех представителей народа, которые становятся в солдатский строй.

4. *Интеллигенция и бюрократия.*

Отличие военной интеллигенции от бюрократии заключается прежде всего в широте кругозора и самоидентификации. Если бюрократ не видит ничего, кроме своего стола («бюро»), и служит не государству и Отечеству, а себе – в государстве, то для военного интеллигента на первом плане всегда находится «польза дела», а все личные мотивы (слава, карьера), даже если они имеют место, играют вспомогательную роль.

Итак, на основании вышеизложенного можно попытаться сформулировать определение рабочего понятия: ***военная интеллигенция – это особая социокультурная общность профессиональных военных управленцев, преодолевших ограниченность группового сознания офицерского корпуса, со свойственной ей акцентуацией на корпоративной чести и личной славе, и поднявшихся до осознания социетарных ценностей.***

Характеристика военной интеллигенции сочетает как сущностные черты интеллигенции в целом, так и специфические характеристики ее военного отряда.

Родовыми чертами военной интеллигенции как одного из отрядов ***интеллигенции в целом*** являются профессиональное выполнение сложного умственного творческого труда, требующего специальной подготовки (образованность), интеллектуальность, развитое личностное самосознание, а также высокая нравственная культура, характеризующаяся альтруизмом, патриотизмом, гражданственностью, ответственностью, гуманностью и мужеством.

Специфическими чертами военной интеллигенции являются:

- исполнение сложного умственного творческого труда в области военного управления;
- наличие специальной подготовки, включающей военное образование и воспитание;
- концепция *воинского долга* как сочетания дисциплины (беспрекословного исполнения приказа) и инициативы (свободы в отношении способа исполнения этого приказа); при этом для военного интеллигента всегда остается открытым вопрос о возможности неподчинения преступному или откровенно ошибочному приказу;

¹ См., напр.: Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М., 2003. С. 25.

² Деятельность декабристов и, возможно, Скобелева в начале XX в.; позиция верховного генералитета в февральской революции 1917 г., гражданский выбор военной интеллигенции в ходе Гражданской войны.

– представления о *воинской чести* как синтезе личного достоинства и гордости за принадлежность к военной корпорации;

– *мужество* военного интеллигента (как физическое, выражающееся в храбрости перед лицом смерти, так и духовное, в смысле готовности пожертвовать карьерой, но не поступиться совестью) как следствие развития представления о воинской чести;

– стремление к *славе*, понимаемой как *высочайшая ответственность* перед своей страной, доверившей военному интеллигенту отстаивать честь ее знамен;

– понимание *гуманизма* как сочетания воинского товарищества (в том числе заботы о подчиненных) и соблюдения цивилизованных правил ведения войны.

Военная интеллигенция как социальная группа обладает рядом характеристик, не носящих сущностный характер:

1. Эта группа отличается *большой групповой сплоченностью*, чем так называемая «штатская» интеллигенция. «Один в поле не воин», «Сам погибай, а товарища выручай» – подобные максимы соответствуют требованиям военной организации в любой стране мира как в древности, так и сегодня.

2. Усиление групповой сплоченности вызывает больший *конформизм*. В качестве особой формы конформизма выступает такое необходимое для военной интеллигенции понятие, как *воинская дисциплина*. Без дисциплины любая армия обречена на поражение. «Вся твердость воинского правления основана на послушании, которое должно быть содержано свято», – писал в своем «Полковом учреждении» А.В. Суворов¹. Обратная сторона дисциплины – ослабление творческого начала (инициативы) среди офицеров вследствие иерархизации военной организации в позднее средневековье и Новое время.

3. Военная интеллигенция более *консервативна*, чем прочие группы интеллигенции. Очевидно, это объясняется необходимостью долгого обучения и совершенствования в военном деле. Умению вести людей на смерть нельзя научить теоретически, для этого требуется длительная практика. Консерватизм ее проявляется прежде всего в военной сфе-

ре: с огромным трудом здесь находит свое применение как новая техника, так и новые способы организации армии. Подобная характеристика напоминает отношение к прогрессу, характерное для медицинской интеллигенции: любая ошибка, непроверенное решение могут привести к гибели людей.

Характеристика военной интеллигенции не ограничивается одними родовыми критериями этого понятия. Являясь конкретно-историческим явлением, военная интеллигенция не оставалась неизменной и развивалась вместе с армией и государством, которому она служила. Нам представляется верной следующая схема развития военной интеллигенции России:

1. Формирование *военной прединтеллигенции*. Начало этого этапа выходит за границу исследования и относится к периоду военной демократии, когда появляются первые военные профессионалы. Являясь первой в истории нашей страны военной корпорацией, эта группа обладает собственными групповыми ценностями, которые строятся или на почитании богов земли и вере в сверхъестественные качества лидера-жреца (этот тип нашел свое воплощение в былинах о Вольге Всеславовиче и Слове о полку Игореве), или на вере в небесных богов и признанном лидерстве самого сильного и удачливого воина (былины об Илье Муромце).

2. Формирование военной интеллигенции Древней Руси относится к X–XIII вв. В рамках военной корпорации (дружины) выделяются ряд князей, которые по уровню развития военной культуры и по нравственно-этическим качествам приближаются к образу военного интеллигента. Первым из них условно² можно назвать Владимира I Красное Солнышко. Первым князем, который сумел подняться над дружинной психологией, был Владимир Мономах. Как его произведения, так и военно-политическая деятельность демонстрируют качества полководца и истинного интеллигента.

Особенностью военной интеллигенции этого периода было прежде всего незначительное развитие культурной среды, в которой действовали военные интеллигенты. Эта среда, видимо, носила в большей сте-

¹ Суворов А.В. Полковое учреждение // О долге и чести воинской в российской армии: Собр. материалов и ст. / Сост. Ф.А. Галушко, А.А. Колесников; Под ред. В.Н. Лобова. М., 1990. С. 41.

² К сожалению, до нас не дошли сочинения этого Великого, без преувеличения, князя. Поэтому образ его мыслей и систему ценностей мы выстраиваем по косвенным источникам.

пени «вертикальный» характер, то есть формировалась во времени (через литературные памятники предыдущих эпох), а не в пространстве – в рамках кружков военных интеллигентов. В связи с этим о военной интеллигенции Древней Руси, вероятно, следует говорить не как о группе, а только как о ряде военных интеллигентов.

3. Следующий этап развития отечественной военной интеллигенции – формирование и становление военной интеллигенции средневековой Руси (Московии) в XIV–XVII вв. Военные интеллигенты по-прежнему являются единичным явлением, однако рождающая их культурная среда возникает не только благодаря «книжной мудрости», но прежде всего благодаря существующей системе обучения и воспитания, созданной в монастырях Северо-Восточной Руси и в ходе общения с другими военными интеллигентами. Таким образом, начинает формироваться среда, объединяющая носителей военной культуры.

Претерпела серьезные изменения и сама культура военного интеллигента. На основу, заложенную князьями и дружинниками Древней Руси, наложились опыт монгольской армии, теоретические достижения полководческой школы Древнего Китая, обычаи и традиции Великой Степи и ислама. Этот конгломерат и стал основанием военной культуры средневековой Руси, высшим достижением которой стало стояние на Угре – военная операция, проведенная без прямого столкновения воюющих сторон. Творцом этого шедевра был Иван III – один из немногих действительно великих людей в истории человечества, гармонично соединявший в своем лице талант полководца, политическое деятели и дипломата. Созданная им полководческая школа продолжила свое существование в последующие века (хотя чрезвычайно сильный вред ей был нанесен в период правления Ивана IV). Ее представители сумели не только расширить территорию России на Востоке, добиться победы над Польшей на Западе, но и передать свои знания и навыки через эпоху Петровских реформ.

Особенностью системы ценностных ориентаций военных интеллигентов этой эпохи было господство христианской морали и противоборство двух оснований военной интеллигенции – чести, выражающей корпоративные интересы военного сословия (в

XVI–XVII вв. боярства) и вместе с тем отражающей идею достоинства личности, и долга как осознания подчинения своих личных и групповых интересов интересам Отечества, который в то же время проявляется в сервилизме приближенных царя.

4. Эпоха становления, развития и деятельности *дворянской военной интеллигенции* относится к XVIII – середине XIX вв. Начало этого периода традиционно связывают с реформами Петра I, которые привели к формированию военно-служилого сословия, принадлежность к которому определялась не только рождением и характером деятельности, но и наличием образования – «просвещенностью». На апогее развития дворянской военной интеллигенции – в конце XVIII – начале XX вв. – можно с уверенностью говорить о существовании военной интеллигенции как социальной группы. У ее основания лежат просветительские идеи Екатерины Великой, деятельность П.А. Румянцева и Г.И. Потемкина; ее высшим воплощением было полководческое искусство А.В. Суворова и М.И. Кутузова, которые создали собирательный образ истинного русского военного интеллигента, просуществовавший до настоящего времени. Деятельность этой группы в полной мере проявила себя в годы Отечественной войны 1812 г., когда не только был остановлен непобедимый Наполеон, но и создана ценностная основа для объединения русской нации.

Главной отличительной чертой системы ценностей военной интеллигенции этого периода было чрезвычайно сильное влияние мотивов «славы» и «корпоративной чести», истоки которых лежали в европейской рыцарской культуре, воспринятой в ходе Петровских реформ.

После поражения восстания декабристов ослабевают служилые традиции дворянства, и к концу века оно уже не определяет образ военного интеллигента.

5. В связи с этим следующий этап развития военной интеллигенции можно назвать «разночинным»¹. Начало этого периода связано с военными реформами 1870-х гг. Введение всеобщей воинской повинности и потребность в

---

¹ Несмотря на то, что по положению Николая I офицер, достигший звания капитана, получал личное дворянство, а полковника – потомственное, по образу жизни, привычкам, воспитанию эти люди чрезвычайно отличаются от дворянской аристократии, сближаясь с представителями высшей разночинной интеллигенции.

большом количестве военных специалистов вместе с нежеланием представителей дворянства служить в армии приводят к изменению социального состава офицерского корпуса¹. Как следствие – формируется институционально оформленный образец поведения офицера, именуемый «военным интеллигентом» и отличающийся от образца офицера-дворянина. Победа этого образца вызвана поражением России в Русско-японской войне и связана с так называемым «Военным возрождением».

Система ценностей военного интеллигента этого периода строится не столько на рыцарской, сколько на трудовой этической модели. Ненужный риск начинает рассматриваться как вредное явление, подрывающее авторитет командира. Идея славы и должного вознаграждения за заслуги продолжает сохраняться, но рассматривается как один из способов достижения успеха в общем деле. Стремление к славе, противоречащее интересам дела, категорически отрицается. Настаивать на признании своих заслуг становится невежливо.

Революция и гражданская война разделили военную интеллигенцию: одна часть осталась в Советской России, способствуя раз-

витию советской военной интеллигенции. Прямой переход из русской дореволюционной интеллигенции в советскую имел место, но был, скорее, исключением (А.А. Игнатьев, А. Свечин, Б.М. Шапошников), чем правилом. Большая часть этих офицеров была уничтожена в ходе репрессий, однако их жертва обеспечила преемственность в развитии российской военной интеллигенции.

Вторая часть военной интеллигенции России эмигрировала в составе Белой армии. Оставаясь типологически частью дореволюционной военной интеллигенции, эти офицеры стремились продолжить свою военную деятельность в условиях эмиграции. С точки зрения системы ценностей военной интеллигенции, в работах этой группы произошел частичный переход от социетарных ценностей к универсальным.

В настоящий момент делается попытка совместить все положительное, что было достигнуто усилиями обеих ветвей военной интеллигенции постреволюционной России, т.к. только на этой платформе возможно дальнейшее плодотворное развитие офицерского корпуса нашей Родины.

В.В. Скворцова,

*соискатель кафедры уголовно-
процессуального права ВЮИ ФСИН России*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ХУЛИГАНСТВОМ В БЫТУ

В настоящее время преступность в России представляет собой наиболее болезненную общественно значимую проблему. Противоречивые процессы в области экономики и политики не могли не сказаться на состоянии преступности, что нашло отражение в ее динамике, структуре и характере.

В современных условиях развития нашего общества все более частыми становятся факты нарушения правопорядка, и борьба с правонарушениями была и остается одной из главных социальных задач.

Вполне закономерно, что на современном этапе развития российского общества преступность в сфере семейно-бытовых отношений является проблемой актуальной. Перемены, происходящие в политической, экономической жизни государства, нося фундаментальный характер и кардинально изменяя общество, не могут не отразиться на его основах – семье. В семье будущий гражданин приобретает свой первый опыт общественного существования, именно здесь закладываются основы его сознания и характера, его взгляды и установки, моральные качества и волевые свойства. В семье происходит адаптация человека к нормальной, законопослушной жизни в обществе.

Однако криминальная обстановка в российском обществе дает основание не только говорить о хулиганстве в семейно-бытовых отношениях, но и выделять такие преступления в самостоятельную группу.

Рост хулиганства порожден коренными изменениями в нашем обществе, изменениями, разумеется, негативного характера.

---

¹ По официальным сведениям, на начало XX в. разночинцев среди офицеров было 50,1 % (см.: *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М., 1979. С. 82, 84, 86).

Для бытового хулиганства характерно вечернее и ночное время суток. Разделение хулиганства на «уличное» и «бытовое», принятое в практической деятельности органов внутренних дел, с точки зрения уголовного права существенного значения не имеет. Не всякое хулиганство, совершенное в квартире, может быть «бытовым». Отсюда возникает трудность и ошибочность в квалификации хулиганства в качестве бытового. Место в данном случае также не играет определяющей роли. Основным разграничением является не место, а наличие или отсутствие бытового конфликта как основного признака хулиганства, совершаемого в быту. Определение бытового хулиганства можно сформулировать так: это хулиганство, совершаемое на почве бытовых конфликтов, возникающих в определенном круге субъектов: супруги, родственники, соседи, знакомые, – связанное с устойчивыми лично-бытовыми отношениями, основанными на бытовой взаимозависимости.

Хулиганство на почве бытовых конфликтов, как правило, совершается в форме длительного и упорно не прекращающегося нарушения общественного порядка. Чаще всего бытовое хулиганство сопровождается повреждением имущества, нанесением телесных повреждений и применением хозяйственных ножей. Отсутствие орудий, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений, говорит о преимущественно внезапном характере самих преступных действий.

Потерпевшими от бытового хулиганства чаще всего становятся женщины и дети в возрасте от 10 до 15 лет.

Хулиганское действие совершается наиболее уверенно и дерзко, когда осознается беспомощность и слабость выбранной жертвы. Роль потерпевшего в данном случае неодинакова, т.к. ситуация совершения хулиганства многообразна. Она может быть положительной, отрицательной и нейтральной.

Для сокращения числа скрытых хулиганских действий самим потерпевшим, в отношении которого они были направлены, необходима система законодательных, социальных мероприятий, упреждающих негативное воздействие субъективных факторов на решимость жертвы в принятии мер к возбуждению уголовного судопроизводства против посягателя. Чаще всего причина-

ми являются боязнь за собственную жизнь, безопасность родных, юридическая некомпетентность жертв, финансовая зависимость жены от мужа и др.

Анализ бытовых конфликтов свидетельствует о возможности предотвращения многих из них на ранних стадиях.

Одним из реальных способов профилактики преступления в быту являются скоординированные и своевременные меры уголовно-правового принуждения. Однако они не всегда реализуются даже в тех случаях, когда преступные действия очевидны. Особенно это касается дел частного обвинения, которые возбуждаются по жалобе потерпевшего. В ряде регионов сложилась неправильная практика неоднократного вынесения органами дознания постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела якобы за примирением сторон. Вследствие этого, как правило, конфликт на бытовой почве усугубляется, что лишает возможности эффективного использования правовых норм об ответственности за систематическое нанесение побоев.

Кроме того, нередко сообщения о бытовом хулиганстве укрываются от учета путем искусственного перевода их в разряд административных правонарушений.

Одним из важнейших средств предупреждения посягательств против личности в быту является правильное использование правовой нормы в борьбе с хулиганством. Вместе с тем практика разрешения заявлений о бытовом хулиганстве свидетельствует об обратном. Особенно это проявляется при отказе в возбуждении уголовного дела по мотивам отсутствия события или состава преступления.

Недоведение дел до суда нередко влечет за собой перерастание хулиганских проявлений на бытовой почве в более тяжкие деяния.

И, наконец, при предупреждении преступных хулиганских действий не используются в полной мере права милиции доставлять в медицинские учреждения либо в дежурные части органов внутренних дел лиц, находящихся в жилище в состоянии опьянения, когда они представляют опасность здоровью и жизни граждан. Не случайно в состоянии опьянения в быту ежегодно совершается три четверти умышленных убийств и тяжких телесных повреждений.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЛЕКСИКОНЕ

В современном обществе поведение людей регулируется нормами, которые зафиксированы в законах и подзаконных актах, а также содержащимися в них запретами и дозволениями, позитивными обязываниями. С помощью законодательства государство устанавливает определенный порядок в общественных отношениях, обеспечивает их нормативное функционирование и развитие. Эффективная законодательная регламентация общественных отношений, осуществляемая в процессе законотворчества, немыслима без правильного, грамотного использования приемов, средств и правил юридической техники. Так, Д.А. Керимов указывает: «Законотворчество, как и всякое творчество, предполагает у законодателей не только общую культуру, но требует от них специальных знаний, определенных навыков овладения искусством формирования и формулирования законодательных актов»¹. Без законодательной культуры в законотворчестве порой невозможно использовать накопленные знания. Существенную помощь здесь может оказать законодательная техника, которая, как пишет Д.А. Керимов, призвана давать указания законодателю относительно правильного, юридического строгого формирования законодательных актов, конструирования законов, упорядочения, систематизации законодательного материала².

1. Нестабильность лексических значений слов в праве

Важное место в юридической практике занимает язык права, лексические и стилистические приемы и средства текстуального (языкового) выражения воли законодателя. В работах по языковым проблемам права, теории юридической техники неоднократно обращалось внимание на то, что культура законотворчества предполагает логически последовательное изложение со-

держания закона, строго выдержанный профессиональный стиль и язык закона и вместе с тем его простоту, понятность, доступность широким слоям населения. Выше мы уже упоминали о создании законов как о творческом процессе, предполагающем серьезное, вдумчивое и ответственное отношение законодателя, требующем накопления определенных знаний, овладения искусством использования этих знаний для создания нужных обществу законов. Нестабильность лексических значений слов в праве – один из основных процессов, характеризующих состояние современного юридического лексикона. Как быть авторам законов, если лексика русского языка непрерывно меняется, ведь она «немедленно откликается на любое изменение в производстве, в общественных отношениях, в быту, в идеологии и т.д.»³? Попробуем ответить на поставленный вопрос.

Появление новых слов и словосочетаний, в которых находят отражение явления и события современной действительности, стимулирует и внутриязыковые процессы в области словообразования, словоупотребления и даже словоизменения. В связи с этим вполне объясним интерес законодателей, правоприменителей и юристов в целом к индивидуальным особенностям отдельного слова, общественной обусловленности лексических явлений, разнообразным языковым факторам.

Исследуя процессы, происходящие в современном русском языке, Н.С. Валгина отмечает: «Активность СМИ, их установка на живое непринужденное общение не только повлияли на изменение норм литературного языка в сторону их либерализации, но и изменили психологическое отношение населения к языку, явно стимулирующее расшатывание литературных норм, ставящее под сомнение их незыблемость и обязательность»⁴. Как следствие, открылись границы как литературного языка, так и языка права для лексики разговорной, просторечной, жаргонной. Интенсифицировался и процесс иноязычного заимствования.

³ Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. СПб., 2005. С. 93.

⁴ Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2003. С. 76.

¹ Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 1997. С. 5–6.

² См.: там же. С. 20.

Свобода форм выражения породила тенденцию к небывалому словотворчеству. Каждое поколение вносит что-то новое в способы выражения философского и эстетического осмысления действительности средствами языка. И такими средствами оказываются новые слова, новые значения слов, новые оценки того значения, которое заключено в известных словах. «Но слово – это не только наименование (новых предметов, понятий), – пишет Н.С. Валгина, – это и единица языка. Следовательно, есть и внутренние причины изменений, вытекающие из внутренней сущности объекта – самого феномена языка»¹. Так, расширение или сужение круга значений в слове, переход вариантов в отдельные самостоятельные слова обеспечивают закон асимметричности языкового знака; создание новых слов по известным словообразовательным моделям – закон языковой аналогии; образование слов-композигов – закон языковой экономии и т.д.

Во все периоды функционирования языка эти процессы протекали в большей или меньшей степени, но сегодня, когда существенно изменилась жизнь, они оказались в высшей степени активными. Не стали они исключением и в языке закона. Не следует забывать, что «только и исключительно через них (слова, словесные формулировки) закон раскрывает свое содержание, «входит» в общество, в жизнь людей»². К сожалению, не всегда законодатель тщательно отбирает слова. Стремление наполнить текст закона (законопроекта) новыми, понятийно более актуальными, ранее не существовавшими словами, ввести иноязычную, жаргонную лексику или лексику социально или профессионально ограниченного пользования оказывается прогрессивным и востребованным. «Языковой вкус» законодателя формируется под влиянием СМИ, которые вводят в обиход слова, подобные таким как: *обвал, раскрутка, тусовка, беспредел, модель, крутой* и некоторые другие³. Особо следует сказать о бывшем жаргонном слове *беспредел*, которое в Толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шве-

довой (1998 г.) имеет помету «разг.» со значением «крайняя степень беззакония, беспорядка». Заметим, что в уголовной среде слово не было однозначным, имело, как минимум, два значения: 1) насилие, убийство, связанное с нарушением норм, принятых в данной среде; 2) бунт в зоне. Так, Е.В. Какорина утверждает: «...преобразование значений слова *беспредел* идет в двух направлениях: в направлении большей конкретности и одновременно в направлении большей абстрактности»⁴. В первом случае появляются словосочетания: *беспредел милиции, беспредел начальства, армейский беспредел и др.* Во втором – *административный беспредел, коммерческий беспредел, правовой беспредел, беспредел власти, беспредел бесхозяйственности*. Не исключено, что в ближайшее время многие из этих «расхожих» терминов либо непосредственно перетекут в законодательство, либо окажут существенное влияние на его лексическую и соответственно понятийно-терминологическую составляющие.

Как и другие отрасли науки, юриспруденция оперирует определенными терминами – словами и словосочетаниями, называющими специальные понятия, для этого используется лексика различных стилевых пластов: от книжного («истребование», «воспрепятствовать», «обременять», «сопряжен», «отображение») и официально-делового («сокрытие», «недопоставка») до разговорного («попрошайничество»); встречается и эмоционально-окрашенная лексика, например, «пособник» имеет в словаре помету «неодобр.». Язык закона специфичен, поэтому требуется предельная точность в употреблении слов разных стилей. Если разговорное слово «попрошайничество» или эмоционально окрашенное «пособник» уместны в статьях УК РФ, поскольку точно определяют юридические понятия, то неологизм «отмывание денег» неуместен в официально-деловом стиле, лучше употребить слово «легализация»⁵. Примеры перемещения слов из одной стилистической группы в другую мы можем найти в статье

¹ Валгина Н.С. Указ. соч. С. 77.

² Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1994. С. 129.

³ См., напр.: Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. М., 1999.

⁴ Какорина Е.В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 82.

⁵ См.: Ивакина Н. Русский язык российского права // Рос. юстиция. 2000. № 7.

УК РФ о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174), и Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ. В данном случае жаргонное слово «отмывание» употребляется наравне со стилистически нейтральным «легализация», что совершенно недопустимо с точки зрения «стандартов лексикона правового текста»¹.

Одной из причин юридических ошибок можно назвать отсутствие четких, годных для правоприменителя дефиниций, основных понятий, используемых законодателем при конструировании преступлений различной направленности. М. Кострова рассматривает с позиции языка уголовного закона «загадочные» феномены, которые российский законодатель обозначил терминами «крупный ущерб» и «крупный размер»². Само возникновение проблемы определения содержания крупного размера и крупного ущерба связано, по мнению ученого, с двумя языковыми явлениями в уголовном законе. Это оценочная лексика и полисемия³. Как утверждает М. Кострова, ситуация законодательной неопределенности создает у правоприменителей синдром боязни применения уголовно-правовых норм с неясным признаком. Это подтверждается примерами из практики применения уголовно-правовой нормы о незаконном предпринимательстве на территории Республики Башкортостан. Исследователь приходит к выводу, что сегодня теоретические дискуссии в науке уголовного права отражают нецелесообразность использования оценочных терминов «крупный ущерб» и «крупный размер». Автор статьи предлагает придать данным терминам в российском уголовном законодательстве точность и ясность за счет использования приемов законодательной техники, следуя опыту стран ближнего зарубежья.

¹ Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997. С. 97.

² См.: Кострова М. Крупный размер и крупный ущерб по УК РФ: языковой аспект // Законность. 2001. № 10. С. 25.

³ Полисемия – наличие у одной единицы языка более одного значения – двух или нескольких. (См.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 344, 382.)

Для того чтобы эффективно выполнять функцию волеизъявления, законы должны быть безупречными как по форме, так и по содержанию. Известно, например, что многие положения УПК РФ представляют собой примеры законодательной техники крайне низкого качества, не дающие однозначного толкования. «А это в конечном итоге влечет отсутствие единообразного применения закона и юридические ошибки»⁴.

На страницах журнала «Законность» в течение 2002–2004 гг. ученые и практики обсуждали ряд законодательных новелл, в том числе стадию возбуждения уголовного дела, которые содержит новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Наиболее спорным признано положение ч. 4 ст. 146 УПК РФ, согласно которой следователь и дознаватель обязаны *незамедлительно* (курсив наш – С.С.) вынесенное ими постановление о возбуждении уголовного дела направить прокурору. Законодателем предложен оценочный термин «незамедлительно», который не уточняет, какой период времени должен пройти с момента вынесения постановления о возбуждении дела до получения согласия прокурора на это. В результате высказано предложение скорректировать норму ч. 4 ст. 146 УПК РФ: «либо расширить перечень предлагаемых следственных действий, либо использовать такое обобщающее понятие, как «неотложные следственные действия»⁵.

Показательна в этом смысле и ситуация с трактовкой понятия «экономика». В УК РФ сформулированы внешне достаточно жесткие меры борьбы с экономическим криминалом. Но применить нормы статей разд. VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики» часто невозможно⁶. Так, Г. Морозов утверждает, что причина кроется в отсутствии определения экономики, экономической деятельности, экономических отношений в каких-либо нормативных актах и в УК РФ. Видимо, законодатель исходил из общепризнанности и очевидности данных понятий. Между тем юристы обращаются к толковым словарям и учебникам экономической теории для опре-

⁴ Власов А. Возбуждение уголовного дела // Законность. 2004. № 2. С. 31.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ См.: Морозов Г. Так ли страшен УК для экономического криминала? // Законность. 2003. № 12. С. 21.

деления общей сущности этих отношений и устанавливают правовые характеристики экономической сферы, дипломатично не указывая на ее содержательные признаки¹. Автор статьи, проанализировав словарные статьи «Словаря иностранных слов» 1983 г. и «Новейшего словаря иностранных слов и выражений» 2001 г., формулирует понятие экономики, которое можно включить в УК РФ в качестве дефинитивного. Таким образом, поле деятельности для совершенствования УК РФ остается достаточно обширным.

2. Иноязычные заимствования

Процесс заимствования иноязычных слов в 90-е гг. XX в. оказался для юридического лексикона одним из наиболее значимых языковых процессов. Современная тенденция заимствования отражает две исторические линии: с одной стороны, смена политических и экономических ориентиров, с другой – мода на англицизмы (американизмы) в русской речи. Во многом новизна в терминологии российского права возникает из-за внедрения иностранных слов. Здесь следует разделить заимствования на две группы: ранние заимствования (например латинизмы «федерация», «депутат», «конституция»), составляющие официальный юридический лексикон, и интернациональная лексика современности («мэр», «премьер», «спикер»), составляющая фактический юридический лексикон. В языке права сегодня можно наблюдать своеобразное освоение иноязычной лексики. По утверждению многих исследователей, данный процесс носит естественный характер. Так, Н.С. Валгина обращает внимание на то, что слова «легитимность», «легитимный» стали употребляться в качестве заменителей слов «законность», «законный» (от лат. *legitimus* – законный), в то время как в международной практике при употреблении этого термина подчеркивается семантический нюанс «признаваемый законом»; *легитимация* – признание или подтверждение законности чего-либо².

Скрытая тавтология просматривается в сочетании «абсолютный приоритет» (ст. 66 ФЗ «О связи»³). Появление в законе такого

сочетания не вполне оправданно, несмотря на то, что в современном русском языке частыми стали случаи употребления *главный приоритет*, *особый приоритет*, где первоначальное значение утрачивается и заменяется значениями «задача», «направление».

К издержкам в освоении законодателем иноязычных слов можно отнести и «на паритетных началах», «жилое помещение маневренного фонда»⁴. Избежать неоправданного проникновения в отечественную правовую систему иноязычной терминологии сложно. Однако противостоять небрежному употреблению иноязычной лексики правотворческой практикой федерального и регионального уровней возможно при помощи правил к использованию в нормативных правовых документах иностранных слов и терминов. Так, Н.А. Власенко определяет общее требование: не следует перегружать законодательный текст иноязычной лексикой⁵. К основным правилам техники использования иностранных слов в законотворчестве относятся: 1) при конкуренции с иностранным словом верх должно брать слово русскоязычного происхождения; 2) при конкуренции слов иностранного происхождения примат имеет слово, более известное русскоязычному лексикону; 3) заимствованные слова должны употребляться точно, строго в определенном их значении и сочетаться с иными языковыми единицами в нормативном предложении⁶. На наш взгляд, законодатель прежде всего должен полагаться на собственную речевую культуру и языковую интуицию.

3. Детерминологизация

Среди основных языковых процессов, характеризующих состояние юридического лексикона, особо стоит вопрос о росте научной терминологии, которая активно осваивается нормодателем. Такая тенденция, как сближение норм письменной и устной речи, а также книжных и разговорных стилей, обусловила проникновение в язык закона специальной лексики, представляющей разные отрасли знания.

Процесс детерминологизации характерен для русского языка в целом, особенно

¹ См.: Морозов Г. Указ. соч.

² См.: Валгина Н.С. Указ. соч.

³ См.: О связи: ФЗ от 07.07.2003 № 126-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 28.

⁴ См.: Жилищный кодекс РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1.

⁵ См.: Власенко Н.А. Законодательная технология: Теория. Опыт. Правила. Иркутск, 2001. С. 58.

⁶ См.: там же.

ярко проявляется в периоды иноязычных заимствований, что можно было наблюдать в Петровскую эпоху и во второй половине XIX в. Сегодня появление новых наук (особенно в смежных областях знания) и укрепление международных контактов способствуют обогащению терминологической лексики. Однако, Н.С. Валгина пишет, что приемы освоения терминов общелитературным языком сохранились прежними – это расширение смысла специальных слов за счет включения их в бытовые и публицистические контексты¹.

Следует отметить, что в результате процесса детерминологизации с середины и второй половины XIX в. значительно раздвинулись границы словарного состава общелитературного языка. Приведем пример. Судебно-юридическая терминология – *амнистия, трибунал, кодекс* – переносится в область духовной, нравственной жизни человека. *Все покроется всеобщей амнистией вечного забвения*². Здесь мы видим, что специальное значение заслоняется образным, поэтому фраза имеет метафоричный характер.

Для обеспечения точности и однозначности понимания юридических текстов на протяжении долгого времени формировался специализированный понятийный аппарат права. Сегодня мы можем заметить, что многие юридические термины становятся достоянием общепотребительного словаря за счет расширения круга их значений, так как сфера их употребления из законов (других нормативных правовых актов) переносится в публицистику и художественную литературу. Это мешает закреплению первоначального основного значения. Как указывает Н.С. Валгина, в целом семантическая структура усложняется, поскольку на специальное значение наслаивается общепотребительное, часто с целой гаммой оттенков³. Расширение сферы их применения, как представляется, ведет к смещению смысла и, как следствие, к юридическим ошибкам.

Усложнение договорных отношений как объективный процесс становления рыночной экономики «требуется глубокого выражения в юридических понятиях, их уяснения»⁴.

«Юридическое лицо», «лишение свободы», «кредитор» и т.п. – все это четкие, определенные законом понятия. Обладая строгим юридическим значением, эти слова часто теряют его в обиходной речевой практике и модифицируются в общепотребительные.

По-видимому, на современном этапе возникла необходимость характеристики социальных, политических и морально-нравственных понятий с помощью терминологической лексики права: *политическая глаукома, идейный вакуум, экономический коллапс, раковая опухоль преступности, невроз кредитов и др.* На наш взгляд, процесс детерминологизации затрудняет формирование и формулирование законодателем нормы права.

Представленная в статье проблема языковых тенденций в современном юридическом лексиконе имеет постановочный характер и является приглашением к дискуссии. Несмотря на то, что учеными определены основные требования, предъявляемые к применению отдельных видов лексики в тексте закона, в течение последних лет мы наблюдаем «отголоски прошлого презрения к культуре и технике законодательства»⁵.

Неотложной задачей, стоящей перед юридической наукой, по нашему мнению, является сбор юридической лексики, выяснение и описание значений каждой лексической единицы, используемой в законодательстве. Таким образом, назрела необходимость в создании словаря, дающего подробное описание юридической лексики. Необходимо оговориться, уже существуют словари юридических терминов, которые, однако, не дают сведений о полном лексическом значении слов в тексте законов.

Статус права слишком высок и ответственный, и его язык является показателем уровня культуры наших законодателей, показателем их уважения к гражданам, для которых законы написаны⁶. Мы обращаемся ко всем юристам, и в особенности к законодателям, с призывом не нарушать нормы родного языка, повышать речевую культуру. Язык законов должен стать эталоном официально-деловой речи, чтобы смысл текста легко доходил до сознания читающего.

¹ См.: Валгина Н.С. Указ. соч. С. 96.

² См.: Герцен А.И. Былое и думы. Л., 1946. С. 540.

³ См.: Валгина Н.С. Указ. соч. С. 107.

⁴ Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учеб. для юрид. вузов. М., 1998. С. 506.

⁵ Керимов Д.А. Указ. соч. С. 63.

⁶ См.: Ивакина Н. Указ. соч.

О.Ф. Сундурова,
старший преподаватель кафедры
юридических дисциплин
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

**ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА
ИНЫХ МЕР
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА**

В УК РФ впервые в истории отечественного уголовного законодательства употреблено понятие «иные меры уголовно-правового характера». В ч. 2 ст. 2 предусмотрено, что для осуществления своих задач УК РФ устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, и назначает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера.

В ч. 1 ст. 6 УК РФ закреплено положение, согласно которому «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Из приведенной редакции ч. 1 ст. 6 УК РФ можно сделать вывод, что иные меры уголовно-правового характера, как и наказание, назначаются за совершение преступления. Кроме того, они также должны быть справедливыми, т.е. соответствовать тяжести преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Рассмотрим, почему обозначенные меры названы в законе иными. Это объясняется тем, что мерой (причем основной) уголовно-правового характера является и наказание. Но в отличие от наказания иные меры уголовно-правового характера не указываются в санкциях норм Особенной части УК РФ. И что особенно важно, по своей юридической природе они не являются наказанием. Поэтому они могут назначаться лишь вместо наказания, их вполне правомерно можно именовать ме-

рами, заменяющими наказание, или альтернативными наказанию мерами уголовно-правового характера.

Хотя понятие иных мер уголовно-правового характера впервые закреплено в УК РФ, это, однако, не означает, что они не были известны российскому уголовному законодательству.

Их появление и законодательное закрепление вызвано стремлением расширить арсенал средств уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступление, гуманизировать практику применения наказания и обращения с преступниками, преодолеть очевидные негативные последствия назначения и исполнения отдельных видов наказаний, сузить сферу применения тех из них, которые сопряжены с изоляцией осужденных в замкнутой и искусственно создаваемой среде преступников.

Поскольку понятие иных мер уголовно-правового характера является новым для российского законодателя, возникает необходимость в его определении.

В «Толковом словаре русского языка» слово «мера» обозначает: 1) единицу измерения; 2) границу, предел проявления чего-нибудь; 3) средство для осуществления чего-нибудь, мероприятие; 4) старую русскую единицу емкости сыпучих тел, а также сосуд для их измерения¹.

Очевидно, что данное слово является многозначным. Оно может означать и величину измерения (мерить что-то, например, вес), и средство, применяемое в той или иной деятельности, процессе, а также может сочетать в себе и то, и другое.

В уголовно-правовой литературе понятие «мера» употребляется применительно к наказанию, уголовной ответственности, уголовно-правовому воздействию, принуждению, убеждению и др. Поэтому в ней мы часто встречаем такие понятия, как меры принуждения, меры убеждения, меры наказания, меры уголовно-правового воздействия и т.п. Например, Т.Ю. Погосян определяет наказание как меру

¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 359.

принуждения¹; В.Ф. Ширяев свою монографию посвятил исследованию наказания в системе мер уголовно-правового воздействия². Особенно часто в специальной литературе и судебной практике используется понятие меры наказания, которое употребляется для обозначения конкретного наказания (его вида, срока и размера), назначенного судом виновному в совершении преступления. Мера наказания, как нам представляется, означает не только качественную его характеристику (т.е. вид наказания), но и количественное измерение наказания. В таком же смысле используется понятие «мера наказания» в постановлениях высших судебных инстанций и приговорах судов.

Понятие «мера» употребляется в уголовном праве также и для обозначения тех или иных средств, применяемых на основе его норм к лицам, совершившим преступление или общественно опасное деяние, предусмотренное статьями Особенной части УК РФ.

В этом смысле и следует понимать меры уголовно-правового характера. Они означают средства воздействия на лиц, совершивших преступление, на основе уголовного закона.

Поскольку в ст. 2 и 6 УК РФ при обозначении рассматриваемого понятия слово «меры» употреблено во множественном числе, предполагается, что уголовный закон предусматривает не одну, а как минимум хотя бы две таких меры.

Кроме собирательного, общего понятия иных мер уголовно-правового характера в УК РФ слово «мера» употребляется и для обозначения конкретных мер уголовно-правового характера. В ч. 1 ст. 59 УК РФ, например, предусмотрено: «Смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь». Здесь под мерой, по существу, законода-

тель понимает один вид наказания – смертную казнь. В ст. 90–92 УК РФ регламентируются содержание и основания применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении определенных в законе категорий лиц, совершивших преступление до достижения ими 18-летнего возраста. В ст. 63 УК РСФСР они именовались мерами воспитательного характера, лишенными свойственного наказанию карательного содержания. Принудительные меры медицинского характера урегулированы в гл. 15 разд. VI УК РФ с одноименным названием.

Понятие «мера» («меры») употребляется в УК РФ для обозначения всех иных, помимо наказания, средств уголовно-правового характера (принудительные меры воспитательного воздействия) либо отдельных мер уголовно-правового воздействия (принудительные меры медицинского характера) или же отдельных видов наказания (смертная казнь).

Поскольку анализируемые меры именуются уголовно-правовыми, они должны предусматриваться в уголовном законе. В УК РФ регламентированы основания и условия применения всех мер уголовно-правового характера. Эти меры носят уголовно-правовой характер, поскольку включают в себе порицание преступления, за которое осуждается виновный, и его самого от имени государства. Применение этих мер уголовно-правового характера сопряжено также с определенными правоограничениями и возложением на осужденного дополнительных, по сравнению с общим правовым статусом, обязанностей. Эти признаки сближают уголовно-правовые меры с наказанием. И это не является случайным совпадением, т.к. и наказание, и иные меры уголовно-правового характера призваны в соответствующих формах реализовывать уголовную ответственность.

По своей сущности наказание – это тоже мера уголовно-правового характера. Не случайно в ч. 2 ст. 2, ч. 1 ст. 6 УК РФ используется словосочетание «наказание и иные меры уголовно-правового характера».

¹ См.: Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 1997. С. 313–314.

² См.: Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: теория и практика. Вологда, 2004.

Вынесение обвинительного приговора с назначением наказания и иных мер уголовно-правового характера являются двумя основными формами реализации уголовной ответственности, и это признается бесспорным фактом. Поэтому одним из существенных признаков иных мер уголовно-правового воздействия является то, что они выступают одной из форм (а на практике – самой распространенной формой) реализации уголовной ответственности.

Возникает вопрос: имеют ли свою специфику признаки иных мер уголовно-правового характера по сравнению с признаками наказания? Рассмотрим признаки наказания, чтобы провести разграничение последнего и указанных мер. Признаки наказания: 1) это мера принуждения; 2) применяемая от имени государства; 3) по приговору суда; 4) лицу, признанному виновным в совершении преступления; 5) предусмотрена законодательным перечнем видов наказаний; 6) содержит отрицательную оценку личности виновного и совершенного им деяния; 7) заключается в лишениях и существенных ограничениях прав и свобод осужденного; 8) порождает судимость как особое правовое состояние лица.

Большинство признаков наказания свойственны и иным мерам уголовно-правового характера. Любая мера уголовно-правового характера является мерой государственного принуждения. В иных мерах уголовно-правового характера, как и в наказании, выражается порицание от имени государства, т.е. государственное осуждение преступления и лица, его совершившего.

Иные меры уголовно-правового характера, как и наказание, назначаются по обвинительному приговору, что означает факт привлечения к уголовной ответственности, т.е. порицания от имени государства преступления и лица, его совершившего. Однако степень порицания при назначении иных мер уголовно-правового характера меньшая, чем это имеет место при осуждении к наказанию. Применение более мягких мер уголовно-правового воздействия, каковыми являются иные меры уголовно-правового характера, предполагает, что в этом случае лицо, со-

вершившее преступление, порицается в меньшей степени. Поэтому суд и находит возможность назначить ему ту или иную меру уголовно-правового характера, а не наказание.

Материальным основанием применения иных мер уголовно-правового характера является признание лица виновным в совершении преступления.

Таким образом, по таким признакам, как связь с уголовной ответственностью; принудительный характер воздействия; применение от имени государства; назначение по приговору суда; материальному основанию применения (преступления), иные уголовно-правовые меры по общему правилу не отличаются от наказания (хотя и здесь имеется определенная их специфика).

Наиболее явным отличием иных мер уголовно-правового характера является то, что они не включены в законодательный перечень видов наказаний. Если к наказанию относятся только те уголовно-правовые меры, которые включены в перечень видов наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, то все иные уголовно-правовые меры находятся вне его пределов. Эти меры не содержатся в санкциях статей Особенной части УК РФ.

Отсутствие в определении понятия наказания указания о том, что к нему относятся только те меры государственного принуждения, которые включены в ст. 44 УК РФ, фактически нивелирует грань между наказанием и иными мерами уголовно-правового характера.

Многие исследователи сущность наказания усматривают в каре. Рассмотрим, в чем заключается сущность иных мер уголовно-правового характера.

Нам представляется, что сущность иных мер уголовно-правового характера также состоит в государственном осуждении, порицании преступления и лица, его совершившего, в форме постановления обвинительного приговора. Это порицание тоже сопряжено с определенными ограничениями правового статуса лица, осужденного за преступление. Однако их характер в отличие от правоограничений, составляющих лишение свободы, иной.

Ограничения прав и свобод, реализуемые при применении иных мер уголовно-правового характера, лишены карательной направленности. Они не должны рассматриваться в качестве кары, поскольку не могут вызывать страдания у осужденного. Их социально-правовое предназначение заключается в достижении целей исправления осужденного и предупреждении новых преступлений некарательными средствами.

Таким образом, *иные меры уголовно-правового характера* – это предусмотренные Общей частью УК РФ, назначаемые по обвинительному приговору суда либо в процессе исполнения наказания альтернативные наказанию меры (средства), заключающие в себе государственное порицание преступления и лица, его совершившего, в большинстве случаев материализуемое в правоограничениях некарательного характера, направленное на достижение, прежде всего, целей исправления осужденного и предупреждение новых преступлений.

В отличие от видов наказаний, которые систематизированы как в статьях Общей части (ст. 44, 45 и др.), так и в санкциях Особенной части УК РФ, в Кодексе отсутствуют положения относительно понятия иных мер уголовно-правового характера, общенормативного определения их целей и системы. Это создает трудности при реализации уголовной ответственности, в частности, порождает коллизии между применением условного осуждения к лишению свободы и реальным мер иным видов наказаний, условного осуждения и отсрочки отбывания наказания по правилам ст. 82 УК РФ, условного осуждения и освобождения от отбывания наказания несовершеннолетних в соответствии со ст. 92 УК РФ.

Наиболее распространенной в судебной практике мерой уголовно-правового характера является условное осуждение. Наряду с условным осуждением к иным мерам уголовно-правового характера следует отнести отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 82 УК РФ), принудитель-

ные меры воспитательного воздействия (ст. 92 УК РФ), возложение на лицо, освобожденное условно-досрочно, обязанностей, предусмотренных ч. 5 ст. 73 УК РФ (ст. 79 УК РФ), и освобождение от наказания по обвинительному приговору суда (ст. 80.1 УК РФ).

Эти меры имеют различную природу и основания применения. Объединяет же их то, что они реализуют определенный объем уголовной ответственности, а также то, что они выступают альтернативами реальному наказанию.

В отличие от наказания иные меры уголовно-правового характера урегулированы только в нормах Общей части УК РФ. Это свидетельствует о том, что они носят альтернативный характер, т.е. применяются вместо наказания, или в порядке альтернативы реальному отбыванию назначенного судом наказания, или же путем освобождения от наказания.

Действующий УК РФ предусматривает как общие, так и специальные разновидности иных мер уголовно-правового характера. Например, условное осуждение является общей мерой, и поэтому может применяться при наличии оснований, установленных законом, к любому лицу, признанному виновным в совершении преступления (ст. 73 и 74 УК РФ). Такой же мерой уголовно-правового характера является условно-досрочное освобождение от отбывания наказания.

В отличие от них отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, является специальной мерой уголовно-правового характера (ст. 82 УК РФ). Специальной мерой уголовно-правового характера является также освобождение от наказания несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 92 УК РФ).

Таким образом, предусмотренные УК РФ альтернативные меры уголовно-правового характера неизмеримо обогащают возможности дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и повышают социальную значимость уголовного законодательства.

А.С. Тимошук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат философских наук

ОБЩЕСТВО-МЕМБРАНА КАК АЛЬТЕРНАТИВА «ЗАКРЫТОМУ» И «ОТКРЫТОМУ» ОБЩЕСТВУ

А. Бергсон, разрабатывая тему векторов и критериев прогресса человеческого общества, предложил в 1932 г. понятия «закрытого» и «открытого» обществ¹. Закрытость/открытость зависят от типа общественной морали – статической или динамической. Статическая мораль представляется Бергсоном как регресс по двум векторам – эмоциональному и организационному.

Эмоциональные издержки статичного менталитета французский интуитивист видит в механическом общении, доведенном до автоматизма, инстинктивной модели поведения, безличной авторитарной дисциплине.

Религия и мораль в таком обществе выполняют роль первичных биологических импульсов организма. Общественный организм, живущий такой инстинктивной жизнью, скован фобиями, его преследует враждебное отношение ко всему исходящему от другого человеческого общества, от чужой культуры, религии. Страх сплачивает членов «закрытого общества», благодаря этому они могут достигать успеха в коллективных действиях.

Статическая мораль определяет жестко нормированную и ритуализированную организацию. В своем жизненном поведении члены такого общества руководствуются жестко предписанными моральными нормами, обычаями и табу. А. Бергсон допускал, что «закрытое общество» при определенных природных и социокультурных обстоятельствах может функционировать достаточно долго, не подвергаясь заметным изменениям. Несмотря на это, общества со статическим менталитетом находятся в эволюционном тупике, считает А. Бергсон, т.к. они существуют только для сохранения

своей полной самотождественности, абсолютного гомеостаза².

«Открытость» общества А. Бергсон отождествляет с разнообразными свободами: политической, религиозной, экономической. Культуры в открытом обществе находятся в вольном сопоставлении, информация распространяется неограниченно, закон охраняет суверенитет личности.

Понятие «закрытого» и «открытого» обществ понравилось К.Р. Попперу, который пошел дальше и написал целую книгу, взяв за основу антиномию³. Его труд стал новой библией либерализма. Существует даже точка зрения, что книга Поппера больше всего способствовала процессам демократизации в Центральной и Восточной Европе⁴.

К моменту выхода книги в 1944 г. главным объектом критики были режимы нацистской Германии и Советского Союза. Поппер увидел, что коммунизм и нацизм объединяли амбиция обладания конечной истиной и силовое утверждение своей правоты. Поппер задумывается о модели человеческого общества, где на плюрализм истин не покушается ее монопольное силовое утверждение (правда, нужны институты, которые бы защищали тоталитарную демократию).

К. Поппер считает, что успешное, ненасильственное существование институтов демократии и науки свидетельствует о них как о наилучших формах общественной жизни. И в той, и в другой сфере дискурс базируется на свободной полемике. Поэтому сверхзадачей общества является неослабная эволюция к модели «открытого общества». Поскольку так считают далеко не все, за «открытое общество» нужно бороться, и оружием в этой битве, по мнению Поппера, должна быть рациональная аргументация. «Открытое общество» Поппера не отождествляется с рыночной экономикой и демократией, которые могут

² См.: *Блауберг И.И.* Анри Бергсон и философия длительности // Бергсон А. Собр. соч. М., 1992. Т. 1.

³ См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992.

⁴ См.: *Ноттурно М.* Открытое общество и его враги: сообщество, власть и бюрократия. Прага, 1995.

¹ См.: *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М., 1994.

помогать становлению такого общества, а могут и мешать. «Открытое общество» американский методолог отождествляет в большей степени с рациональной организацией, наукой, самокритикой и толерантностью. Ему противостоит «закрытое общество», иррациональное, некритичное и рутинное.

Книга К. Поппера произвела впечатление на Дж. Сороса, который в студенческие годы на себе испытал как нацистский, так и коммунистический режим. Полагая, что мировоззрение может повлиять на политическую действительность, в 1979 г. Дж. Сорос учреждает фонд «Открытое общество». Однако мечтам о становлении всемирного «открытого общества» не суждено было сбыться так скоро. Дж. Сорос признает, «... что на деле открытые общества Запада не верят в открытое общество как универсальное понятие и уж, во всяком случае, не готовы ради него идти на какие бы то ни было жертвы»¹.

В 1990-х гг. Дж. Сорос переключает свое внимание на Россию, надеясь, что здесь он найдет больше последователей идеи «открытого общества»: «Безверие противоречит русскому характеру. И люди в России имеют все основания верить и стремиться к свободе и справедливости, ведь этого у них было так мало. Их жажду свободы и справедливости не смогли подавить даже самые ужасные испытания. Я не верю, чтобы она была уничтожена разочарованиями и неурядицами последних десяти лет. Я уверен, что есть нечто, что Россия способна открыть всему миру. Она может показать открытым обществам Запада смысл идеи открытого общества. Именно этим русская душа сумеет продемонстрировать свое величие»².

Подробно остановившись на развитии идеи «открытых» и «закрытых» обществ,

мы можем сделать некоторые предварительные выводы:

- организационная структура «закрытого общества» достаточно устойчива, основная критика идет в направлении его эмоционально-социального устройства;

- представления А. Бергсона об эмоциональности «закрытых обществ» очень ограничены, страх и инстинкты не являются доминирующими эмоциями в традиционном обществе;

- «открытое общество» до сих пор является интеллектуальным конструктом;

- этот интеллектуальный конструкт также нуждается в репрессивном аппарате;

- даже для реализации этой интеллектуальной схемы потребовался личный пафос К. Поппера, Дж. Сороса, иначе говоря, эта «сверх» интеллектуальная модель распространяется «инициатически», т.е. иррационально.

Дж. Сорос признает, хотя модель совершенного общества недостижима в принципе и нужно довольствоваться лучшим из имеющегося, преимущество «открытого общества» он видит в возможности постоянного совершенствования³. На это можно ответить, что традиционная («закрытая») культура построена на идее постоянного совершенствования, но совершенствования внутреннего, духовного. Традиционная культура исходит из того, что мир уже совершенен и все внешние попытки его улучшения обречены на провал, мы можем направить наши силы и время на внутреннее улучшение. «Закрытое общество» советского типа в этом смысле есть пример имитации формы традиционной культуры без ее содержания, т.к. там отрицалась иерархическая коммуникация информации и энергии.

Социально-философские исследования не представили убедительной критики самой идеи «закрытости» общества, которые до сих пор являются единственной социальной реальностью. Даже так называемые «открытые общества» на поверку оказываются «закрытыми» для определенных идей, тенденций, идеологий. Тем более

---

¹ Цит. по: Широкова Н. Десять лет, которые изменили Сороса. И отчасти – Россию // 1 сентября. 1997. № 44.

² Сорос Дж. Может ли Россия показать миру путь к открытому обществу? // 1 сентября. 1997. № 45.

---

³ См.: Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999.

они проигрывают по своей социально-эмоциональной программе индивидуализма, гиперрационализма и отчуждения.

Помимо социально-философского анализа закрытости/открытости существует еще «протосинергетическое» понимание «открытой системы», идущее от Берта-ланфи¹.

Современная наука о неравновесных системах (синергетика) называет систему «закрытой», если в ней отсутствует обратная связь и не поступает информация и энергия. «Закрытая система» подвергается энтропии и энергетическому коллапсу. Применительно к традиционной (закрытой) культуре она должна подвергнуться атрофии через какое-то время.

Вместе с тем нам известны примитивные племена, полностью изолированные от других сообществ, которые сохраняют свою идентичность и продолжают функционировать по своему циклу. Что уж говорить про рефлексивные традиционные культуры?

Таким образом, физическая модель «закрытой»/«открытой» системы не конвертируется свободно в гуманитарную среду. Человеческое сообщество следует отличать от физической системы. Человек –

это живая система, обладающая способностью обмениваться энергией и информацией не только вещественного характера. Эмоции, вдохновение, интуиция как энергия обмена распространяются не только горизонтально, но и вертикально.

«Закрытое общество» является тупиковым для горизонтального познания мира, т.к. части там ограничиваются для бытия целого. Однако обратная связь такого общества и обмен информацией происходят по иерархической лестнице, что не всегда очевидно для эмпирической проверки, т.к. объект передачи и форма передачи носят идеальный характер. Поэтому традиционные общества следует считать не закрытыми, а обществами-мембранами, где энергия и информация фильтруются. Иначе говоря, это – культура добровольного информационного ограничения. Вместе с тем для поддержания общества там осуществляется колоссальный обмен энергией и информацией по иерархическим структурам.

Об этом же пишет В.А. Кутырев: «Устойчивое общество не означает замораживания активности своих членов. Просто активность эта приобретает другой характер и смысл...»².

Н.Д. Трофимов,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВЮИ ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТОМ, СОГЛАСНО УПК РФ

Возмещение вреда, причиненного в результате террористического акта, осуществляется в уголовном процессе через гражданский иск в уголовном деле, который, как и всякий другой иск, имеет два

элемента – предмет и основание³. Эти элементы позволяют квалифицировать его как иск о присуждении определенной компенсации и отличать от других исков, определить круг фактов, подлежащих доказыванию по делу, и тем самым обеспечить успешную деятельность органов предварительного следствия и суда, а также истца и ответчика и вынести по иску законное и обоснованное решение.

Предметом гражданского иска является обращенное к суду требование потерпев-

¹ См.: Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999. Гл. 4. Синергетический подход к моделированию общества. Гражданское общество как проблема синергетической коммуникации.

² Кутырев В.А. Устойчивое общество: его друзья и враги // Москва. 1999. № 3.

³ Некоторые правоведы усматривают в иске еще один элемент – содержание иска, которым «является просьба истца к суду о совершении определенного действия» (Советский гражданский процесс. М., 1968. С. 118; Гражданский процесс. М., 1968. С. 154).

шего (истца) к обвиняемому (ответчику) о принудительной передаче денежной компенсации в качестве возмещения за вред, причиненный террористическим актом.

Основание иска составляют юридические факты, из которых потерпевший (истец) выводит свои требования и с наличием которых закон связывает возникновение правоотношения между потерпевшим (истцом) и обвиняемым (ответчиком). Этими фактами являются:

- а) совершение террористического акта;
- б) наличие вреда на стороне потерпевшего (истца);
- в) причинная связь между совершением террористического акта и наступившим вредом.

Как следует из ст. 230 УПК РФ, гражданский иск может быть заявлен в уголовном процессе только в том случае, если вред, возмещение которого требует истец, причинен преступлением. Если в действиях обвиняемого (подсудимого) не установлен состав преступления, в связи с чем выносится оправдательный приговор, то гражданский иск не может быть разрешен и поэтому оставляется без рассмотрения (ст. 302 УПК РФ). Такое же решение по иску должно приниматься судом во всех случаях прекращения по данному основанию. Эти же последствия наступают при прекращении уголовного дела по основаниям, исключающим возможность уголовного преследования лица, совершившего преступление террористического характера (смерть обвиняемого, недостижение возраста уголовной ответственности, невменяемость).

На наш взгляд, необходимо пересмотреть положение п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, предусматривающее, что в случае смерти подозреваемого или обвиняемого уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего.

Проведенное нами исследование показывает, что исполнители террористического акта в подавляющем большинстве случаев погибают в процессе преступного по-

сягательства либо в результате проведения контртеррористической операции.

В соответствии с положениями ст. 6 УПК РФ первостепенным назначением уголовного судопроизводства РФ является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и лишь затем – защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Более того, потерпевший от террористического акта в данном случае вообще лишается возможности предъявить гражданский иск в ходе рассмотрения уголовного дела (ч. 2 ст. 44 УПК РФ).

Тем не менее, как уже было сказано выше, п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ предусматривает производство по уголовному делу только в тех случаях, когда есть необходимость реабилитации умершего. Очевидно, что рассматриваемая норма не соответствует основному назначению УПК РФ.

Следовательно, целесообразно изложить п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в следующей редакции: «Смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, либо для реабилитации умершего».

Также следует отметить, что невменяемость лица, совершившего преступление, не всегда влечет прекращение уголовного дела. В этих случаях согласно ст. 433 УПК РФ производство по уголовному делу может быть продолжено в целях применения к лицу принудительных мер медицинского характера. Применяя такие меры, суд в соответствии с вышеуказанной статьей не рассматривает вопрос о возмещении вреда, причиненного в результате совершения преступления (в том числе террористического акта), что, по нашему мнению, является неверным. Иск в данном случае может быть разрешен, если над виновным установлена опека, т.к. сам виновный ответчиком быть не может, либо материальную ответственность несут третьи лица.

Представляется, что более приемлемой явилась бы следующая формулировка ч. 6 ст. 443 УПК РФ: «В постановлении суда разрешается вопрос о возможности удовлетворения гражданского иска за счет опекуна (опекунов) либо третьих лиц, несущих материальную ответственность за действия лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом, о вещест-

В.В. Шаханов,

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Исследованию закономерностей развития научного знания посвящено множество концепций. Одной из наиболее авторитетных является парадигмальная концепция развития науки, предложенная Томасом Куном¹. По его мнению, наука развивается посредством смены парадигм. Движущей силой смены парадигм являются научные революции. Под парадигмами он понимает «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»².

Как и любая другая, парадигмальная концепция развития науки неуниверсальна. Тем не менее терминологический аппарат парадигмальной концепции нашел весьма широкое распространение в различных областях научного знания. Не стала исключением и юриспруденция. Анализ употребления терминологии парадигмальной концепции показывает, что нет единства в его понимании. В этом контексте полагаем, что правы М.А. Розов и В.С. Степин, отмечая, что науке чужд индивидуализм. Идеи после их публикации начинают жить самостоятельной жизнью, неподвластной воле и желаниям их творцов.

¹ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.

² Кун Т. Указ. соч. С. 17.

венных доказательствах, а также разъясняется порядок и сроки обжалования постановления в кассационном порядке».

Указанная редакция ч. 6 ст. 443 УПК РФ в полной мере будет соответствовать основному назначению УПК РФ – защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

«Иногда бывает так, что ученый до конца своих дней не может понять того, во что превратились его собственные идеи. Они ему уже не принадлежат, он не способен угнаться за их развитием и контролировать их применение», – отмечают указанные авторы³.

На наш взгляд, все парадигмы юриспруденции можно определенным образом классифицировать⁴. В качестве наиболее существенного и практически значимого критерия этой классификации выделим степень отражения правовой парадигмы в законодательстве. Парадигму, оказывающую самое большое влияние на направление вектора правового развития, назовем *господствующей* правовой парадигмой. Именно она находит непосредственное, наиболее полное отражение в законодательстве. В настоящее время в качестве таковой выступает либеральная парадигма.

³ Философия науки и техники: Учеб. пособие / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. М., 1995. С. 3.

⁴ Под правовыми парадигмами мы понимаем совокупность идеальных фрагментов правовой действительности (принципы познавательной деятельности, теоретические конструкции, ценностные установки, концептуальные воззрения и т.п.), используемых членами научного сообщества без сомнений и разногласий, составляющих основу его деятельности по приращению научных знаний, создающих определенное видение правовой реальности и в конечном счете детерминирующих эволюционную фазу формирования юридической системы, являющихся отражением «духа времени». (Подробнее об этом см.: Шаханов В.В. Правовые парадигмы: Дис. ... канд. юрид. наук / ВЮИ ФСИН России. Владимир, 2005. С. 10–38.)

Парадигмы, оказывающие влияние на восприятие правовой действительности, но не нашедшие непосредственного или значительного отражения в законодательстве, назовем *вспомогательными*. К их числу можно отнести все остальные правовые парадигмы, кроме господствующей. Наличие вспомогательных парадигм необходимо и по той причине, что «любое научное воззрение обретает силу лишь тогда, когда, конкурируя с ним, но и дополняя его, развиваются теоретические взгляды под иным углом зрения»¹.

В качестве второго критерия классификации правовых парадигм обозначим подход к правопониманию. На основании этого критерия можно выделить следующие парадигмы: *позитивизм*, *естественно-правовая* и *либертарно-юридическая*. Вопрос правопонимания лежит в основе приращения знаний о правовой действительности, что и позволяет возвести его в ранг парадигмы. От выбора подхода к правопониманию зависят представления о сущности и содержании права, его роли и назначении, механизме правового регулирования, системе права и правовой системе; определение предмета, содержания, принципов, методов, задач и системы конкретной отрасли права. По мнению М.Н. Марченко, от решения вопросов, непосредственно связанных с представлением о праве как таковом и определением понятия права, целиком и полностью зависит разработка проблем, касающихся форм или источников права². В свою очередь, М.И. Байтин отмечает, что в зависимости от решения проблемы правопонимания «понимаются и трактуются все другие правовые явления, определяются перспективы развития и пути повышения эффективности не только юридической науки, но и практики правотворчества и правоприменения»³.

---

¹ Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 220.

² См.: Марченко М.Н. Источники права. М., 2005. С. 13.

³ Байтин М.И. Актуальные проблемы теории государства и права на рубеже столетий // Государство и право на рубеже веков: проблемы истории и теории: Материалы Всерос. конф. М., 2001. С. 94.

В качестве третьего критерия классификации правовых парадигм по видам выделим критерий степени и характера восприятия реальностей, пограничных с правовой. К числу таковых можно отнести *синергетическую* парадигму, помогающую осознать философско-правовую реальность, и *глобализационную*, изучающую влияние глобализации прежде всего в области экономики и политики на правовую сферу и соответственно облегчающую познание экономико- и политико-правовой реальностей.

Теоретическая и методологическая база синергетической парадигмы уже активно эксплуатируется в юриспруденции. Так, например, В.М. Баранов, характеризуя концепцию законопроекта, говорит о ней как о *нелинейно* развивающейся системе, эволюционирующей в рамках *бифуркационной модели развития*⁴. По мнению С.С. Алексеева, идеи синергетики позволят углубить представления о праве как нормативной системе⁵. В свою очередь, А.Б. Венгеров считает, что синергетика может заменить диалектический метод⁶.

Глобализационная парадигма ставит перед нами вопросы пересмотра старых понятий, уточнения наших представлений о правовой действительности в условиях процесса глобализации, а также необходимость решения в этой связи новых задач. Право выступает в качестве инструмента глобализации и средства управления ее процессами.

Полагаем, что достижение парадигмальной стадии в позитивном праве в «чистом» виде невозможно. Это связано с тем, что свои интересы в органах законодательной власти представляют и лоббируют группы с достаточно разноплановыми и противоречивыми интересами. В этой связи вполне закономерно вести речь о достижении «парадигмального оптимума» в правовой системе.

---

⁴ См.: Баранов В.М. Концепция законопроекта. Н. Новгород, 2003. С. 30.

⁵ См.: Алексеев С.С. Избранное. М., 2003. С. 78.

⁶ См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учеб. для юрид. вузов. 3-е изд. М., 2000. С. 266.

Об актуальности затронутой в статье проблематики свидетельствуют следующие тезисы.

Стабилизация политической и улучшение экономической ситуации в стране требуют все большей объективации в правовой системе парадигмы позитивизма. Дальнейшие исследования в этом направлении будут способствовать, на наш взгляд, формированию традиции законопослушания, без чего невозможно добиться эффективного правового регулирования.

Последние события в мире («оранжевые» революции, природные катастрофы и др.) показали, как сильно взаимосвязаны и взаимообусловлены экономические и по-

литические тенденции всех стран и регионов. Полушутливое утверждение, что «бабочка, всколыхнув сегодня воздух в Пекине, может через месяц оказаться причиной бури в Нью-Йорке», уже не вызывает улыбки, а напротив, настораживает. В этой связи полагаем, что любые исследования в области права сквозь призму глобализационной и синергетической парадигм будут востребованы как сегодня, так и в ближайшей перспективе.

Таким образом, дальнейшее изучение парадигмальных оснований юридической науки представляется вполне перспективным.

Н.Л. Ненастьева,
*инспектор отдела по работе
с личным составом ВЮИ ФСИН России*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ СЛОВА В РОССИИ

В ноябре 2006 г. во многих центральных и региональных российских СМИ прошла информация о том, что «Россия заняла 147-е место в рейтинге свободы прессы». Это ежегодный рейтинг, составляемый Всемирной организацией «Репортеры без границ». В сообщении организации говорится, что ситуация со свободой прессы в России не улучшилась: эксперты считают, что в России продолжается ликвидация свободных структур компаний скупают почти все независимые газеты»; принят закон, обязывающий провести перерегистрацию некоммерческих организаций. Всемирная организация «Репортеры без границ» считает самой плохой ситуацию со свободой прессы в Северной Корее (168-е место), Туркмении (167-я позиция), Эритрее (166-е место). Белоруссия находится на 151-м месте. Самые независимые СМИ, как считают эксперты организации, находятся в Финляндии, Исландии, Ирландии и Нидерландах. США, согласно этому рейтингу, находятся на 56-м месте.

Примечательно, что в мае 2006 г. Американская правозащитная организация «Freedom House» опубликовала свой очередной ежегодный рейтинг свободы прессы в мире. Авторы исследования констатируют, что в 2005 г. обстановка со свободой прессы в ряде стран мира продолжала быть напряженной. Причем в некоторых странах, в число которых «Freedom House» включает Россию и Узбекистан, ситуация со свободой СМИ значительно ухудшилась и «вызывает серьезные опасения». Россия была отнесена к странам с несвободной прессой еще в 2002 г. По мнению некоторых членов организации «Freedom House», «российские власти используют юридическое и экономическое давление, а также угрозы физической расправы, чтобы предотвратить появление в СМИ критической информации по особо острым темам, таким как, например конфликт в Чечне» (предисловие к докладу «Freedom House»). «Freedom House» считает, что по уровню свободы СМИ Россия занимает 158-е место из 194 возможных. Среди стран бывшего СССР хуже, чем в РФ ситуация со свободой прессы, по мнению все той же «Freedom House», обстоит лишь в Белоруссии (185-е место), Узбекистане (186-е место) и Туркменистане (193-е место). Украина занимает 113-е место, Латвия – 31-е, Литва – 26-е место, Эстония – 16-е место.

При этом авторы доклада особо отметили, что на Украине и Киргизии за прошедший год ситуация со свободой СМИ улучшилась. Первое место в рейтинге стран с самой свободной прессой занимает Финляндия. В пятерке аутсайдеров (кроме Туркменистана) находятся Бирма, Ливия, Северная Корея и Куба.

В мае 2006 г. на сайте Института проблем информационного права (www.medialaw.ru) опубликована несколько иная информация: «в октябре 2005 г. организация «Репортеры без границ» установила, что по уровню свободы массовой информации Россия занимает 138-е место в мире». Но здесь же задан вопрос: *Что за рейтинг?* И тут же специалисты Института проблем информационного права сами пытаются на него ответить. «Корень зла» пытаются найти в авторах этих сомнительных рейтингов. «Репортеры без границ» (*Reporters Sans Frontieres – RSF*) – созданная в 1985 г. международная организация со штаб-квартирой в Париже и отделениями в некоторых странах Западной Европы и в Канаде, а также представительствами в России, Японии, США, Таиланде и Кот-д’Ивуаре.

Ежегодный «Индекс свободы печати в мире» составляется этой организацией с 2002 г. на основе опроса 14 партнерских организаций, 130 корреспондентов *RSF*, журналистов, юристов, правозащитников и экспертов. Анкета состоит из 50 пунктов и включает вопросы, касающиеся насилия по отношению к журналистам (например, убийства, нападения, угрозы, тюремное заключение) и притеснение СМИ (случаи цензуры, обысков и угроз). Причем речь идет как о действиях властей, так и о бездействии, позволяющем насилию и притеснениям происходить со стороны негосударственных структур (бизнеса, повстанцев, бандитов и пр.). Анкета уделяет большое внимание вопросам правового регулирования СМИ, например, формам ответственности за злоупотребление свободой массовой информации, наличию и уровню государственной собственности на информационном рынке, характеру регулирующего органа. Во внимание принимаются

преференции властей по отношению к государственным СМИ и ограничения в распространении иностранных СМИ. Учитывается и уровень свободы распространения информации в Интернете.

По замыслу организации *RSF* индекс отражает уровень свободы журналистов и организаций СМИ, а также усилия государства по обеспечению этой свободы за период с 1 сентября предшествующего года по 1 сентября года текущего.

Главный вопрос: *почему Россия на последних местах?* Краткая историческая справка: в 2002 г. Россия заняла 121-е место (из 139 стран), в 2003 – 148-е (из 166), в 2004 – 140-е (из 167), в 2005 – 138-е (из 167). Количество стран ограничено возможностями экспертов организации оценить состояние СМИ в том или ином государстве.

По мнению некоторых членов организации *RSF*, низкий рейтинг РФ обусловлен в первую очередь государственным контролем над СМИ, ограничением информации о ситуации в Чечне и отсутствием разных точек зрения на телевидении. По словам руководителя европейского отдела *RSF* господи Паскаль Боннамур, «давление государства на российские СМИ продолжает усиливаться» – очередными шагами в деле контроля над информацией со стороны государства она считает создание канала *Russia Today*, отказ в продлении аккредитации журналиста телекомпании *ABC* и чрезмерный штраф, наложенный на газету «Коммерсант» по иску «Альфа-банка».

Первая группа критериев *RSF* касается вопросов насилия по отношению к журналистам. Здесь низкое место России отражает обеспокоенность мировой общественности плохой раскрываемостью случаев убийств журналистов. Речь идет, прежде всего, о таких знаковых делах, как убийства В. Листьева, Д. Холодова, С. Иванова (Тольятти), о многочисленных случаях насилия и угроз со стороны правоохранительных органов. Осуждаются факты лишения свободы журналистов за оскорбление и клевету (ст. 129 и 130 УК РФ), практически не встречающиеся на Западе. Особо учитываются случаи цензуры, под

которыми, в частности, понимаются изъятие или скупка уже отпечатанного тиража, снятие с эфира злободневных программ (типа «Свобода слова»), вмешательство в редакционную деятельность со стороны должностных лиц государственных органов. В демократических странах вмешательство государства в редакционную политику считается недопустимым, а случаи такого давления становятся предметом разбирательства и, как правило, ведут к отставке такого чиновника (наиболее яркий пример – Уотергейтский скандал, приведший к отставке президента Никсона).

Большинство видов такого вмешательства представляют собой нарушение закона РФ «О средствах массовой информации» (ст. 3 и 58), но распространены на практике. Имеют место также обыски в редакциях, несмотря на требование ст. 41 того же Закона о СМИ («Редакция обязана сохранять в тайне источник информации...»). В демократических странах рабочее место журналиста как лица, выполняющего важный общественный долг, неприкосновенно для полиции.

Вторая группа критериев относится к недостаткам правового регулирования по сравнению с другими странами. Ими признаются, например, государственная регистрация СМИ и возможность прекращения деятельности редакции СМИ в случае злоупотребления ею свободой массовой информации (ст. 16 Закона о СМИ). Такая форма ответственности – абсолютно неслыханное явление на Западе. Там возможно наказывать редактора и журналиста, но прекращать деятельность СМИ считается непропорциональным наказанием.

Крайне критично относится мировой опыт к присутствию на информационном рынке принадлежащих государству организаций, признавая это как минимум недобросовестной формой (субсидируемой бюджетом) конкуренции и как максимум – попыткой осуществлять государственную пропаганду и обольванивание населения.

В этом контексте значение имеет характер регулирующего органа в сфере СМИ: есть ли в стране министерство печати, каковы его функции и полномочия, не под-

меняет ли министерство суд? Не менее важным для понимания оценки уровня свободы СМИ является ситуация с регулированием телерадиовещания и, прежде всего, лицензирования телевизионных и радиопрограмм. Общепринятой практикой в Европе и вообще в западном мире является создание независимого регулирующего органа в сфере вещания, будь то английское Управление по связи (*Ofcom*), французский Высший совет по аудиовизуальной политике или американская Федеральная комиссия по связи (*FCC*). Отсутствие законодательной базы для лицензирования телерадиовещания и тот факт, что вопрос лицензирования берут в свои руки органы исполнительной власти, создает проблему зависимости выдачи и возможности использования частот от расположенности чиновников к телерадиоорганизации и ее лояльности органам власти. Трансформация же государственного телевидения в общественное является важным показателем заботы об интересах населения, ликвидации остатков государственной цензуры и свободы конкуренции частных СМИ.

Последний вопрос, который задают специалисты Института проблем информационного права: *Что делать?* По их мнению, для заполнения пробелов и исправления недостатков в правовом регулировании СМИ органам власти необходимо рассмотреть целесообразность скорейшей отмены уголовной ответственности за клевету и оскорбление, содержащиеся в СМИ (или, по крайней мере, ответственности в виде лишения свободы и исправительных работ); принятия законодательства о телерадиовещании и общественном телевидении, о доступе к информации, мер государственной экономической поддержки всех общественно-полезных СМИ, отмены системы регистрации СМИ. В экономической сфере необходимо предусмотреть радикальное уменьшение присутствия государства на рынке СМИ. Необходимо принять практические меры, ведущие к сокращению насилия по отношению к журналистам, к увеличению раскрываемости преступлений, к воспитанию подчеркнуто уважительного отношения государственных

служащих и работников правоохранительных органов к работникам СМИ как к людям, выполняющим общественный долг, к повышению уровня доверия между этими группами.

Действительно, пробел в российском законодательстве, напрямую регулирующем этот вопрос, очевиден. Например, в Республике Казахстан в 2004 г. был разработан законопроект под многообещающим назва-

нием «О гарантиях свободы слова в Республике Казахстан». Он, по замыслу авторов, «направлен на обеспечение реализации установленного и гарантированного Конституцией Республики Казахстан права граждан на свободу слова, получения и распространения информации и регулирует связанные с этим правом общественные отношения».

УДК 378.4 (470.314)
ББК 74.584 (Рос – 4Вла) 738.1я54
В 38

Вестник Владимирского юридического института

Научно-образовательный журнал Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»

2006 – № 1

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-25060 от 21.07.2006

Редакционный совет:

В.В. Устинов, Ю.И. Калинин, П.И. Лаптев, Н.В. Виноградов, С.Р. Ширшов, А.Я. Гришко, В.К. Бабаев, Д.А. Макеев, В.М. Баранов, В.В. Волченков, Ю.С. Блинов, В.П. Илларионов, А.С. Абидов, С.Х. Шамсунов, А.Ф. Ладик, А.И. Большаков

Главный редактор

доктор социологических наук, профессор В.М. Морозов

Редакционная коллегия:

В.М. Морозов, Б.Ю. Житников (зам. главного редактора), А.В. Аверин, В.И. Елинский, С.И. Кузьмин, Н.А. Коломытцев, Р.Б. Головкин, С.В. Бажанов, В.В. Мамчун, А.В. Дерипаско, А.Ф. Кулаков, В.В. Меркурьев, С.В. Назаров, Д.А. Баландин

Адрес: 600020, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Б. Нижегородская, 67 е.

Телефоны: (4922) 32-49-73; (4922) 32-44-17; **факс** (4922) 32-28-93

Адрес в Интернете: <http://vui.edu.vladimir.ru>

E-mail: vui@vui.vladinfo.ru

Издание выходит с 2006 г.

Территория распространения – Российская Федерация

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора

В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков

© Без предварительного согласования с издателем запрещается воспроизведение материалов журнала в любом виде и в любых целях

© Вестник Владимирского юридического института

Подписной индекс – 36614

Оформить подписку на журнал можно в любом почтовом отделении связи. Информация об издании – в спецвыпуске «Дополнение № 1 к каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» и объединенному каталогу «Пресса России» номенклатуры АПР на I полугодие 2007 года»

Ответственный за выпуск Е.А. Куркин

Редакторы В.Б. Сони́на, Ю.С. Мохнаткина, М.Л. Канаева, Л.В. Пукова

Технический редактор И.Б. Данилова

Корректор Е.В. Семенова

Компьютерная верстка Г.В. Егорова, О.Н. Левина

Дизайн обложки О.Б. Дубин

Подписано в печать 10.11.06. Формат 60х84/8. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,16. Тираж 150 экз.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»